МАРК ЛЕВИ

Первый день

Annotation

Эдриен – астрофизик, Кейра – археолог. Он наблюдает за звездами, она копается в земле, но цель у них одна: оба они мечтают узнать об истоках жизни на Земле и во Вселенной. Таинственный амулет, найденный в кратере потухшего вулкана, станет для них началом долгого путешествия и удивительных приключений…

- Марк Леви
  -
  -
  -
  - Пролог
  - Тетрадь первая
  - Тетрадь вторая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Марк Леви
Первый день

Marc Levy
Le premier jour
www.marclevy.info
© 2009 Éditions Robert Laffont/Susanna Lea Associates
© Тарусина Е., перевод на русский язык, 2010
© Дизайн обложки, Richard Hallman, Joy Tessman, Marc C. Ross / Getty Images
© Фото на обложке, Denis Lécuyer & Marc Hansel
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Издательство Иностранка®

***

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок один язык и расходятся многомиллионными тиражами.

***

Полине и Луи

Все мы – звездная пыль.

Андре Браик

Пролог

– Где начинается рассвет?

Мне было десять лет, когда я, поборов свою болезненную застенчивость, решился задать этот вопрос. Учитель природоведения обернулся, растерянно пожал плечами и стал невозмутимо дописывать на доске задание на завтра – так, словно я для него не существовал. Опустив голову и уставившись в парту, я сделал вид, будто не замечаю злых и издевательских взглядов моих одноклассников, образованных ничуть не лучше меня. Где начинается рассвет? И где заканчивается день? Почему миллионы звезд светятся на небосводе, а мы даже не знаем, что за миры вращаются вокруг них? И с чего все началось?

Каждую ночь, когда родители засыпали, я тихонько, по-кошачьи крался к окну и, прижавшись носом к решетчатым ставням, рассматривал небо.

Мне дали имя Адрианос, однако уже много лет все зовут меня Эдриеном, точнее, все, кроме жителей деревни, где родилась моя мать. Я астрофизик, моя специальность – небесные тела, расположенные за пределами Солнечной системы. Я живу в Лондоне и работаю на Гауэр-Корт, в университете, на кафедре астрономии. Впрочем, меня редко можно там застать. Земля круглая, пространство имеет свойство искривляться, и, чтобы найти самый удобный наблюдательный пункт – вдали от больших городов, там, где царит полная темнота, – нужно быть заядлым путешественником, легким на подъем, готовым исколесить всю планету в поисках укромного уголка. Похоже, я выбрал эту странную жизнь, в которой нет ни дома, ни семьи, только потому, что по-прежнему надеюсь найти ответ на все тот же давно преследующий меня вопрос: где начинается рассвет?

Я взялся перечитывать и выправлять текст этого дневника в надежде на то, что однажды кто-нибудь найдет его и, набравшись храбрости, расскажет эту историю другим.

Истинное смирение ученого заключается в том, чтобы признать: в мире нет ничего невозможного. Теперь я понимаю, как не хватало мне этого смирения, пока я не встретил Кейру.

То, что произошло со мной за последние несколько месяцев, отбросило куда-то в бесконечность все накопленные знания и перевернуло мои представления о происхождении Вселенной.

Тетрадь первая

На восточной оконечности Африки занималась заря. Обычно в этот час ее оранжевые отблески уже освещали лагерь археологов в долине Омо, но то утро выдалось каким-то особенным, не похожим на другие. Сидя на низенькой глинобитной ограде с кружкой кофе в руках, Кейра внимательно вглядывалась в сумрачный горизонт. Несколько капель дождя упали на пересохшую землю и, отскочив от нее, подняли крохотные облачка пыли. Мальчик, бегавший неподалеку, заметил Кейру и со всех ног помчался к ней.

– Уже проснулся? – спросила она, потрепав его по густым волосам.

Мальчик радостно кивнул.

– Гарри, сколько раз тебе повторять: не бегай в зоне раскопок. Вдруг ты оступишься, и тогда многие недели наших трудов пойдут прахом. Вот разобьешь ты какой-нибудь предмет, а он такой один на белом свете. Посмотри, мы ведь не просто так натянули веревки, огородив проходы. Давай представим, что перед тобой – магазин тонкого фарфора под открытым небом. Понимаю, это не лучшая игровая площадка для мальчика твоего возраста, но ничего более подходящего я тебе предложить не могу.

– Это не моя игровая площадка, а твоя. И она вовсе не похожа на магазин, скорее на старое кладбище.

Гарри показал на небо: к ним приближался грозовой фронт.

– А это что такое? – спросил мальчик.

– Я такого неба никогда не видела, эти тучи, похоже, не предвещают ничего хорошего.

– Вот будет здорово, если дождь пойдет!

– Ты, наверное, хотел сказать, что, если пойдет дождь, это будет катастрофа. Беги, разыщи начальника экспедиции, хорошо бы укрыть раскоп.

Мальчик пустился бежать, но вдруг замер в нескольких шагах от Кейры.

– Давай-давай! Теперь у тебя есть причина побегать! – махнув рукой, прикрикнула на него Кейра.

Небо вдалеке темнело все больше, мощный порыв ветра сорвал навес над горкой камней, извлеченных из раскопа.

– Этого только не хватало, – проворчала Кейра, спрыгивая с низенькой ограды.

Она пошла по тропинке, ведущей к лагерю, и на полдороге встретила начальника экспедиции, который шагал ей навстречу.

– Похоже, скоро начнется дождь, – сказала Кейра. – Надо укрыть все, что возможно, и укрепить колышки разметки. Давайте соберем всех наших, а если потребуется, позовем на помощь жителей деревни.

– Это вовсе не дождь, – ответил ей начальник тихо, видимо смирившись с неизбежным. – Тут ничего не сделаешь. А из деревни все уже разбегаются кто куда.

Северо-западный ветер принес сильнейшую пыльную бурю, и теперь она неслась прямо на них. Обычно этот ветер, именуемый шамалем, пересекая Аравийскую пустыню, летит на восток, в сторону Оманского залива, но мы, как известно, живем в необычные времена, а потому и этот разрушительный ветер, изменив своим привычкам, развернулся и помчался обратно на запад. Тревожный взгляд Кейры заставил наконец ее шефа заговорить:

– Я только что слышал по радио штормовое предупреждение. Буря уже смела часть Эритреи, пересекла границу и теперь движется прямо на нас. Перед ней не устоять. Единственное, что мы можем сделать, – это подняться в горы и найти убежище в пещерах.

Кейра возразила, что нельзя же вот так все бросить и покинуть лагерь.

– Мадемуазель Кейра, эти старые кости, столь дорогие вашему сердцу, пролежали в земле не одну тысячу лет. Мы их снова раскопаем, даю вам слово, но для этого мы должны по меньшей мере остаться в живых. Не будем терять время, у нас его совсем мало.

– А где Гарри?

– Понятия не имею, – ответил начальник экспедиции, растерянно оглядевшись, – сегодня утром я его не видел.

– Я его просила предупредить вас о грозовом фронте. Он не приходил?

– Нет. Говорю вам, я услышал о буре по радио, отдал приказ об эвакуации и сразу же отправился за вами.

Небо почернело. В нескольких километрах от лагеря туча песка, клубясь между небом и землей, неслась вперед с ужасающей скоростью, словно гигантская волна.

Кейра швырнула в сторону кружку с остатками кофе и бросилась бежать. Взлетела на гребень холма и спустилась по склону вниз, к берегу реки. Она мучительно пыталась не закрывать глаза под порывами ветра. Пыль, поднявшаяся в воздух, больно хлестала по лицу. Кейра звала Гарри, и песок, набиваясь в рот, мешал ей дышать. Однако она и не думала отступать. Сквозь плотную серую пелену она с трудом разглядела свою палатку, куда Гарри приходил каждое утро, чтобы разбудить ее и вместе полюбоваться рассветом с вершины холма.

Она откинула брезент. В палатке никого не было. Лагерь опустел, превратившись в город-призрак, – ни единой живой души. Только виднелись вдалеке фигурки жителей деревни, торопливо карабкавшихся по склонам горы, чтобы укрыться в пещерах. Кейра осмотрела все соседние палатки, не переставая звать мальчика, но никто ей не ответил, лишь грозный рык бури откликался на ее крики. Примчавшийся на подмогу начальник экспедиции цепко ухватил ее за руку и силой поволок прочь. Кейра смотрела в небо.

– Поздно, слишком поздно! – глухо прокричал он из-под повязки, закрывавшей лицо.

Он обхватил Кейру за плечи и потащил к берегу реки.

– Скорее, скорее, черт вас возьми!

– А как же Гарри?

– Он уже наверняка спрятался где-нибудь. Молчите и прижмитесь ко мне покрепче!

Волна пыли, огромная как цунами, неслась за ними следом, словно стараясь их догнать. Ниже по течению река пробила себе дорогу между двумя крутыми скалистыми берегами, в одном из них начальник экспедиции заметил глубокую расселину и быстро втащил туда Кейру.

– Туда! – воскликнул он, подталкивая девушку вглубь, в темноту.

Промедли они еще несколько секунд, и было бы уже поздно. Таща за собой комья земли, камни, вырванные с корнем растения, колышущаяся стена песка прошла у самого входа в их случайное

убежище. Кейра и ее спутник еще некоторое время сидели, сжавшись в комок и не шевелясь.

Пещера утопала во мраке. Снаружи стоял оглушительный грохот. Скалистые берега реки дрожали под натиском бури, и два маленьких человечка, спрятавшиеся в расселине, гадали, не случится ли обвал и не окажутся ли они погребенными здесь навеки.

– Возможно, через десять миллионов лет здесь найдут наши останки; твоя плечевая кость будет лежать рядом с моей большой берцовой, а твоя ключица – рядом с моей лопаткой. Палеонтологи решат, что здесь погребена супружеская пара земледельцев или рыболов и его жена. В захоронении нет никаких даров, значит, на нашу могилу не обратят особого внимания. Нас причислят к разряду неудачников, и наши скелеты проваляются целую вечность в картонной коробке на полке какого-нибудь музея.

– Ты выбрала не лучшее время для шуток, ничего смешного я тут не вижу, – проворчал шеф. – И кого ты называешь неудачниками?

– Таких, как я, кто работает, не считаясь со временем, а на их старания всем наплевать. Однажды они видят, как результаты их труда обращаются в прах, но ничего не могут поделать.

– Знаешь, лучше быть живыми неудачниками, чем мертвыми.

– Это ты так думаешь!

Неистовый рев бури все не смолкал, тянулись бесконечные минуты ожидания. Пленники могли бы считать свое убежище безопасным, если бы со стен на них время от времени не падали комья земли.

Внезапно в пещеру проникли слабые отсветы дня: буря умчалась прочь. Мужчина поднялся на ноги и протянул руку Кейре, помогая ей встать, но она только отмахнулась.

– Послушай, когда выйдешь, закрой за собой дверь, а я останусь здесь. Я не уверена, что хочу видеть то, что нас ждет снаружи.

Начальник экспедиции с досадой взглянул на нее.

– Гарри! – вдруг воскликнула Кейра и ринулась вон из пещеры.

Они увидели безрадостную картину. Деревья, росшие у реки, лишились крон, а на охристо-рыжий берег сползли жирные пласты земли. Речной поток уносил прочь кучи грязи, оставляя ее в дельте, вдалеке отсюда. В лагере не уцелело ни одной палатки. Хижины в деревне тоже не устояли под напором ветра. Ветхие жилища,

сметенные бурей и разбросанные на десятки метров, прибило к стволам деревьев или к скалам. Местные жители, покидая свои убежища, спешили вниз, чтобы поскорее увидеть, что осталось от их скота и посевов. Какая-то женщина из долины Омо горько плакала, крепко обнимая двух ребятишек. Чуть поодаль собрались люди из другого племени. Гарри нигде не было видно. Кейра огляделась: на берегу лежали три мертвых тела. К горлу Кейры подкатила тошнота.

– Он, наверное, спрятался в одной из пещер, не волнуйтесь, мы его отыщем, – громко произнес начальник экспедиции, отвлекая ее внимание от трупов.

Кейра вцепилась в его руку, и они вместе поднялись по склону. На плато, где шли раскопки, не осталось даже следа разметки, земля вокруг была усыпана какими-то обломками и обрывками. Буря уничтожила все. Кейра нагнулась и подняла валявшийся в раскопе нивелир. Машинально стерла с него пыль, но линзы оказались разбиты вдребезги. Чуть поодаль валялся теодолит, беспомощно задрав ножки к небу. И тут среди пустоты и разгрома она заметила едва живого от страха Гарри.

Кейра побежала навстречу мальчику и обняла его. Это было ей несвойственно; если она испытывала к кому-то привязанность, то выражала ее словами, а не бросалась на шею с изъявлениями нежности. Однако сейчас она крепко сжала Гарри в объятиях, так что он даже сделал слабую попытку освободиться.

– Ты меня ужасно напугал, – сказала она, стирая налипшую грязь с лица мальчугана.

– Я тебя напугал? Тут такое стряслось, а это, оказывается, я тебя напугал! – растерянно твердил он.

Кейра молчала. Она подняла голову и огляделась: от ее работы ничего не осталось, ровным счетом ничего. Шамаль не пощадил даже низенькую глинобитную ограду, на которой она сидела еще утром. В одно мгновение Кейра потеряла все.

– Слушай, твой магазин здорово пострадал, – пробормотал Гарри.

– Мой фарфоровый магазин, – печально уточнила она.

Гарри сунул ладошку в руку Кейры. Он боялся, что она сейчас опять убежит; она всегда так делала: шагнет вперед, заявив, что заметила нечто важное, такое важное, что надо прямо сейчас все как следует разглядеть, и удерет; а потом, попозже, подойдет к нему и

погладит по голове, словно извиняясь за то, что обращалась с ним слишком холодно. Но на сей раз девушка удержала детскую ручку, доверчиво льнувшую к ее ладони, и крепко стиснула ее.

– Все пропало, – произнесла она почти неслышно.

– А может, опять раскопаешь?

– Теперь уже не получится.

– Нужно только постараться и прорыть яму поглубже, – сердито возразил малыш.

– Даже если поглубже, все равно ничего не выйдет.

– И что же теперь будет?

Кейра уселась по-турецки прямо на развороченную землю; Гарри последовал ее примеру и затих, не смея прервать молчание. Потом не выдержал и спросил:

– Значит, ты уедешь и бросишь меня?

– У меня ведь нет работы.

– Ты поможешь нам снова построить деревню. Дома-то все развалились. Между прочим, те, кто тут живет, вам много помогали.

– Ты прав, только мы управимся за несколько дней, ну, может, за пару недель, а потом все равно придется уезжать.

– Но почему? Ведь ты здесь счастлива, разве нет?

– Да, счастлива, как никогда.

– Значит, ты должна остаться, – заключил Гарри.

К ним подошел начальник экспедиции, и Кейра взглянула на Гарри: тот сразу понял, что ему следует оставить их одних. Мальчик поднялся и отошел в сторону.

– Не ходи к реке! – строго сказала Кейра.

– А тебе-то что, ты все равно уезжаешь!

– Гарри! – с упреком воскликнула она.

Но мальчик упрямо зашагал именно туда, куда она запретила ему ходить.

– Вы покидаете раскопки? – удивленно спросил шеф.

– Думаю, всем нам вскоре придется так поступить: у нас нет выбора.

– Не стоит унывать, нужно снова приступить к работе. А воли к победе у нас предостаточно.

– К сожалению, одной воли к победе маловато, у нас не хватит сил и средств. И деньги, чтобы платить рабочим, почти кончились.

Единственное, на что я надеялась, – это побыстрее найти что-нибудь стоящее, и тогда бы нам возобновили финансирование. А сейчас, боюсь, мы окажемся не у дел «по техническим причинам».

– А мальчик? Что вы будете с ним делать?

– Не знаю, – ответила Кейра подавленно.

– С тех пор как умерла его мать, он никого, кроме вас, не признает. Почему бы вам не взять его с собой?

– Мне не дадут разрешения. Его задержат на границе, и, прежде чем вернуться в родную деревню, он проведет несколько недель в лагере под стражей.

– Да, у вас на родине нас по-прежнему считают дикарями!

– А вы не могли бы взять на себя заботу о мальчике?

– Мне и так с трудом удается прокормить семью, а тут еще один рот… Сомневаюсь, что моя жена согласится. К тому же Гарри – мурси, это одно из племен долины Омо, а мы принадлежим к народу амхара, и ужиться вместе нам будет трудно. Вы дали ему новое имя, Кейра, научили своему языку и практически его усыновили. Вы в ответе за него. Он может снова остаться один. Этого нельзя допустить – он не выдержит.

– А как, по-вашему, мне его надо было звать? Мне пришлось дать ему имя. Он же совсем не говорил, когда я его приютила!

– Чем спорить, нам лучше пойти его искать. У него было такое выражение лица, когда он уходил! Боюсь, он скоро не появится.

Коллеги Кейры один за другим собирались у раскопа. Стояло тягостное молчание. Оценив масштаб ущерба, все повернулись к Кейре в ожидании указаний.

– Не смотрите на меня так, словно я ваша мать! – сердито выкрикнула Кейра.

– Все наши вещи пропали, – негодующе воскликнул один из членов экспедиции.

– В деревне несколько погибших, я видела три трупа на берегу реки, – парировала Кейра. – И мне глубоко плевать, что ты остался без спального мешка.

– Надо поскорее организовать захоронение, – вмешался другой. – Не хватало еще, чтобы началась эпидемия холеры.

– Добровольцы есть? – спросила Кейра, в сомнении оглядев присутствующих.

Никто не откликнулся.

– Значит, все пойдем, – объявила она.

– Неплохо бы дождаться, когда за ними придут их близкие, – нужно уважать их обычаи.

– Шамаль не проявил никакого уважения ни к ним, ни к нам, так что лучше поторопиться, пока в воду не попала зараза, – с нажимом произнесла Кейра.

Процессия тронулась в путь.

Остаток дня они провели в печальных хлопотах. Достали из реки мертвые тела, вырыли могилы подальше от берега, насыпали холмики из камней над захоронениями. Каждый молился как умел, в соответствии со своей верой, думая о тех, с кем работал и жил бок о бок последние три года. На закате все археологи собрались вокруг костра. Теплых вещей у них не осталось, а ночи здесь были холодные. Члены экспедиции дежурили по очереди: кто-то один поддерживал огонь, а остальные спали.

Назавтра команда отправилась на подмогу местным жителям. Детишки, собранные со всей деревни, сидели тесной кучкой под присмотром старух. Те, кто помоложе, отправились на поиски материалов, пригодных для строительства. Здесь никому бы в голову не пришло рассуждать о взаимопомощи, все представлялось слишком очевидным: каждый инстинктивно понимал, что именно ему следует делать, каждый был занят работой. Одни строгали дерево, другие скрепляли ветки для хижин, третьи бродили по окрестным полям, разыскивая уцелевших коров и коз.

На вторую ночь жители деревни пригласили археологов к себе и разделили с ними скудную трапезу. Несмотря на горе утрат, на только что начавшийся траур, люди стали петь и танцевать: они благодарили богов за то, что те позволили им остаться в живых.

Следующие дни текли размеренно, похожие один на другой. Прошло чуть больше недели, и деревня приобрела почти привычный вид. Впрочем, природа восстанавливалась куда медленнее, повсюду виднелись страшные отметины минувшей катастрофы.

Вождь племени поблагодарил археологов за помощь. Кейра попросила разрешения поговорить с ним с глазу на глаз. Старик в знак признательности согласился, хотя его соплеменники поглядывали на

Кейру косо: им явно не нравилось, что эта чужестранка переступит порог его хижины. Выслушав жалобы гостьи, вождь заверил ее, что Гарри скоро найдется и он присмотрит за мальчиком до возвращения Кейры. В ответ она дала обещание непременно вернуться. Вождь дал понять, что беседа окончена. И напоследок, лукаво улыбнувшись, заметил, что Гарри напрасно скрывается; кстати, сообщил старик, недавно к ним повадился странный зверек, он таскает продукты, пока все спят, а следы его очень похожи на отпечатки ступней маленького мальчика.

На девятый день после бури Кейра собрала свою команду и сообщила, что пришло время покинуть Африку. Радиосвязь нарушена, и им не на кого надеяться, кроме самих себя. Они могут направиться в сторону городка Турми, а оттуда, если повезет найти машину, – на север, в столицу. Путь до Турми опасен, дорог как таковых нет, придется карабкаться по горным склонам и преодолевать перевалы. Есть и другая возможность: спуститься по реке в нижнюю долину; за несколько дней они доберутся до озера Туркана. Переправившись через него, они окажутся на кенийском берегу, в Лодваре, где находится маленький аэродром. Частные самолеты время от времени приземляются там, доставляя разнообразные товары, и, конечно, им удастся уговорить пилота взять на борт пассажиров.

– Да уж, озеро Туркана – это сногсшибательная идея! – с сомнением произнес кто-то из сотрудников.

– А тебе больше нравится ползать по скалам? – раздраженно спросила Кейра.

– Твое спасительное озеро кишит крокодилами, их там развелось, если не ошибаюсь, более четырнадцати тысяч. Днем стоит дикая жара, и часто случаются грозы, между прочим, самые сильные на всем Африканском континенте. С учетом того, что у нас почти не осталось снаряжения, пожалуй, будет лучше покончить с собой именно таким способом: и время сэкономим, и страдать меньше придется!

Итак, как всегда, подтвердилось, что чудес не бывает. Сердитый археолог предложил поставить вопрос на голосование. За вычетом одного голоса, все выбрали путь к озеру. Начальнику экспедиции, который поначалу хотел их сопровождать, пришлось отказаться от своего намерения: ему нужно было на север, к семье. Местные жители

помогли археологам собрать кое-какую провизию в дорогу. Выступать решили на следующий день с рассветом.

Кейра всю ночь не спала и то и дело ворочалась на соломенном матрасе. Стоило ей сомкнуть веки, как перед глазами возникало лицо Гарри. Она вспоминала тот день, когда впервые увидела его. Кейра тогда решила обследовать окрестности лагеря и возвращалась усталая после нелегкой десятикилометровой прогулки. Гарри сидел один-одинешенек рядом с маленькой хижиной. А вокруг ни души. Малыш не издал ни звука и только пристально, не мигая смотрел на незнакомку. Что ей было делать? Топать дальше к лагерю, притворяясь, будто так и надо? Заглянув в убогое жилище, она обнаружила, что мать мальчика скончалась, по всей видимости, только что. Кейра пыталась расспросить малыша, узнать, есть ли у него родные, к которым она могла бы его отвести, но он не проронил ни слова. Кейра несколько часов молча просидела рядом с ним, потом тронулась в путь. По дороге ей все время казалось, что он следует за ней на некотором расстоянии, прячась всякий раз, как она оборачивается. Однако подойдя к лагерю, она не обнаружила ни единого признака, что он рядом, никакого следа. И подумала, что он повернул назад. Но на следующее утро начальник экспедиции сообщил, что кто-то украл часть продуктов, и Кейра вздохнула с облегчением.

Прошло несколько недель, прежде чем они снова увиделись. Кейра распорядилась каждый вечер оставлять около ее палатки еду и питье. И каждый вечер выслушивала упреки начальника экспедиции: это крайне неосмотрительно, так можно привлечь опасных хищников. Но тот, кого Кейра решила приручить, был всего-навсего маленький дикий зверек, одинокий испуганный ребенок.

Время шло, и все больше Кейру занимало странное поведение мальчика. По вечерам, спрятавшись в палатке, она чутко прислушивалась к звукам снаружи, пытаясь уловить шорох шагов малыша, которого она уже называла про себя Гарри. Почему она выбрала это имя? Она не могла объяснить – наверное, оно пришло к ней во сне. Однажды, когда уже стемнело, она набралась смелости и решила подождать его около ящика, на котором ему обычно оставляли еду. На сей раз она разложила приборы, и ящик стал похож на настоящий стол, накрытый к ужину посреди тьмы и пустоты.

На тропинке, ведущей к лагерю со стороны реки, появился Гарри. Он шел горделивой поступью, расправив плечи и вскинув голову. Когда он очутился совсем рядом, Кейра приветливо махнула ему рукой и приступила к еде. Чуть помедлив, он уселся напротив нее. Это был их первый совместный ужин, и Кейра попыталась научить его первым английским словам. Он их за ней не повторял, но назавтра, когда они снова сели ужинать, назвал все предметы правильно, ни разу не сбившись.

Лишь месяц спустя Гарри осмелился появиться в лагере при свете дня. Кейра осторожно снимала тонкие пласты почвы, надеясь отыскать что-нибудь интересное, когда мальчик вырос рядом с ней, точно из-под земли. Дальше Кейра повела себя более чем странно. Не заботясь о том, поймет ли ее малыш, она принялась подробно рассказывать ему, что она делает и почему для нее так важно найти в земле маленькие кусочки окаменелостей, которые, возможно, помогут разобраться в том, как на нашей планете появился человек.

Назавтра Гарри пришел в тот же час и просидел с Кейрой до самого вечера. Все последующие дни он появлялся в одно и то же время с завидной пунктуальностью, и это приводило Кейру в замешательство: у мальчика не было часов. Неделя шла за неделей, и никто не заметил, как Гарри окончательно поселился в лагере. Перед обедом и ужином он покорно отбывал свою повинность: выслушивал лекции Кейры на английском, пополняя словарный запас.

В тот вечер ей очень хотелось вновь услышать, как он тихонько бродит вокруг ее палатки, ожидая, пока она пригласит его войти. Вот бы он пришел, она рассказала бы ему африканскую сказку – она знала их великое множество.

Как она завтра тронется в путь, не повидавшись с ним? Уйти и не сказать ни слова – это хуже чем бросить, молчание равносильно предательству. Кейра сжала в ладони подарок, который однажды преподнес ей Гарри. Странный треугольный предмет, гладкий и твердый, словно выточенный из эбенового дерева, всегда висел у нее на шее на тонком кожаном шнурке. Да, цветом он напоминал черное дерево, но был ли он на самом деле деревянным? Вещица эта не походила ни на одно традиционное украшение местных племен; даже вождь не сумел объяснить ее происхождение. Когда она показала ему

черный треугольник, старик лишь покачал головой, заявив, что не знает, откуда взялась эта штука, и считает, что лучше поостеречься и не носить ее на теле. Но ведь это подарок Гарри… Когда Кейра однажды его спросила, где он ее нашел, мальчик объяснил, что подобрал ее на островке посреди озера Туркана. Как-то раз они с отцом отправились к кратеру старого вулкана, потухшего много веков назад, туда, где почва жирная от плодородного ила, и там он наткнулся на это сокровище.

Кейра вернула треугольник на прежнее место: теперь он вновь висел у нее на груди. Она закрыла глаза, но сон не шел.

Едва занялась заря, она собрала свои пожитки и разбудила коллег. Их ожидало долгое путешествие. Наспех позавтракав, команда тронулась в путь. Рыбаки одолжили им две пироги, в каждой помещалось четыре человека. По дороге им предстояло несколько раз причаливать к берегу и перетаскивать лодки по суше, огибая пороги и водопады.

Все жители деревни столпились на берегу. Не хватало только одного – маленького мальчика. Начальник экспедиции крепко обнял Кейру, с трудом сдерживая волнение. Потом археологи погрузились в лодки, и ребятишки попрыгали в воду, помогая им оттолкнуться от берега; вскоре течение неспешно повлекло их вперед.

Они прошли уже несколько миль, а с соседних полей им все махали и махали местные жители. Кейра молча вглядывалась в берега, надеясь увидеть Гарри. Когда река сделала крутой поворот, обходя высокие отвесные скалы, последняя надежда рухнула. Они отплыли слишком далеко.

– Может, так даже лучше, – вздохнул Мишель, французский коллега Кейры, с которым они прекрасно понимали друг друга.

Она попыталась ему ответить, но горло перехватило от тоски.

– Он вернется к привычной жизни, – продолжал Мишель. – Не изводи себя. Тебе не в чем себя упрекнуть; не будь тебя, Гарри наверняка умер бы с голоду. К тому же старик вождь тебе обещал, что позаботится о нем.

Течение понесло их дальше, и вдруг на крохотной полоске песчаного берега показалась фигурка Гарри. Кейра вскочила так резко, что лодка едва не перевернулась. Мишель с трудом выровнял пирогу под сердитое ворчание коллег. Кейра ничего не слышала, только во все

глаза смотрела на мальчика: тот сидел на корточках и пристально глядел на нее.

– Я вернусь, Гарри, клянусь тебе! – прокричала она.

Мальчик ничего не ответил. Может, он просто не расслышал?

– Я тебя повсюду искала! – вопила она что было мочи. – Я не хотела уезжать, не повидав тебя. Мне будет тебя не хватать, малыш, – сквозь рыдания проговорила она. – Мне тебя будет очень не хватать. Обещаю, я вернусь, верь мне, ты слышишь? Умоляю тебя, Гарри, подними руку или кивни, чтобы я знала, что ты меня слышишь.

Но ребенок не шелохнулся. Вскоре маленькая фигурка скрылась за поворотом реки. И девушка-археолог так и не увидела, как худенькая ручка слабо махнула ей на прощание.

Плато Атакама, Чили

По ночам я не могу сомкнуть глаз. Всякий раз как подступает сон, я резко вскакиваю: меня охватывает жуткое ощущение удушья. Эруэн, мой австралийский коллега, привычный к работе на большой высоте, не спит с самого приезда. Поскольку он занимается йогой, то пока еще держится. Я когда-то увлекался танцами и даже дважды в неделю посещал занятия на Слоун-авеню, однако моей физической подготовки явно не хватает, и мой организм не справляется с нагрузками. На высоте пять тысяч метров над уровнем моря содержание кислорода в воздухе снижается на сорок процентов. Через несколько дней у вас появляются симптомы горной болезни. Кровь густеет, голова тяжелеет, мысли начинают путаться, почерк становится корявым, и каждое движение требует неимоверных затрат энергии. Те, кто работает здесь дольше всех, советуют поглощать побольше глюкозы. Здесь рай для сладкоежек – никакого риска набрать лишний вес, поскольку сахар расщепляется, едва попав в организм. Одна незадача: на высоте пять тысяч метров над уровнем моря напрочь пропадает аппетит. Лично я питаюсь почти исключительно шоколадом.

На плато Атакама время словно остановилось. Это бесплодная сухая равнина, окруженная горами. Если бы здесь было чем дышать, это место вполне сошло бы за обычную каменистую пустыню. Мы находимся на одной из «крыш мира», впрочем, никакого мира вокруг вроде бы совсем нет. Ни травинки, ни зверька, только камни да пыль, лежащие здесь уже двадцать миллионов лет. Воздух, который мы

вдыхаем с таким трудом, – самый сухой на планете, в пятьдесят раз суше, чем в Долине смерти. Окрестные вершины, хоть и вздымаются на целых шесть тысяч метров, лишены снежных шапок. Именно из-за всего этого мы и приехали сюда. Поскольку здесь нет ни малейшей влажности, это место выбрали для осуществления самого грандиозного астрономического проекта в истории человечества. Мы должны совершить почти невозможное: установить здесь шестьдесят четыре связанные между собой антенны телескопов, каждая высотой с десятиэтажный дом. Как только монтаж завершится, эту конструкцию соединят с компьютером, способным производить шестнадцать миллиардов операций в секунду. И для чего все это? Чтобы выйти из тьмы, сфотографировать самые отдаленные галактики, увидеть пространства космоса, до сих пор нам недоступные, и, возможно, запечатлеть первые секунды существования Вселенной.

Вот уже три года прошло с тех пор, как я поступил на работу в Европейскую организацию астрономических исследований и уехал в Чили.

Обычно я работаю в сотне километров от плато Атакама, в обсерватории Ла-Силья. Этот район расположен на одном из самых глубоких на Земле сейсмических разломов: здесь проходит граница двух континентов. Когда-то давным-давно две материковые платформы приблизились друг к другу и, с колоссальной силой столкнувшись, вздыбились – так появились Кордильеры. Минувшей ночью нас как следует тряхнуло. Никто не пострадал, но два телескопа, Нако и Синфони – каждому телескопу мы даем имя, – теперь нуждаются в ремонте.

Воспользовавшись нашим вынужденным бездельем, директор центра отправил нас с Эруэном присматривать за пуском третьей гигантской антенны на объекте. И вот теперь я едва дышу, и все из-за дурацкого землетрясения, по вине которого меня забросило на высоту пять тысяч метров.

Всего лишь пятнадцать лет назад астрономы еще бурно спорили о том, существуют ли планеты за пределами Солнечной системы. Да, самое унизительное для ученого – признать, что все возможно. За последнее десятилетие люди открыли больше ста семидесяти планет. Все они слишком сильно отличались от Земли: были слишком велики,

располагались слишком близко или, наоборот, слишком далеко от своих звезд. В общем, сравнивать их с нашей планетой, а тем более питать надежду найти там сходные с земными формы жизни, вряд ли стоило, вряд ли имело смысл… до тех пор, пока мои коллеги не совершили одно открытие, и произошло это вскоре после моего приезда в Чили.

Благодаря датскому телескопу, установленному в обсерватории Ла-Силья, они увидели вторую «Землю», расположенную на расстоянии двадцать пять тысяч световых лет от нашей планеты.

Она примерно впятеро больше Земли и совершает полный оборот вокруг своего «Солнца» за наши земные десять лет. Но кто возьмется утверждать, что часы и дни на этой планете похожи на наши земные, – ведь она от нас так далеко и одновременно так близко? И хотя эта планета в три раза дальше от своей звезды, чем наша Земля от Солнца, а значит, и температура на ней ниже, все равно там имеются условия для зарождения жизни.

Открытие это, по-видимому, не вызвало сенсации, газеты не посвятили ему первую полосу – в общем, оно осталось почти не замеченным.

Последние несколько месяцев нас постоянно преследовали всевозможные злоключения – то и дело что-нибудь ломалось, а конец года оказался для меня особенно трудным. Поскольку я не выдал никаких весомых результатов, дни моего пребывания в Чили были сочтены. А между тем, несмотря на проблемы с акклиматизацией на высокогорье, я вовсе не жаждал возвращаться в Лондон. Я бы ни за что на свете не променял необъятные пространства Чили и плитки горького шоколада на крохотное окошко моего лондонского кабинета и говядину с фасолью в пабе на Гауэр-Корт.

Три недели мы сидели безвылазно на плато Атакама, а мое тело все никак не желало привыкать к нехватке кислорода. Когда объект начнет функционировать, в помещениях, конечно, создадут необходимое давление, но пока что нам предстояло помучиться. Эруэн заявил, что выгляжу я отвратительно, и попытался отправить меня обратно на базу. «Ты в конце концов просто свалишься, – бубнил он три дня подряд, – и если у тебя что-нибудь случится с сосудами мозга, будет поздно упрекать себя в неосмотрительности».

Конечно, он в чем-то был прав, но сбежать сейчас значило раз и навсегда упустить свой шанс и отказаться от участия в захватывающем приключении, которое здесь скоро начнется. Получить доступ к такому оборудованию, стать членом такой команды – об этом можно только мечтать.

Когда стемнело, мы вышли из своего жилища. За полчаса дотащились до третьей антенны телескопа. Эруэн занялся настройкой, я стал снимать показания прибора, измеряющего частоту принимаемых волн. Эти волны, преодолевшие огромные расстояния, долетели до нас из очень далеких уголков космоса – еще десять лет назад мы себе такого и вообразить-то не могли. Впрочем, я и сегодня не сумел бы себе представить, каких грандиозных результатов мы сможем добиться, когда все шестьдесят параболических антенн наконец соединятся между собой и с центральным компьютером.

– Ну как, есть что-нибудь? – окликнул меня Эруэн с металлического мостка на третьем уровне антенны.

Мне показалось, я ему ответил, однако он меня переспросил. Наверное, я говорил недостаточно громко. Воздух на плато слишком сухой, он плохо проводит звук.

– Эдриен, черт тебя возьми, есть сигнал или нет? Не торчать же мне тут часами!

Я говорил с огромным трудом – должно быть, это от холода. Здесь немыслимая стужа, у меня даже кончики пальцев онемели. И губы еле шевелились.

– Эдриен! Ты меня слышишь?

Разумеется, слышу! Интересно только, почему ты меня не слышишь?

Раздался гулкий звук шагов, и Эруэн спустился со своего насеста.

– Ты чего тут, совсем в осадке? – прорычал он, направляясь в мою сторону.

У него сделалось очень забавное выражение лица. Побросав все инструменты, он со всех ног помчался ко мне. Взгляд его светился заботой и беспокойством.

– Эдриен, у тебя кровь из носа хлещет!

Он подхватил меня под руки и помог подняться. Оказывается, все это время я сидел на земле. Эруэн стал звать на помощь по переговорному устройству. Я попытался ему помешать: нет никакой

необходимости беспокоить людей среди ночи, я просто устал. Но руки отказывались повиноваться, и я не мог управлять своими движениями.

– Вызываю базу, вызываю базу! Это Эруэн, я у антенны номер три, ответьте, мне нужна помощь! – повторял Эруэн.

Мне стало смешно. Он кричал так, будто мы по-настоящему терпели бедствие – например, падал наш самолет. Но поучать его сейчас было бы нелепо, да и несвоевременно. На меня напал идиотский смех.

И чем больше я хохотал, тем тревожнее поглядывал на меня Эруэн. Странно, не он ли сам говорил мне, что надо относиться к жизни проще?

Сквозь треск до меня доносился чей-то знакомый голос, отвечавший моему товарищу, однако я не мог сообразить, кто говорит. Эруэн объяснил, что мне плохо, – неправда, мне никогда не было так хорошо, все вокруг казалось удивительно красивым, и даже Эруэн выглядел потрясающе, хотя лицо его словно окаменело. Вероятно, луна нынче светила по-особенному, оттого и мой коллега представлялся мне прекрасным. Правда, вскоре его силуэт стал расплываться, а голос, доносившийся будто из-под воды, и вовсе стих – как в той детской игре, когда мальчишки раскрывают рот, беззвучно проговаривая слова. Лицо Эруэна заволоклось туманом, а я начал терять сознание.

Эруэн находился со мной неотлучно. Он тряс меня, не давая впасть в забытье. Я сердился на него: мне очень хотелось спать, а он все время будил меня самым безжалостным образом. Прошло минут десять после вызова, и за нами приехал джип. Коллеги, наспех одевшись, доставили меня в лагерь и отвели к врачу. Тот велел немедленно меня эвакуировать. Так и закончились мои грандиозные планы, связанные с телескопом в Атакаме. На вертолете меня доставили в долину, в больницу Сан-Педро. Три дня мне давали дышать кислородом и только потом отпустили. Эруэн пришел навестить меня, а с ним явился и директор центра научных исследований, выразивший сожаление, что ему «приходится расстаться с ученым такого уровня». Я счел эту похвалу утешительным призом, приятным довеском к чемодану, который, как мне намекнули, уже пора укладывать. Меня ждали тесный университетский кабинет с маленьким окошком, паб на углу Гауэр-

Корт и отвратительная говядина с фасолью. И насмешливые взгляды коллег – только бы хватило сил их не замечать. Не так-то просто избавиться от детских воспоминаний. Они неотступно преследуют вас во взрослой жизни, словно назойливые призраки.

В деловом костюме с галстуком, в лабораторном халате или наряде клоуна вы все равно остаетесь тем же ребенком, каким были давным-давно.

***

У меня не хватило бы сил проделать путь по боливийским дорогам, петляющим на высоте четырех тысяч метров. Так что пришлось лететь из Сан-Педро в Аргентину, а там сесть на самолет до Лондона. Когда в иллюминатор я увидел, как удаляется горная цепь Кордильер, во мне поднялась ярость, и я возненавидел все, связанное с этой поездкой. Если бы я знал, что ждет меня впереди, думаю, мои чувства были бы иными.

Лондон

Унылый мелкий дождик, сеющийся над городом, напомнил мне, где я. Такси вырулило на шоссе М1, и стоило мне прикрыть глаза, как я почувствовал запах старых деревянных панелей и навощенного пола в университетском холле, кожаных ранцев и мокрых плащей моих однокашников.

Я не смог сразу попасть к себе: во время сборов в Чили мне так и не удалось отыскать ключ от лондонской квартиры. Кажется, дубликат лежал в ящике стола у меня в кабинете. Придется дождаться вечера и только потом окунуться в пыль, которая, должно быть, давно хозяйничает в моем жилище.

Далеко за полдень я подъехал к административным зданиям Академии и, сделав глубокий вдох, вошел в вестибюль. Скоро мне снова приступать к своим обязанностям.

– Эдриен! Вот уж не ожидал вас здесь увидеть! Как я рад!

Передо мной стоял Уолтер Гленкорс, ответственный за работу с преподавательским составом. Должно быть, этот тип проследил за мной из своего окна; я тут же представил себе, как он во всю прыть

скатывается по лестнице, потом внизу замедляет шаг, придавая походке солидность, и приглаживает перед зеркалом остатки тонких белобрысых волос, украшающих его макушку.

– Уолтер, дорогой! Я тоже удивлен и безмерно рад!

– Да, дружище, видеть вас в этих стенах – большая редкость. Это почти так же удивительно, как если бы я поехал в Перу, а не сидел здесь по своему обыкновению.

– Вообще-то, Уолтер, я был в Чили.

– Ах да, конечно же в Чили, как я мог забыть? Такая ужасная история с этим высокогорьем… Я слышал, что там с вами произошло. Очень жаль.

Уолтер из тех, кто на людях охотно выказывает добродушие, но на дне его души живет мерзкий гном в ярко-розовом облачении, который корчится от хохота, глядя на вас и ваши несчастья. Уолтер – редкостный тип подданного Британской короны, он способен убедить английских коров и коз отказаться от сочной травы и превратиться в хищников.

– Позвольте пригласить вас на обед, сегодня вы мой гость, – заявил он, приосанившись.

Уолтер не расстался бы добровольно и с парой фунтов, если бы не чрезвычайные обстоятельства: или он получил распоряжение от академического начальства, или ему нужно вытянуть из меня что-то важное. Заходить к себе в кабинет, где после отъезда я оставил несусветный кавардак, не имело никакого смысла, поэтому я просто избавился от чемодана, оставив его в гардеробе, и вышел на улицу в сопровождении блистательного Уолтера.

Мы устроились за столиком паба, Уолтер заказал два дежурных обеда и два стакана дрянного красного вина – Академия угощает! Затем наклонился ко мне, словно не хотел, чтобы наш дальнейший разговор услышал кто-нибудь из соседей:

– Как же вам повезло, вы пережили такое невероятное приключение… Наверное, работать на таком объекте, как Атакама, безумно интересно.

Надо же, на сей раз Уолтер не только не перепутал страну, откуда я вернулся, но даже вспомнил то место, где я работал еще на прошлой неделе. Одно только его название перенесло меня на просторы Чили, к величественной Луне, поднимавшейся над горизонтом в разгар дня, к

холодным ясным ночам и необычайному, сверкающему небесному своду.

– Эдриен, вы меня слышите?

Я тут же признался, что на секунду потерял нить разговора.

– Да-да, понимаю, это вполне нормально. Вы устали, у вас случился приступ, потом было долгое путешествие, а я даже не дал вам времени прийти в себя. Мне крайне неловко, Эдриен.

– Ладно, Уолтер, давайте оставим эти церемонии. Все правильно, мне стало плохо на высоте пять тысяч метров над уровнем моря, меня несколько дней продержали в больнице на койке, сконструированной каким-то факиром-извращенцем, потом я больше суток провел скрючившись в самолете, – это понятно, так что перейдем прямо к делу. Меня понизили в должности? Мне закрыт доступ в лабораторию? Меня уволили из Академии? Так, да?

– Помилуйте, что это вам в голову взбрело? То, что произошло с вами, могло случиться с кем угодно. Наоборот, все восхищаются работой, проделанной вами в Атакаме.

– Перестаньте через каждое слово повторять это название и скажите наконец, за какие прегрешения вы пичкаете меня этими ужасными дежурными блюдами!

– Мы хотим попросить вас выполнить одно небольшое поручение.

– Мы?

– Мы, то есть Академия, выдающимся членом которой вы являетесь, дорогой Эдриен, – веско произнес Уолтер.

– А о каком поручении идет речь?

– Оно даст вам возможность через несколько месяцев вернуться в Чили.

Уолтер знал, чем привлечь мое внимание.

– Поручение довольно деликатное, Эдриен, речь идет о деньгах, – зашептал Уолтер.

– О каких еще деньгах?

– О деньгах, которые понадобятся Академии, чтобы продолжать работу, чтобы платить научным работникам, чтобы снимать для них жилье… не говоря уж о том, что крыши многих зданий давно нуждаются в ремонте, а он все откладывается. Если дождь не перестанет, мне придется сидеть за столом и писать отчеты в резиновых сапогах.

– Вы же сами захотели обосноваться на последнем этаже, потому что там больше света, за что и поплатились. Но я ведь не богатый наследник, Уолтер, и даже не кровельщик. Так чем же, при моих скудных возможностях, я могу помочь Академии?

– Вы можете оказать огромную услугу Академии не как ее член, а как видный астрофизик.

– Который тем не менее работает в этой самой Академии.

– Конечно! Но это не так уж важно для того поручения, которое мы намерены вам дать.

Я подозвал официантку, попросил ее убрать несъедобную говядину с фасолью и принести хорошего кентского вина и две тарелки честерского сыра. Уолтер не издал ни звука.

– Уолтер, объясните мне толком, чего вы от меня ждете. В противном случае я доем сыр, потом закажу на десерт пудинг с соусом «бурбон», и все это, разумеется, за ваш счет.

Уолтер сразу стал более откровенным. Фонды Академии усохли до предела. Никаких надежд на новые бюджетные ассигнования; к тому времени как государство соблаговолит выделить хоть какие-нибудь средства, в кабинете Уолтера можно будет ловить форель.

– Если наше уважаемое учреждение станет просить о денежной помощи, это будет выглядеть неприлично; пресса об этом рано или поздно узнает, и поднимется скандал, – продолжал Уолтер.

Он напомнил, что через два месяца должен состояться конкурс, организованный Фондом Уолша. Каждый год этот фонд вручает денежную премию тому, кто представит самый перспективный исследовательский проект.

– И какова же сумма этого великодушного дара? – поинтересовался я.

– Два миллиона фунтов стерлингов.

– Ну и щедрость! Только я так и не понял, чем я-то могу быть полезен?

– А ваши работы, Эдриен! Вы можете представить их на конкурс и получить эту премию… а потом передать ее нам. Пресса, конечно, расценит это как поступок истинного джентльмена, проявившего бескорыстие, а также как благодарность тому учреждению, которое долгие годы оказывает ему поддержку в научной работе. Вас станут

превозносить, честь Академии будет спасена, а финансовое положение стабилизируется.

– Кстати, давайте поподробнее о моем бескорыстии, – произнес я и попросил официантку снова наполнить мой бокал. – Чтобы прояснить этот вопрос, стоит наведаться в мою конуру из двух крохотных комнатенок. Пользуясь случаем, я хотел бы уточнить, на что вы намекаете, когда говорите о «благодарности тому учреждению, которое долгие годы оказывает ему поддержку в научной работе». Вы имеете в виду мой убогий кабинет? Или те материалы и книги, которые я покупал на собственные гроши, потому что на мои запросы никто не реагировал?

– Но вы же поехали в командировку в Чили! И мы вас поддержали, насколько мне известно!

– Поддержали? О чем вы говорите? Я отправился в эту командировку, взяв в Академии длительный отпуск за свой счет!

– Мы поддержали вашу кандидатуру.

– Уолтер, прошу вас, не будьте до такой степени англичанином. Вы ведь никогда не верили в то, чем я занимаюсь.

– Но не будете же вы отрицать, что поиски самой древней звезды, давшей начало всем созвездиям, – это слишком амбициозный и дерзкий замысел.

– Слишком дерзкий, но в самый раз для того, чтобы представить его на конкурс Фонда Уолша?

– Нужда свой закон пишет, как говорил святой Бернард.

– Если я правильно понял, вас совершенно не смущает, что я себе камень на шею повешу.

– Ладно, проехали. Я им говорил, что вы откажетесь. Для вас никогда не существовало никаких авторитетов, и вряд ли легкий приступ горной болезни мог вас изменить.

– Значит, вы не единственный автор этой безумной идеи?

– Нет, по этому поводу собирался административный совет, а я только предложил список тех ученых, чьи работы имеют реальный шанс победить и выиграть два миллиона фунтов.

– И кто же еще в списке кандидатов?

– Кроме вас, я никого не нашел.

Уолтер попросил счет.

– Бросьте, Уолтер, я вас угощаю. Конечно, на эти деньги крышу вы не почините, зато на резиновые сапоги хватит.

Я заплатил по счету, и мы вышли наружу. Дождь перестал.

– Поверьте мне, Эдриен, я не держу на вас зла.

– И я на вас тоже, Уолтер.

– Думаю, если бы мы хоть немного сблизились, мы прекрасно поняли бы друг друга.

– Ну что ж, раз вы так думаете…

Мы завершили нашу короткую прогулку в полном молчании. Шагая в ногу, прошли по Гауэр-Корт. Сторож поприветствовал нас, когда мы поравнялись с его будкой. Войдя в вестибюль главного здания, я попрощался с Уолтером и направился в то крыло, где находился мой кабинет. Уолтер, поднявшись на первую ступеньку парадной лестницы, окликнул меня и поблагодарил за обед. Добравшись до своего кабинета, я битый час провозился с дверью, которая, вероятно, разбухла от сырости, я ее дергал и толкал, но так и не сумел открыть. Выбившись из сил, я сдался и ушел. В конце концов, мне предстояла грандиозная уборка квартиры, так что и до вечера было не управиться.

Париж

Кейра открыла глаза и посмотрела в окно. Мокрые крыши блестели под солнечными лучами, пробившимися сквозь разрыв в облаках. Девушка с удовольствием потянулась, скинула одеяло и выпрыгнула из кровати. Шкафчики крохотной кухоньки были пусты, только одинокий пакетик чая валялся на дне жестяной банки. Часы над плитой показывали пять вечера, а те, что висели на стене напротив, – одиннадцать с четвертью. На старом будильнике у кровати стрелки застряли на двух часах дня. Кейра взяла трубку и позвонила сестре:

– Скажи, который час?

– Здравствуй, Кейра.

– Здравствуй, Жанна. Который час?

– Скоро два часа дня.

– Так поздно?

– Между прочим, я встретила тебя в аэропорту позавчера вечером.

– Значит, я проспала больше полутора суток?

– Это зависит от того, когда ты легла.

– Ты занята?

– Я у себя в кабинете, в музее, работаю. Подъезжай ко мне на набережную Бранли, я отведу тебя пообедать.

– Жанна!

Но сестра уже повесила трубку.

Выйдя из ванной, Кейра обшарила платяной шкаф в поисках чистой одежды. От вещей, которые она брала с собой в поездку, ничего не осталось – всё унес шамаль. Она выудила наконец потертые джинсы, «еще вполне сносные», голубую рубашку поло, «тоже сойдет», и старую кожаную куртку, «почти винтажную». Оделась, высушила волосы, на скорую руку подкрасилась перед зеркалом в передней и захлопнула за собой входную дверь. Оказавшись на улице, вскочила в автобус и протиснулась к окну. Вывески магазинов, толпы пешеходов на тротуарах, автомобильные пробки… После многих месяцев, проведенных вдали от всего и всех, бурная жизнь столичного города опьяняла ее. Раньше времени выйдя из автобуса, где ей показалось слишком душно, Кейра прошлась по набережной и остановилась ненадолго посмотреть, как течет река. Перед ней раскинулись не берега Омо, а парижские мосты, и это тоже было очень красиво.

Подойдя к Музею искусства и культуры народов Африки, Азии, Океании, Северной и Южной Америки, она стала с удивлением разглядывать вертикальный сад. Когда она уезжала из Парижа, здание еще не достроили, но его фасад, который украшали роскошные растения, уже тогда казался вершиной технологической мысли.

– Завораживающее зрелище, да? – спросила Жанна.

Кейра подскочила от неожиданности:

– Я не видела, как ты подошла.

– А я тебя видела, – заявила сестра, указав на окно своего кабинета. – Я тебя уже поджидала. Правда, эти растения безумно красивы?

– Там, где я была, нам едва удавалось выращивать самые простые овощи даже на горизонтальной поверхности, а тут вся стена ими покрыта… И сказать-то нечего…

– Перестань строить несчастное лицо. Пойдем.

Жанна потащила Кейру в музей. Наверху просторной спиральной лестницы, напоминавшей гигантскую ленту, посетитель осматривал

большой макет; на нем были представлены те географические зоны, откуда в музей поступили три с половиной тысячи его экспонатов. Этот музей, где смешались цивилизации, верования, обычаи, мировоззрения, позволял, пройдя всего несколько шагов, попасть из Океании в Азию, из Америки в Африку. Кейра застыла перед собранием африканских тканей.

– Если тебе здесь нравится, ты всегда найдешь время зайти сюда и заодно повидаться с сестрой – как только захочешь. Я тебе постоянный пропуск закажу. А теперь хоть на пару минут забудь свою Эфиопию и иди за мной, – приказала Жанна, подхватив Кейру под руку.

Устроившись за столиком ресторана, откуда открывался широкий вид, она заказала два чая с мятой и восточные сладости.

– Что ты думаешь делать? – спросила она. – Ты хоть немного побудешь в Париже?

– Моя первая серьезная поездка закончилась полным крахом. У нас погибло все оборудование, моя команда оказалась на грани истощения. Вот такой у меня послужной список. Мне почему-то кажется, что в следующую командировку я отправлюсь нескоро.

– Насколько я знаю, в том, что там случилось, твоей вины нет.

– У меня такая профессия, где важны только результаты. Прошло целых три года, а мне нечего предъявить. У меня больше хулителей, чем союзников. А самое обидное то, что мы уже вплотную приблизились к цели, я в этом уверена. Еще немного времени – и мы совершили бы открытие.

Кейра замолкла. За соседний столик села женщина, вероятно сомалийка, подумала Кейра, разглядев рисунок и расцветку ее платья. С ней был маленький мальчик, которого она вела за руку. Заметив, что Кейра на него смотрит, малыш подмигнул ей.

– И сколько времени тебе потребуется, чтобы окончательно вернуться из этих просторов и этих песков? Пять лет, десять, а может, целая жизнь?

– Перестань, Жанна, я очень по тебе скучала, но не до такой степени, чтобы безропотно выслушивать поучения старшей сестры, – проворчала Кейра, не в силах оторвать взгляда от малыша, который с аппетитом уплетал мороженое.

– А тебе не хотелось бы когда-нибудь завести ребенка? – продолжала Жанна.

– Вот только не надо опять заводить разговор о биологических часах, которые неумолимо тикают. Оставь в покое мои яичники! – вскричала Кейра.

– Сделай милость, не исполняй свой любимый номер. Между прочим, я здесь работаю, – прошипела Жанна. – Ты всерьез считаешь, что это тебя не касается и время над тобой не властно?

– Да плевать я хотела на этот чертов маятник, что отсчитывает мои дни, Жанна. Я не могу иметь ребенка.

Сестра Кейры опустила стакан с чаем на стол.

– Мне так жаль, – пробормотала она. – Почему ты мне раньше не говорила? Что с тобой такое?

– Успокойся, никаких наследственных болезней.

– Почему же тогда ты не можешь иметь детей? – не унималась Жанна.

– Потому что в моей жизни нет мужчины! Это достаточно веская причина? Ну все, закончим. И дело даже не в том, что этот разговор мне наскучил, хотя… В общем, мне нужно сделать кучу покупок. Мой холодильник совершенно пуст, так что внутри даже раздается эхо.

– А тебе ничего и не понадобится, сегодня ты ужинаешь и ночуешь дома, – отрезала Жанна.

– С какой это стати?

– А я теперь тоже живу одна, и мне хочется побыть с тобой.

Остаток дня они провели вместе. Жанна устроила для сестры экскурсию по музею. Зная, что Кейра питает особую любовь к Африканскому континенту, она заставила ее познакомиться с одним из ее друзей, работавшим в Обществе ученых-африканистов. Айвори на вид было лет семьдесят, хотя на самом деле – больше восьмидесяти, но никто точно не знал его возраста, эту тайну он охранял, как сокровище. Вероятно, потому, что боялся, как бы его не отправили на пенсию, а об этом он даже слышать не хотел.

Этнолог принял гостей в своем маленьком кабинете в дальнем конце коридора. Он подробно расспросил Кейру о поездке в Эфиопию. Внезапно взгляд старика остановился на треугольном камне, висевшем на шее Кейры.

– Где вы купили такой красивый камень? – спросил он.

– Я не купила, мне его подарили.

– А вам сказали, откуда он?

– Точно нет, это просто камешек, который нашел на земле один мальчик, а потом подарил мне. А почему вы спрашиваете?

– Вы позволите рассмотреть его поближе, а то зрение у меня уже не то, что прежде.

Кейра сняла с шеи шнурок с камешком и протянула украшение Айвори.

– Какое оно странное, я никогда не видел ничего подобного. Я даже затрудняюсь определить, какое племя могло изготовить вещицу столь удивительной формы. Работа просто безупречна.

– Я знаю, сама уже пыталась узнать. Думаю, это обыкновенный кусочек дерева, отполированный ветром и водами реки.

– Вполне вероятно, – пробормотал ученый, но в голосе его явно слышалось сомнение. – А может, все-таки попробуем разузнать о нем побольше?

– Конечно, если вам угодно, – поколебавшись, согласилась Кейра. – Однако вряд ли это будет что-то любопытное.

– Может, да, – произнес старик, – а может, и нет. Приходите ко мне завтра, – сказал он, возвращая подвеску владелице, – попробуем вместе найти ответ на наши вопросы. Я очень рад с вами познакомиться. Теперь наконец я знаю, какова она, сестра Жанны, о которой я так много слышал. Итак, до завтра? – уточнил он, провожая их до двери.

Лондон

В Лондоне я живу на узкой улочке, некогда застроенной каретными сараями и конюшнями, которые потом переделали в крохотные жилые домики. Ходить, спотыкаясь и оскальзываясь, по старой неровной мостовой, конечно, не очень приятно, однако в этом районе сохранилось дивное ощущение остановившегося времени. Например, в соседнем домике когда-то жила Агата Кристи. Только подойдя к своей входной двери, я вспомнил, что у меня нет ключей. Небо потемнело, и начался ливень, грозя промочить меня до костей. На мое счастье, соседка, закрывая окна, заметила меня и поздоровалась. Воспользовавшись этим, я попросил ее позволения – увы, это случалось не впервые – пройти к себе через ее садик. Она любезно открыла мне и, перемахнув через низенькую живую изгородь, я оказался у задней двери своего дома. Достаточно будет стукнуть по

ней как следует кулаком, и я окажусь внутри – если только кто-нибудь случайно ее не починил, а такое чудо вряд ли возможно.

Я еле держался на ногах от усталости и все еще злился оттого, что пришлось вернуться в Англию, однако с удовольствием предвкушал встречу с домом, с безделушками, купленными за бесценок на лондонских блошиных рынках, и возможность провести этот вечер в тишине и покое.

Радость моя оказалась недолгой: в дверь позвонили. Поскольку я так и не сумел ее открыть, даже изнутри, мне пришлось подняться на второй этаж, и в окно я увидел, что возле дома топчется Уолтер, изрядно промокший и растрепанный.

– Эдриен, вы не имеете права вот так взять и бросить меня!

– Но я вас никуда и не уносил, насколько я помню!

– Сейчас не время для глупых шуточек, моя карьера в ваших руках, понимаете?! – заорал он во всю мочь.

Соседка открыла окно и предложила впустить моего гостя, как она впустила меня, через садик. Ей это совсем не трудно, наоборот, даже приятно, поскольку в противном случае мы перебудим всю улицу.

– Весьма сожалею, что пришлось вторгаться к вам, но у меня не было выбора, – заявил он, ввалившись в мою гостиную и оглядевшись. – Кстати, ваша конура, как вы ее назвали, совсем недурна.

– Одна малюсенькая комнатка внизу и одна наверху!

– Да, но я не так представлял себе скромную квартирку из двух комнат. Надо же, ваша зарплата вам позволяет снимать целый коттедж, хоть и небольшой?

– Надеюсь, Уолтер, вы пришли в такой час не для того, чтобы оценивать мое наследство?

– Нет, еще раз прошу прощения. Эдриен, мне действительно требуется ваша помощь.

– Если вы намерены снова обсуждать этот нелепый проект с Фондом Уолша, то это пустая трата времени.

– Хотите знать, почему ваши исследования никогда не получали поддержку Академии? Да потому что вы волк-одиночка, потому что вы работаете всегда один и только на себя, потому что вы не можете работать в команде.

– Я в восторге от того, как точно вы меня описали, надо сказать, портрет даже лучше оригинала! Перестаньте наконец лазить по всем шкафам, виски должно быть вон там, рядом с камином, – ведь вы его ищете.

Уолтер неспешно вытащил бутылку, взял с полки два стакана и растянулся на диване.

– Надо же, у вас очень уютно!

– Можно подумать, я вас приглашал!

– Не надо издеваться, Эдриен. Думаете, пришел бы я унижаться перед вами, если бы у меня был иной выход?

– Какое же это унижение? Вы сидите здесь и пьете виски – между прочим, пятнадцатилетней выдержки.

– Эдриен, вы моя последняя надежда. Может, мне упасть перед вами на колени и умолять? – продолжал мой незваный гость.

– А вот этого не надо! Уолтер, ведь у меня нет ни малейшего шанса получить премию. Зачем же вы так стараетесь?

– Разумеется, вам дадут премию, потому что ваш проект – самый увлекательный, самый амбициозный из тех, с которыми я ознакомился за годы работы в Академии.

– Если вы хотите обольстить меня сладкими речами, то лучше отправляйтесь домой, и бутылку можете забрать с собой. Уолтер, мне очень хочется спать.

– Я не собираюсь вам льстить, я действительно внимательно прочел вашу диссертацию. Эдриен, это прекрасная работа, в ней каждое положение документально подтверждено.

Состояние моего коллеги внушало жалость. Таким я его никогда не видел: обычно он держался отстраненно, даже высокомерно. Самое ужасное, что он, похоже, говорил искренне. Последние десять лет я искал в далеких галактиках планету, похожую на нашу, но в Академии мало кто одобрял мою работу. И вдруг такой резкий поворот, такое неприкрытое соглашательство – даже забавно.

– Предположим, я получил и передал Академии эту премию…

Едва я произнес эти слова, как Уолтер сложил руки, словно собирался молиться.

– Уолтер, не пугайте меня. Вы что, пьяны?

– Угу, но это ничего, Эдриен, продолжайте.

– Но вы хоть что-нибудь соображаете? Вы способны отвечать на простые вопросы?

– Ну конечно, только не тяните, задавайте их поскорее.

– Допустим – хоть шансы и ничтожны, – что я получу эту премию и как истинный джентльмен тут же передам ее Академии. Какую часть этой суммы совет выделит на мои исследования?

Уолтер кашлянул.

– Четверть – это будет разумно, как вы полагаете? Кроме того, вам предоставят новый кабинет, у вас будет ассистентка на полный рабочий день, а если пожелаете, то и несколько сотрудников, которых освободят от текущей работы и передадут в ваше полное распоряжение.

– Только не это!

– Хорошо, сотрудников не надо… а как насчет ассистентки?

Я подлил гостю еще виски. Дождь усилился, и никто, достойный называться человеком, не выставил бы Уолтера за порог в такую погоду, а тем более в таком состоянии.

– Эх, пропал так пропал! Принесу вам одеяло, и ночуйте здесь, на диване.

– Я не хочу вас обременять…

– Но вы ведь уже это сделали.

– А что с Фондом?

– Когда конкурс?

– Через два месяца.

– А последний срок подачи заявок?

– Осталось три недели.

– Про ассистентку я подумаю. Но первое, что вам надо сделать, – это открыть дверь моего кабинета. Я потерял ключ.

– Не страшно, зато мой кабинет прямо с утра в вашем полном распоряжении.

– Уолтер, вы втягиваете меня в очень странную историю.

– Это не так. Фонд Уолша всегда давал премии за самые оригинальные проекты. Члены комитета выбирают те работы, которые, как бы это сказать… идут в авангарде.

Последняя фраза в устах Уолтера прозвучала как-то неодобрительно. Но его прижали к стенке, так что я не стал читать ему мораль. Мне следовало принять решение, и как можно скорее.

Конечно, вероятность получить премию бесконечно мала, но я был готов на что угодно, лишь бы вернуться на плато Атакама. В таком случае что я теряю?

– Я согласен. Конечно, я рискую выставить себя на посмешище, поэтому у меня есть одно условие: вы пообещаете мне, если мы выиграем, посадить меня на самолет до Сантьяго в течение месяца после великого события.

– Я сам провожу вас в аэропорт, Эдриен, обещаю.

– Ладно, тогда считайте, что сделка состоялась!

Уолтер рывком поднялся с дивана, пошатнулся и рухнул обратно.

– Пожалуй, на сегодня вам хватит. Берите плед, под ним вы ночью не замерзнете. А я пойду спать.

Когда я поднимался наверх, Уолтер окликнул меня:

– Эдриен! Я хотел бы вас спросить: что вы имели в виду, когда сказали: «Пропал так пропал!»

– Вечер пропал, Уолтер, только и всего.

Париж

Кейра уснула в кровати своей сестры. Бутылка хорошего вина, большой поднос с едой, разговоры по душам весь вечер, старый черно-белый фильм по кабельному каналу и наконец последнее вчерашнее воспоминание – чечетка Джина Келли. Разбудил ее яркий дневной свет, и в висках застучало выпитое накануне вино – оно действительно было хорошим или им это только показалось?

– Мы вчера крепко выпили? – спросила Кейра, войдя на кухню.

– Да! – кивнула Жанна, поморщившись. – Я тебе сварила кофе.

Жанна села за стол и уставилась в зеркало на стене: в нем отражались они обе.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Кейра.

– Ничего.

– Ты рассматриваешь меня в зеркало, хотя я сижу напротив тебя. Ты считаешь, это ничего?

– Так ты будто опять на другом конце света. Я уже отвыкла, что ты можешь сидеть рядом. В этом доме повсюду твои фотографии, а одна лежит в ящике стола у меня на работе. Я каждый день на нее смотрю и здороваюсь с тобой. А когда приходится особенно трудно, подолгу с тобой разговариваю, пока до меня наконец не доходит, что

это не беседа, а монолог. Почему ты мне никогда не звонишь? Если бы ты звонила, мне бы казалось, что ты не так уж далеко. Черт, ведь я же твоя сестра!

– Слушай, Жанна, я вынуждена тебя прервать. Одно из немногих преимуществ холостяцкой жизни состоит в том, что не приходится принимать участие в семейных сценах. Давай ты не будешь мне их устраивать! В долине Омо нет ни одной телефонной кабины, там не ловят мобильники, только иногда есть спутниковая связь, да и то она работает, когда ей вздумается. Всякий раз, как мне удавалось добраться до Джиммы, я тебе звонила.

– Раз в два месяца?! И какие задушевные разговоры мы вели! «У тебя все в порядке? Тебя хорошо слышно. Когда возвращаешься? – Не знаю, возможно, нескоро, раскопки идут полным ходом, а как ты? Как твой Жюль? – Моего Жюля вот уже три года зовут Жеромом, могла бы и запомнить!» С ним я уже рассталась, только не стала тебе говорить, да и зачем? Чтобы услышать еще два-три слова, а потом ты все равно повесила бы трубку?

– Да, Жанна, сестра у тебя дурно воспитанная мерзкая эгоистка, ведь так? Но в этом есть и твоя вина, ведь ты старшая, а она всегда брала с тебя пример.

– Ладно, проехали.

– Конечно, проехали. Я больше не стану участвовать в твоей игре.

– Какой игре?

– Кто сумеет быстрее вызвать у другого чувство вины. Я тут, напротив тебя, не на фото в ящике стола и не в зеркале, так что посмотри на меня и говори со мной.

Жанна поднялась было со стула, но Кейра схватила ее за руку и заставила снова сесть.

– Дура, мне же больно!

– Я палеоантрополог, я не работаю в музее, у меня многие годы не было времени познакомиться с каким-нибудь Пьером, или Антуаном, или Жеромом; у меня нет детей; на меня свалилась редкая удача – заниматься трудным делом, которое я очень люблю, испытывать страсть, в которой нет ничего порочного. Если у тебя жизнь не складывается, не надо бросать мне упреки в лицо, а если тебе правда меня не хватает, найди более приятный способ поставить меня об этом в известность.

– Мне тебя ужасно не хватает, Кейра, – чуть слышно сказала Жанна и вышла из кухни.

Кейра внимательно осмотрела свое отражение в зеркале.

– Я действительно дура, причем таких еще поискать, – пробормотала она.

За тонкой перегородкой, отделявшей кухню от ванной, Жанна, стоя с зубной щеткой в руке, ласково улыбнулась.

Днем Кейра, перейдя набережную Бранли, направилась к сестре в музей. И для начала решила доставить себе удовольствие – осмотреть постоянную экспозицию. Она любовалась одной маской, соображая, откуда ее сюда привезли, и вдруг чей-то голос прошептал ей в самое ухо:

– Это маска малинке. Ее доставили из Мали. Она не очень древняя, зато необычайно красивая.

Кейра вздрогнула от неожиданности и поняла, что это Айвори, тот самый ученый, с которым она познакомилась накануне.

– Боюсь, ваша сестра еще не вернулась с заседания. Я искал ее несколько минут назад, но мне сказали, что она освободится не раньше чем через час.

– Вам «сказали»? То есть вы не знаете этого сотрудника?

– Музей – это целая вселенная, где все отделы подчинены строгой иерархии и у всех свой круг обязанностей. Человек – странный зверь, ему необходимо жить в обществе, и его все время тянет поделить это общество на части. Возможно, в нас говорят пережитки стадного чувства. Создавать пространство для сообщества – хороший способ бороться со страхами. Но я, должно быть, утомил вас своей болтовней. Вы же, наверное, знаете все это не хуже меня, правда?

– А вы забавный тип, – нахально заявила Кейра.

– Весьма вероятно, – расхохотавшись, ответил Айвори. – А не обсудить ли нам все это в саду, за стаканом чего-нибудь прохладительного? Сегодня очень тепло, надо этим воспользоваться.

– И что вы собираетесь обсудить?

– Например, что такое забавный тип. Я бы хотел прояснить это с вашей помощью.

Айвори повел Кейру в кафе, расположенное во внутреннем дворике музея. Днем здесь почти все столики были свободны. Кейра

выбрала тот, что стоял подальше от большой каменной головы моаи.

– Вы нашли на берегах Омо что-нибудь заслуживающее внимания? – вновь заговорил Айвори.

– Я нашла там десятилетнего мальчика, который потерял родителей. А что касается археологии, то находок оказалось не так много.

– А что касается ребенка, полагаю, эта находка представляется куда более существенной, нежели ископаемые человеческие останки. Как мне известно, некое скверное природное явление уничтожило результаты вашей работы и заставило покинуть место раскопок.

– Да, буря, и настолько сильная, что она перенесла меня прямо сюда.

– В тех краях такое случается нечасто. Никогда еще шамаль не направлялся к западу.

– Откуда вы все это знаете? Вряд ли газеты посвятили этой буре первую страницу.

– Нет, признаюсь, о ваших злоключениях мне поведала ваша сестра. А потом я просто добрался до своего компьютера и, набив пару слов на клавиатуре, зашел в Интернет, ведь по натуре я очень любопытен, иногда даже слишком.

– И что же мне еще вам рассказать, чтобы удовлетворить ваше любопытство?

– Что на самом деле вы искали в долине Омо?

– Месье Айвори, если бы я вам об этом рассказала, то, исходя из законов статистики, вы скорее подняли бы меня на смех, чем проявили интерес к моей работе.

– Мадемуазель Кейра, если бы я придавал значение законам статистики, то занимался бы математикой, а не антропологией. Так что рассказывайте.

Кейра внимательно посмотрела на собеседника. Его взгляд притягивал и завораживал.

– Я искала предков Тумай и Ardipithecus kadabba[1]. Бывали дни, когда мне казалось, что я нашла их очень-очень далеких предков.

– И только-то? Вы хотели отыскать самый древний скелет, который можно отнести к роду человеческому? Так сказать, человека нулевого?

– А разве не его мы все ищем? Так зачем мне отказываться от этой мечты?

– А почему именно в долине Омо?

– Возможно, туда привела меня женская интуиция.

– Для охотницы за скелетами – веский аргумент.

– Туше! – улыбнулась Кейра. – В конце двадцатого века мы почти не сомневались, что прародительницей человечества была Люси[2], женщина, умершая более трех миллионов лет назад. Не мне вам напоминать, что в последнее десятилетие палеонтологи нашли останки гоминид, которым восемь миллионов лет. В научном сообществе различные школы бьются – порой в прямом смысле – за то, чтобы признать тот или иной род предками человека. Для меня не важно, были ли наши предки двуногими или четвероногими. Я не думаю, что сегодня споры о происхождении человеческого рода идут в правильном направлении. Ведь все внимание сосредоточено на механике скелета, на образе жизни и на пище.

Подошла официантка, но Айвори махнул ей, чтобы она их не беспокоила.

– То, что вы говорите, довольно самонадеянно. А что же, по-вашему, определяет происхождение человека?

– Мысль, чувства, разум! От других живых тварей нас отличают не ходьба как способ передвижения и не наши пищевые предпочтения. Мы стараемся узнать, откуда мы взялись, но совершенно не интересуемся тем, какими мы стали: сложноорганизованными хищниками, способными любить, убивать, созидать и разрушать, а также сопротивляться инстинкту самосохранения, управляющему поведением всех остальных животных. Мы одарены высоким интеллектом, постоянно развивающимся знанием, и при этом мы так невежественны. Похоже, нам пора сделать заказ, официантка подходит уже во второй раз.

Айвори попросил принести два чая и наклонился к Кейре:

– Вы мне так и не сказали, почему отправились в долину Омо и что вы на самом деле там искали.

– Кем бы мы ни были – европейцами, азиатами, африканцами, – какого бы цвета ни была наша кожа, мы носим в себе общий ген, одинаковый у всех; нас миллиарды, один не похож на другого, и тем не менее мы происходим от одного существа. Как это существо

появилось на Земле? Почему оно здесь появилось? Вот кого я ищу – первого человека! И уже готова поверить, что ему не десять или двадцать миллионов лет, а гораздо больше!

– Вы говорите почти о палеогене[3]. Это похоже на помешательство!

– Вот видите, я оказалась права, когда ссылалась на законы статистики. Теперь уже я утомляю вас своими нелепыми выдумками.

– Я же не говорил, что вы потеряли разум, просто в голове у вас кое-что смешалось.

– Очень деликатно с вашей стороны. А вы сами, Айвори, какие исследования ведете?

– Я уже в таком возрасте, что только делаю вид, будто над чем-то работаю, а остальные делают вид, что ничего не замечают. Я больше не веду никаких исследований. В мои годы обычно приводят в порядок старые папки и не заводят новых. И не делайте такое лицо. Если вам известен мой истинный возраст, то вы, должно быть, заметили, что я неплохо с ним справляюсь. Не спрашивайте, сколько мне лет, это тайна, которую я унесу с собой в могилу.

Теперь уже Кейра склонилась к Айвори, и стал виден треугольный камешек у нее на шее.

– Вы выглядите гораздо моложе!

– Вы очень любезны, но мне это известно. Так вы хотели бы побольше разузнать об этом странном предмете, что висит у вас на шее?

– Я же вам говорила, это подарок маленького мальчика.

– Но вчера вы упоминали о том, что вам самой любопытно узнать о его происхождении.

– И вправду, почему бы нет?

– Пожалуй, начнем с того, что определим его возраст. Если речь идет о кусочке дерева, то достаточно сделать радиоуглеродный анализ, и все станет ясно.

– Конечно, если предмету не более пятидесяти тысяч лет.

– Думаете, он может оказаться таким древним?

– С тех пор как я познакомилась с вами, я стала очень подозрительной в вопросах возраста.

– Наверное, мне следует воспринимать ваши слова как комплимент, – ответил старый ученый, вставая со стула. – Пойдемте.

– Уж не намекаете ли вы на то, что в подвале музея тайно установили ускоритель частиц?

– Нет, конечно, – рассмеявшись, ответил Айвори.

– Или у вас старый друг работает в Сакле и он готов поставить под удар программу исследований Комиссариата по атомной энергии ради того, чтобы изучить мой кулон?

– Нет, и я об этом весьма сожалею.

– В таком случае куда же вы меня ведете?

Кейра и Айвори подошли к лифтам. Она открыла рот, намереваясь его еще о чем-то спросить, но он не дал ей говорить.

– Если вы подождете, пока мы устроимся поудобнее, – произнес он строго, не позволив ей вымолвить ни слова, – обещаю, вам не придется задавать бесполезные вопросы.

Лифт привез их на четвертый этаж.

Айвори расположился за своим письменным столом, усадив Кейру в кресло. Она тут же вскочила, чтобы посмотреть, что он набирает на клавиатуре компьютера.

– Интернет! С тех пор как я познакомился с этой штуковиной, я на ней просто помешался. Знали бы вы, сколько времени я в нем провожу. Не будь я вдовцом, это хобби убило бы мою жену, вернее, жена меня бы убила. Вы знаете, например, что в Сети теперь не ищут информацию, а, как говорят мои студенты, гуглят. Правда смешно? Обожаю этот новый язык. Больше всего меня забавляет то, что, стоит мне забыть какой-нибудь термин, я его набираю и – оп! – у меня перед глазами определение. Говорю вам, в Сети можно найти все, даже адреса частных лабораторий, где делают радиоуглеродный анализ. Великолепно!

– Сколько вам лет на самом деле, Айвори?

– Кейра, каждый день я придумываю себе новый возраст. Главное – не расслабляться.

Айвори распечатал список адресов и гордо помахал им перед носом своей гостьи.

– Осталось только сделать несколько звонков и найти тех, кто согласится выполнить нашу просьбу за пристойную цену и в разумные сроки, – заключил он.

Кейра взглянула на часы.

– Ваша сестра! – вскричал Айвори. – Полагаю, совещание закончилось, и она уже давно освободилась. Идите к ней, а я обо всем позабочусь.

– Нет, я останусь с вами, – запротестовала Кейра, почувствовав себя неловко, – я не могу взвалить на вас всю работу.

– Да идите же, я настаиваю, тем более что эта игра увлекает меня не меньше вашего, может, даже больше. Идите к Жанне, а мы с вами встретимся здесь завтра. К тому времени информации наверняка прибавится.

Кейра поблагодарила профессора.

– Не согласитесь ли оставить у меня до завтра ваше украшение? Я отделю от него микроскопический кусочек, чтобы отдать на анализ. Обещаю, я буду осторожен как хирург, вы даже ничего не заметите.

– Конечно, но должна вас предупредить: я несколько раз пыталась это сделать, но ничего у меня не получилось, только чуточку поцарапала камешек.

– А имеется ли у вас алмазный инструмент – например, вот такой? – торжествующе спросил Айвори, вытаскивая из ящика стола тонкий резец.

– Айвори, вы просто кладезь всяких сокровищ! Такого скальпеля у меня нет.

Кейра на секунду заколебалась, но потом сняла подвеску и положила ее на письменный стол Айвори. Тот аккуратно развязал кожаный шнурок и передал его хозяйке, забрав себе камень.

– До завтра, Кейра, приходите в любое время, я буду на месте.

Лондон

– Нет, Эдриен, не годится! От вашего выступления потянет в сон даже безумную публику на концерте AC/DC.

– А откуда там возьмется AC/DC?

– Никого там, разумеется, не будет, просто это единственное название рок-группы, которое я знаю. Незачем комитету Фонда возиться с присуждением премии, лучше просто пристрелить тех, кому придется вас слушать, чтоб зря не мучились.

– Прекрасно, Уолтер, на сей раз я вас понял. Если текст моей речи такой скучный, поищите себе другого оратора.

– Человека, который тоже мечтал бы вернуться в Чили? Извините, но на это у меня нет времени.

Я перевернул страницу тетради и прочистил горло, готовясь продолжить чтение.

– Вот увидите, дальше будет куда интереснее, – сказал я Уолтеру. – Вы не соскучитесь.

Однако едва я приступил к третьей фразе, как Уолтер изобразил раскатистый храп.

– Дивное снотворное! – воскликнул он, приоткрыв правый глаз. – Действует безотказно.

– Я нудный, вы это хотите сказать?

– Вот-вот, нудный, вы нашли верное слово. Ваши волшебные звезды превратились в набор букв и цифр, которые невозможно запомнить. Все эти X321 и ZL254 – что с ними делать членам жюри, как вы думаете? Ведь мы же не персонажи сериала «Звездный путь», бедный мой друг! А расстояние до удаленных галактик вы измеряете в световых годах! Кто знает точно, что такое световой год, я вас спрашиваю? Может, ваша очаровательная соседка? Или ваш зубной врач? Или ваша матушка? Да это просто смешно. От ваших бесконечных цифр делается несварение, и вряд ли кто способен такое пережить.

– И что же вы предлагаете, черт бы вас побрал?! Чтобы я дал имена всем моим созвездиям, как сортам помидоров, лука или картошки, – лишь бы ваша матушка поняла, чем я занимаюсь?

– Вы, конечно, мне не поверите, но она вас читала.

– Ваша мать читала мою диссертацию?

– Именно так!

– Я польщен.

– У нее ужасная бессонница. Никакое лекарство уже не помогало, и тогда меня осенило: принесу-ка я ей сброшюрованный экземпляр вашей работы. Вам надо срочно писать продолжение, а то она скоро дочитает.

– Да что вам от меня надо, в конце концов?!

– Чтобы вы рассказали о ваших исследованиях простыми словами, доступными нормальному человеку. Это маниакальное пристрастие к ученым словам вызывает только раздражение. Вспомните, например, медиков. К чему вся эта тарабарщина? Разве

мало просто чем-то болеть? Зачем нам рассказывают про дисплазию тазобедренного сустава, может, сойдет и «деформация»?

– Сожалею, я не знал, что ваши кости причиняют вам столько беспокойства, дорогой Уолтер.

– Ладно, не надо сожалеть, я говорил не о себе. Эта пресловутая дисплазия у моей собаки.

– У вас есть собака?

– Да, чудесный джек-рассел-терьер. Он сейчас у моей матери. Если она прочитала ему вслух последние страницы вашей диссертации, значит, оба они уже спят как убитые.

У меня возникло жгучее желание придушить Уолтера, однако я повел себя как трус и только метнул в него презрительный взгляд. Его терпение выводило меня из себя, как, впрочем, и его упорство. Не знаю, как это вышло, но мой язык вдруг сам собой развязался, и впервые с того давнего дня я произнес заветные слова: «Где начинается рассвет?..»

Уже светало, но Уолтер и не думал засыпать.

Париж

Кейра совсем измучилась, но сон все не шел. Боясь разбудить сестру, она перебралась из спальни в гостиную и улеглась на диван. Сколько раз она проклинала свою жесткую походную кровать? А теперь так по ней скучает! Она снова встала и подошла к окну. Никакого ночного неба, усыпанного звездами, только вереница уличных фонарей, освещающих пустынную улицу. В Париже пять часов утра, а в долине Омо, в пяти тысячах восьмистах километров отсюда, уже давно рассвело, и Кейра попыталась представить себе, чем сейчас занимается Гарри. Вернувшись на диван, она еще немного поворочалась и, запутавшись в собственных мыслях, наконец уснула.

Звонок профессора безжалостно вырвал ее из утренних снов.

– У меня для вас две новости.

– Начните с той, что похуже! – потребовала Кейра, потягиваясь.

– Вы оказались правы: даже с помощью того алмазного инструмента, которым я перед вами хвастал, мне не удалось отделить ни малейшего кусочка от вашего украшения.

– Я вас предупреждала. А хорошая новость?

– Одна лаборатория в Германии может выполнить наш заказ в течение недели.

– Это, наверное, обойдется недешево?

– Не берите в голову, пусть это будет моим вкладом в наше общее дело.

– Об этом не может быть и речи, Айвори, да и с какой стати?

– Господи, ну почему нужно обязательно искать всему причину? Радость открытия – достаточно веский довод? А вам, значит, подавай причину! Ну так слушайте: ваш таинственный камешек не давал мне уснуть до самого утра, а поверьте, для старика, который весь день зевает от скуки, это дорогого стоит, куда больше, чем какая-то мелочь, которую просит лаборатория.

– Тогда пополам – или никак!

– Ладно, пополам. Вы не против, если я сам отошлю им ваше сокровище? Придется вам с ним на время расстаться.

Вопрос профессора застал Кейру врасплох, она привыкла, что кулон всегда висит у нее на шее, и ей стало не по себе, однако профессор пылал таким энтузиазмом, так радовался возможности открыть новую тайну, что она не решилась пойти на попятную.

– Думаю, я смогу его вам вернуть уже в среду. Отошлю его в лабораторию курьерской почтой. А тем временем обложусь старыми книгами и попытаюсь отыскать изображение, хоть сколько-нибудь напоминающее наш объект.

– Вы уверены, что хлопоты, которые вы взвалили на себя, не напрасны? – спросила Кейра.

– О каких хлопотах вы говорите? Мне это доставляет радость. А сейчас я должен вас покинуть, меня ждет работа, и все благодаря вам!

– Спасибо вам, Айвори! – сказала Кейра и положила трубку.

Прошла неделя. Кейра постепенно налаживала отношения с коллегами и друзьями, с которыми давно не общалась. Каждый вечер она ужинала с кем-нибудь в маленьком парижском ресторанчике или в квартире своей сестры. Разговоры крутились вокруг одних и тех же тем, совершенно не интересовавших Кейру, и ей всякий раз делалось скучно. Однажды, после ужина, где все говорили больше обычного, Жанна даже упрекнула Кейру за рассеянность.

– Если эти встречи тебе так осточертели, зачем ты на них ходишь? – сурово отчитывала ее Жанна.

– Да не осточертели они мне вовсе!

– Когда ты окончательно заскучаешь, предупреди, я заранее подготовлюсь к спектаклю. За столом ты была похожа на моржа, под которым провалился лед.

– Жанна, а как ты сама умудряешься выносить подобные разговоры?

– Это называется «общаться».

– Общаться? – рассмеялась Кейра и подозвала такси. – Тот тип, что нахватал общих мест из всех газет и толкал бесконечную речь о кризисе, – он с нами общался? Как и его сосед, который с таким смаком вещал о спортивных достижениях, словно обезьяна, дорвавшаяся до бананов. А может, говоря об общении, ты имеешь в виду ту девчонку-психоаналитика, которая сыпала банальными фразами о супружеской неверности? Или адвоката с его двадцатиминутным выступлением на тему роста преступности в городах, – а как иначе, ведь у него скутер сперли. Три часа неприкрытого цинизма! Теории и контртеории человеческого отчаяния – сколько пафоса!

– Ты не любишь людей, Кейра! – констатировала Жанна, когда такси высадило их у ее дома.

Их спор завершился уже глубокой ночью. Несмотря ни на что, назавтра Кейра отправилась вместе с сестрой на очередную вечеринку. Наверное, потому, что одиночество, сопровождавшее ее в последние годы, причиняло ей страдание, хотя она в этом ни за что бы не призналась.

В один из выходных дней Кейра, пробегая через сад Тюильри и ища спасения от надвигающегося ливня, встретила Макса. Оба мчались по центральной аллее к входу со стороны улицы Кастильоне. Запыхавшись, Макс остановился перед лестницей, у подножия скульптурной группы с тиграми и носорогом; Кейра нашла приют поблизости, около льва и львицы, терзающих кабана[4].

– Макс, это ты?

Статный красавец Макс страдал чудовищной близорукостью и даже в очках с толстенными линзами видел все словно в тумане, однако голос Кейры он узнал бы среди сотни других.

– Как, ты в Париже? – удивленно спросил он, протирая очки.

– Да, как видишь.

– Вот теперь вижу! – воскликнул он, водружая очки на нос. – Ты останешься надолго?

– В саду? Думаю, на полчасика, – ответила она, смутившись.

Макс внимательно посмотрел на нее.

– Я уже несколько дней в Париже, – вздохнув, пробормотала она.

Раскатистое ворчание грома заставило их продолжить путь и поискать убежища под аркадами на улице Риволи. Они едва успели: начался настоящий потоп.

– Ты не собиралась мне позвонить? – спросил Макс.

– Конечно, собиралась.

– И почему же не позвонила? Прости, я вываливаю на тебя кучу глупых вопросов. Если бы ты хотела со мной встретиться, ты бы позвонила.

– Я не могла сообразить, что тебе сказать.

– Тогда ты права. Следовало подождать, пока провидение не приведет нас на эту аллею…

– Я рада тебя видеть, – перебила его Кейра.

– Я тоже рад тебя видеть.

Макс предложил выпить по стаканчику в баре отеля «Мерис».

– Так ты надолго в Париж? Ну вот, опять я засыпаю тебя вопросами.

– Не страшно, – успокоила его Кейра. – Я провела шесть вечеров подряд, слушая разговоры о политике, забастовках, сделках и разные сплетни. Никто никем не интересовался, и я в конце концов почувствовала себя невидимкой. Вот если бы я, не отходя от стола, повесилась на салфетке, может, кто-то и спросил бы, как у меня дела, и даже дождался ответа.

– Как у тебя дела?

– Как у льва, запертого в клетке.

– И сколько ты уже сидишь в этой клетке? Неделю или больше?

– Чуть-чуть побольше.

– Ты останешься или снова уедешь?

Кейра рассказала Максу о своих приключениях в Эфиопии и о том, почему пришлось вернуться. Надежда найти деньги на новую экспедицию представлялась ей слишком туманной. В восемь часов

она, ненадолго исчезнув, позвонила Жанне и предупредила, что придет поздно.

Они с Максом поужинали в «Мерисе». Каждый рассказал, как жил в те годы, что они не виделись. Вскоре после отъезда Кейры и их расставания Макс оставил свою должность преподавателя археологии в Сорбонне и стал управлять типографией своего отца: тот скончался от рака больше года назад.

– Так теперь ты директор типографии?

– Лучше бы ты сказала: «Мне жаль, что твоего отца не стало»! – улыбнувшись, заметил Макс.

– Милый мой Макс, ты же хорошо меня знаешь, я всегда говорю не то. Мне действительно жаль, что твоего папы больше нет… Только, мне помнится, вы не очень-то ладили.

– В конце концов мы помирились… в больнице Вильжюиф.

– А зачем ты бросил преподавание? Ты же обожал свое дело.

– В основном я обожал те оправдания, к которым оно позволяло мне прибегать.

– При чем здесь оправдания? Ты же отличный преподаватель.

– Я не похож на тебя и никогда не питал к своей работе такой любви, которая гнала бы меня на край света.

– А типография, она тебе больше по душе?

– По крайней мере, я смотрю правде в глаза. Я больше не стремлюсь совершить нечто грандиозное – например, сделать величайшее открытие века. Хватит с меня этих небылиц. Я был кабинетным археологом, способным лишь зачаровывать студенток красивыми сказками.

– Кстати, не забудь добавить, что я из их числа! – насмешливо сказала Кейра.

– Ты от всех отличалась и прекрасно это знаешь. Я авантюрист из парижских предместий. Теперь я хотя бы научился рассуждать здраво. А ты-то нашла, что искала?

– Если ты о моих раскопках, то нет, только несколько пластов, которые показали, что я на правильном пути, что я не ошиблась. Зато теперь я точно знаю, какая жизнь мне нравится, и это самое главное мое открытие.

– Значит, ты скоро уедешь…

– Откровенность за откровенность, Макс. Я с удовольствием проведу с тобой эту ночь, да и завтрашнюю тоже. Но в понедельник я захочу остаться в одиночестве, и во вторник, и в следующие дни. Как только у меня появится возможность уехать, я немедленно уеду. Когда? Этого я не знаю. А пока мне надо найти работу.

– Прежде чем предложить мне переспать с тобой, ты бы хоть поинтересовалась, есть ли у меня кто-нибудь.

– Если бы кто-то был, ты бы давно бросился ей звонить, уже первый час ночи.

– Да, если бы кто-то был, я бы не ужинал сейчас с тобой. А по поводу работы есть какие-нибудь варианты?

– Пока нет, у меня не очень много знакомых среди людей моей профессии.

– Да я за две минуты нацарапаю на этой салфетке список тех, кто будет счастлив принять в свою команду такого человека, как ты.

– Не хочу никому помогать делать открытия. Я несколько лет стажировалась у других, теперь хочу вести собственный проект.

– А между делом не желаешь потрудиться в типографии?

– О годах, проведенных рядом с тобой в Сорбонне, у меня сохранились самые теплые воспоминания, но мне тогда было только двадцать два. Возвращаться к прошлому – это не по мне. Кроме того, работа у печатного станка не вызывает у меня восторга. Да и вообще это не самая удачная идея, – заявила Кейра, улыбнувшись. – Но все равно спасибо за предложение.

Рано утром, выйдя в гостиную, Жанна обнаружила, что диван пуст. Она взглянула на экран мобильного телефона: сестра не оставила ей сообщения.

Лондон

Роковая дата, когда истекал срок подачи работ на конкурс Фонда Уолша, приближалась. А выступление должно было состояться меньше чем через два месяца. По утрам я сидел дома, общаясь по Интернету с коллегами во всех концах света и отвечая на электронные письма, прежде всего на те, что приходили от коллег из Атакамы. Уолтер заходил за мной около полудня, и мы отправлялись в паб, где я докладывал ему о ходе работы. Послеобеденное время мы проводили в

большой библиотеке Академии: я кое-что уточнял по книгам, читанным уже много раз, а Уолтер просматривал мои записи. По вечерам я иногда выходил проветриться и гулял в районе Примроуз-Хилл, а по выходным удирал от всех и бродил по рядам блошиного рынка в Кемдэн-Лок. День за днем я все больше втягивался в лондонскую жизнь, заново привыкая к улицам родного города, и даже к Уолтеру начал испытывать некие дружеские чувства.

Париж

Айвори получил результаты из лаборатории в Дортмунде. Он записал отчет об анализе, который продиктовал его немецкий собеседник, и попросил его переслать предмет исследования в другую лабораторию, расположенную на окраине Лос-Анджелеса. Положив трубку, он некоторое время раздумывал, потом сделал еще один звонок, на сей раз по мобильному телефону. Пришлось подождать, прежде чем ему ответили:

– Сколько лет, сколько зим!

– Раньше не было причины для разговора, – заявил Айвори. – Я вам только что отослал электронное письмо, прочтите его как можно скорее. У меня есть все основания полагать, что вы захотите со мной связаться.

Айвори закончил разговор и посмотрел на часы. Общение длилось не более сорока секунд. Он вышел из кабинета, запер дверь и спустился на первый этаж. Воспользовавшись тем, что вестибюль музея заполнила толпа студентов, он незаметно выскользнул из здания.

Прошагав по набережной Бранли, он перешел на другой берег Сены, откинул крышку мобильника, вытащил сим-карту и швырнул телефон в реку. Затем направился к пивному ресторану на площади Альма, спустился по лестнице в подвал, зашел в телефонную кабинку и стал ждать. Вскоре раздался звонок.

– Как этот предмет попал к вам в руки?

– Величайшие открытия – чаще всего результат случайности, которую кто-то зовет судьбой, а кто-то – везением.

– Кто вам его передал?

– Это не столь важно, к тому же я предпочел бы сохранить это в тайне.

– Айвори, вы возвращаетесь к тому делу, о котором многие годы никто не вспоминал, но присланный вами отчет не слишком убедителен.

– Тогда незачем было так спешно мне звонить.

– Чего вы хотите?

– Я переправил предмет для дополнительных исследований в Калифорнию, только нужно, чтобы они прислали счет за работу непосредственно вам. Этого я сам сделать не смогу.

– А владелец предмета в курсе дела?

– Нет, он даже не подозревает, о чем идет речь, и разумеется, я не намерен ничего ему объяснять.

– Когда, по вашему мнению, мы получим новую информацию?

– На днях мне должны прислать результаты первого исследования.

– Перезвоните мне, если сочтете, что есть что-то интересное, и пришлите счет, я его оплачу. До свидания, Айвори.

Профессор повесил трубку и еще немного постоял в кабине, размышляя, правильное ли решение он принял. Оплатил звонок, подойдя к стойке, и отправился обратно в музей.

***

Кейра постучала в дверь кабинета. Никто не отозвался, и она спустилась вниз, к информационной стойке, спросить, где профессор. Но ей ответили, что никто его не видел. Может, он зашел в кафе? Кейра оглядела садик во внутреннем дворе. Ее сестра, обедавшая в компании своего коллеги, поднялась и пошла ей навстречу.

– Могла бы позвонить, что придешь.

– Да, могла бы. Ты не видела Айвори? Никак его не найду.

– Я говорила с ним сегодня утром, но я ведь не слежу за ним с утра до ночи, да и музей для этого слишком велик. Тебя не было два дня, куда ты исчезла?

– Жанна, тебя ждет человек, с которым ты обедаешь. Может, ненадолго отложишь допрос?

– Я беспокоилась, вот и все.

– Ну посмотри, я в добром здравии, и тебе не о чем волноваться.

– Ты поужинаешь со мной сегодня?

– Пока не знаю, ведь сейчас только полдень.

– Куда ты так торопишься?

– Айвори написал мне эсэмэску, просил прийти к нему, но его нет на месте.

– Значит, он где-нибудь еще, я же тебе говорила, музей очень большой. Наверное, Айвори на другом этаже. У тебя к нему срочное дело?

– Кажется, твой приятель уже доедает твой десерт.

Жанна покосилась на своего коллегу, который терпеливо ждал ее, листая журнал. Когда она обернулась, ее сестры уже и след простыл.

Кейра прошла по второму этажу, потом по третьему, затем, охваченная сомнениями, повернула назад и снова подошла к кабинету Айвори. Дверь была открыта, профессор восседал в своем кресле. Он поднял голову:

– А вот и вы. Как это мило, что вы пришли.

– Я сюда уже поднималась, потом искала вас повсюду, но нигде не нашла.

– Надеюсь, вы не заходили в мужской туалет?

– Нет, – смущенно ответила Кейра.

– В таком случае это все объясняет. Устраивайтесь поудобнее, у меня есть новости для вас.

Радиоуглеродный анализ ничего не выявил: либо подарку Гарри больше пятидесяти тысяч лет, либо предмет имеет неорганическую природу, а значит, это не кусочек эбенового дерева.

– Когда нам его вернут? – поинтересовалась Кейра.

– Лаборатория обещала отправить его завтра, так что дня через два вы снова сможете надеть его на шею.

– Тогда скажите мне, сколько я вам должна. Вы ведь помните, мы договорились, что платим пополам.

– Поскольку результаты довольно туманны, лаборатория с нас ничего не возьмет. А расходы по пересылке составят примерно сотню евро.

Кейра выложила половину этой суммы на письменный стол профессора.

– Так что тайну мы не раскрыли. Может, это просто камень вулканического происхождения? – вновь заговорила она.

– Такой гладкий и шелковистый на ощупь? Сомневаюсь, к тому же ископаемые кусочки лавы довольно хрупки и имеют пористую структуру.

– Значит, пусть это будет просто кулон.

– Думаю, это мудрое решение. Я позвоню вам, как только мне вернут вашу вещицу.

Кейра вышла от Айвори и подумала, что надо зайти к сестре.

– Почему ты не сказала мне, что виделась с Максом? – спросила Жанна, едва Кейра переступила порог ее кабинета.

– Поскольку ты и так уже все знаешь, почему я должна об этом сообщать?

– Вы снова будете встречаться?

– Мы провели вместе вечер, а потом я отправилась к себе спать, если ты именно это хочешь узнать.

– И на все воскресенье осталась одна в своей квартирке?

– Я вообще с ним столкнулась случайно, и мы пошли погулять. А откуда тебе стало известно, что мы виделись? Он что, звонил тебе?

– Макс, с его-то самолюбием? Ты шутишь. После того как ты уехала, он не подавал признаков жизни, мне даже кажется, он запретил себе бывать на тех вечеринках, где мог встретить меня. Мы ни разу с ним не говорили после вашего расставания.

– Так откуда ты узнала?

– Одна моя подруга видела вас в отеле «Мерис», говорит, вы ворковали, как тайные любовники.

– Париж – очень маленький город! Так вот, мы не любовники. Просто старые знакомые, у которых нашлось время посидеть и поспорить. Не знаю, кто эта твоя болтливая подруга, но я ее ненавижу.

– Это кузина Макса, она тебя любит еще меньше, чем ты ее. А могу я спросить, что вы с Айвори затеяли?

– Мне очень нравится общаться с профессорами, и ты это прекрасно знаешь. Разве нет?

– Что-то я не припомню, чтобы Айвори когда-нибудь преподавал.

– Ты утомляешь меня своими вопросами, Жанна.

– Ну, если я тебя утомляю, то не стану говорить, что утром тебе принесли цветы. Карточка, которая прилагалась к букету, лежит у меня в сумке, но это, конечно, тебе совсем не интересно.

Кейра схватила крохотный конверт, раскрыла его и вытащила визитную карточку. Улыбнулась и сунула записку в карман.

– Я не смогу поужинать с тобой сегодня, Жанна. Так что оставляю тебя на милость твоих благонамеренных друзей.

– Кейра, будь осторожнее с Максом, ему понадобился не один месяц, чтобы собраться с силами и перевернуть страницу. Не стоит бередить старые раны, а вдруг ты скоро опять уедешь?

– Да, это было сильно: прочесть краткую лекцию о морали и в середине ее незаметно задать самый больной вопрос. В данном случае, должна отметить, ты блестяще сыграла роль старшей сестры. Макс на пятнадцать лет старше меня. Как ты думаешь, он способен сам управлять своей жизнью и своими чувствами или, может быть, следует предложить ему твои услуги? Сестра подлой потаскушки в качестве наставницы – лучше не придумать, ведь правда?

– За что ты меня так ненавидишь?

– Потому что ты все время судишь других.

– Ладно, Кейра, иди развлекайся, у меня много работы. Все правильно, ты не в том возрасте, когда слушают старшую сестру. Впрочем, ты никогда не следовала моим советам. А сейчас постарайся хотя бы не растерзать Макса в клочья, как в прошлый раз, это будет скверно и не пойдет на пользу твоей репутации.

– А что, у меня имеется репутация?

– После твоего отъезда люди распустили языки и высказывались на твой счет крайне нелестно.

– Знала бы ты, до какой степени мне плевать на этих сплетников, я уехала слишком далеко, чтобы их слышать.

– Ты – возможно, а вот я – нет, и я как могла защищала тебя.

– Что они всюду суют свой нос, эти людишки из твоего «круга общения»? И кто же эти добрые друзья, которые чешут языком, копаются в грязном белье и обливают других помоями?

– Полагаю, те, кто утешал Макса. И вот еще, напоследок. Если тебе вздумается спросить, доводила ли ты меня в детстве до ручки, отвечаю сразу: да.

Кейра вышла из кабинета Жанны, хлопнув дверью. Через пару минут она уже шагала по набережной Бранли к мосту Альма. Перейдя на другой берег реки, она облокотилась на парапет и стала наблюдать,

как баржа неспешно подходит к пешеходному мосту Дебилли. Кейра взяла мобильник и позвонила Жанне.

– Давай не будем ссориться при каждой встрече. Я приду к тебе завтра, и мы пойдем обедать – вдвоем, ты и я. Я тебе все расскажу о моих приключениях в Эфиопии, хотя вроде уже нечего добавить. А ты мне подробно расскажешь о том, как жила все это время, пока меня не было. Я готова еще раз выслушать твои объяснения, почему ты все-таки рассталась со своим Жеромом. Ведь его звали Жером, да?

Лондон

Уолтер ничего мне не говорил, но я видел, что он с каждым днем все больше приходит в отчаяние. Объяснить ему суть моей работы было так же нереально, как за неделю обучить китайскому языку. Астрономия и космология изучают такие огромные пространства, что привычные нам единицы измерения времени, скорости, расстояния в этих науках неприменимы. Пришлось придумать другие, многозначные, вычисляемые при помощи сложнейших уравнений. В нашей науке одни лишь неопределенности и вероятности, потому что мы идем вперед на ощупь и, будучи частичкой нашей Вселенной, неспособны даже вообразить ее истинные размеры.

Каждая фраза моего доклада заставляла Уолтера морщиться: то смысл какого-то термина казался ему туманным, то рассуждения выходили за пределы его понимания. Так продолжалось две недели кряду.

– Уолтер, давайте решим раз и навсегда: Вселенная ровная и плоская или она искривляется?

– Искривляется… наверное. Ну, если я правильно понял ваши слова, Вселенная, скорее всего, находится в вечном движении, она увеличивается в размерах, словно ткань, которую растягивают, увлекая за собой галактики, прикрепленные к ее нитям.

– Немного упрощенно, но в целом именно так можно сформулировать теорию расширяющейся Вселенной.

Уолтер уронил голову на руки. В этот довольно поздний вечерний час зал академической библиотеки уже опустел. Только над нашими столами горели лампы.

– Эдриен, я, конечно, всего лишь скромный управленец, но я каждый день провожу в стенах Академии и общаюсь с учеными. И все

же не понимаю ничего из того, о чем вы говорите.

Я заметил на одном из столов журнал, который кто-то из читателей забыл положить обратно на полку. На обложке красовался чудесный пейзаж Девоншира.

– Думаю, Уолтер, я знаю, как прояснить ваши мысли, – сказал я.

– Я вас слушаю.

– Вы меня уже достаточно наслушались, кажется, я нашел способ втолковать вам основные понятия науки о космосе. Настало время перейти от теории к практике. Следуйте за мной!

Я подхватил моего неизменного спутника под руку, и мы с ним, шагая в ногу, пересекли просторный холл библиотеки. Очутившись на улице, мы спешно поймали такси, и я приказал водителю как можно быстрее везти нас ко мне домой. Мы приехали, и я потащил Уолтера не к входной двери, а к маленькой пристройке.

– Это что, подпольный игорный зал, скрытый за железным занавесом? – насмешливо спросил Уолтер.

– Жаль вас разочаровывать, но это всего лишь гараж, – ответил я, поднимая металлические ворота.

Уолтер заглянул внутрь и присвистнул. Моя старенькая MG[5] выпуска 1962 года, конечно, в чем-то уступала современным городским автомобилям, но неизменно вызывала бурную реакцию зрителей.

– Мы едем на прогулку? – спросил восхищенный Уолтер.

– Если она пожелает завестись, – ответил я, вставляя ключ в замок зажигания.

Я несколько раз легонько надавил на педаль газа, и двигатель завелся с полоборота, довольно заурчав.

– Садитесь. И не ищите ремень безопасности – его здесь нет.

Минут через тридцать мы выехали за пределы города.

– Куда мы едем? – поинтересовался Уолтер, старательно приглаживая непокорную прядку волос надо лбом – единственную, которая еще уцелела.

– На берег моря, мы будем там через три часа.

Мы ехали быстро, над нами расстилалось звездное небо, а я думал о плато Атакама, куда меня по-прежнему тянуло, и о том, что там мне очень не хватало Лондона, хотя я этого тогда не понимал.

– Как вы сумели сохранить в таком отличном состоянии это чудо? Ведь вы уезжали на три года, а она стояла в гараже.

– Я оставил ее у знакомого автомеханика и на днях забрал.

– Он хорошо о ней заботился, – продолжал Уолтер. – У вас в бардачке не найдется ножниц?

– Нет, а зачем вам?

– Да так, ни за чем, – сказал он, проводя рукой по волосам.

В полночь мы миновали Кембридж, а два часа спустя прибыли на место. Я остановил MG на краю пляжа в Шерингеме, пригласил Уолтера пойти на берег моря и усадил рядом с собой на песок.

– Мы проделали такой путь, чтобы делать куличики? – спросил он.

– Если душа просит, я не имею ничего против. Однако цель нашей поездки иная.

– Жаль!

– Что вы видите, Уолтер?

– Песок.

– Поднимите глаза и скажите мне, что вы видите.

– Море. А что еще я должен видеть, сидя на берегу?

– А что вы видите на горизонте?

– Абсолютно ничего, ведь сейчас ночь и очень темно.

– И вы не видите свет маяка в Кристиансанде, у самого входа в порт?

– А где-то здесь есть остров? Я что-то не припоминаю.

– Кристиансанд находится в Норвегии, Уолтер.

– Вы такой смешной, Эдриен! Даже при моем хорошем зрении вряд ли можно увидеть норвежские берега! Может, вы еще попросите меня рассмотреть, какого цвета помпон на берете у служителя вашего маяка?

– Кристиансанд всего в семистах тридцати километрах от нас. Сейчас глубокая ночь, свет перемещается со скоростью 299 792 километра в секунду, так что свету маяка хватило бы всего две с половиной тысячных секунды, чтобы достичь нашего берега.

– Особенно приятно, что вы не забыли про половину тысячной доли секунды, а то бы я потерял нить ваших рассуждений!

– Итак, вы утверждаете, что не видите свет маяка в Кристиансанде?

– А вы видите? – с тревогой спросил Уолтер.

– Нет, его никто не может отсюда увидеть. И все же он там, прямо напротив нас, спрятанный за изгибом земной поверхности, как за невидимым холмом.

– Эдриен, мне кажется, вы сейчас пытаетесь мне объяснить, что мы проехали три сотни километров, дабы воочию убедиться в невозможности разглядеть маяк в норвежском городе Кристиансанде с восточного побережья нашей милой Англии. Если это так, то вам следовало просто рассказать мне об этом, не выходя из библиотеки, – клянусь, я поверил бы вам на слово.

– Вы спрашивали меня, почему так важно понять, что Вселенная искривляется. Ответ перед вами, Уолтер. Если бы на поверхности моря плавали мириады светоотражающих предметов, вы бы увидели, что все они светятся, отражая лучи маяка в Кристиансанде, притом что сам маяк нам не виден. Приложив старание, вы произвели бы нужные расчеты, догадались о его существовании и вскоре точно определили бы его местонахождение.

Уолтер посмотрел на меня так, будто у него на глазах со мной случился приступ безумия. Он сначала сидел разинув рот, потом растянулся на спине и стал созерцать небесный свод.

– Превосходно! – выдохнул он, вволю насмотревшись на звезды. – Я правильно понял: звезды у нас над головой – это те, что находятся с нашей стороны холма? А та, что вы ищете, расположена на другом, невидимом для нас склоне?

– Мы не можем быть до конца уверены, что холм этот – единственный, вот в чем дело, Уолтер.

– Вы намекаете на то, что наша Вселенная – не просто кривая, а нечто вроде аккордеона?

– Или она похожа на океан, по которому бегут волны.

Уолтер подложил руки под голову и замолк на несколько минут.

– И сколько же звезд у нас над головой? – спросил он, и голос у него был словно у зачарованного ребенка.

– На этом небе, таком, каким вы его видите, пять тысяч звезд, расположенных ближе всего к нам.

– Их действительно так много? – мечтательно спросил Уолтер.

– Их гораздо больше, но наши глаза в состоянии различить только те звезды, что удалены от нас не более чем на тысячу световых лет.

– Надо же, какое у меня хорошее зрение, я даже не догадывался! Подружке того парня, который работает на маяке в Кристиансанде, лучше не разгуливать перед окном нагишом, а то я увижу.

– Дело не в том, насколько остро ваше зрение, Уолтер. Сотни миллиардов звезд нашей галактики скрывает от нас облако космической пыли.

– Так у нас над головой сотни миллиардов звезд?

– Боюсь, у вас начнется головокружение, когда я сообщу вам, что во Вселенной сотни миллиардов галактик. Наш Млечный Путь – всего лишь одна из них, и в каждой – сотни миллиардов звезд.

– Постичь это невозможно.

– Тогда включите воображение: пересчитав все песчинки на планете, мы получили бы число, вероятно соответствующее количеству звезд в нашей Вселенной.

Уолтер снова сел и, ухватив горсть песка, дал песчинкам медленно просочиться между пальцами. Мы оба смотрели на небо, как мальчишки, околдованные грандиозностью этого бездонного пространства, и только шепот волн нарушал тишину.

– Думаете, где-то там есть жизнь? – спросил Уолтер серьезно.

– Среди ста миллиардов галактик, в каждой из которых сто миллиардов звезд и почти столько же солнечных систем? Вероятность того, что мы во Вселенной одни, почти равна нулю. Я не очень-то верю в маленьких зеленых человечков. Жизнь, конечно, существует, вот только каковы ее формы? Они могут быть любыми – от простой бактерии до сложных существ, поднявшихся гораздо выше нас по ступеням эволюции. Кто знает?

– Я вам завидую, Эдриен.

– Вы завидуете мне? Может, это звездное небо внушило вам мечты о моем чилийском плато – ведь я вам уши прожужжал, рассказывая о нем?

– Нет, я завидую вашим мечтам. Вся моя жизнь состоит из столбиков цифр, мелочной экономии, расходов, урезанных там и сям, а вы управляете немыслимыми числами, от которых мой настольный калькулятор, наверное, взорвался бы, и эти числа, стремящиеся к бесконечности, по-прежнему оживляют ваши детские мечты. Потому я вам и завидую. Я счастлив, что мы приехали сюда. И не важно, получим мы эту премию или нет, сегодня я уже могу сказать, что

выиграл. Послушайте, а вы не знаете какое-нибудь приятное место, куда мы могли бы отправиться на выходные, чтобы вы прочли мне курс лекций по астрономии?

Мы так и лежали на песке, подложив руки под голову, пока над пляжем Шерингема не забрезжил рассвет.

Париж

Сестры с грехом пополам помирились за обедом, который растянулся почти на всю вторую половину дня. Жанна согласилась рассказать про свое расставание с Жеромом. Однажды во время ужина у знакомых Жанна обратила внимание на то, как ее друг увивается вокруг своей соседки по столу, и у нее открылись глаза. На обратном пути она произнесла короткую фразу, имеющую глубокий смысл: «Нам надо поговорить».

Жером напрочь отрицал, что ему понравилась эта женщина, даже имени которой он не мог вспомнить. Проблема заключалась вовсе не в этом, Жанна хотела, чтобы Жером смотрел влюбленным взглядом на нее, а не на других, однако он за весь вечер вообще ни разу на нее не взглянул. Их объяснение продолжалось всю ночь, а утром они расстались. Месяц спустя Жанна узнала, что Жером переехал к той женщине, что сидела рядом с ним за столом в тот вечер. С тех пор Жанна часто размышляла о том, что порой люди сами торопят судьбу и толкают ее к переменам.

Она устроила Кейре допрос, требуя открыть ее намерения относительно Макса. Та решительно заявила, что никаких намерений нет и в помине.

Три года в Эфиопии приучили ее к мысли, что плыть по течению жизни, не делая наперед никаких прикидок и расчетов, – это не так уж плохо. Кейра больше всего любила свободу и не желала меняться.

Во время обеда ее мобильник буквально разрывался. Может, это звонил Макс, который хотел встретиться. Телефон все трезвонил, и Кейра наконец не выдержала и ответила. И услышала голос Айвори:

– Надеюсь, я не оторвал вас от дел.

– Нет, конечно, – сказала она.

– Отсылая назад ваш кулон, лаборатория перепутала адрес, и посылка вернулась обратно. Они сейчас же отправят ее сюда. Мне

крайне неловко, но боюсь, вы получите вашу драгоценность не ранее понедельника. Надеюсь, вы на меня не в обиде?

– Разумеется, нет, вы ведь тут ни при чем. Наоборот, мне очень жаль, что вы из-за меня потеряли столько времени.

– Не стоит, это меня развлекло, пусть даже наши изыскания закончились ничем. Мне должны доставить камень в понедельник днем, так что приходите ко мне на работу, и я приглашу вас на обед, чтобы загладить мою невольную вину.

Закончив разговор, Айвори сложил отчет лаборатории в Лос-Анджелесе, полученный час назад с курьерской почтой, и аккуратно положил его в карман пиджака.

Сидя на заднем сиденье такси, которое везло его к эспланаде у Эйфелевой башни, он осмотрел свои руки, покрытые коричневыми пятнышками, и грустно вздохнул:

– И надо тебе в твоем-то возрасте ввязываться в подобные дела? Ты даже не дождешься финала. И вообще, кому это нужно?

– Что вы сказали, месье? – спросил водитель, взглянув на пассажира в зеркало заднего вида.

– Простите, кажется, я говорил сам с собой.

– О, не извиняйтесь. Такое случается сплошь и рядом. В прежние времена мы всегда беседовали с пассажирами, а теперь они предпочитают, чтобы их не беспокоили. Вот мы и включаем радио – так вроде с кем-то общаешься.

– Что ж, если хотите, можете включить приемник, – заключил Айвори, улыбнувшись шоферу.

В очереди на лифт стояло не более двух десятков человек.

Айвори вошел в ресторан на втором этаже. Он окинул взглядом зал, жестом показал женщине-администратору, что его знакомый уже на месте, и направился к столику, где его ждал человек в темно-синем костюме.

– Почему вы не переслали результаты прямо в Чикаго?

– Чтобы американцы всполошились? Не стоит.

– А почему мы должны суетиться?

– Потому что тридцать лет назад именно вы, французы, сумели все спустить на тормозах. Кроме того, Париж, я знаю вас давно, вы человек неболтливый.

– Итак, слушаю вас, – произнес человек в темно-синем костюме чуть более любезным тоном.

– Попытка определить возраст объекта при помощи радиоуглеродного анализа ни к чему не привела. Тогда я отправил его на другое исследование – при помощи оптоэлектронного симулирующего устройства. Не буду вдаваться в технические детали, они очень утомительные и сложные, так что вряд ли вы все поймете, но результаты меня очень удивили.

– Что вам удалось выяснить?

– Ровным счетом ничего.

– Вы не получили никакого результата и вызвали меня на встречу? Вы что, рехнулись?

– Я предпочитаю личную беседу телефонному разговору. Будет лучше, если вы послушаете, что я вам скажу. Невозможность определить возраст предмета при помощи этого совершенного метода – это первая загадка. Судя по результату, вернее, его отсутствию, предмету по меньшей мере четыреста тысяч лет, и это вторая, еще большая загадка.

– То есть его можно сравнить с тем, о котором мы с вами знаем?

– Форма этого предмета несколько отличается от того, и о его составе я не могу сказать вам ничего определенного, как и составе того, который у нас имеется.

– Однако вы предполагаете, что они родственники.

– По двум предметам судить, конечно, трудно, однако их можно назвать родственными.

– Мы думали, что тот, которым мы располагаем, единственный в своем роде.

– Я так никогда не думал, и поэтому вы держали меня на расстоянии. Теперь вам стало понятнее, почему я организовал нашу встречу?

– Нет ли иных методов анализа, чтобы узнать об этом предмете побольше?

– Определение возраста при помощи урана, но теперь уже слишком поздно отправлять камень на анализ.

– Айвори, вы действительно уверены, что эти предметы связаны между собой, или просто пытаетесь осуществить ваши несбыточные мечты? Все мы знаем, что та находка вас глубоко взволновала; вам

тогда отказали в финансировании, и с этим было связано то, что вы решили нас покинуть.

– Я давно уже не в том возрасте, когда играют в подобные игры, а вы еще не доросли до того, чтобы получить право выдвигать против меня такие обвинения.

– Если я правильно вас понимаю, эти предметы схожи лишь тем, что оба они не поддаются анализу, которому их подвергали.

Айвори резко отодвинулся от стола, собираясь подняться и уйти.

– Вы можете устанавливать эту связь как вам угодно. Я выполнил свой долг. Как только я узнал, что, возможно, существует второй экземпляр, я всеми правдами и неправдами постарался его раздобыть, отправил на исследования, которые считал необходимыми, и предупредил вас. Отныне вам решать, как поступать дальше, ведь, как вы совершенно верно заметили, я уже давно на пенсии.

– Сядьте, Айвори, наш разговор еще не окончен. Когда мы сможем получить этот предмет?

– О том, чтобы его вам передать, не может быть и речи. В понедельник я намерен вернуть его владелице.

– Я думал, тот, кто вам его дал, – это мужчина.

– Я никогда вам такого не говорил, впрочем, это не имеет значения.

– Сомневаюсь, что наша организация в полной мере понимает, что происходит. Вы осознаете, сколь ценен этот предмет, если ваши предположения верны? Смириться с тем, что он будет свободно переходить из рук в руки, – чистое безумие.

– Да, психология в нашей конторе всегда была слабым местом. На данный момент владелица ни о чем не догадывается, и нет никакой причины что-либо менять. Она носит камень на шее: трудно найти другое столь же безопасное и укромное место. Нам не следует привлекать к себе внимание, а также хотелось бы избежать драки между филиалами в Женеве, Мадриде, Франкфурте и вашим – или еще неведомо с кем, ибо многие захотят наложить лапу на второй предмет. Пока мы станем выяснять, действительно ли речь идет о втором экземпляре, а об этом говорить пока рано, камень лучше как можно быстрее вернуть его юной владелице.

– А если она его потеряет?

– Неужели вы верите, что у нас он будет в большей сохранности?

– Fair enough[6], как говорят наши друзья англичане. Итак, пусть шея этой женщины отныне считается нейтральной территорией.

– Не сомневаюсь, она была бы польщена, если бы узнала.

Человек в синем костюме, который именовал себя Парижем, посмотрел в окно. Крыши Парижа тянулись насколько хватало глаз.

– Ваши рассуждения не выдерживают критики, профессор. Как узнать больше о камне, если его у нас нет?

– Порой я сомневаюсь, правильно ли поступил, что ушел на пенсию так рано. Вы ничего не усвоили из того, что я вам тут пытался втолковать. Если этот предмет и вправду близкий родственник нашего, то анализы нам ничего больше не покажут.

– Но техника в последние годы ушла далеко вперед.

– Единственное, в чем мы действительно продвинулись, – это наше знание контекста проблемы.

– Оставьте ваши лекции при себе! Что вы задумали на самом деле?

– Владелица камня – археолог, очень хороший археолог. Дикарка, решительная и отважная. Она не считается с вышестоящими, уверена, что она куда талантливее своих коллег, и делает только то, что сама решила. Так почему бы ей не поработать на нас?

– Из вас получился бы отличный директор по персоналу! Вы думаете, мы наймем ее, учитывая такую характеристику?

– Разве я вам об этом говорил? Она провела три года на раскопках в Эфиопии, в непростых условиях, и, если бы ее не выгнала оттуда эта проклятая буря, я уверен, она в конце концов нашла бы то, ради чего приехала.

– А почему вы так верите в то, что она в итоге добилась бы своей цели?

– У нее есть ценный козырь.

– Какой же?

– Удача!

– Она выиграла в лотерею?

– Гораздо лучше: не приложив ни малейших усилий, она получила этот предмет, ей просто его подарили.

– Это еще не доказательство ее высоких профессиональных качеств. Кроме всего прочего, я не представляю себе, каким образом

она сумеет раскрыть тайну, над которой мы так долго ломали голову, призвав на помощь все наши силы и средства.

– При чем тут средства? Главное – это страсть. Надо сделать так, чтобы у нее появилась веская причина заинтересоваться камешком, украшающим ее шею.

– Вы намекаете на то, что нам следует взять на себя управление этим свободным электроном?

– Управляемый нами, пусть и на расстоянии, этот электрон сохранит лишь видимость свободы.

– А отдавать ему команды будете вы?

– Нет, вы же знаете, комитет никогда на это не согласится. Но я сумею наладить процесс, вызвать любопытство нашей подопечной, возбудить ее аппетит. А в дальнейшем передам вам бразды правления.

– Да, любопытный подход. Не сомневаюсь, возникнут кое-какие возражения, но я сумею убедить малый комитет, тем более что этот проект не потребует серьезных дополнительных затрат.

– Однако я ставлю свое условие: вы будете выполнять одно правило, не подлежащее обсуждению. Предупредите ваш малый комитет, чтобы никому не пришло в голову его нарушать. Безопасность молодой женщины должна быть гарантирована в любое время и при любых обстоятельствах. Я требую безоговорочного согласия на сей счет всех руководителей филиалов, всех без исключения.

– Видели бы вы свое лицо, Айвори! Ни дать ни взять старый шпион. Почитайте газеты, холодная война давно закончилась. Между нами установилось полнейшее сердечное согласие. Скажите честно, за кого вы нас принимаете? Кстати, речь идет всего лишь о камне, пусть и с любопытным прошлым, – но это ведь только камень.

– Если бы мы были убеждены в том, что речь идет о простом камешке, мы бы не сидели здесь вдвоем и не играли в старых конспираторов, как вы отметили. Возможно, вам кажется, что я впал в детство, но вы ошибаетесь.

– Ладно, услуга за услугу. Предположим, я все сделаю для того, чтобы убедить комитет в преимуществах нашего проекта. Но как я докажу, что ваша подопечная сумеет добыть для нас важные сведения, притом что все наши усилия до сих пор не увенчались успехом?

Айвори понял, что придется сделать то, чего ему совсем не хотелось: дать собеседнику еще немного информации – иначе его не

убедить.

– Все вы считали, что предмет, коим вы обладаете, – единственный в своем роде. И вдруг появляется второй. Если они, как вы их инстинктивно назвали, «родственники», то нет никаких оснований полагать, что их только два.

– Вы намекаете на то, что…

– Что родственников в этой семье может оказаться много? Я всегда так думал. Я также думал, что, чем больше мы получим возможностей найти другие подобные образцы, тем больше у нас будет шансов понять, что же на самом деле у нас в руках. То, что хранится у вас в сейфе, – только один из фрагментов, соберите недостающие кусочки, и вы увидите, что реальность чревата такими последствиями, коих вы и представить себе не могли.

– И вы предлагаете взвалить все бремя ответственности на женщину, которую сами назвали неуправляемой?

– Не будем преувеличивать. Забудьте про ее характер, нам нужны ее знания и способности.

– Айвори, мне все это не нравится. Дело закрыто давным-давно, и лучше к нему не возвращаться. Мы и так уже потратили кучу денег неведомо на что.

– Вот тут вы ошибаетесь! Мы потратили приличные деньги на то, чтобы никто ни о чем не узнал, – это не одно и то же. Сколько еще времени вы сумеете хранить тайну этого предмета, если кто-нибудь другой сумеет разгадать его суть?

– При условии, что такое произойдет!

– И вы намерены рисковать?

– Не знаю, Айвори. Я составлю отчет, они его обсудят и примут решение, и мы с вами встретимся в ближайшие дни.

– У вас есть время до понедельника.

Айвори попрощался со своим собеседником и встал из-за стола. Перед тем как уйти, он наклонился к Парижу и шепнул ему на ухо:

– Передайте им от меня привет, скажите, что это последняя услуга, которую я им оказываю, и выразите мою искреннюю неприязнь сами знаете кому.

– Непременно.

Кент

– Эдриен, хочу кое в чем вам признаться.

– Час уже поздний, Уолтер, да и вы совсем пьяны.

– Вот-вот, сейчас или никогда.

– Предупреждаю вас: что бы вы ни хотели мне поведать, лучше воздержитесь. Сегодня вы в таком состоянии, что завтра пожалеете о сказанном.

– Нет. Помолчите и выслушайте меня. Иначе я собьюсь. Я влюбился, вот.

– В принципе это хорошая новость. Тогда к чему этот серьезный тон?

– Потому что главное заинтересованное лицо об этом не знает.

– Да, это все усложняет. А о ком идет речь?

– Мне бы не хотелось говорить.

– Как хотите.

– Речь идет о мисс Дженкинс.

– О секретаре, принимающем посетителей у нас в Академии?

– О ней са́мой. Вот уже четыре года, как я по ней с ума схожу.

– И она ни о чем не догадывается?

– Даже при всей ее опасной женской интуиции, думаю, подозрения у нее возникли раз или два, не больше. Надеюсь, я достаточно хорошо все скрываю. По крайней мере, достаточно хорошо для того, чтобы проходить мимо ее стола каждый день и не краснеть, осознавая, как я смешон.

– Целых четыре года, Уолтер?

– Сорок восемь месяцев, я точно подсчитал, я даже праздновал годовщину за несколько дней до того, как вы вернулись из вашей чилийской командировки. Не расстраивайтесь, праздника я не устраивал.

– Но почему вы ей не сказали?

– Потому что я трус, Эдриен, – продолжал Уолтер, икнув. – Ужасный трус. Хотите, я скажу вам, что самое волнующее в этой истории?

– Нет, не уверен, что хочу это слышать!

– Так вот, все это время я храню ей верность.

– Ничего себе!

– Теперь вы понимаете всю нелепость ситуации. Женатые мужчины, которым повезло жить с теми, кого они любят, ищут способ

обмануть своих жен, а я верен женщине, которая даже не знает, что я питаю к ней слабость. И пожалуйста, не повторяйте свое «ничего себе»!

– Я и не собирался. А почему бы ей все не рассказать? Прошло уже столько времени. Чем вы рискуете?

– Чтобы все испортить? Вы ненормальный! Если она мне откажет, я уже не смогу думать о ней, как прежде. Поглядывать на нее тайком, как сейчас, будет верхом неприличия. Что вы на меня так смотрите, Эдриен?

– Ничего. Я только думаю: а завтра, когда вы протрезвеете – это случится не ранее полудня, с учетом количества выпитого, – вы расскажете мне свою историю точно так же или по-другому?

– Я ничего не выдумываю, Эдриен, клянусь вам, я безумно влюблен в мисс Дженкинс. Но между нами такая дистанция, что ее можно сравнить с расстояниями в вашей Вселенной, где повсюду холмы, мешающие разглядеть, что находится с другой стороны. Мисс Дженкинс находится на маяке в Кристиансанде, – продолжал Уолтер, указывая пальцем на восток, – а я – несчастный кашалот, которого выбросило на английский берег! – воскликнул он, тыча кулаком в песок.

– Уолтер, я вполне понимаю то, что вы описываете, но расстояние, отделяющее ваш письменный стол от стола мисс Дженкинс, измеряется не в световых годах, а в ступеньках лестницы.

– А как же теория относительности? Вы думаете, она распространяется только на вашего приятеля Эйнштейна? Для меня каждая ступенька этой лестницы так же далека, как ваши галактики!

– Мне кажется, Уолтер, самое время пойти в гостиницу.

– Нет, продолжим нашу вечеринку, а вы – свои объяснения. Завтра я, наверное, уже ничего не вспомню, но это не важно. Мы отлично проведем время, и только это имеет значение.

Пьяный благодушный Уолтер был смешон, но мне было больно на него смотреть. Мне казалось, после Атакамы я знаю, что такое одиночество. Но мог ли я вообразить, как мучительно изо дня в день жить в разлуке с любимой женщиной, когда тебя отделяют от нее всего три этажа, а ты не в силах признаться ей в своих чувствах!

– Уолтер, может, мне устроить ужин и пригласить на него мисс Дженкинс и вас?

– Нет, боюсь, прошло уже слишком много времени, и я не осмелюсь с ней заговорить. Впрочем, может, вы все-таки повторите свое предложение завтра днем? Лучше – ближе к вечеру.

Париж

Кейра опаздывала, она поспешно натянула джинсы, свитер, кое-как причесалась. Оставалось только найти связку ключей. Она мало спала в выходные, и тусклый свет дня не сумел взбодрить ее. Найти такси в Париже в утренние часы равносильно подвигу. Она прошла пешком до Севастопольского бульвара, оттуда дошагала до набережной Сены; всякий раз, стоя на переходе, она поглядывала на свое запястье: часы она забыла дома. Какая-то машина заехала на полосу для автобусов и затормозила рядом с Кейрой. Водитель наклонился, опустил стекло и окликнул ее по имени:

– Тебя подвезти?

– Макс, это ты?

– Я что, так изменился со вчерашнего дня?

– Нет, но я не ожидала тебя здесь встретить.

– Успокойся, я не слежу за тобой. В этом квартале довольно много типографий, моя находится на улице, что у тебя за спиной.

– Ты рядом с работой, так что я не хочу нарушать твои планы.

– А кто тебе сказал, что я еду туда, а не оттуда? Садись, а то я вижу автобус, он вот-вот подъедет и будет мне сигналить.

Кейра не заставила себя упрашивать, открыла дверцу и уселась рядом с Максом.

– Набережная Бранли, Музей искусств и цивилизаций. Водитель, поторопитесь, я опаздываю.

– Но хоть на один поцелуй я имею право?

Тут, как и предсказывал Макс, раздался такой оглушительный гудок, что они оба вздрогнули: к ним вплотную подъехал автобус. Макс тронулся с места и быстро перестроился в другой ряд. Они ехали в плотном потоке машин, Кейра нетерпеливо постукивала ногой, то и дело посматривая на часы на приборной доске.

– Ты, похоже, действительно очень торопишься.

– Да, у меня назначена встреча за обедом… четверть часа назад.

– Если это мужчина, я уверен, он тебя подождет.

– Да, это мужчина, только не надо этих намеков, он вдвое старше тебя.

– Ты всегда предпочитала зрелых мужчин.

– Если бы это было так, мы бы с тобой не встречались.

– Один – ноль. Мяч в центре поля. Кто он?

– Один профессор.

– А что он преподает?

– Слушай, вот забавно! – удивленно заметила Кейра. – Я даже его не спросила.

– Не хочу показаться нескромным, но ты мчишься через весь город под дождем, чтобы пообедать с неким профессором, и даже не знаешь, что он преподает.

– Да какая разница, все равно он на пенсии.

– А почему вы решили вместе пообедать?

– Это долгая история. Смотри лучше на дорогу, и давай выбираться из пробки. Речь идет о кулоне, который подарил мне Гарри. Я долго думала, откуда взялся этот камень. Профессор считает, что он очень древний. Мы попытались установить его возраст, но у нас ничего не вышло.

– А кто такой Гарри?

– Макс, не мучай меня своими вопросами. Гарри вчетверо тебя моложе. И живет он в Эфиопии.

– Да, для серьезной конкуренции он слишком юн. Ты покажешь мне этот древний камень?

– У меня его сейчас нет. Я как раз собиралась его забрать.

– Хочешь, я попрошу моего друга, специалиста по древним камням, на него взглянуть?

– Думаю, не стоит беспокоить твоего друга. Мне кажется, этому старому профессору просто стало скучно, и он нашел повод немного развлечься.

– Передумаешь – не стесняйся, скажи мне. Вот и пробка на набережной рассосалась, мы будем на месте через десять минут. И где же юный Гарри нашел камень?

– На маленьком вулканическом островке посреди озера Туркана.

– Может, это застывшая лава?

– Нет, этот предмет невозможно расколоть. Я не могла даже проделать в нем отверстие. Чтобы повесить его на шею, мне пришлось

обвязать его тонким кожаным шнурком. Кроме того, должна отметить, он на удивление гладко отполирован, просто идеально.

– Ты меня заинтриговала. Предлагаю тебе поужинать сегодня вечером вдвоем, и ты мне покажешь эту загадочную подвеску. Я, конечно, завязал с археологией, но кое-что еще помню.

– Заманчиво, почему бы нет? Но сегодня, Макс, я должна провести вечер с сестрой. Мы долго не виделись, надо наверстать упущенное. С тех пор как я вернулась, мы только и знаем, что треплем друг другу нервы. Я уже нашла себе два или три оправдания, а может, двенадцать или тринадцать, в общем, добрых три десятка.

– Мое приглашение остается в силе на все вечера до конца недели. А вот и твой музей. Ты почти не опоздала, часы у меня в машине спешат на пятнадцать минут.

Кейра поцеловала Макса в лоб и выскочила на тротуар. Он хотел сказать ей, что позвонит ближе к вечеру, но она уже убежала.

– Мне так стыдно, что я заставила вас ждать, – смущенно выпалила Кейра, настежь распахнув дверь и пытаясь отдышаться. – Айвори!

Она поняла, что комната пуста. Внимание Кейры привлек листок бумаги на столе под лампой. Строчки были тщательно зачеркнуты, но она все же разобрала длинный ряд цифр, слова «озеро Туркана» и свое собственное имя. Внизу листка она увидела умело выполненный рисунок, изображавший ее медальон. Конечно, Кейре не следовало обходить стол, не следовало садиться в кресло профессора и уж тем более выдвигать средний ящик. Но он оказался не заперт, а всякому археологу свойственно любопытство, такова его натура. Она обнаружила в ящике старую тетрадь в потрескавшейся кожаной обложке. Положила ее на стол и, едва открыв, увидела на первой же странице другой рисунок, видимо сделанный много лет назад. Предмет на этом рисунке необычайно походил на тот, что она носила на шее. Раздался звук шагов, и Кейра подскочила от неожиданности. Только она успела привести все в порядок и нырнуть под стол, как в кабинет кто-то вошел. Скрючившись на полу, как нашкодивший ребенок, Кейра старалась не дышать. Вошедший постоял совсем рядом с ней, ткань его брюк колыхалась в нескольких сантиметрах от ее лица. Потом свет

погас, тень проплыла обратно к двери, ключ повернулся в замке, и в кабинете старого профессора воцарилась тишина.

Кейра несколько минут приходила в себя, потом покинула свое убежище и, подойдя к двери, повернула ручку. К счастью, защелка открывалась изнутри. Почувствовав себя на свободе, Кейра выскочила в коридор, стремительно сбежала по лестнице на первый этаж, поскользнулась и растянулась во весь рост. Чьи-то заботливые руки помогли ей приподняться. Кейра повернулась и, увидев перед собой лицо Айвори, издала пронзительный вопль, эхом раскатившийся по всему холлу.

– Вы сильно ушиблись? – озабоченно спросил профессор, опустившись рядом с ней на колени.

– Нет, я просто очень испугалась!

Посетители музея, остановившиеся поглазеть на эту необычную сцену, разошлись. Инцидент был исчерпан.

– Понятное дело, вы здорово поскользнулись! Так можно себе все кости переломать. Что это вам вздумалось так носиться? Вы немного опоздали, но нельзя же из-за этого жизнью рисковать.

– Извините меня, – смущенно пробормотала Кейра, поднимаясь с пола.

– Где вы были? Я попросил дежурных на входе предупредить вас, что я буду ждать вас в саду.

– Я поднялась к вам наверх, но кабинет был заперт, и я со всех ног понеслась вниз, решив, что найду вас на первом этаже.

– Вот какие неприятные истории случаются с теми, кто опаздывает. Пойдемте, я умираю с голоду, а в моем возрасте нужно принимать пищу строго по часам.

Уже во второй раз за этот день Кейра почувствовала себя провинившимся ребенком, застигнутым на месте преступления.

Они устроились за тем же столиком, что и в прошлый раз. Айвори явно пребывал в дурном расположении духа, он уткнулся в меню и сидел молча.

– Могли бы разнообразить свою кухню, каждый раз предлагают одно и то же, – проворчал он. – Советую вам взять ягненка, это лучшее из того, чем здесь кормят. Две порции филе ягненка, – скомандовал он подошедшей официантке.

Внимательно глядя на Кейру, профессор развернул салфетку.

– Да, пока я не забыл, – произнес он, вытаскивая кулон из кармана пиджака, – возвращаю то, что вам принадлежит.

Кейра взяла камень в руки и долго смотрела на него. Потом сняла с шеи кожаный шнурок и обвязала камень так, как учил ее Гарри: крест-накрест, два раза спереди, один раз сзади. И повесила его на шею.

– Должен отметить, так он смотрится куда более выигрышно, – воскликнул Айвори, улыбнувшись в первый раз за все время.

– Спасибо, – сказала Кейра, немного оробев.

– И все-таки, надеюсь, не я заставляю вас краснеть. Так почему вы опоздали?

– Мне очень стыдно, профессор, я могла бы выдумать кучу оправданий, но на самом деле я проспала. Ужасно глупо, правда?

– Знали бы вы, как я вам завидую! – расхохотался Айвори. – Я не спал до обеда, наверное, уже лет двадцать. Стареть не так уж весело, ко всему прочему и дни становятся длиннее. Ну хорошо, довольно болтовни, я здесь не для того, чтобы докучать вам своими проблемами со сном. Мне очень нравятся люди, которые говорят правду. На сей раз я вас прощаю. Пожалуй, не стану больше делать строгое лицо, поскольку вас это смущает.

– Так вы это делали нарочно?

– Разумеется!

– Значит, мы не получили никаких результатов? – спросила Кейра, теребя кулон.

– Увы, нет.

– И вы не представляете себе, сколько лет этой вещице?

– Нет, – ответил профессор, стараясь не смотреть Кейре в глаза.

– А можно мне задать вам один вопрос?

– Вы это только что сделали, так что переходите прямо к тому, что вас интересует.

– А что вы преподавали?

– Религию! Только не в том смысле, который всем привычен. Я попытался понять, на каком этапе эволюции человек решил поверить в высшую силу и назвать ее Богом. Этому я посвятил свою жизнь. Вам известно, что в окрестностях Назарета около ста тысяч лет назад первобытные люди, Homo sapiens, предали земле – наверное, впервые в истории человечества – останки женщины примерно двадцати лет? У

ее ног лежало тело шестилетнего ребенка. Те, кто раскопал это захоронение, обнаружили там изрядное количество красной охры. На другом участке, неподалеку оттуда, археологи нашли еще тридцать подобных захоронений. Все тела лежали в позе зародыша, все были покрыты охрой, и в каждой могиле находились ритуальные предметы. Вероятно, это и были первые проявления религиозности. Может быть, к горю, связанному с потерей близких, прибавилась настоятельная потребность воздавать почести смерти? Может, именно в тот момент родилась вера в иной мир, где мертвые продолжают жить?

На сей счет существует множество теорий, и мы, наверное, никогда не узнаем, на каком этапе эволюции человек по-настоящему уверовал в Бога. Окружающий мир в равной мере завораживал и пугал его, и человек начал обожествлять все, что было сильнее его. Он по-своему объяснил тайну рассвета и сумерек, тайну звезд у него над головой, волшебную смену времен года, метаморфозы природы и своего собственного тела, трансформирующегося под действием времени до тех пор, пока некая сила не оборвет его жизнь на последнем вздохе. Все наскальные рисунки, а они обнаружены более чем в ста шестидесяти странах, имели определенное сходство – разве это не чудо? Везде встречался красный цвет, главный символ связи с иным миром. Почему человеческие существа, в каком бы уголке земли они ни жили, изображены в молитвенной позе: они застыли, воздев руки к небу? Вот видите, Кейра, мои исследования не так уж далеки от ваших. Я разделяю вашу точку зрения. Мне нравится, в каком направлении вы ведете ваши поиски. Первый человек – это действительно тот, кто первым стал ходить выпрямившись? Или тот, кто первым обточил дерево или камень и создал орудия труда? А может, первый человек – тот, кто впервые оплакал смерть близкого и понял, что его уход тоже неизбежен? Или тот, кто первым поверил в высшую силу? Или тот, кто первым выразил свои чувства? С помощью каких слов, жестов, подношений первый человек дал понять, что он любит? И к кому он обращался, признаваясь в любви, – к родителям, к женщине, к детям – или к Богу?

Кейра оставила в покое свой кулон, положила ладони на стол и внимательно посмотрела на профессора.

– Вполне возможно, мы никогда не найдем на это ответа.

– Откуда вам знать? Все возможно, были бы только терпение, решимость и живой ум. То, что издали казалось туманным, вблизи становится ясным и понятным.

– Зачем вы мне все это говорите?

– Вы копали землю в поисках кучки окаменелых костей, полагая, что благодаря им сумеете проникнуть в тайну происхождения человечества, и на это вы угробили три года своей жизни. Надо было, чтобы мы встретились и чтобы я разбудил ваше любопытство, – в противном случае вы никогда не взглянули бы повнимательнее на тот необычный предмет, который носите на шее.

– Какое-то странное сравнение! Нет никакой связи между этим камнем и…

– Это не скальная порода и не дерево, мы не способны определить, из чего он состоит. Он столь совершенен, что заставляет сомневаться в его природном происхождении. Вы по-прежнему считаете мое сравнение странным?

– Что вы пытаетесь мне сказать? – спросила Кейра, крепко стиснув в руке кулон.

– А если то, что вы все эти годы искали, висит сейчас у вас на шее? С того дня, как вы вернулись во Францию, вы только и мечтаете уехать обратно в долину Омо, не так ли?

– А что, это так заметно?

– Долина Омо – у вас на груди, милая барышня. Или по меньшей мере одна из величайших тайн, которые она скрывает.

Кейра немного помолчала, а потом залилась смехом.

– Айвори, я уже почти вам поверила. Вы говорили так убедительно, у меня даже мурашки по коже бегали. Я понимаю, в ваших глазах я всего лишь юная археологиня, которая вдобавок опаздывает на встречи, но всё же… У нас нет ни малейшего основания предполагать, что этот предмет имеет хоть какую-нибудь научную ценность.

– Я снова хочу задать вам вопрос. Как вы объясните, что этот предмет так великолепно отполирован, если известно, что он гораздо старше, чем можно вообразить? Почему от него не удалось отделить ни единого фрагмента даже при помощи самой современной техники, не удалось и определить его возраст, хотя мы воспользовались весьма надежным методом?

– Признаюсь, меня это заинтриговало, – согласилась Кейра.

– Я очень рад, что вы тоже задавали себе этот вопрос, дорогая Кейра. И еще более я рад, что познакомился с вами. Видите ли, сидя в моем скромном кабинете наверху, я уже почти не надеялся, что успею сделать свое последнее открытие, – согласитесь, это маловероятно. Однако благодаря вам я тоже сумел опровергнуть законы статистики.

– Мне это приятно, – сказала Кейра.

– Я не имел в виду ваш кулон. Узнать, что он такое, – это ваше дело.

– Но тогда о каком же открытии вы говорите?

– О встрече с потрясающей женщиной!

Айвори поднялся и вышел из-за стола. Кейра смотрела ему вслед, он обернулся в последний раз и едва заметно помахал своей новой подруге.

Лондон

У нас оставалась последняя неделя, чтобы подать документы на конкурс. Работа над проектом не оставляла мне времени ни на что другое. У нас с Уолтером установилась привычка ежедневно, ближе к вечеру, встречаться в библиотеке Академии, там я рассказывал ему о том, что успел сделать за день. Затем следовала репетиция моего выступления, часто перераставшая в споры, и наконец мы шли ужинать в соседний индийский ресторанчик. У тамошней официантки было такое смелое декольте, что ни я, ни Уолтер не могли оставаться к нему равнодушными. После ужина, как обычно не удостоившись ни единого взгляда упомянутой официантки, мы отправлялись на берег Темзы, где наши беседы продолжались. Даже в дождь мы не отменяли наши ночные прогулки.

Но в тот вечер я приготовил моему спутнику сюрприз. Моя MG уже несколько дней капризничала, как это часто случается с пожилыми дамами, поэтому на станцию Юстон, что неподалеку от вокзала Кинг-Кросс, нас доставило такси. Время поджимало, и, вместо того чтобы отвечать на заданный в сотый раз вопрос Уолтера «Куда мы едем?», я схватил его за руку, и мы понеслись со всех ног к перрону, откуда отходил наш поезд. Вагоны вздрогнули и едва заметно поползли вперед, я втолкнул Уолтера на площадку последнего вагона и сам

запрыгнул на нее, уцепившись за поручень. Рельсы уже скрежетали под колесами поезда.

Остались позади предместья Лондона, следом уплыли и сельские пейзажи, уступив место пригородам Манчестера.

– Манчестер? Что мы собираемся делать в Манчестере в десять часов вечера? – удивленно спросил Уолтер.

– А кто вам сказал, что мы уже на месте?

– Вы разве не слышали, как контролер объявил: «Конечная остановка. Прошу всех выйти из вагона»?

– Вы забыли, дорогой Уолтер, что существуют пересадки? Хватайте вашу сумку, и поживее, у нас от силы десять минут.

Мы снова пустились бежать, на сей раз по подземным переходам вокзала. И вскоре уже сидели в поезде, увозившем нас на юг.

На маленькой станции Холмс-Чепл в тот вечер, кроме нас, не было ни души. Начальник вокзала, дунув в свисток, отправил состав, из которого мы вышли. Огоньки уходящего поезда скрылись в темноте. Я с нетерпением поглядывал на часы, ища взглядом машину: нас должны были встречать. По-видимому, тот, кого я ждал, опаздывал.

– Итак, сейчас половина одиннадцатого, вместо ужина вы мне подсунули этот ужасный сэндвич с пересушенной индейкой и мокрым огурцом – очень мило с вашей стороны! Мы в деревенской глуши, это выражение в данном случае более чем уместно. Вы намерены мне объяснить, что мы здесь делаем, – да или нет?!

– Нет!

Уолтер метал громы и молнии, а я испытывал истинное удовольствие, наблюдая, как он бесится. Наконец на узкой дороге, идущей вдоль путей, показался старенький «хиллман»[7] 1957 года выпуска. Я тотчас же его узнал. Значит, Мартин не забыл о встрече, которую я назначил ему накануне по телефону.

– Извините, я опоздал, – проговорил он, вылезая из машины через багажник. – Мы все занимались тем, что привело вас сюда, и я не мог освободиться раньше. Полезайте же скорее в машину, а то все пропустите! Простите, но я вынужден просить вас воспользоваться дверцей багажника, остальные не открываются с тех пор, как я случайно оторвал от них ручки, а запасных частей к этим машинам давно не выпускают.

Это была уже не машина, а куча ржавого металлолома, по всему переднему бамперу шли длинные трещины. Уолтер дрожащим голосом спросил у меня, далеко ли нам ехать. Несколько коротких приветственных фраз – и Мартин первым заполз в машину, перевалившись через спинку заднего сиденья, и уселся за руль. Мы последовали за ним. Как только все оказались на месте, Мартин попросил Уолтера захлопнуть багажник, только не слишком сильно. Вокзал остался позади, и мы покатили по ухабистым дорогам Макклесфилда.

Уолтеру пришлось смириться с тем, что ему не за что держаться: кожаная петля над дверцей, висевшая на честном слове, оторвалась, едва он за нее схватился. Я наблюдал краем глаза, как мой несчастный спутник, на секунду заколебавшись, незаметно сунул ее в карман.

– Думаю, все обошлось, – сообщил он мне, когда развалюху Мартина на повороте едва не вынесло с дороги. – Индейка с огурцом окончательно помирились, видимо, навсегда.

– Извините, что я так гоню, но нам ни в коем случае нельзя пропустить это явление. Держитесь, скоро приедем.

– И за что же вы предлагаете мне держаться? – вскричал Уолтер, вынув из кармана петлю и потрясая ею в воздухе. – Куда мы все-таки едем?

Мартин удивленно покосился на меня, но я сделал ему знак, чтобы он молчал. Всякий раз, как мы выходили из виража, Уолтер испепелял меня взором. Злость его внезапно испарилась, когда перед нами возник гигантский силуэт антенны телескопа. Мы приехали в обсерваторию Джодрелл-Бэнк.

– Вот черт! – выдохнул Уолтер. – Никогда не видел это так близко.

Обсерватория Джодрелл считалась одним из подразделений факультета астрономии Манчестерского университета. Я провел там несколько месяцев во время учебы. Тогда я и подружился с Мартином: он устроился на работу в обсерваторию, в студенческие годы женившись на некой Элеонор Отуэлл, наследнице небольшой местной молочной империи. Элеонор бросила его после пяти лет безоблачного, как нам казалось, брака. Она уехала в Лондон с лучшим другом Мартина, как и она, богатым наследником, отпрыском семьи финансистов, обладавшим еще более крупным состоянием, чем она с ее молочными реками. Мы с Мартином никогда не касались этой

болезненной темы. Обсерватория Джодрелл была единственной в своем роде. Ее самая важная часть, параболическая антенна, имела семьдесят шесть метров в диаметре. Над этой металлической колыбелью на семьдесят семь метров над землей вздымалась стрела радиотелескопа, третьего по мощности в мире. Рядом с главным телескопом стояли еще три, размером поменьше. Обсерватория Джодрелл была частью обширной системы антенн, размещенных на территории Англии; связанные друг с другом, они составляли единую сеть, собиравшую информацию, поступавшую из космического пространства. Сеть получила название Мерлин, увы, не в честь легендарного волшебника. В данном случае Мерлин – это акроним, сложенный из начальных букв фамилий ученых. Задача астрономов, работавших в обсерватории, состояла в обнаружении метеоритов, квазаров, пульсаров, гравитационных линз[8] у границ галактик, а также в поиске черных дыр, образовавшихся при рождении нашей Вселенной.

– Мы увидим черную дыру? – завопил Уолтер в приливе энтузиазма.

Мартин улыбнулся и воздержался от ответа.

– Как там, в Атакаме? – спросил он меня, пока Уолтер, пыхтя, выползал из машины.

– Потрясающе, и команда что надо, – ответил я, внезапно загрустив, и мой давний коллега сразу же это почувствовал.

– А почему ты не хочешь присоединиться к нам? У нас, конечно, оборудование поскромнее, зато люди в команде удивительные.

– Я в этом не сомневаюсь. Никогда бы мне не пришло в голову сказать, что мои коллеги с плато Атакама в чем-то превосходят твоих собратьев по обсерватории Джодрелл. Мне не хватает чилийского воздуха, пустынных плато высоко в горах, прозрачных ночей. Но сейчас мы здесь, и я признателен тебе за это.

– Так что? – заворчал Уолтер, выбравшись на лужайку. – Мы пойдем смотреть на черную дыру или нет?

– Ну да, в некотором роде, – протянул я и полез наружу, тогда как Мартин, сидевший в машине, пытался подавить приступ смеха.

Коллеги Мартина поздоровались с нами и тотчас же вернулись к работе. Уолтер надеялся заглянуть в объектив телескопа и расстроился, когда я объявил, что ему придется удовольствоваться картинками на

экранах мониторов, установленных в том зале, где мы находимся. Все волновались, и это чувствовалось. Каждый сидел у своей панели управления, не отрывая от нее глаз. Временами издали слышался скрежет антенны, которая поворачивалась на несколько миллиметров на своей гигантской металлической оси. Потом наступала полная тишина, и все прислушивались к сигналам, долетавшим до Земли из глубины времен.

Чтобы избавить коллег Мартина от назойливости Уолтера, донимавшего их бесконечными вопросами, я повел его в глубь здания.

– Почему они все так психуют? – шепотом осведомился он.

– Здесь вы можете говорить громко, вы их не побеспокоите. Нынче вечером они надеются увидеть рождение черной дыры. Это редкое явление в жизни радиоастронома.

– А членам комиссии вы расскажете о черных дырах?

– Обязательно.

– Тогда начинайте, я слушаю.

– Черные дыры – самое загадочное и малоизученное явление в астрономии. Они удерживают даже свет.

– Так откуда же вы знаете, что они существуют?

– Они формируются во время катастрофического сжатия гигантских звезд, многократно превышающих размерами наше Солнце. Оболочка таких звезд невероятно тяжелая, и ничто не может помешать ей рухнуть под собственным весом. Когда частицы материи, большие или малые, приближаются к черной дыре, она приходит в резонанс и гудит, как колокол. Этот звук, который достигает Земли, соответствует ноте си-бемоль. На пятьдесят семь октав ниже до среднего регистра. Вы представляете себе, можно слушать музыку, исходящую из недр Вселенной.

– Это почти невероятно, – вздохнул Уолтер.

– Бывает кое-что еще менее вероятное. Вокруг черной дыры пространство и время искривляются, и течение времени замедляется. Человек, отправившийся в путешествие к границе черной дыры, если не будет проглочен ею, вернется на Землю гораздо более молодым, чем его оставшиеся дома ровесники.

Когда мы вновь вошли в зал, где мои собратья астрономы ждали рождения черной дыры, Уолтер вел себя иначе. Он подолгу смотрел на экраны, где возникали крохотные черные точки, свидетели далеких

эпох, когда человечества еще в помине не было. В 3.07 по залу, где мы находились, разнеслось такое оглушительное «ура», что стены задрожали. Мартин, обычно флегматичный, высоко подпрыгнул, едва не завалившись навзничь. То, что появилось на экране, служило неопровержимым доказательством свершившегося. Завтра все мировое астрономическое сообщество порадуется открытию своих британских коллег. Тут я подумал о моих друзьях с плато Атакама: может, они тоже вспомнят обо мне.

Уолтера околдовал мой рассказ об искривлении времени. На следующий день Мартин, отвозя нас на станцию Холмс-Чепл, поведал Уолтеру, что мечтает обнаружить и описать так называемую «червоточину». Едва оправившись от свалившейся на него информации о черных дырах, Уолтер сперва решил, что над ним пошутили, а потом стал требовать, чтобы Мартин объяснил ему, что к чему. Мартину и без того еле удавалось удерживать свою старую машину на дороге, так что пришлось мне втолковывать Уолтеру, что червоточинами астрономы называют своеобразные туннели, соединяющие точки пространства-времени по кратчайшему пути. Они словно двери, ведущие из одной точки Вселенной в другую, и доказать, что они существуют, – значит приблизить то время, когда человек получит возможность путешествовать в космосе со скоростью, превышающей скорость света.

На перроне Уолтер крепко обнял Мартина и, явно волнуясь, заявил, что профессия астронома прекрасна. Потом вытащил из кармана оторванную петлю и торжественно вручил ее владельцу.

В поезде на Лондон, когда остался позади Манчестер, Уолтер доверительно сообщил мне, что, по его мнению, если представители Фонда Уолша не присудят победу нам, это будет величайшей несправедливостью.

Париж

Кейра сказала Максу правду: всю неделю она проводила вечера в доверительных беседах с сестрой.

– Ты часто вспоминаешь папу?

Кейра вытянула шею и заглянула в кухонную дверь. Жанна сидела и сосредоточенно рассматривала фарфоровую чашку.

– Он всегда пил из нее кофе по утрам, – сказала Жанна и, налив в чашку травяной чай, подала ее Кейре. – Глупость какая-то: только увижу ее на полке, сразу начинаю киснуть.

Кейра молча смотрела на сестру.

– И каждый раз, наливая в нее чай или кофе, чувствую, что он здесь, сидит напротив меня и улыбается. Правда, смешно?

– Нет. Откровенность за откровенность. Я до сих пор храню одну из его рубашек. Иногда надеваю ее, и у меня возникает такое же ощущение, как у тебя. Стоит просунуть руки в рукава, и мне кажется, будто он пришел и останется со мной на весь день.

– Как ты думаешь, он бы нами гордился?

– Было бы чем: две незамужние женщины, бездетные, живущие под одной крышей, а ведь обеим за тридцать. Может быть, рай существует, но только отец, глядя на то, что с нами стало, разом оказывается в аду.

– Мне не хватает папы, Кейра, и мамы тоже, ты даже не представляешь, как мне их не хватает.

– Жанна, может, сменим тему?

– Ты действительно снова собираешься в Эфиопию?

– Не знаю. Я не знаю даже, что буду делать на следующей неделе. А мне бы надо разобраться с работой, а то скоро дойдет до того, что тебе придется меня содержать.

– То, что я тебе сейчас скажу, ты наверняка сочтешь проявлением эгоизма. Мне очень хочется, чтобы ты осталась. Мы скучаем по родителям, но это в порядке вещей, к тому же, надеюсь, они теперь вместе. Но мы-то с тобой живые, и, когда ты уезжаешь, мы теряем столько времени!

– Я знаю, Жанна, но рано или поздно тебе повстречается другой Жером, хороший и добрый. Ты родишь детей, и тетушка Кейра станет гостить у вас, приезжая из командировки, и привозить целые мешки увлекательных историй. И потом, ты ведь моя сестра, и я даже вдалеке все время думаю о тебе. Обещаю, если уеду, стану звонить чаще, и не только для того, чтобы обменяться общими фразами.

– Ты права, сменим тему, я не имею права тебе все это говорить. Хочу, чтобы ты жила там, где ты счастлива. Итак, будем прагматиками

и оставим в стороне мои душевные метания. А что нужно сделать, чтобы ты могла вернуться в долину Омо?

– Собрать команду, раздобыть оборудование, найти на все это деньги – в общем, сущие пустяки!

– Сколько?

– Гораздо больше, чем та сумма, которую ты отложила на покупку квартиры.

– Почему бы тебе не поискать частного спонсора?

– Потому что археологи не мелькают перед телекамерами в майках с рекламой стирального порошка, газированной воды или какого-нибудь банка. Меценаты нынче большая редкость, вернее сказать, они все вымерли. Кстати, есть идея: можно организовать соревнования по бегу в мешках, например, с саперными лопатками в руках. Первый, кто выкопает из земли кость, получит годовую подписку на журнал по собаководству.

– Не своди все к шутке, то, что я говорю, не так уж глупо. Да, это нелегко. Ты высказываешь идею и сразу же слышишь в ответ: «Это невозможно!» Может, тебе при случае стоит обратиться в какой-нибудь фонд и представить твои работы? Кто знает? Всякое бывает.

– Все смеются над моими исследованиями, Жанна. Думаешь, кто-то поставит на меня хоть один евро?

– Думаю, ты не веришь в себя. Ты три года провела на раскопках, писала подробные отчеты – я читала твою диссертацию. Знаешь, были бы у меня деньги, я бы непременно финансировала твою будущую экспедицию.

– Потому что ты моя сестра! Ты очень добрая, Жанна, но твоя идея вряд ли осуществима. И все-таки спасибо тебе, я на целых тридцать секунд погрузилась в сладкие мечты.

– Вместо того чтобы впустую терять день за днем, лучше бы зашла в Интернет и составила список французских и других европейских организаций, которые могли бы заинтересоваться твоей работой.

– И вовсе я не теряю время!

– А что у тебя за делишки с Айвори? Ты почти каждый день таскаешься к нему в музей!

– Он очень забавный тип! Представляешь, его страшно заинтересовал мой кулон. Айвори даже меня заинтриговал. Мы

пытались определить возраст камня – никакого результата. А профессор по-прежнему настаивает, что кулон очень древний, но это нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

– Интуиция?

– Я его, конечно, уважаю, но одной интуиции недостаточно.

– Эта вещица и правда необычная. У меня есть друг геммолог. Хочешь, покажем камень ему?

– Но это, скорее всего, не камень – впрочем, и не окаменевшее дерево.

– А что?

– Мы не знаем.

– Дай взгляну, – потребовала Жанна, внезапно забеспокоившись.

Кейра сняла шнурок с кулоном и протянула сестре.

– А если это фрагмент метеорита?

– Ты когда-нибудь слышала о метеорите, гладком и нежном на ощупь, словно кожа младенца?

– Не стану утверждать, что я в этом разбираюсь, но думаю, мы далеко не все знаем о том, что прилетает к нам из космоса.

– Как гипотеза сойдет, – согласилась Кейра, в которой проснулся инстинкт археолога. – Помню, я где-то читала, что на Землю падает около пятидесяти тысяч метеоритов в год.

– Поговори со специалистом!

– С каким именно специалистом?

– Разумеется, с мясником из соседней лавки! Что ты строишь из себя дурочку? С тем, кто этим занимается, – с астрономом, астрофизиком или кем-то в этом роде.

– Сейчас, только найду записную книжку и открою страничку «приятели астрономы». Осталось выбрать, кому позвонить первому!

Решив не ссориться, Жанна пропустила колкость мимо ушей. Она направилась к письменному столу в уголке прихожей и села за компьютер.

– Что это ты делаешь? – поинтересовалась Кейра.

– Делаю за тебя твою работу. Я начну, а ты завтра продолжишь, и ни шагу из-за стола. Будешь сидеть, приклеившись к экрану, а вечером, когда я вернусь, предъявишь мне список всех организаций, оказывающих поддержку исследованиям в области археологии,

палеонтологии и геологии, включая те, что работают на долговременной основе в странах Африки. Это приказ!

Цюрих

На последнем этаже здания Креди Насьональ Сюисс уже опустели все помещения, кроме одного кабинета. За компьютером сидел элегантный мужчина, читая электронные письма, пришедшие в его отсутствие. Он только сегодня утром вернулся из Милана, и денек выдался нелегкий. Совещания, чтение накопившихся документов, и так весь день без перерыва.

Мужчина взглянул на часы: если он поторопится, то успеет приятно провести остаток вечера дома. Он повернул кресло, нажал кнопку телефона и дождался ответа своего водителя.

– Готовьте машину, я спущусь через пять минут.

Мужчина затянул узел галстука, привел в порядок бумаги на столе и вдруг увидел на экране яркий значок непрочитанного письма: он его не заметил. Прочел послание и тут же его удалил. Достал записную книжку из внутреннего кармана пиджака, водрузил на нос очки, нашел нужный телефон и набрал номер.

– Я только что прочел ваше послание. Кто еще в курсе дела?

– Париж, Нью-Йорк и вы, месье.

– Когда произошла эта встреча?

– Позавчера.

– Ждите меня через полчаса на площади у Политехнической школы.

– Это будет затруднительно, я уже вхожу в здание Оперы.

– Что сегодня дают?

– Пуччини, «Мадам Баттерфляй».

– Ничего, мадам подождет. До скорого.

Хозяин кабинета на последнем этаже позвонил своему водителю, сообщил, что планы изменились, и отпустил его до утра. Работы оказалось больше, чем он думал, придется задержаться. Не надо заезжать за ним утром домой, он будет сидеть допоздна и заночует в городе. Едва закончив разговор, он подошел к окну и, осторожно раздвинув полоски штор-жалюзи, стал смотреть вниз. Его машина вырулила со стоянки, потом пересекла Парадеплац. Тогда он покинул

наблюдательный пост, снял с вешалки плащ и вышел, заперев дверь на ключ.

В этот поздний час работал только один лифт. В вестибюле охранник попрощался с ним и разблокировал крутящуюся дверь.

Выйдя на улицу, элегантный мужчина стал прокладывать себе дорогу в толпе, наводнявшей главную площадь Цюриха. Он направился в сторону Банхофштрассе и вскочил на подножку первого же трамвая. Уселся в конце вагона, но на следующей остановке встал, уступив место пожилой женщине.

Трамвай повернул с широкой многолюдной улицы на мост, перекинутый через реку, и токоприемники заскрежетали, преодолевая соединения контактной цепи. На другом берегу реки мужчина сошел с трамвая и зашагал к фуникулеру.

«Полибан» – довольно любопытное сооружение; кабинки фуникулера ярко-красные, они выезжают прямо из фасада небольшого здания, проплывают вдоль крутого склона горы, затем скрываются в зелени каштанов, выныривая из нее на вершине холма. Мужчина не удостоил вниманием прекрасный вид на город, который открывался с террасы Политехнической школы, ровным шагом пересек выложенную плитами площадку, свернул к лестнице и спустился по ней вниз, к колоннаде. Тот, кому он назначил встречу, уже ждал его.

– Мне жаль, что я испортил вам вечер, но дело не терпит отлагательств.

– Я понимаю, месье, – ответил его собеседник.

– Пройдемся немного, мне не вредно подышать воздухом после целого дня в офисе. Почему Париж известили раньше, чем нас?

– Айвори связался с ним напрямую.

– И встреча действительно состоялась?

Второй кивнул и добавил, что встреча произошла в ресторане на втором этаже Эйфелевой башни.

– У вас есть фотография?

– Встречи?

– Нет, конечно, фотография интересующего нас предмета.

– Айвори фотографии никому не передавал, а что касается лаборатории в Лос-Анджелесе, то когда мы начали действовать, предмета там уже не было.

– Айвори считает, что этот предмет схож с тем, который хранится у нас?

– Он всегда был уверен, что таких предметов несколько, но никто, кроме него, так не думает.

– Или он один имел смелость заявить об этом вслух. Айвори старый безумец, но он умница и большой проказник. Возможно, это дань его давней причуде, или же он решил сыграть с нами злую шутку, чтобы вволю посмеяться.

– А зачем ему это нужно?

– Чтобы взять реванш, он этого очень долго ждал… Характер у него скверный.

– А если все не так и он прав?

– В этом случае нам следует принять меры. Нам надо любой ценой получить этот предмет.

– По словам Парижа, Айвори вернул его владелице.

– Нам известно, кто эта женщина?

– Пока нет, он ничего не пожелал нам рассказать.

– Он еще больший безумец, чем я предполагал, однако его поступки доказывают, что он не склонен шутить. Вот увидите, не пройдет и недели, как он что-нибудь придумает, и тогда мы узнаем, кто она такая, – все одновременно.

– Почему вы так думаете?

– Потому что, действуя таким образом, он заставит нас пробудиться от спячки и объединиться. Я отнял у вас слишком много времени, возвращайтесь в оперу, а я займусь дальше этим неприятным делом.

– Второй акт все равно начнется только через полчаса. Скажите мне, что вы намерены предпринять?

– Я отправлюсь в путь нынче же вечером, встречусь с ним завтра рано утром и постараюсь убедить его, чтобы он оставил свои игры.

– Вы пересечете границу ночью? Ваш приезд в этом случае не останется незамеченным.

– Айвори на один ход опережает нас. Я не позволю ему всем заправлять. Мне нужно вправить ему мозги.

– А вы в состоянии вести машину целых семь часов?

– Наверное, нет, – ответил мужчина, проведя рукой по своему усталому лицу.

– Моя машина припаркована недалеко отсюда, разрешите мне поехать с вами, мы будем вести машину по очереди.

– Я вам очень благодарен, это так великодушно с вашей стороны, но если один дипломатический паспорт привлечет внимание на границе, то из-за двух может начаться нежелательная суета. Зато, если бы вы согласились дать мне ключи от вашей машины, вы помогли бы мне выиграть драгоценное время. Я отпустил водителя на всю ночь.

Спортивный автомобиль его коллеги действительно стоял совсем недалеко. Йорг Герльштейн уселся за руль, отодвинул сиденье и установил его в удобное для себя положение, затем повернул ключ в замке зажигания.

Наклонившись к дверце, его собеседник предложил ему открыть бардачок.

– Когда станете отключаться, поставьте диск. Их там несколько, это диски моей дочери, ей шестнадцать лет. Я вам гарантирую: музыка, которую она слушает, разбудит даже мертвого.

В 21.10 машина тронулась с места и поехала по Университетштрассе в северном направлении.

Герльштейн мчался по пустынной трассе. Ему следовало бы повернуть налево и съехать на шоссе, ведущее в Мюлуз, но он выбрал дорогу на север. Конечно, путь через Германию длиннее, зато можно пересечь французскую границу, не предъявляя документов. И тогда Париж не узнает о его визите.

В полночь он добрался до Карлсруэ, а через полчаса уже выехал из Баден-Бадена. Если он точно все рассчитал, в Тионвилль он попадет около половины третьего ночи, а к шести утра уже будет в центре Парижа.

Фары ярко освещали извилистую дорогу, мотор бархатисто урчал, педаль газа слушалась малейшего нажима. В 1.40 машину слегка занесло вправо. Герльштейн быстро ее выровнял и опустил стекло. Холодный воздух хлестал его по лицу, стирая усталость, сдавившую голову. Герльштейн наклонился и, открыв бардачок, попытался нащупать диски, принадлежавшие дочери его коллеги, те самые, которые не дали бы ему уснуть до конца пути. Он так и не успел прослушать ни единого такта. Он не заметил, как заехал на обочину

правым передним колесом, и оно тут же угодило в глубокую выбоину, зад автомобиля занесло. Машина завертелась волчком, через мгновение она натолкнулась на скалу, отскочила и закончила свой полет, врезавшись в вековую сосну. Мгновенная остановка машины, еще секунду назад ехавшей со скоростью семьдесят пять километров в час, привела к тому, что мозг Герльштейна ударился о черепную коробку с усилием в три тонны. То же случилось и с его сердцем: оно расплющилось о грудную клетку, разорвав артерии и вены.

Дальнобойщик, проезжавший мимо в пять часов утра, заметил разбитую машину: ее на мгновение осветили лучи фар его грузовика. Национальная жандармерия нашла труп Герльштейна в луже крови. Капитану даже не пришлось дожидаться судмедэксперта, чтобы констатировать смерть: тело водителя уже остыло, кожа имела характерный оттенок.

В 10.00 Агентство Франс-Пресс сообщило о гибели швейцарского дипломата, управляющего Креди Насьональ Сюисс. Он стал жертвой несчастного случая, который произошел ночью на одной из дорог на востоке Франции. Анализы не обнаружили в крови водителя следов алкоголя, так что трагедия, по всей видимости, случилась из-за того, что он уснул за рулем. Информацию повторили в нескольких выпусках текущих новостей. Айвори узнал о происшествии ближе к полудню, решив перед обедом зайти в Интернет. Придя в бешенство, он и думать забыл о еде. Он выгреб все содержимое ящиков стола и затолкал в сумку, затем выскочил из кабинета, оставив дверь незапертой. Айвори вышел из здания музея и направился к телефонной кабинке: на Правом берегу они еще сохранились.

Из автомата он позвонил Кейре и попросил ее встретиться с ним как можно скорее, лучше в течение часа.

– Голос у вас какой-то странный, Айвори.

– Я только что потерял друга, которого очень ценил.

– Я искренне вам сочувствую, но какое отношение это имеет ко мне?

– Могу вас успокоить: никакого. Я уезжаю в отпуск, эта смерть напомнила мне о том, сколь быстротечна жизнь, а я в последнее время почти не покидал стен музея, так что скоро превратился бы в один из его экспонатов. Настало время отправиться в путешествие, о котором я мечтал уже много лет.

– Куда вы едете?

– А не обсудить ли нам все это за чашкой горячего шоколада? У Анжелины, на улице Риволи? Когда вы сможете туда приехать?

Кейра в тот момент уже направлялась в отель «Мерис», где они с Максом назначили встречу за обедом. Она взглянула на часы и сообщила профессору, что будет на месте через четверть часа.

***

Воспользовавшись передышкой, Жанна решила приступить к реализации идеи, которая окончательно созрела у нее в голове после того, как накануне они с Айвори выпили вместе по чашечке кофе. Еще ребенком Кейра говорила сестре: «Когда вырасту, стану искать клады». В отличие от Жанны младшая сестра всегда знала, чем хочет заниматься. И Жанна решила сделать все, что в ее силах, чтобы помочь Кейре уехать в Эфиопию, хотя ей совсем не нравилось, что сестра снова окажется так далеко от нее.

***

Айвори сидел за столиком в глубине зала. Он помахал Кейре рукой.

– Я взял на себя смелость заказать два пирога с каштанами. Они здесь превосходные. Надеюсь, вы любите каштаны?

– Да, только я еще не обедала, к тому же меня ждут.

Айвори надулся, как обиженный ребенок.

– Вы же не сказали, что собираетесь кормить меня пирогами.

– Нет, действительно не сказал. Я хотел повидаться с вами перед отъездом.

– Почему вдруг такая спешка?

– Из-за друга, который погиб, я же вам говорил.

– А как это…

– Автокатастрофа. Наверное, заснул за рулем. Но есть кое-что похуже. У меня такое чувство, что он ехал ко мне.

– Не предупредив?

– Так обычно и поступают, когда хотят сделать сюрприз.

– Вы с ним так дружили?

– Я его уважал, но недолюбливал, он был самодовольным, иногда высокомерным.

– Как же так, Айвори? Вы ведь только что сказали, что он ваш друг.

– Я никогда не радовался смерти человека, будь он друг или враг, а понять это порой бывает трудно, особенно в наши дни. Одна из самых больших проблем в нашей жизни – разобраться, кто тебе друг.

– Айвори, так чего вы от меня хотите? – спросила Кейра, поглядывая на часы.

– Отмените или хотя бы отложите ваше свидание, нам очень нужно поговорить!

– Но о чем?

– У меня есть все основания думать, что тот человек, что разбился сегодня ночью, ехал сюда из-за вашего украшения. Кейра, вы можете уйти и тут же забыть все, что я вам собираюсь сказать. Вы имеете полное право считать меня полоумным стариком, которому стало скучно и он решил добавить остроты в свою тоскливую жизнь, сочиняя нелепые сказки. Однако я вынужден признаться, что я многое скрыл, когда мы обсуждали ваш кулон.

– И что же вы от меня скрываете?

Официантка поставила на стол две порции великолепного лакомства, щедро украшенного ниточками крема. Айвори подождал, пока она удалится, и продолжал:

– Есть еще один.

– Еще один?

– Еще один предмет, такой же ровный и необычайно гладкий, как ваш. Он немного отличается по форме, но точно так же не поддается никакому анализу, и его возраст тоже невозможно определить.

– Вы его видели?

– Я даже держал его в руках, правда очень давно. Мне тогда было столько же лет, сколько вам сейчас.

– И где же находится этот предмет-близнец?

Айвори не ответил и воткнул вилку в пирог.

– Почему вы придаете такое значение этому камню? – продолжала Кейра.

– Я вам уже говорил, это не камень. Скорее всего, это сплав металлов. Какая разница, не в этом дело! Вы знаете легенду о Тиккун Оламу?

– Нет, никогда не слышала о ней.

– Это не совсем легенда, а скорее сюжет, который можно найти в Библии, в Ветхом Завете. Самое любопытное в священных текстах не то, что в них содержится, тем более что трактовки их часто субъективны и за долгие века многократно менялись. Самое увлекательное – это понять, почему они были написаны, какое событие послужило импульсом к их созданию.

– Так что же с Тиккун Оламу?

– Это рассказ о том, что в давние времена мир раскололся на несколько кусков и следовало отыскать эти куски и собрать их воедино. И только когда люди выполнят эту миссию, мир, в котором они живут, станет совершенным.

– И как мой кулон связан с этой легендой?

– Все зависит от того, какое значение придать слову «мир». А теперь представьте себе, что предмет, висящий у вас на шее, – один из фрагментов этого самого мира.

Кейра пристально посмотрела на профессора.

– Друг, который погиб сегодня ночью, приказал мне ничего вам не рассказывать – возможно, он искал способ украсть у вас этот предмет.

– Вы намекаете на то, что его убили?

– Кейра, не имеет значения, поверите вы в ценность вашего кулона или нет, но я вас умоляю, будьте очень осторожны. Не исключено, что его у вас попытаются забрать.

– Кто попытается?

– Какая разница! Хорошенько запомните то, что я вам сказал.

– Но я не поняла ничего из того, что вы мне наговорили, Айвори. Этот камень, вернее, кулон у меня уже два года, и никто им не интересовался. Что же изменилось?

– Потому что я повел себя неосторожно, меня подвел грех гордыни… хотел доказать им, что я прав.

– Прав в чем?

– Я открыл вам секрет, что существует еще один такой же предмет, как ваш. Я убежден, что на самом деле он не один. Никто

никогда мне не верил, и появление вашего кулона стало для меня, старика, уникальной возможностью доказать свою правоту.

– Допустим. Итак, предположим, что существует несколько таких предметов, как мой, и что все они как-то связаны с той неправдоподобной легендой, которую вы мне рассказали. И что со всем этим делать?

– Вам решать, вам искать. Вы молоды, может, у вас хватит времени найти.

– Что найти, Айвори?

– Как вы представляете совершенный мир?

– Не знаю. Может, как мир свободный?

– Отличный ответ, милая Кейра. Найдите то, что мешает людям обрести свободу, найдите причину всех войн, и, может быть, в конце концов вы во всем разберетесь.

Старый профессор поднялся, оставив на столе несколько купюр.

– Вы уходите?! – воскликнула она, окончательно растерявшись.

– Вас ждет обед, а я вам сказал все, что знал. Мне пора собирать чемодан, у меня самолет сегодня вечером. Я искренне рад нашему знакомству. Вы гораздо талантливее, чем думаете. Желаю вам долгой и удачной дороги; и еще желаю вам стать счастливой. В конце концов, мы все гоняемся за счастьем, хотя совершенно не способны понять, в чем оно состоит.

Старый профессор пошел к выходу и, обернувшись, в последний раз махнул ей рукой.

Официантка принесла оплаченный Айвори счет.

– Мне кажется, это вам, – сказала девушка, протягивая Кейре записку, которая лежала под вазочкой.

Кейра вздрогнула и развернула листок.

Я знаю, что Вы не отступите. Мне хотелось бы разделить с Вами это приключение, и тогда со временем Вы бы поняли, что я Вам друг. Я всегда буду рядом с Вами.

Искренне Ваш,

Айвори.

Выйдя на улицу Риволи, Кейра не обратила никакого внимания на машину с мощным двигателем, припаркованную у ограды сада

Тюильри, как раз напротив кондитерской, где они сидели. Не заметила она и мотоциклиста, который следил за ней в прицел объектива. Она была слишком далеко и не слышала, как защелкал направленный на нее фотоаппарат. В полусотне метров от нее Айвори, сидя на заднем сиденье такси, улыбнулся и сказал шоферу, что теперь можно ехать.

Лондон

Мы отправили материалы членам комиссии Фонда Уолша. Когда я заклеил конверт, Уолтер буквально вырвал его у меня из рук, уверяя, что с удовольствием сам отнесет его на почту. Наверное, испугался, что я в последнюю минуту передумаю.

Если нас допустят к конкурсу – мы ждали ответа каждый день, – наш «устный экзамен» состоится через месяц. Уолтер не отходил от окна с той минуты, как опустил наше послание в почтовый ящик напротив входа в Академию.

– Не станете же вы устраивать слежку за почтальоном?

– Почему бы нет? – ответил он раздраженно.

– Напоминаю вам, Уолтер, что это не вам, а мне предстоит публичное выступление, так что не будьте эгоистом и уступите мне право на стресс.

– Вам? Стресс?! Хотел бы я на это посмотреть!

Жребий был брошен, и мы с Уолтером теперь реже проводили вечера вместе. Наша жизнь все больше входила в привычную колею, и, должен признать, мне порой не хватало его компании. Я проводил вторую половину дня в Академии, занимаясь кое-какой работой и ожидая начала нового учебного года, когда мне дадут группу студентов. Однажды в конце скучного дождливого дня я утащил Уолтера во французский квартал. Я искал книгу одного из моих знаменитых французских собратьев, прославленного Жан-Пьера Люмине, а это издание имелось лишь в уютном книжном магазине на Бьют-стрит.

Когда мы вышли из французской книжной лавки, Уолтер стал настойчиво упрашивать меня пойти с ним в пивной ресторан, где, по его словам, подавали лучшие в Лондоне устрицы. Я не особо сопротивлялся, и вскоре мы уже сидели за столиком недалеко от двух весьма привлекательных молодых женщин. Уолтер, в отличие от меня, не обращал на них никакого внимания.

– Какой вы пошляк, Эдриен!

– Я не понял.

– Думаете, я не вижу, как вы себя ведете? Вы так хорошо скрываете свои намерения, что персонал уже, наверное, заключает пари.

– Какое еще пари?

– Есть ли у вас шанс подъехать к этим девушкам или вас сразу отошьют, с вашей-то бестактностью.

– Я не собирался делать то, о чем вы говорите, Уолтер.

– Вы еще и лицемер! А вы когда-нибудь любили по-настоящему?

– Это очень личный вопрос.

– Я же вам доверил свою тайну, теперь ваша очередь.

Дружбы не бывает без доказательств доверия, и одно из них – откровенность. Я рассказал Уолтеру, что однажды влюбился в девушку и ухаживал за ней целое лето. Это случилось со мной, когда я только что закончил учебу.

– А из-за чего вы расстались?

– Из-за нее.

– Почему?

– Уолтер, что вы так этим интересуетесь?

– Хочу получше вас узнать. Согласитесь, между нами постепенно завязываются дружеские отношения, значит, мне надо знать о вас определенные вещи. Не станем же мы без конца говорить об астрофизике или, что еще хуже, о погоде. Вы же сами просили, чтобы я не был до такой степени англичанином, разве не так?

– Что вы хотите узнать?

– Для начала хотя бы ее имя.

– А еще?

– Почему она вас бросила?

– Полагаю, мы были слишком молоды.

– Ерунда! Мне следовало заключить пари на то, что вы отделаетесь красивой фразой.

– Вы-то что об этом знаете. Вас же там не было!

– Я бы хотел, чтобы вы честно рассказали о причинах разрыва с…

– Этой девушкой.

– Красивое имя!

– Красивая девушка!

– Ну так что?

– Что – что, Уолтер? – спросил я, уже не скрывая своего раздражения.

– Всё! Как вы встретились, как вы расстались и что было между этими двумя событиями?

– Ее отец был англичанин, мать – француженка. Она всегда жила в Париже, ее родители поселились там еще до появления на свет ее старшей сестры. Потом развелись, и он вернулся в Англию. Она приехала повидаться с ним, воспользовавшись программой межуниверситетского обмена, и проучилась один триместр в Королевской академии в Лондоне. А я служил там воспитателем: я тогда писал диссертацию и, чтобы сводить концы с концами, приходилось подрабатывать.

– Да, воспитатель, который пытается закадрить студентку… Мне не с чем вас поздравить.

– Не буду вам больше ничего рассказывать!

– Я просто пошутил, очень милая история, я вас внимательно слушаю.

– Впервые мы встретились в большой аудитории, где она сдавала экзамен вместе с сотней других студентов. Она сидела у самого прохода, по которому я бродил, следя за порядком, и вдруг увидел, как она развернула шпаргалку.

– Так она жульничала!

– Не знаю, ведь мне так и не удалось прочитать, что было написано на этом клочке бумаги.

– Вы его не конфисковали?

– Не успел!

– Как это?

– Заметив, что я ее засек, она посмотрела мне прямо в глаза, неторопливо сунула листок в рот, разжевала и проглотила.

– Я вам не верю!

– И напрасно. Не знаю, что на меня нашло, мне ведь следовало отобрать у нее работу и выгнать ее из аудитории, но на меня напал безумный смех, и, вместо того чтобы выставить ее, я сам вынужден был удалиться. Здорово, да?

– А потом?

– Потом, когда она сталкивалась со мной в библиотеке или в коридоре, она окидывала меня насмешливым взглядом и ухмылялась. В один прекрасный день я не выдержал, схватил ее за руку и потащил в сторону, подальше от ее друзей.

– Не хотите же вы сказать, что стали требовать платы за ваше молчание?

– За кого вы меня принимаете? Торговаться стала она!

– То есть?

– Я ее спросил, почему она себя так ведет, а она мне сказала буквально следующее: если я не приглашу ее на обед, то никогда не узнаю, почему при виде меня она смеется. И я пригласил ее на обед.

– И что было дальше?

– После обеда мы долго гуляли, а потом она взяла и ушла. И пропала. Прошла неделя, и однажды, работая в библиотеке над диссертацией, я краем глаза увидел девушку, она уселась напротив меня, но я не обратил на нее внимания. Через некоторое время она принялась громко шуршать и чавкать, так что я уже не мог сосредоточиться. Я поднял голову, собираясь попросить эту особу производить поменьше шума своей жвачкой, и увидел ее: она дожевывала уже третий лист бумаги и собиралась его проглотить. Я сказал ей, что удивлен, потому что никак не ожидал снова с ней встретиться. А она спросила, понимаю ли я, что она пришла сюда из-за меня. Если нет, то ей лучше уйти, и теперь уже навсегда.

– Я обожаю эту девушку! И что же случилось потом?

– Мы провели вместе вечер и почти все лето. Чудесное лето, должен заметить.

– А как вы расстались?

– Может, об этом в следующий раз?

– А это ваша единственная история любви?

– Конечно нет, была еще Тара, голландка, писавшая диссертацию по астрофизике, я прожил с ней год. Мы прекрасно ладили, но она почти не говорила по-английски, а про мой голландский и говорить нечего. Нам было трудно общаться. Потом появилась Джейн, очаровательная докторша, шотландка очень консервативных взглядов, одержимая идеей официально оформить наши отношения. В тот день, когда она представила меня своим родителям, я решил, что пора положить конец этому приключению. Сара Эплтон работала в

булочной, грудь у нее была великолепная, бедра – как на полотнах Боттичелли. Но ее режим работы меня никак не устраивал: она вставала, когда я ложился спать, и наоборот. Потом, два года спустя, я женился на своей коллеге, Элизабет Аткинс, но из этого тоже ничего не вышло.

– Вы были женаты?

– Да, целых шестнадцать дней! Мы с моей бывшей женой расстались сразу после свадебного путешествия.

– Надо же, как много времени вам понадобилось, чтобы понять, что вы не подходите друг другу.

– В свадебное путешествие надо отправляться до свадебной церемонии. Уверяю вас, суды сэкономили бы целое море бумаги.

Я наконец удовлетворил любопытство Уолтера и на время отбил у него охоту задавать вопросы о моей личной жизни. Впрочем, и рассказывать-то больше было нечего, разве что добавить, что работа давно уже заняла в моей жизни главное место, за пятнадцать лет я объездил весь мир, не заботясь о том, чтобы где-то осесть, и еще меньше – чтобы найти настоящую любовь. Я считал, что это не так важно.

– И вы больше не виделись?

– Отчего же? Я раза два-три встречал Элизабет на коктейлях, которые устраивала Академия наук. Моя бывшая жена приходила туда в компании своего нынешнего мужа. Я вам уже говорил, что ее нынешний муж – это мой бывший лучший друг?

– Нет, этого вы не сказали. Я не ее имел в виду, а вашу юную студентку, первую из списка, достойного самого Казановы.

– Почему вы спросили именно о ней?

– Просто так!

– Мы с ней больше никогда не виделись.

– Эдриен, если вы скажете мне, почему она вас бросила, счет оплачиваю я!

Я подозвал официанта, проходившего мимо нашего столика, и заказал еще дюжину устриц.

– Закончился триместр, истек срок ее учебы по межуниверситетскому обмену, она вернулась во Францию, чтобы завершить образование. На расстоянии тускнеют даже самые яркие чувства. Через месяц после отъезда она вновь появилась в Лондоне,

чтобы проведать отца. После десятичасового путешествия сначала на междугороднем автобусе, потом на пароме и наконец на поезде она еле держалась на ногах. Последнее наше воскресенье нельзя назвать идиллическим. Вечером, когда я провожал ее на вокзал, она призналась, что хочет положить конец нашим отношениям: так у нас хотя бы останутся светлые воспоминания. Я понял по ее глазам, что бороться бессмысленно, огонь погас. Она отдалилась от меня – и не только в географическом смысле. Вот, Уолтер, теперь вы все знаете, и я не понимаю, почему вы так глупо улыбаетесь.

– Просто так, – ответил мой спутник.

– Я вам рассказываю, как меня бросили, а вы смеетесь, и это просто так?

– Нет, вы рассказали мне чудесную историю, и, если бы я не проявил настойчивость, вы бы поклялись мне, что все это в прошлом и давно забыто, так?

– Естественно! Прошло пятнадцать лет, а история эта продолжалась всего два месяца. Я даже не уверен, что узнаю ее при встрече. А как же иначе?

– Вот именно – как? Тогда ответьте мне на один маленький вопрос: как вы сумели рассказать эту простенькую историю, погребенную под слоем лет, ни разу не назвав имени той девушки? С тех пор как я поведал вам о мисс Дженкинс, я чувствовал себя нелепым и смешным, а сейчас это чувство прошло, совсем прошло!

Наши соседки давно ушли, а мы этого даже не заметили. Помню, в тот вечер мы досидели до закрытия ресторана, прилично выпили, и я отказался от щедрого предложения Уолтера, так что мы оплатили счет пополам.

На следующий день мы оба приехали в Академию, страдая от невыносимой жажды, и получили письмо, где сообщалось, что нас допустили к конкурсу.

Уолтер так мучился от головной боли, что даже крик радости, который он испустил при этом известии, вышел каким-то жалким.

Париж

Кейра медленно повернула ключ. На последнем обороте замок обычно издавал оглушительный щелчок. Она закрыла дверь, стараясь не шуметь, и тихо, как кошка, прошла через коридор. В маленький

кабинет сестры уже проник свет зари. На видном месте лежал конверт на имя Кейры с английским штемпелем. Сгорая от любопытства, она вскрыла конверт и вынула письмо, в котором ей сообщали, что, хотя она нарушила срок подачи документов, ее личное дело привлекло внимание членов отборочной комиссии. 28 числа текущего месяца ее ожидают в Лондоне, где она должна представить свои работы членам большого жюри Фонда Уолша.

– Что это за штука? – пробормотала она, засовывая письмо обратно в конверт.

В дверях появилась Жанна в ночной сорочке, с всклокоченными волосами. Она зевнула и потянулась:

– Как там Макс?

– Ты бы лучше легла, Жанна, еще совсем рано!

– Или поздно, это как посмотреть. Вечер удался?

– Нет, не очень.

– Тогда почему ты осталась у него на ночь?

– Я замерзла.

– Мерзкая зима!

– Ну ладно, Жанна, я пойду спать.

– У меня есть для тебя подарок.

– Подарок? – удивилась Кейра.

Жанна протянула сестре конверт.

– Что это?

– Открой – узнаешь.

Кейра обнаружила в конверте билет на поезд «Евростар» и оплаченный ордер на двухдневное проживание в отеле «Ридженси Инн».

– Это не четырехзвездочный отель, но он очарователен, Жером возил меня туда.

– И этот подарок связан с письмом, которое я только что прочла?

– Да, некоторым образом, но я решила продлить твое пребывание в Лондоне, чтобы ты могла насладиться городом. Тебе обязательно надо сходить в Музей естественной истории, новая галерея Тейт – волшебное зрелище, а еще ты должна сходить на бранч к Амулю, его ресторанчик находится на Формоза-стрит. Как мне там понравилось, так все мило, чудесная выпечка, салаты, цыпленок с лимоном…

– Жанна, сейчас шесть утра, цыпленок с лимоном – это, конечно, хорошо, но я не уверена, что…

– Ты мне скажешь спасибо или мне заставить тебя съесть этот билет?

– А ты тогда объясни мне, о чем идет речь в этом письме и что ты затеваешь за моей спиной, или я сама заставлю тебя съесть твой билет!

– Приготовь-ка мне чай и тартинку с медом! Это приказ. Я приду на кухню через пять минут. А пока что твоя старшая сестра намерена почистить зубы. Что стоишь? Пошевеливайся!

Кейра принесла на кухню приглашение Фонда Уолша и положила его на самое видное место, рядом с чашкой чая и поджаренной тартинкой.

– Должна же хоть одна из нас двоих верить в тебя! – проворчала Жанна, входя на кухню. – Я сделала то, что сделала бы ты, если бы ценила себя по заслугам. Порылась в Интернете и составила список организаций, которые могли бы финансировать твои археологические изыскания. Должна сказать, их оказалось не так уж много. Даже в Брюссель обращаться бесполезно: придется два года жизни угробить на заполнение всяческих анкет и документов.

– А в Европарламент ты писала, прося за свою младшую сестру?

– Я писала всем подряд! И вчера пришло это письмо. Не знаю, каков результат, положительный или отрицательный, но хотя бы взяли на себя труд ответить.

– Жанна!!!

– Ну да, я вскрыла конверт и потом опять его заклеила. Но после всех моих мучений, полагаю, я имела на это право. Это и меня тоже касается.

– Какие материалы рассматривал Фонд, прежде чем принять решение?

– Зная тебя, я думаю, сейчас ты впадешь в истерику, но мне на это наплевать. Я всем посылала твою диссертацию. Она сохранилась у меня в компьютере, и очень кстати. Ты все равно ее напечатала, ведь так?

– Если я правильно понимаю, ты выдала себя за меня, разослала мою работу по всяким организациям и…

– И подарила тебе надежду в один прекрасный день вернуться в твою треклятую долину Омо! Ну что, будешь и дальше злиться?

Кейра встала и обняла Жанну:

– Я тебя обожаю! Ты королева зануд, ты упрямее осла, но ты моя сестра, и я не променяю тебя ни на какую другую сестру на свете.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – насмешливо спросила Жанна, вглядываясь в лицо сестры.

– Лучше не бывает!

Кейра присела за кухонный стол и в третий раз перечитала приглашение.

– Мне придется делать устный доклад! И что мне им говорить?

– Вот-вот, у тебя осталось мало времени, чтобы сочинить текст и выучить его наизусть. Надо не читать по бумажке, а смотреть членам комиссии прямо в глаза, иначе твои слова покажутся им неубедительными. Но ты справишься блестяще, я знаю.

Кейра вскочила и принялась мерить шагами кухню.

– Так, кажется, ты уже струсила. Немедленно прекрати! Хочешь, я приду вечером, и мы начнем репетировать, я буду изображать комиссию.

– Поедем со мной в Лондон, я одна не смогу.

– Это невозможно, у меня полно работы.

– Жанна, я тебя умоляю, поедем вместе.

– Кейра, у меня денег не хватит. После того как я купила тебе билет, а потом оплатила отель, мой банковский счет опустел.

– Я считаю, ты не должна оплачивать мою поездку. Я сама найду деньги.

– Кейра, ты моя младшая сестра, и мне хочется тебе хоть немного помочь. Не спорь и доставь мне удовольствие: получи эту премию.

– Сколько они дают?

– Два миллиона фунтов.

– А сколько это в евро? – спросила Кейра, вытаращив глаза.

– Столько, что хватит на зарплату довольно большой международной команды, на транспортные расходы, на оборудование, которое тебе понадобится, чтобы, приехав в долину Омо, перевернуть земной шар.

– Я не получу эту премию! Это нереально!

– Поспи несколько часов, прими душ, когда проснешься, и немедленно садись за работу. Еще надо как-то сообщить твоему Максу, что ты некоторое время не сможешь с ним встречаться. И не смотри на

меня так. Я же не для того все это затеяла, чтобы вас разлучить. Думай что хочешь, но я не настолько коварная.

– Мне это даже в голову не приходило.

– Еще как приходило! А теперь убирайся!

Все последующие дни Кейра безвылазно сидела в квартире сестры, до одури работая на компьютере, доводя до блеска свои теории, подтверждая гипотезы ссылками на статьи своих собратьев археологов со всего мира.

Возвращаясь вечером из музея, Жанна, как и обещала сестре, репетировала с ней выступление, частенько заставляя ее начинать все сначала. То ей казалось, что Кейра недостаточно убедительна, то – что в докладе слишком много сложных технических терминов. Первые несколько вечеров сестры только и делали, что ссорились.

Кейра очень быстро выучила текст, оставалось только придать ему блеск, чтобы покорить слушателей.

Как только Жанна уходила на работу, Кейра принималась ходить взад-вперед по гостиной, повторяя вслух свое выступление. Как-то утром консьержка принесла пришедшую по почте книгу, заказанную Кейрой, и та тут же этим воспользовалась. Удобно устроившись на диване с чашкой чая, мадам Эрейра прослушала полный курс истории нашей планеты, начиная с докембрийского и заканчивая меловым периодом, когда появились первые цветущие растения, множество насекомых, новые виды рыб, морские моллюски-аммониты, губки и целые полчища динозавров, которым понравилось обитать на суше. Мадам Эрейра с радостью узнала, что именно в ту эпоху в океане появились первые акулы, очень похожие на тех, что живут там сегодня. Впрочем, больше всего консьержку очаровало то, что в те давние времена по планете стали потихоньку расселяться первые млекопитающие, которые вынашивали потомство не только в сумках, но и в плаценте – как впоследствии люди.

Мадам Эрейра задремала в самый разгар третичного периода, где-то между палеоценом и эоценом. Очнувшись от сна, она несколько сконфуженно спросила, долго ли проспала. Кейра заверила ее, что совсем недолго, никак не больше тридцати миллионов лет. Вечером Кейра решила ничего не говорить Жанне о гостье, побывавшей у нее

среди дня, а тем более о том, как подействовал доклад на его первую слушательницу.

В среду Жанна, извинившись перед сестрой, сообщила, что ее позвали на ужин, и она не может отказаться. Кейра, совершенно измотанная, пришла в восторг: репетиция отменялась. Она попросила Жанну не корить себя и обещала, что сама проговорит весь текст, как если бы сестра ее слушала. Проследив за Жанной и увидев, как та садится в такси, Кейра нарезала себе тарелку сыра, забралась с ногами на диван и включила телевизор. Надвигалась гроза, небо над Парижем почернело, и Кейра укрыла плечи пледом.

Первый удар грома был столь оглушителен, что Кейра вздрогнула всем телом. Молния сверкнула во второй раз, и в доме отключилось электричество. Кейра поискала зажигалку, но не нашла. Она встала у окна. Молния ударила в громоотвод на здании в нескольких кварталах от Жанниного дома. Кейра, побывав во многих экспедициях, не понаслышке знала, что такое гроза и какую опасность она представляет. Однако сегодня стихия бушевала на редкость яростно. Кейра подалась назад, стараясь держаться подальше от стекла, и невольно сжала в кулаке свой кулон. Вдруг она вспомнила слова Айвори о том, что ее украшение, вероятно, сделано из металлического сплава. И решила не испытывать судьбу. Когда она снимала с шеи кулон, небо разорвал надвое гигантский всполох. Комната, где стояла Кейра, озарилась, и внезапно на стене заплясали миллионы крошечных светящихся точек: почти невидимые лучи исходили из треугольного предмета, который Кейра осторожно сжимала кончиками пальцев. Удивительное сверкающее панно через несколько секунд исчезло, и Кейра опустилась на колени, чтобы подобрать выпавший у нее из руки кулон. Нащупав кожаный шнурок, она подняла кулон и подошла к окну. Стекло пошло трещинами. Раскаты грома следовали один за другим, гроза уходила все дальше. Небо еще озарялось далекими вспышками, по крышам шлепали тяжелые дождевые капли.

Кейра забралась на диван и, сжавшись в комок, старалась унять волнение. Руки у нее по-прежнему дрожали. Напрасно она успокаивала себя, объясняя странное явление оптической иллюзией, это был самообман. На нее вдруг навалилась дурнота. Вскоре включили электричество. Кейра стала разглядывать кулон, погладила

его: он был теплым. Она поднесла его к лампочке, ища хоть одно малюсенькое отверстие, но ничего не обнаружила.

Она свернулась клубком на пледе и стала обдумывать то, что с ней приключилось. Час спустя услышала, как в замке входной двери поворачивается ключ. Пришла Жанна.

– Ты не спишь? Видела, какая была гроза? С ума сойти! У меня ноги промокли. Пойду заварю травяной чай. Тебе тоже налить? Ты что молчишь? Плохо себя чувствуешь?

– Наверное, – растерянно ответила Кейра.

– Только не говори мне, что наш великий археолог боится грозы.

– Нет, конечно.

– Почему же ты белая, как полотно?

– Я просто устала. Думала, дождусь тебя и пойду спать.

Кейра поцеловала Жанну и направилась было в спальню, но Жанна ее окликнула:

– Не знаю, говорить тебе или нет… Макс тоже был на этом ужине.

– Могла бы мне об этом не сообщать. До завтра, Жанна.

Оставшись одна, Кейра подошла к окну. В домах уже дали свет, но улицы заполняла густая чернота. Тучи разошлись, звезды на небесном своде сверкали ярко, как никогда. Кейра увидела Большую Медведицу. В детстве отец, желая развлечь Кейру, показывал ей отдельные звезды и целые созвездия. Больше всего ей тогда нравились Кассиопея, Антарес и Цефей. Кейра рассмотрела созвездие Лебедя, потом отыскала Лиру и Геркулеса. Ее взгляд скользил по направлению к Северному полушарию неба, пытаясь найти созвездие Тельца, как вдруг глаза ее вылезли из орбит, уже второй раз за сегодняшний вечер.

– Не может быть, – пробормотала она, прижавшись носом к стеклу.

Она поспешно распахнула стеклянную дверь, выскочила на балкон и вытянула шею, как будто несколько лишних сантиметров могли существенно приблизить ее к звездам.

– Да нет, не может такого быть, это чистое безумие! Или это я схожу с ума.

– Ну, если ты начала говорить сама с собой, ты на правильном пути.

Кейра вздрогнула: рядом стояла Жанна. Она облокотилась на перила и закурила сигарету.

– Ты что, курить начала?

– Иногда курю. Я сожалею о том, что тебе сказала. Надо было заткнуться. Но он так красовался перед друзьями, мне стало противно. Ты меня слушаешь?

– Да-да, – ответила Кейра рассеянно.

– Слушай, это правда, что все неандертальцы были бисексуалами?

– Вполне вероятно, – все так же рассеянно проговорила Кейра, продолжая пристально вглядываться в небо.

– И что они питались преимущественно молоком динозавров, научившись их доить?

– Все может быть…

– Кейра, очнись!

Кейра вздрогнула всем телом.

– Что?

– Ты не слышала ни слова из того, что я тебе говорила. Что тебя тревожит?

– Ничего, правда ничего, пойдем в комнату, здесь холодно, – поспешно произнесла Кейра, возвращаясь в спальню.

Сестры улеглись на широкую кровать Жанны.

– Надеюсь, ты не всерьез это сказала про неандертальцев? – спросила Жанна.

– А что с ними, с неандертальцами?

– Да ничего, забудь. Давай спать, – вздохнула Жанна и, повернувшись, легла спиной к Кейре.

– Жанна!

– Ну что еще?

– Спасибо тебе за все.

– Ты это сказала для того, чтобы я вдвое больше укоряла себя, что заговорила о Максе?

– Ну, до некоторой степени…

На следующее утро, как только Жанна вышла за порог, Кейра кинулась к компьютеру, но на сей раз стала искать в Интернете совсем не то, что обычно. Ей нужны были все доступные карты звездного неба. Она работала, и каждый ее запрос тут же отображался на мониторе другого компьютера, находившегося за сотни километров от Парижа. Каждый сайт, куда она заходила, вся информация, которой она

интересовалась, тщательно записывались. В конце недели оператор, сидевший за своим столом в Амстердаме, распечатал подробный отчет о том, чем она все это время занималась. Он пробежал глазами последнюю выскочившую из принтера страничку и набрал телефонный номер.

– Думаю, месье, вам следует ознакомиться с отчетом, который я только что составил.

– С отчетом о чем? – поинтересовался его собеседник.

– О женщине-археологе, француженке.

– Немедленно зайдите ко мне в кабинет, – проговорил строгий голос, и трубку повесили.

Лондон

– Как вы себя чувствуете?

– Лучше, чем вы, Уолтер.

Наступил канун знаменательного дня. Испытание должно было проходить на восточной окраине Лондона, а потому Уолтер решил, что нельзя полагаться ни на общественный транспорт, ни тем более на мою старую машину. Касательно первого я полностью разделял его опасения. К сожалению, метро частенько останавливалось, поезд надолго застревал в туннеле, и никто не давал пассажирам внятных объяснений, только звучала одна и та же старая песня про изношенность оборудования, вследствие которого случались регулярные поломки подвижного состава. Итак, Уолтер принял твердое решение, не подлежавшее обсуждению: мы должны поселиться в отеле «Док-Лэндс», через дорогу от того здания, где назначено заседание комиссии Фонда. Местом проведения конкурса был выбран конференц-зал на верхнем этаже небоскреба на Кэбот-сквер.

Ирония судьбы: оттуда было рукой подать до Гринвича и его знаменитой обсерватории. Но на этом берегу Темзы, на землях, отвоеванных у реки, стояли лишь современные здания из стекла и металла, соперничавшие друг с другом высотой – на них, должно быть, ушло немыслимое количество бетона. Ближе к концу дня я наконец уговорил своего друга прогуляться на Собачий остров. Потом мы нырнули в странное круглое сооружение под стеклянным куполом – вход в Гринвичский пешеходный туннель, прорытый под Темзой на

пятнадцатиметровой глубине. Мы перешли на другой берег реки, и перед нами возник черный силуэт «Катти Сарк». Этот чайный клипер девятнадцатого века, последнее уцелевшее судно британского торгового флота, после пожара, случившегося несколько месяцев назад, выглядел удручающе. Перед нами простирался парк Военно-морского музея, виднелся изящный «домик королевы» – Куинс-Хаус, а на вершине холма – старое здание Королевской Гринвичской обсерватории. Туда-то я и повел Уолтера.

– Это была первая в Англии постройка, предназначенная исключительно для научных целей, – пояснил я Уолтеру.

Однако он меня не слушал, явно нервничал, и все мои попытки отвлечь его от тревожных мыслей оказались тщетны, но я не желал так просто сдаваться. Мы вошли в помещение, и я ощутил великую радость, вновь увидев старые астрономические приборы, при помощи которых в девятнадцатом веке Джон Флэмстид составил свои знаменитые карты звездного неба.

Уолтера привлекало все, что связано с понятием времени, а потому я не преминул указать ему на стальную линию на полу прямо перед ним:

– Здесь начало отсчета долгот, так было условлено в тысяча восемьсот пятьдесят первом году, а затем утверждено на международной конференции в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом. Ночью мы с вами увидели бы тут зеленый лазерный луч, направленный в небо. Кстати, это единственное новшество, появившееся в обсерватории за последние два столетия.

– Значит, тот луч над городом, что я вижу каждый вечер, исходит отсюда? – спросил Уолтер, который, похоже, наконец-то решил принять участие в разговоре.

– Да, именно так. Он символизирует нулевой меридиан, несмотря на то что ученые перенесли его на сотню метров в сторону. Но отсюда же происходит отсчет универсального, или, как его еще принято называть, всемирного координированного, времени. Именно от полудня по Гринвичу принято было отсчитывать время в любой точке планеты. Удалившись на пятнадцать градусов к западу, мы попадаем на час назад, на столько же к востоку – на час вперед. Отсюда идет отсчет часовых поясов.

– Эдриен, все это, конечно, очень увлекательно, вот только завтра вечером не отвлекайтесь, пожалуйста, и не уходите в сторону от основной темы выступления, – взмолился Уолтер.

Внезапно почувствовав усталость, я умолк и потащил моего спутника в парк. Стояла мягкая погода, и прогулка на свежем воздухе должна была пойти Уолтеру на пользу. А остаток вечера мы провели в соседнем пабе. Уолтер запретил мне прикасаться к спиртному, и я почувствовал себя подростком под суровым присмотром взрослого. В десять часов мы разошлись по комнатам, и Уолтер набрался наглости позвонить мне и строго предупредить, чтобы я не засиживался перед телевизором.

Париж

Кейра, сложив вещи, застегнула маленький чемоданчик и отправилась на Северный вокзал вместе с Жанной, которая по такому случаю отпросилась с работы. Сестры вышли из дома и сели в автобус.

– Позвони мне и сообщи, как ты доехала. Обещаешь?

– Жанна, мне ведь только пересечь Ла-Манш, и все. Кроме того, я никогда не звоню, чтобы сообщить, как я добралась до места!

– А на этот раз позвони, я тебя очень прошу. Расскажешь, как ты доехала, хороша ли гостиница, удобная ли комната, понравился ли тебе город спустя столько лет…

– Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе, как два часа сорок минут ехала в поезде? Ты боишься в тысячу раз больше, чем я, так? Признайся, ты в ужасе от того, что мне предстоит пережить сегодня вечером!

– У меня такое ощущение, будто это мне предстоит выступать перед комиссией. Я всю ночь глаз не сомкнула.

– Ты же знаешь, у нас почти нет шансов победить.

– Не начинай, ты все время настраиваешься на худшее, а надо верить в лучшее!

– Как скажешь. Мне бы надо остаться еще на денек в Англии и навестить папу.

– Корнуолл – это далековато. Давай как-нибудь потом съездим к нему вместе.

– Если я выиграю, то сделаю крюк, заеду к нему и скажу, что ты не смогла вырваться, потому что у тебя много работы.

– Ну ты и зараза! – воскликнула Жанна, ткнув сестру локтем в бок.

Автобус затормозил и подъехал к стоянке. Кейра схватила чемодан и поцеловала Жанну.

– Обещаю, позвоню перед выходом на сцену.

Она спрыгнула на тротуар и проводила взглядом отъезжающий автобус: Жанна смотрела на нее, прижавшись лицом к стеклу.

В то утро на Северном вокзале народу было немного. Час пик давно прошел, и у перронов стояло всего несколько поездов. Пассажиры, отправлявшиеся в Англию, поднимались на эскалаторе к пограничному пункту. Кейра прошла таможенную зону, затем паспортный контроль; не успела она сесть на скамью в зале ожидания, как двери поезда открылись.

Всю дорогу она проспала, а когда проснулась, услышала голос, объявлявший, что поезд прибывает на лондонский вокзал Сент-Панкрас.

Черное такси провезло ее через весь Лондон и доставило в отель. Город очаровал Кейру: теперь уже она сидела, приникнув лицом к стеклу.

Ее номер оказался в точности таким, каким его описывала Жанна, – маленьким и очень уютным. Она бросила чемодан в ногах кровати, взглянула на часы на ночном столике и решила, что ей хватит времени погулять по ближайшим улицам.

Пройдясь по Олд-Бромптон-роуд, она повернула на Бьют-стрит, где ей сразу бросилась в глаза витрина французской книжной лавки. Кейра не смогла удержаться и зашла.

Она долго бродила между полками, пока случайно не наткнулась на книгу об Эфиопии. Она устроилась напротив книжной лавки, на террасе итальянской кондитерской. Выпив чашку кофе, Кейра взбодрилась и решила, что теперь самое время вернуться в отель. Испытание начиналось в шесть вечера, а шофер такси, который привез ее с вокзала, предупредил, что путь до района Док-Лэндс займет не меньше часа.

Она приехала на Кэбот-сквер за полчаса до назначенного срока. Несколько человек уже направлялись наверх, в конференц-зал. Их

безупречные костюмы явно свидетельствовали о том, что все они здесь неспроста. Кейру тут же покинула ее обычная уверенность, и она почувствовала, как засосало под ложечкой. Двое мужчин в темных костюмах подошли к дверям здания. Кейра нахмурилась: лицо одного из них показалось ей знакомым.

Ее отвлек звонок мобильного телефона. Она порылась в карманах, вытащила его и увидела на экране номер Жанны.

– Я как раз собиралась тебе позвонить, честное слово! Уже и номер почти набрала!

– Врушка!

– Я на месте, и, по правде говоря, мое единственное желание – немедленно отсюда смыться. Ты же знаешь, у меня всегда так с экзаменами.

– Мы с тобой столько времени потратили, так что тебе придется идти до конца. Ты всех сразишь наповал. В худшем случае ты просто не получишь премию, но на этом жизнь не заканчивается.

– Ты права, Жанна, но я боюсь. Не знаю почему, но мне не было так страшно с тех пор, как…

– Не выдумывай, ты в жизни ничего не боялась!

– У тебя голос какой-то странный.

– Я не хотела тебе говорить, по крайней мере не сегодня. Ко мне в квартиру залезли воры.

– Когда? – спросила перепуганная Кейра.

– Утром, пока я провожала тебя на вокзал. Не волнуйся, ничего не украли, ну, мне так кажется. Только в доме все вверх дном, а в голове мадам Эрейры – и того хуже.

– Тебе нельзя оставаться одной, садись в поезд и приезжай ко мне.

– Вот уж нет, я жду слесаря. Слушай, они ведь ничего не украли, так зачем же им возвращаться сюда снова?

– Может, их кто-нибудь спугнул?

– Поверь мне, судя по тому, во что они превратили гостиную и спальню, времени у них было предостаточно, а вот мне вряд ли хватит ночи, чтобы привести все в порядок.

– Жанна, извини меня, пожалуйста, но мне уже пора. Я сразу позвоню, как только…

– Все, отключайся, а то опоздаешь. Отключилась?

– Нет!

– Чего ты ждешь? Беги!

Кейра выключила телефон и вошла в вестибюль. Дежурный проводил ее к одному из лифтов. Фонд Уолша заседал на последнем этаже. Было шесть часов. Двери лифта открылись, и девушка, встречающая посетителей, повела ее по длинному коридору. Зал, уже заполненный людьми, оказался гораздо больше, чем представлялось Кейре.

Около сотни сидений охватывали полукругом просторную сцену. В первом ряду сидели члены жюри, перед каждым стоял небольшой столик. Они уже внимательно слушали человека, который, держа в руке микрофон, представлял свою работу. Сердце Кейры безудержно заколотилось, она заметила в четвертом ряду единственный свободный стул, пробралась к нему и села. Выступающий рассказывал об исследованиях в области биогенеза. Его доклад продлился положенные пятнадцать минут и был встречен взрывом аплодисментов.

Второй соискатель представил прототип аппарата для поиска водоносных слоев с минимальными затратами, а также метод очистки морских вод от солей с применением солнечной энергии. В двадцать первом веке, отметил он, вода станет голубым золотом, самой высокой ставкой в игре государств. Дефицит воды поставит население многих стран на грань выживания. Из-за нехватки воды начнутся войны и массовая миграция населения. В общем, доклад вышел скорее политическим, нежели техническим.

Третий кандидат произнес блестящую речь об альтернативных источниках энергии. Даже чересчур блестящую, по мнению возглавлявшей Фонд дамы, которая перебросилась несколькими фразами со своим соседом, пока оратор продолжал говорить.

***

– Скоро наша очередь, – шепнул мне на ухо Уолтер. – Вы будете великолепны.

– У нас нет ни малейшего шанса.

– Неправда, вы понравитесь жюри так же, как вон той девушке. Так что дело в шляпе.

– Какой еще девушке?

– А вон той. Она пялится на вас с той минуты, как вошла в зал. Сами посмотрите, – потребовал он, чуть заметно повернув голову, – она там, в четвертом ряду, слева от нас. Да подождите, не поворачивайтесь. Какой же вы все-таки неловкий!

Разумеется, я сразу повернулся и не заметил никакой девушки, которая якобы на меня смотрела.

– Бедняга Уолтер, это вам привиделось.

– Она пожирала вас взглядом. Но поскольку вы повели себя, как всегда, удивительно тактично, то она спряталась в своей раковине, словно рак-отшельник.

Я снова обернулся и обнаружил единственный заслуживающий внимания объект – пустой стул.

– Это вы нарочно! – вскипел Уолтер. – Нет, вы совершенно безнадежны!

– Уолтер, перестаньте наконец валять дурака!

И тут я услышал свое имя. Настала моя очередь.

– Я просто старался вас развлечь, чтобы вы не волновались, чтобы не растерялись. Похоже, мне это удалось. А теперь ступайте и будьте безупречны – это все, о чем я вас прошу.

Я собрал свои записи и встал, но тут Уолтер наклонился ко мне и прошептал:

– А насчет девушки я ничего не выдумал. Удачи, дружище! – И он хлопнул меня по плечу.

Эти минуты останутся самым неприятным воспоминанием в моей жизни. Внезапно отключился микрофон. На сцену выскочил техник и попытался его исправить, но не тут-то было. Тогда попросили принести другой микрофон, но оказалось, что надо сначала найти ключи от подсобки. Мне хотелось поскорее со всем покончить, поэтому я решил обойтись без микрофона, тем более что члены жюри сидели в первом ряду и должны были меня расслышать, поскольку говорю я достаточно громко. Уолтер моментально понял, что я задумал, и стал подавать мне знаки, чтобы я отказался от своей неудачной идеи, но я ринулся в бой, не обращая внимания на его умоляющие жесты.

Мой доклад оказался слишком трудным. Я пытался втолковать моим слушателям, что будущее человечества зависит не только от

знаний о Земле и океанах, но и от исследований космического пространства. Нам пора оставить в прошлом образы первых мореплавателей, совершивших кругосветное путешествие еще в те времена, когда Земля представлялась плоской, как тарелка, мы должны осваивать далекие галактики. Как нам думать о будущем, если мы ничего не знаем об истоках? Что такое бесконечно малое и бесконечно большое и что такое «нулевой момент», с которого все началось, – эти два вопроса лежат на грани нашего понимания, и на них не могут ответить даже самые ученые из нас. И кто бы ни взялся за решение этих проблем, он не в состоянии предложить ни одной мало-мальски внятной гипотезы.

В те времена, когда люди считали Землю плоской, их представления о ней были ограничены линией горизонта. Они испытывали страх перед обширными пространствами, потому что боялись потеряться в необозримой пустоте. Решившись однажды приблизиться к горизонту, люди обнаружили, что он отдаляется от них, и, чем дальше они продвигались, тем яснее сознавали, как огромен мир.

Теперь наша очередь осваивать Вселенную, перерабатывать неимоверное количество информации, поступающей из тех пространств, что лежат далеко за пределами известных нам галактик, и из давно ушедших времен. Через несколько месяцев американцы намерены ввести в действие орбитальный телескоп, самый мощный из тех, что когда-либо создавал человек. Может быть, он позволит нам увидеть, услышать, узнать, как сформировалась Вселенная, и появилась ли жизнь на планетах, схожих с нашей. Надо дерзать.

Думаю, Уолтер все же был прав: молодая женщина в четвертом ряду действительно смотрела на меня, причем как-то странно. Ее лицо показалось мне смутно знакомым. Если кого-то в зале и заинтересовало мое выступление, то ее-то уж точно, – и, возможно, только ее одну. Впрочем, момент для обольщения был не самый подходящий, и, немного помедлив, я завершил свой доклад.

Свет первого дня летит из глубин Вселенной, он летит к нам. Сумеем ли мы уловить и распознать его, сумеем ли понять, с чего все начиналось?

Стояла мертвая тишина. Никто не шевельнулся. Я чувствовал себя снеговиком, выставленным на солнце и обреченным на неминуемую гибель. Я и был этим снеговиком, пока Уолтер не захлопал в ладоши. Я поспешно сгреб листки со своими записями, и тут вдруг председатель жюри поднялась с места и тоже стала аплодировать; следом за ней зааплодировали члены жюри, и зал взорвался овацией. Я поблагодарил всех и спустился со сцены.

Уолтер обнял меня и крепко поцеловал.

– Вы держались…

– Пафосно или отвратительно? Я вас предупреждал, у нас нет шансов.

– Вы наконец замолчите или нет? Вы меня перебили, а я собирался сказать, что публика слушала ваше выступление как завороженная. В зале никто не шелохнулся, даже ни разу не кашлянул!

– Это неудивительно: не прошло и пяти минут, как все умерли от скуки.

Усевшись на место, я увидел, как молодая женщина из четвертого ряда вскочила и поднялась на сцену. Так вот почему она так внимательно меня разглядывала: мы с ней были конкурентами, и она следила за мной, чтобы не повторять моих ошибок.

Микрофон по-прежнему не работал, но ее чистый голос разносился по всему залу. Девушка подняла голову, и ее взгляд устремился куда-то вдаль, словно в неведомую страну. Она говорила об Африке, об охристой земле, которую она без устали копала. Она нам объясняла, что человек никогда не сможет быть свободным в выборе своего пути, пока не узнает, откуда пришел. Ее проект в каком-то смысле был самым амбициозным из всех представленных: здесь речь шла не о высоких достижениях науки или высоких технологиях, а об осуществлении мечты – ее мечты.

«Кто наши предки?» – с этих слов она начала свое выступление. А я еще задавал вопрос, откуда начинается рассвет!

Она завладела вниманием аудитории с первых минут. Ее выступление и докладом-то назвать было трудно: она рассказывала нам увлекательную историю. Уолтера она покорила сразу, как, впрочем, и членов жюри и всех слушателей в зале. Она говорила о долине Омо, описывая дивные берега этой эфиопской реки, – я не сумел бы так же красиво описать горы Атакамы. Временами мне

чудилось, будто я слышу плеск воды, чувствую дыхание ветра, взметающего пыль, и укусы безжалостного солнца. Пока она говорила, я готов был бросить свое дело и присоединиться к ней: вместе работать в экспедиции, копать потрескавшуюся от засухи землю. Она осторожно достала из кармана странный предмет, положила его на ладонь и вытянула ее вперед, чтобы всем присутствующим было видно.

– Это фрагмент черепа. Я нашла его на глубине пятнадцати метров, на дне пещеры. Этому черепу пятнадцать миллионов лет. Он – крохотная частичка человеческой истории. Если бы у меня была возможность копать еще глубже, еще дальше, еще больше, возможно, я сейчас смогла бы вам рассказать о том, что представлял собой самый первый человек на Земле.

На сей раз ничье вмешательство не понадобилось: публика устроила докладчице бурную овацию.

После нее оставалось выслушать еще десять конкурсантов. Я не хотел бы оказаться на их месте.

В половине десятого жюри отправилось совещаться. Зал постепенно пустел. Уолтер держался невозмутимо, и это меня смущало. Я подозревал, что он поставил крест на наших надеждах.

– Думаю, мы заслужили по кружечке хорошего пива, – заявил он, подхватив меня под руку.

Мой живот, который свело еще несколько часов назад, пребывал все в том же состоянии; я смиренно последовал за Уолтером, а сам считал минуты, не в силах расслабиться.

– Эдриен, а как же ваши знаменитые лекции об относительности времени? Вы что, их забыли? Мы ждем не дождемся решающей минуты, и время тянется невыносимо долго. Пойдем подышим воздухом и подумаем о чем-нибудь постороннем!

На продуваемой ледяным ветром площадке перед входом несколько таких же, как мы, нервных кандидатов курили, подпрыгивая на месте, чтобы согреться. Молодой женщины из четвертого ряда нигде не было видно, она как будто испарилась. Уолтер оказался прав: время остановилось, ожидание длилось целую вечность. Присев за столик в баре отеля «Мариотт», я то и дело поглядывал на часы.

Наконец наступил момент вернуться в зал и выслушать решение жюри.

Незнакомка с четвертого ряда сидела на своем месте, не глядя в мою сторону. Президент Фонда в сопровождении членов жюри вошла в зал. Она поднялась на сцену и поздравила всех кандидатов на премию, отметив высочайший уровень их работ. Обсуждение было трудным, заявила она, и понадобилось несколько туров голосования, чтобы определить победителя. Жюри особо отметило выступление кандидата, представившего проект по очистке воды, но премию решили присудить первому оратору и его исследованиям в области биогенеза. Уолтер не дрогнув выдержал удар. Он хлопнул меня по плечу и заботливо заметил, что нам не в чем себя упрекнуть – мы сделали все, что могли. Президент Фонда сделала знак рукой, прервав аплодисменты.

Как она только что сообщила, окончательное решение далось нелегко. В данном, исключительном, случае премия будет поделена пополам между двумя участниками конкурса, вернее, одним участником и одной участницей.

Единственной женщиной из всех кандидатов была как раз та незнакомка, что сидела в четвертом ряду. Она встала, слегка пошатываясь, и президент Фонда одарила ее улыбкой. За громом аплодисментов я не разобрал имени победительницы.

Потом были поздравления и поцелуи на сцене, и участники конкурса вместе со своими сопровождающими стали покидать зал.

– Эдриен, надеюсь, вы мне все-таки подарите пару резиновых сапог, чтобы мне было в чем шлепать по кабинету? – спросил Уолтер.

– Конечно, я же обещал! Мне жаль, что я вас разочаровал.

– Но ведь нашу работу допустили к конкурсу… и вы заслужили эту премию, а я горжусь тем, что делил с вами все приключения в эти последние недели.

В наш разговор вмешалась президент Фонда: она подошла и пожала мне руку.

– Джулия Уолш. Я рада знакомству с вами.

Ее сопровождал высокий широкоплечий мужчина. Говорил он с акцентом, без сомнения, немецким.

– Ваш проект необычайно интересен, – продолжала наследница Фонда Уолша. – Я отдала свое предпочтение именно ему. Для победы

вам не хватило всего одного голоса. Мне бы так хотелось, чтобы премию получили вы. Представьте вашу работу на конкурс в будущем году, состав жюри изменится, и, думаю, у вас будут все шансы выиграть. Ведь свет первого дня может подождать еще один год, верно?

Она весьма любезно попрощалась со мной и удалилась в сопровождении своего друга, которого звали, кажется, Томасом.

– Вот видите, нам не о чем сожалеть! – вскричал Уолтер.

Я ничего ему не ответил, и он, разгорячившись, со всей силы хлопнул кулаком о ладонь.

– Почему, вы думаете, она подошла к нам и все это сообщила? – сердито спросил он. – «Не хватило одного голоса»! Каково это слышать? Да лучше бы она сказала, что мы с треском провалились, а тут – не хватило одного голоса! Вот видите, как жестока реальность! Мне суждено провести остаток жизни по колено в болоте, и все из-за того, что не хватило какого-то несчастного голоса! Хотел бы я знать, кто провалил голосование, – я бы этому человеку шею свернул.

Уолтер продолжал бушевать, и я не знал, как его утихомирить. Его лицо побагровело, дыхание стало прерывистым.

– Уолтер, успокойтесь. Вам же станет плохо!

– Как можно говорить человеку, что его судьба зависит всего-навсего от одного голоса? Это что, по их мнению, – обычная игра? Да как у них язык поворачивается говорить такое! – рычал Уолтер.

– Думаю, она просто хотела нас подбодрить и внушить мысль, что неплохо бы нам попытать счастья еще раз.

– Через год, да? Хорошенькое дело! Я, пожалуй, поеду домой. Извините, что оставляю вас в одиночестве, но нынче вечером я никудышный собеседник. Встретимся завтра в Академии, конечно, если я к тому времени протрезвею.

Уолтер развернулся и быстро зашагал прочь. Я очутился совсем один посреди огромного зала, и мне ничего не оставалось, как направиться к выходу.

Я услышал, как в конце коридора раздался звонок: лифт остановился на моем этаже. Заторопившись, я успел вскочить в кабину, пока двери не закрылись. Там стояла та самая лауреатка, вперив в меня лучезарный взор.

Она держала под мышкой папку со своим докладом. Я надеялся прочесть на ее лице торжество победы, однако она лишь смотрела на меня с чуть заметной улыбкой. У меня в ушах зазвучал голос Уолтера, который, будь он рядом, непременно сказал бы с укоризной: «Какой же вы все-таки неловкий!»

– Поздравляю вас! – буркнул я не слишком внятно.

Девушка не ответила.

– Я так сильно изменилась? – помолчав, произнесла она.

Ответа она от меня так и не дождалась, а потому открыла папку, оторвала кусочек бумаги, сунула его в рот и принялась неторопливо жевать, поглядывая на меня с явной насмешкой.

И тут у меня перед глазами возникла аудитория, где шел экзамен, и разом нахлынули потоки воспоминаний о том невероятном лете пятнадцать лет назад.

Девушка выплюнула в ладонь бумажный шарик и вздохнула:

– Ну вот, кажется, узнал.

Двери лифта открылись на первом этаже, а я так и стоял, замерев на месте и нелепо свесив руки. Кабина снова стала подниматься наверх.

– Да, долго же ты думал, а я-то надеялась, что ты меня не забудешь. А может, я действительно так сильно постарела?

– Нет, что ты… Вот только цвет волос…

– Мне тогда было двадцать, и я часто перекрашивалась, а теперь уже нет. А ты совсем не изменился, разве что несколько морщинок добавилось. И взгляд все тот же, словно ты смотришь куда-то в пустоту.

– Это так неожиданно – встретить тебя здесь, после стольких лет…

– Согласна, встреча в лифте – это небанально. Ну что, продолжим кататься или ты пригласишь меня на ужин?

И, не дожидаясь ответа, Кейра выронила папку, бросилась в мои объятия и поцеловала меня. Это был тот самый поцелуй, он имел привкус бумаги. Бумаги, на которой я когда-то мечтал описать мои чувства к этой девушке. Случается, вы впервые целуете девушку, и этот поцелуй раз и навсегда меняет вашу жизнь. Даже если вы сами себе в этом не желаете признаться. Такой первый поцелуй застигает

вас врасплох и запоминается навсегда. После него бывает и второй – иногда лишь пятнадцать лет спустя.

Всякий раз, когда лифт открывался на первом этаже, кто-нибудь из нас нажимал на кнопку и тут же возвращался в объятия второго. В конце шестого путешествия наверх и обратно нас поджидал охранник, он стоял, угрожающе скрестив руки на груди. Лифт, заявил он, – это не комната в гостинице, в противном случае в нем не установили бы камеру наблюдения. Так что нас вежливо попросили удалиться. Я схватил Кейру за руку, и мы выскочили на площадку перед выходом, оба страшно сконфуженные.

– Мне так стыдно, я не подумала… я как в тумане из-за этой победы.

– А я – из-за поражения, – откликнулся я.

– Мне стыдно, Эдриен, я такая неловкая.

– Ну что ж, если бы с нами был Уолтер, он нашел бы у нас как минимум одну точку соприкосновения. Может, попробуем еще раз?

– Что?

– А что тебе больше нравится: моя неловкость, твоя победа, мое поражение?

Кейра коснулась легким поцелуем моих губ и попросила увести ее подальше от этого мрачного здания.

– Давай немного прогуляемся, на той стороне Темзы есть чудесный парк, – предложил я ей.

– А в твоем парке водятся слоны?

– Вряд ли. А зачем они тебе?

– Я такая голодная, слона бы съела. У меня с утра крошки во рту не было, пойдем в какой-нибудь паб, где еще можно поужинать.

Я вспомнил один ресторан, куда мы часто ходили в прежние времена; не зная, существует ли он до сих пор, я велел таксисту отвезти нас по старому адресу.

Пока мы ехали вдоль берега реки, Кейра держала меня за руку. Давно уже я ни к кому не испытывал такой нежности. Вмиг я позабыл и о своем поражении, и о той пропасти, которая отныне пролегла между Лондоном, откуда мне теперь не выбраться, и Атакамой, где остались все мои мечты.

Амстердам

Мужчина, спустившийся с подножки трамвая и зашагавший вдоль канала Сингел, ничем не отличался от множества других служащих, направлявшихся на работу. Правда, рабочий день уже давно начался; кроме того, на запястье мужчины болталась цепочка, пристегнутая к ручке его чемоданчика, а под пиджаком чуть топорщился пистолет в кобуре. Дойдя до площади Магна, мужчина остановился на перекрестке и удостоверился, что за ним никто не следит. Когда зажегся зеленый свет и машины тронулись, мужчина бросился им наперерез. Не обращая внимания на оглушительные гудки, он проскочил между автобусом и небольшим грузовичком, заставил резко затормозить два седана и едва не попал под колеса мотоцикла, за что получил в свой адрес залп отборной ругани. Добравшись до тротуара на другой стороне, он быстрым шагом отправился на площадь Дам, пересек обширное пространство и через боковую дверь проскользнул в Ниуве-Керк. Это название теперь кажется более чем странным[9], ведь грандиозное здание храма возвели еще в начале пятнадцатого века. Однако мужчине некогда было любоваться величественным нефом, он повернул в трансепт, миновал гробницу адмирала Рёйтера и, юркнув в проход перед захоронением командора Яна Ван Галена, скрылся в боковом приделе. Вынул из кармана ключ, повернул защелку маленькой дверки в глубине часовни и очутился на потайной лестнице.

Спустившись вниз на пятьдесят ступеней, он зашагал по длинному коридору, тянувшемуся прямо перед ним. Подземный ход позволял тому, кто знал о его существовании, пройти незаметно от Ниуве-Керк до Королевского дворца на площади Дам. Мужчина торопился; всякий раз, как он заходил в этот узкий туннель, ему делалось не по себе, а эхо его собственных шагов лишь усиливало неприятные ощущения. Чем дальше он продвигался вперед, тем бледнее становился свет, и только два конца коридора еще проступали тусклыми пятнами среди сплошного сумрака. Мужчина почувствовал, что его мокасины промокли от солоноватой воды, стоявшей на дне туннеля. Достигнув середины прохода, он оказался в полной темноте. Он знал: отсюда до выхода осталось еще пятьдесят шагов по прямой; чтобы не заблудиться, следовало ориентироваться на желобок, прорытый в полу.

Наконец он приблизился к выходу. Перед ним была другая лестница, и, чтобы подняться по ее скользким ступеням, ему пришлось держаться за толстую пеньковую веревку, натянутую вдоль стены. Наверху он очутился перед деревянной дверью, укрепленной двумя коваными железными пластинами; на ней виднелись две круглые ручки, расположенные одна над другой. Замок открывался при помощи точного механизма, установленного еще три столетия назад. Мужчина повернул верхнюю ручку на девяносто градусов налево, нижнюю – на девяносто градусов направо, затем потянул обе ручки на себя. Щелкнул язычок замка, дверь открылась. Мужчина вошел в прихожую дворца. Здание, рожденное фантазией зодчего Якоба Ван Кампена, выросло на площади Дам в середине семнадцатого века и строилось для нужд городского совета. Жители Амстердама без колебаний нарекли его восьмым чудом света. В большом зале дворца возвышается статуя Атланта, а на полу из мрамора выложены три карты: Западного и Восточного полушарий и звездного неба.

Ян Вакерс готовился отметить свое семидесятишестилетие; впрочем, выглядел он лет на десять моложе. Он вошел в Бургерзал[10], сделал несколько шагов по Млечному Пути, затем прошел через Океанию, пересек Атлантический океан и направился прямиком в прихожую, где его ждал посетитель.

– Какие новости? – спросил он с порога.

– Самые удивительные, месье. Наша француженка имеет двойное гражданство. Ее отец англичанин, ученый-ботаник, много лет проживший во Франции. Сразу после развода он вернулся к себе на родину, в Корнуолл, и в 1997 году умер там же от сердечного приступа. Свидетельство о смерти и разрешение на захоронение имеются в деле.

– А ее мать?

– Ее тоже нет в живых. Она преподавала на гуманитарном факультете в Экс-ан-Провансе. Погибла в июне две тысячи второго года. Машиной, которая ее сбила, управлял пьяный водитель, в его крови обнаружили алкоголь в количестве…

– Избавьте меня от этих отвратительных подробностей! – потребовал Ян Вакерс.

– У нее есть старшая сестра, единственная, она работает в одном парижском музее.

– Государственная служащая?

– В некотором смысле.

– Надо будет иметь это в виду. А теперь прошу вас, вернемся к нашей юной даме.

– Она только что ездила в Лондон, участвовала в конкурсе, проводимом Фондом Уолша.

– И, как мы того и желали, получила денежную премию, не так ли?

– Не совсем так, месье. Член жюри, работающий на нас, сделал все возможное, но президент была непреклонна. И наша подопечная разделила премию с еще одним кандидатом.

– А ей хватит средств, чтобы отправиться в Эфиопию?

– Миллиона фунтов, думаю, будет вполне достаточно для продолжения ее работы.

– Превосходно. Что вы еще имеете мне сказать?

– Ваша молодая археологиня познакомилась во время конкурса с каким-то мужчиной. Они провели вечер в маленьком ресторане, а в настоящее время они вместе…

– Полагаю, это нас не касается, – отрезал Вакерс. – Разве что вы сообщите мне завтра, что она отказывается от своего проекта, потому что они внезапно полюбили друг друга и она никуда не хочет ехать. А вообще, мне кажется, ночью она может делать что ей вздумается.

– Дело в том, месье, что мы сразу же навели справки. Оказалось, что мужчина, о котором я вам сообщил, – астрофизик, он работает в Англии, в Академии наук.

Вакерс подошел к окну и оглядел площадь. Ночью она была не менее прекрасна, чем днем. Свой родной Амстердам он любил больше всех городов на свете. Он знал здесь каждую улочку, каждый канал, каждый дом.

– Я терпеть не могу такого рода неожиданности. Астрофизик, говорите?

– Нет никаких свидетельств того, что она может рассказать ему об интересующем нас предмете.

– Нет, но возможна случайность, которую мы не сумеем предотвратить. Мне кажется, нам стоит обратить внимание на этого ученого.

– Будет трудно следить за ним, не привлекая внимания наших английских друзей. Как я вам уже говорил, этот человек – член Королевской Академии наук.

– Сделайте что сможете, только не рискуйте понапрасну. Нам не хотелось бы привлекать к себе внимание в этой стране. У вас есть еще информация для меня?

– Все в этой папке, как вы и просили.

Мужчина открыл чемоданчик и передал своему собеседнику большой конверт из крафт-бумаги.

Вакерс вскрыл конверт. В папке лежали фотографии Кейры, сделанные в Париже у дома Жанны, в саду Тюильри, в магазине на улице Лион-Сен-Поль; целая серия снимков на вокзале Сент-Панкрас, на террасе итальянской кондитерской на Бьют-стрит, в ресторане на Примроуз-Хилл, где она ужинала в компании Эдриена, – там ее сфотографировали через окно.

– Это последние фотографии, которые нам прислали перед самым моим отъездом.

Вакерс пробежал глазами первые строчки отчета и захлопнул папку.

– Благодарю вас, вы можете идти, увидимся завтра.

Мужчина попрощался и вышел из дворцовой прихожей. Едва он переступил порог, как открылась другая дверь, и из нее, улыбаясь Вакерсу, вышел еще один мужчина.

– Ее встреча с этим астрофизиком, возможно, будет нам на руку, – произнес он, подойдя поближе.

– Я думал, вы хотите, насколько возможно, сохранить все в тайне. А тут, оказывается, имеются целых два кавалера, которых мы не в состоянии контролировать. Не слишком ли много фигур на одной шахматной доске?

– Мое самое большое желание – это чтобы она занялась поисками, а мы, разумеется, ей немного поможем.

– Айвори, я полагаю, вы понимаете: едва кто-то обнаружит, чем мы занимаемся, последствия для нас обоих будут…

– Не самые приятные. Вы это хотели сказать?

– Нет, здесь больше подошло бы слово «катастрофические».

– Ян, мы оба верим в одно и то же, причем уже очень давно. А теперь вообразите, каковы будут последствия, если мы с вами не

ошиблись.

– Знаю, Айвори, знаю. Из-за этого я так и рискую, в моем-то возрасте.

– Признайтесь, вас это даже забавляет. Кроме всего прочего, мы уже не надеялись вернуться к активной работе. Предполагаю, что вам нравится роль кукловода – впрочем, мне тоже.

– Допустим, – вздохнув, согласился Вакерс и уселся за большой письменный стол из красного дерева. – И каким же, по-вашему, должен быть наш следующий шаг?

– Пусть все идет своим чередом. Если она сумеет увлечь этого астрофизика, значит, она еще умнее, чем я предполагал.

– Сколько, вы думаете, у нас есть времени, прежде чем Лондон, Мадрид, Берлин и Пекин догадаются, какую игру мы затеяли?

– О, совсем немного, они быстро поймут, что разыгрывается серьезная партия. Кстати, американцы уже себя обнаружили: нынче утром они навестили квартиру сестры нашей археологини.

– Вот недоумки!

– У них такой способ извещать о том, что они в курсе.

– Кого, вас?

– Разумеется, меня.

– Они страшно злятся, что я не изъял предмет у владелицы, а еще больше – оттого, что я имел наглость сдать его на анализ на их собственной территории.

– Да, это неслыханная дерзость! Прошу вас, Айвори, сейчас не время устраивать провокации. Не держите зла на тех, кто отстранил вас от работы и не пожелал считаться с вашим мнением. Я с вами в этом опасном приключении, только не стоит подвергать нас обоих ненужному риску.

– Уже почти двенадцать. Думаю, Ян, нам пора пожелать друг другу доброй ночи. Встретимся здесь через три дня в это же самое время, узнаем, как идут дела, и подведем предварительные итоги.

Друзья расстались. Вакерс первым вышел из комнаты. Он пересек большой зал и спустился в подвал. Недра дворца представляли собой не что иное, как запутанный лабиринт. Здание покоилось на тринадцати тысячах шестистах пятидесяти девяти деревянных опорах. Вакерс уверенно пробирался сквозь этот лес тесаных бревен и десять

минут спустя уже проскользнул в маленькую дверь, ведущую во двор добротного старого дома метрах в трехстах от дворца. Айвори, который вышел на пять минут позже, выбрал другую дорогу.

Лондон

Ресторан сохранился лишь в моих воспоминаниях, но я нашел другое местечко, очень похожее на прежнее и не менее уютное, и Кейра даже стала уверять меня, что узнает тот самый ресторан, куда я водил ее когда-то. Во время ужина она начала было рассказывать мне о своей жизни после нашего расставания. Но разве можно вместить пятнадцать лет в пару часов? Память ленива и коварна, она хранит только самое лучшее и самое худшее, только потрясения, но не мелкие повседневные события – их она стирает. Слушая Кейру, я узнавал уже забытый чистый голос, который так меня пленял, живой взгляд, в котором я порой тонул, как в омуте, улыбку, ради которой мог бросить работу и все на свете. А между тем я с великим трудом припоминал, что же происходило со мной в то время, когда она вернулась во Францию.

Кейра всегда точно знала, чем хочет заниматься. Закончив учебу, она сначала поехала в Сомали обычным стажером. Потом два года провела в Венесуэле, работая под началом светила археологии, чья властность граничила с деспотизмом. Как-то раз он ее сурово отчитал, она высказала ему все, что о нем думает, и ее тут же уволили. Еще два года прошли в рутинной работе на раскопках во Франции: при строительстве скоростной железнодорожной магистрали вскрылись слои, заинтересовавшие палеонтологов. Магистраль перенесли немного в сторону, Кейра в составе экспедиции отправилась на место строительства и постепенно стала занимать все более ответственные должности. Ее работу оценили по достоинству, она получила стипендию и уехала в Эфиопию, в долину реки Омо. Она работала там поначалу заместителем научного руководителя, но ее начальник заболел, и она, заменив его на этом посту, отдала распоряжение перенести раскопки в другое место, за пятьдесят километров от прежнего.

Когда она рассказывала о своей поездке в Африку, я чувствовал, как она была там счастлива. Я имел глупость спросить, почему она оттуда вернулась. Она помрачнела и поведала мне о буре, которая

уничтожила результаты ее трудов, всю ее кропотливую работу. Не случись той бури, мы с Кейрой, наверное, больше бы не встретились, однако мне никогда не хватило бы духу признаться, что мысленно я благословляю это стихийное бедствие.

Кейра спросила, как я жил все это время, и я вдруг понял, что мне нечего ей рассказать. Я как умел описал ей чилийские пейзажи, попытавшись придать своему повествованию хоть немного той красоты, которой было пронизано ее выступление перед комиссией Фонда Уолша. Я говорил ей о тех людях, с кем работал многие годы, о нашей взаимной преданности, а еще, дабы предотвратить ненужные расспросы о причинах возвращения в Лондон, сообщил о дурацкой истории, приключившейся оттого, что мне захотелось подняться повыше в горы.

– Я копаюсь в земле, ты наблюдаешь за звездами, – произнесла она. – Так что, как видишь, нам не о чем сожалеть, мы не созданы друг для друга.

– Или, наоборот, созданы, – пробормотал я. – Ведь получается, что мы ищем одно и то же.

Кажется, мне наконец удалось ее удивить.

– Ты хочешь понять, когда зародилось человечество, а я копаюсь в недрах отдаленных галактик, чтобы разобраться, как появилась Вселенная, а вследствие этого – жизнь, и узнать, существует ли эта самая жизнь где-нибудь еще, кроме нашей планеты, может быть, в каких-то иных, неизвестных нам формах. И наши действия – твои и мои – во многом схожи. Кто знает, возможно, ответы на наши вопросы связаны между собой.

– Пожалуй, это неплохая мысль. И однажды наступит день, когда я благодаря тебе поднимусь на борт космического корабля, высажусь на неизвестной планете и стану там искать скелеты прародителей маленьких зеленых человечков.

– Со дня нашей первой встречи и до сих пор ты постоянно насмехаешься надо мной и наслаждаешься этим.

– Ну да, вроде того, уж такая я есть, – проговорила она примирительно. – Я не хотела принизить значение твоей работы. Это все из-за твоей забавной привычки во что бы то ни стало находить что-нибудь общее в наших профессиях. Не сердись.

– Ты наверняка удивишься и перестанешь умничать, когда я скажу тебе, что звезды помогли некоторым из твоих собратьев установить возраст археологических объектов. А если ты вообще впервые слышишь об этом методе, я напишу для тебя шпаргалку.

Кейра как-то странно посмотрела на меня, и я понял, что она готовит мне подвох.

– А кто тебе сказал, что я жульничала?

– То есть?

– В тот день, когда мы впервые встретились в большой аудитории, может, я съела чистый листок? Тебе никогда не приходило в голову, что я специально расставила ловушку, чтобы привлечь твое внимание?

– Тебя могли выставить вон, и ты так рисковала, чтобы привлечь мое внимание? Думаешь, я тебе поверю?

– Ничем я не рисковала, я сдала этот экзамен накануне!

– Врушка!

– Я тебя еще раньше заметила, и ты мне понравился. А в тот день я пришла поддержать подругу, она-то и сдавала экзамен. Ее трясло от страха, и когда я ее пыталась успокоить, стоя в дверях аудитории, то заметила тебя: ты гордо расхаживал между рядами с неприступным видом безупречного препода, и куртка на тебе болталась, как на вешалке. Я вошла и уселась на свободное место в том ряду, за которым ты наблюдал, а что случилось дальше, ты знаешь…

– И ты все это проделала только для того, чтобы познакомиться со мной?

– Как лестно для твоего ego, не правда ли? – заметила Кейра, кокетливо погладив меня ножкой под столом.

Помню, я покраснел, как мальчишка, которого застали на месте преступления, когда он забрался на табурет и полез в шкаф за вареньем. Мне было не по себе, но не мог же я ей это показать!

– Так ты жульничала или нет?

– Не скажу! Возможны оба варианта, так что тебе выбирать. Или ты подвергаешь сомнению мою честность и видишь во мне бесстыдную соблазнительницу, или ты предпочитаешь версию со шпаргалкой, и я становлюсь в твоих глазах неисправимой лгуньей. У тебя есть время до конца вечера, чтобы решить, что ты выберешь, а пока расскажи мне об астрономическом датировании.

Изучая изменение положения Солнца с течением времени, сэр Норманн Локиер сумел установить возраст Стоунхенджа и его таинственных дольменов.

Проходят тысячелетия, и положение Солнца в зените меняется. Сегодня Солнце стоит в полдень на несколько градусов восточнее, чем в доисторические времена.

В Стоунхендже зенит отмечала главная линия всего сооружения, вдоль ее оси через равные промежутки стояли менгиры. Так что ученому оставалось только произвести точный математический расчет.

Вскоре я заметил, что Кейра перестала меня слушать, хотя изо всех сил изображала внимание.

– Ты опять надо мной издеваешься? Тебе это совсем не интересно, ведь так?

– Да нет же, наоборот! – запротестовала она. – Если я снова поеду в Стоунхендж, я взгляну на него другими глазами.

Ресторан закрывался, мы остались последними, и официант, гася светильники в глубине зала, всячески давал нам понять, что пора уходить. Мы целый час бродили по улицам Примроуз-Хилл, вспоминая самые лучшие моменты того далекого лета. Я предложил Кейре проводить ее до гостиницы, но, когда мы сели в такси, она сказала, что отвезет меня домой. «Без всякой задней мысли», – заявила она.

По дороге она развлекалась тем, что пыталась угадать, как устроено мое жилище.

– Чувствуется мужская рука, даже слишком, – отметила она, осмотрев первый этаж. – Сразу видно, квартира холостяка, но довольно милая.

– Что тебе не нравится в моем доме?

– А где в этой ловушке для девушек находится спальня?

– На втором этаже.

– Я ведь так и говорила, – откликнулась Кейра, поднимаясь по лестнице.

Когда я вошел в комнату, она ждала меня в постели.

В тот вечер мы не занимались любовью. Все вроде бы шло к этому, но иногда случаются такие вечера, когда что-то оказывается сильнее желания. Например, боязнь быть неловкими, нежелание

обнаружить свои чувства, страх перед завтрашним и всеми последующими днями.

Мы проговорили всю ночь. Прижавшись головами друг к другу, взявшись за руки, как два студента, которые никогда не постареют. Однако мы все же постарели: Кейра в конце концов уснула у меня под боком.

Еще не рассвело. Я услышал легкие шаги, почти неслышные, как у зверя. Открыл было глаза, но Кейра попросила меня этого не делать. Я почувствовал, что она смотрит на меня с порога комнаты, собираясь уходить.

– Ты не будешь мне звонить, ведь так?

– А мы не обменялись номерами телефона, одними только воспоминаниями. Может, так лучше? – прошептала она.

– Почему?

– Я опять уеду в Эфиопию, ты мечтаешь о чилийских горах, а эти края слишком далеко друг от друга, тебе так не кажется?

– Пятнадцать лет назад мне следовало тебе поверить, а не злиться на тебя, ты была права, и у нас остались только светлые воспоминания.

– И в этот раз тоже пообещай не злиться на меня.

– Постараюсь изо всех сил. А если…

– Нет, ничего больше не говори, Эдриен, ночь была такая чудесная. Из того, что со мной вчера случилось, даже не знаю, что лучше: доставшаяся мне премия или встреча с тобой. А я и знать не хочу! Я тебе оставила записку на ночном столике, прочти ее, когда проснешься. Засыпай и постарайся не слышать стук двери, когда я выйду.

– Ты удивительно хороша сейчас.

– Дай мне уйти, Эдриен.

– Можешь пообещать мне кое-что?

– Все, что захочешь.

– Если наши пути снова пересекутся, обещай, что не станешь меня целовать.

– Обещаю, – произнесла она.

– Счастливого пути! Не стану врать, что запросто обойдусь без тебя.

– Ну и не говори. И тебе счастливого пути.

Я слышал скрип каждой ступеньки, когда она спускалась на первый этаж, скрежет петель, когда она закрывала за собой дверь, через приоткрытое окно до меня доносился звук ее шагов, когда она удалялась от моего дома. Гораздо позже я узнал, что она остановилась в нескольких метрах от него и села на низенькую каменную изгородь; что она ждала рассвета и десять раз хотела вскочить и повернуть обратно, что она уже пошла назад, туда, где я ворочался в постели, не имея сил заснуть, – но тут появилось такси.

***

– Бывает так, что старый рубец расходится так же быстро, как свежая рана, с которой преждевременно сняли швы? Значит, следы ушедшей любви никогда не стираются?

– Вы спрашиваете об этом идиота, безнадежно влюбленного в женщину и неспособного набраться смелости, чтобы ей признаться? По этому поводу у меня есть два соображения, и я их вам сейчас сообщу. Первое: имея в виду вышесказанное, я не уверен, что вы обратились к самому квалифицированному специалисту в этой области; второе, опять-таки с учетом того, о чем я вам напомнил: я последний, кто имеет право упрекать вас в том, что вы не сумели найти нужных слов и уговорить ее остаться. Подождите, есть еще и третье! Хотите испортить себе выходные, тогда слушайте: вы вели себя нерешительно и не сказали ей все напрямую. Сначала премия, уплывшая у нас из-под носа, потом ваша случайная встреча – в общем, вы сделали все, что могли.

– Спасибо вам, Уолтер.

Я не смог уснуть, но заставил себя пролежать в постели как можно дольше, не открывая глаз, стараясь не слышать уличный шум; я сочинял историю. Историю о том, что Кейра спустилась на кухню и приготовила чай. О том, как мы позавтракали вместе, обсуждая, где проведем день. Лондон принадлежал нам безраздельно. Я оделся как турист, изображая, будто вновь знакомлюсь со своим городом, восхищаясь яркими домами, такими заметными на фоне серого неба.

Я походил бы с ней по знакомым местам, как тогда, в первый раз. На следующий день мы вновь отправились бы на прогулку, не спеша, в ритме воскресного дня, когда часы идут медленно-медленно. Мы бы все время держались за руки, и пусть бы даже Кейра вечером уехала, я бы это как-нибудь пережил. Каждая минута, проведенная с ней рядом, стоила того.

Моя постель пропиталась ее запахом. В гостиной на диване остался ее след. Прохаживаясь по пустому дому, я почувствовал, как в кровь мою проникает ощущение смерти.

Кейра меня не обманула, на ночном столике я увидел записку – одно только слово: «Спасибо».

В полдень я позвал на помощь Уолтера, ставшего мне настоящим другом, и полчаса спустя он уже звонил в мою дверь.

– Мне бы хотелось порадовать вас приятными новостями, чтобы поменять ход ваших мыслей, но, к сожалению, у меня их нет, ко всему прочему к вечеру обещали дождь. Исходя из этого, вам следовало бы одеться. Не думаю, что пребывание в этой ужасной пижаме идет вам на пользу, к тому же созерцание ваших лодыжек вряд ли скрасит мне воскресенье.

Пока я варил себе кофе, Уолтер отправился наверх «проветрить помещение», как он сообщил, взбираясь по лестнице. Он спустился через несколько минут, очень радостный.

– Ну вот, у меня все-таки есть для вас хорошая новость – время покажет, насколько она хороша.

И он гордо потряс кулоном на кожаном шнурке, который вчера висел на шее Кейры.

– Только ничего не говорите, – продолжал он. – Если вам в вашем возрасте неведомо, что такое неудача в любви, то ваш случай еще более безнадежен, чем мой. Женщина, которая забывает в доме мужчины свое украшение, может преследовать две цели. Первая – чтобы другая женщина нашла его и устроила безобразную сцену: но вы же страшно неловкий, а потому наверняка десять раз повторили, что у вас никого нет.

– А вторая цель? – спросил я.

– Что она намерена вернуться на место преступления!

– Может, она просто была рассеянна и забыла у меня эту вещицу – такая мысль не кажется вам более приемлемой? – поинтересовался я,

взяв у него из рук кулон.

– Вот уж нет! Будь это сережка, ну, на худой конец, кольцо, я бы согласился с вами, но такая крупная подвеска… Разве только вы забыли мне сообщить, что ваша подруга слепа как крот, – тогда бы, кстати, мне стало понятно, как вы сумели ее соблазнить.

Уолтер выхватил у меня из рук кулон и взвесил его на ладони.

– Не пытайтесь убедить меня в том, будто она не заметила, как с ее шеи исчез предмет весом в полфунта. Эта вещица достаточно тяжелая, чтобы ее можно было потерять, не заметив.

Знаю, это бред, мне не семнадцать лет, чтобы вести себя как юный герой-любовник, воспылавший внезапной страстью к ночной незнакомке, но слова Уолтера подействовали на меня благотворно.

– Ну вот, вы уже выглядите получше. Эдриен, вы в целом были счастливы все эти пятнадцать лет, так что не говорите мне, что из-за какого-то пустячного вечера вы будете страдать дольше, чем до понедельника. Кстати, я зверски голоден, а у вас тут поблизости есть одно местечко, где подают прекрасные поздние завтраки. Да одевайтесь же наконец, черт вас возьми, говорю вам, я умираю с голоду!

Сент-Моус, Корнуолл

Поезд тронулся и покатил дальше по одноколейному пути. Вскоре на платформе не осталось никого из тех немногих пассажиров, что сошли в Фолмуте вместе с Кейрой. Она пересекла сортировочную площадку, где старые товарные вагоны ржавели в нескольких кабельтовых от моря. Кейра шла дальше по направлению к порту, а оттуда – к доку, откуда отправлялся паром. Она выехала из Лондона пять часов назад, и теперь ей казалось, что этот город остался на краю света. Раздался рев туманного горна, и она ускорила шаг. Матрос уже крутил ворот, поднимая трап; Кейра замахала руками и закричала, прося ее подождать. Трап пополз вниз, и юнга, подтянув за руки вцепившуюся в него Кейру, втащил ее на борт. Не успела она пройти в носовую часть судна, как оно уже миновало большой портовый кран и, немного накренившись, стало бороться с течением. Бухта была еще красивее, чем в ее воспоминаниях. Вдали уже виднелся замок Сент-Моус. Он имел странную форму: в плане он напоминал лист клевера. За ним белые и голубые домики теснились на склоне холма,

карабкаясь вверх и толкаясь в борьбе за место. Кейра погладила бортовое ограждение, изъеденное солеными брызгами, и глубоко вдохнула, наполнив легкие морским воздухом. Йодистый запах смешался с ароматом свежескошенной травы, долетавшим с берега. Капитан подал сигнал, и служитель маяка помахал ему рукой. Здесь люди, встречаясь, всегда приветствовали друг друга. Паром замедлил ход, матрос бросил швартовы, судно правым бортом мягко потерлось о каменный причал.

Кейра зашагала по прибрежной дороге в сторону деревни, затем поднялась по узкой улочке, ведущей к церкви, задрав голову и любуясь карнизами домов, где под каждым окном красовались пышные яркие цветы. Она подошла к пабу «Виктори» и толкнула дверь; зал был пуст, она уселась у стойки и заказала блинчик.

– В это время туристы сюда заезжают редко, а вы ведь не местная? – с любопытством спросил хозяин заведения, поставив перед Кейрой стакан пива.

– Я не местная, но и не совсем чужая: тут у церкви похоронен мой отец.

– А кто был ваш отец?

– Прекрасный человек. Его звали Уильям Перкинс.

– Я его не помню, – разочарованно проговорил хозяин. – А чем он занимался при жизни?

– Он занимался ботаникой.

– У вас есть еще родственники в нашей деревне?

– Нет, здесь только папина могила.

– У вас небольшой акцент. И откуда же вы к нам приехали?

– Из Лондона, а туда – из Франции.

– И вы проделали такое долгое путешествие, чтобы его навестить?

– В общем, да.

– Тогда все за счет заведения, в память Уильяма Перкинса, ученого-ботаника и хорошего человека, – торжественно произнес хозяин, ставя перед Кейрой тарелку.

– Светлая память моему отцу, – подхватила Кейра, поднимая стакан.

Быстро расправившись с завтраком, Кейра поблагодарила хозяина паба и отправилась дальше. Добравшись до церкви, она обогнула ее и вошла в кованые железные ворота.

Маленькое кладбище Сент-Моуса стало последним приютом не более чем для сотни усопших. Могила Уильяма Перкинса находилась в конце прохода, у самой крепостной стены. Сиреневые пряди глицинии свисали со старых камней, листья давали легкую тень. Кейра присела на плиту, коснулась выбитых на камне букв. Позолота почти стерлась, стелу местами затянул ярко-зеленый мох.

– Знаю, я давно не приезжала, слишком давно, но мне не обязательно быть здесь, чтобы думать о тебе. Ты мне говорил, что со временем печаль расставания уйдет, уступив место светлым воспоминаниям. Тогда почему же до сих пор мне тебя так не хватает?

Мне бы так хотелось снова беседовать с тобой, задавать тебе тысячу вопросов, выслушивать тысячу твоих ответов, даже если ты все выдумывал. Мне бы так хотелось снова почувствовать, как ты держишь меня за руку, идти рядом с тобой, как тогда, когда ты водил меня смотреть на море и отлив, убегающий к горизонту.

Сегодня утром я опять поссорилась с Жанной. Как всегда, виновата была я. Она сердилась, что я не позвонила ей вчера вечером и не сообщила хорошую новость. Вчера вечером, папа, ты бы страшно гордился мною, твоей дочерью. Я представила мои работы одному фонду, и они дали мне первую премию. Я разделю ее ex æquo[11] с еще одним конкурсантом, но ведь это ничего, ты бы все равно мною гордился, ты ведь всегда считал, что надо делиться. Я бы так хотела, чтоб ты вернулся, чтобы обнял меня и мы пошли гулять в маленький порт; я бы хотела услышать твой голос, взглянуть тебе в глаза и успокоиться, как бывало прежде.

Кейра на секунду замолчала: она плакала.

– Если бы ты только знал, как я ругаю себя за то, что не приезжала к тебе чаще, пока ты был жив, если бы ты только знал, как я об этом сожалею, однако теперь уже поздно. Ты сейчас сказал бы, что мне нужно жить своей жизнью, это правильно, но ты и был частью моей жизни, папа.

Ты не расстраивайся, папа, с Жанной я уже помирилась. В точности следуя твоим советам, я дважды ей звонила извиняться. Потом опять с ней поругалась: сказала ей, что поеду с тобой повидаться, но ведь на самом деле, папа, я не могу тебя увидеть. Она тоже хотела поехать к тебе. Нам обеим тебя не хватает.

Теперь, выиграв эту премию, я смогу уехать в Эфиопию. Я приехала тебя предупредить: если захочешь меня навестить, я буду в долине реки Омо. Думаю, не обязательно рассказывать тебе подробно, как меня найти: оттуда, где ты сейчас, ты меня сразу увидишь. Прилетай ко мне с попутным ветром, только пусть не дует слишком сильно, прилетай, я тебя очень прошу.

Я люблю свое дело, ради него ты заставлял меня учиться и двигаться вперед, но теперь я осталась одна, и мне тебя не хватает. А вы с мамой помирились – там, наверху?

Кейра наклонилась и поцеловала камень. Потом поднялась и ушла с кладбища, понурив голову. Спустившись к маленькому порту Сент-Моус, она позвонила Жанне и расплакалась. Сестра долго ее утешала.

***

Кейра вернулась в Париж, и сестры отпраздновали победу. Два вечера подряд они веселились в компании подруг; вторая вечеринка закончилась только к пяти утра, когда бригаде скорой социальной помощи пришлось урезонивать расходившуюся Жанну. Слегка потрепанная, но не сдавшаяся, она пожелала немедленно вступить в брак с бродягой по имени Жюль, жилищем которому служила частная галерея на Елисейских Полях. Больше всего из этих празднеств Кейре запомнилась сильнейшая головная боль, донимавшая ее потом еще двое суток.

***

Случаются дни, когда вроде бы не происходит ничего особенного, но на тебя внезапно накатывает невероятное счастье; ты перебираешь старые вещи или, подойдя к прилавку старьевщика, вдруг видишь точно такую же игрушку, какая была у тебя в детстве, или кто-нибудь нежно берет тебя за руку, или раздается звонок, которого ты уже не ждал, или тебе говорят что-нибудь хорошее, или твой ребенок обнимает тебя – он ничего не просит, только хочет на минутку

почувствовать твою любовь. Случаются такие благословенные дни, когда тебя радует знакомый запах, солнечный луч, пробившийся из-за штор, шум ливня за окном в момент пробуждения, снег на тротуаре или приход весны и лопнувшие почки.

В то субботнее утро консьержка принесла Кейре три письма от коллег. Археология – наука, где каждый своими знаниями способствует достижению общей цели, приближая долгожданное открытие. Успех раскопок зависит от профессионального мастерства всей команды, это результат совместного труда. Поэтому Кейра, получив послания от трех коллег, изъявивших желание отправиться с ней в Эфиопию, от радости прыгала по квартире.

В то утро Жанна бродила по рынку, и зеленщик сказал ей, что она очаровательна. Жанна вернулась домой с полной корзиной покупок и в самом радужном настроении.

В полдень Ян Вакерс и Айвори сидели в маленьком амстердамском ресторанчике. Морской язык, заказанный Айвори, был отменно приготовлен, а Ян получал удовольствие, глядя, как его друг наслаждается едой. По каналам навстречу друг другу плыли баржи, солнце заливало террасу, на которой устроились два старых приятеля. Они предавались приятным воспоминаниям и громко хохотали.

В час дня Уолтер прогуливался по Гайд-парку. Бернская овчарка, усевшись у подножия высокого дуба, подстерегала белку, прыгавшую с ветки на ветку. Уолтер подошел к собаке и погладил ее по голове. Тут он услышал голос хозяйки, зовущей пса, и остолбенел: это была мисс Дженкинс. Она тоже удивилась нежданной встрече и первой заговорила с Уолтером. Она не знала, что он любит собак. Уолтер сообщил, что у него тоже есть собака, – правда, живет она в основном у его матери. Они немного прошлись вместе и любезно распрощались у ограды парка. Остаток дня Уолтер просидел на стуле, любуясь цветущим шиповником.

В два часа дня я вернулся с прогулки. На блошином рынке в Кемдэне мне попался старый фотографический аппарат в футляре, и я

радовался, предвкушая, как приятно проведу вечер, разбирая его и приводя в порядок. Под дверью я обнаружил открытку, которую принес почтальон. На ней был изображен рыболовецкий порт на острове Гидра, где жила моя мать. Она отправила открытку шесть дней назад. Моя мать ненавидит телефон и пишет мне нечасто, к тому же послания ее обычно немногословны. На сей раз текст был обезоруживающе коротким: «Когда ты ко мне приедешь?» Два часа спустя я уже выходил из туристического агентства, унося в кармане авиабилет на конец месяца.

В тот субботний вечер Кейра, занятая приготовлениями к экспедиции, отменила ужин с Максом.

Простояв довольно долго перед зеркалом в ванной, Жанна решила выбросить письма Жерома, хранившиеся в ящике ее письменного стола.

Уолтер, побывав в своем любимом книжном магазине, читал энциклопедию о собаках и заучивал наизусть статью о бернских овчарках.

Ян Вакерс играл в шахматы с Айвори, потребовавшим у него реванша.

А я тщательно почистил фотоаппарат, купленный утром, принес охлажденное пиво и сэндвич, приготовленный по моему собственному рецепту, и сел за письменный стол. Я начал было писать письмо матери, чтобы предупредить о моем приезде, но передумал и отложил ручку: сделаю-ка я ей сюрприз, вот будет забавно.

Вот и закончился этот день, один из тех ничем не примечательных дней, что запоминаются надолго, хотя никто не может объяснить почему.

***

Я сообщил Уолтеру, что уезжаю.

До начала учебного года никто в Академии не заметит моего отсутствия. Я накупил английского печенья, чая и горчицы, которые обожает моя мать, собрал чемодан, запер входную дверь и уехал на такси в аэропорт. Самолет приземлялся в Афинах днем, потом мой путь лежал в порт Пирей, а оттуда на катере – чуть больше часа до острова Гидра.

В Хитроу, как обычно, царила суета и неразбериха. Но после полетов в дальние районы Южной Америки меня уже ничто не могло напугать. Мне повезло: рейс не задержали. Когда мы оторвались от земли, пилот объявил, что мы пролетим над территорией Франции, затем возьмем курс на Швейцарию, пересечем север Италии, Адриатику и приземлимся в Греции. Я не был там уже давно и радовался, что скоро увижу мать. Мы летели над Парижем, небо было ясным, и пассажиры, которые сидели с той же стороны салона, что и я, могли полюбоваться великолепным видом города и даже хорошо рассмотреть Эйфелеву башню.

Париж

Кейра попросила Жанну помочь ей уложить чемодан.

– А я не хочу, чтобы ты уезжала!

– Жанна, я же опоздаю на самолет, поторопись, сейчас неподходящее время для таких разговоров.

Второпях выскочив из дома, они погрузились в такси и поехали в Орли. Жанна не произнесла ни слова.

– Ты так и будешь дуться до самого моего отъезда?

– А я не дуюсь. Мне грустно, вот и все, – проворчала Жанна.

– Обещаю, я буду тебе регулярно звонить.

– Как же, как же, обещание гасконца! Очутившись там, ты вмиг забудешь обо всем, кроме работы. Ты же сама мне сто раз повторяла, что там нет телефона, что не ловит мобильный…

– То, что гасконцы не держат обещание, никем не доказано.

– Жером был гасконец!

– Жанна, последние месяцы были такие чудесные! Если бы не ты, ничего бы у меня не получилось. За эту поездку я должна благодарить только тебя, ты…

– Знаю: дура, которую ты ни на кого не променяешь. Тем не менее тебе больше нравится проводить время со скелетами в долине Омо,

предпочитая их компанию обществу твоей якобы незаменимой сестры. Да, я действительно клиническая идиотка! Я же сама себе поклялась не устраивать тебе сцену перед отъездом; сидя у себя в комнате, я тысячу раз повторяла про себя те добрые слова, что хотела бы тебе сказать.

Кейра внимательно посмотрела на сестру:

– Что с тобой?

– Ничего, просто хочу напоследок запомнить твою сердитую физиономию, у меня ведь теперь долго не будет возможности ею любоваться.

– Жанна, прекрати, ну что ты нагоняешь тоску? Лучше как-нибудь приезжай ко мне.

– Я и так еле свожу концы с концами, а когда заговорю с моим банкиром о небольшом путешествии в Эфиопию, думаю, он придет в полный восторг. Кстати, куда ты дела свой кулон?

Кейра провела рукой по шее:

– Это долгая история.

– Я готова, слушаю.

– Я случайно встретила в Лондоне старого знакомого.

– И отдала ему свое украшение, которым так дорожила?

– Я же тебе сказала, Жанна, это долгая история.

– Как его зовут?

– Эдриен.

– Ты вместе с ним ездила к папе?

– Нет, конечно нет.

– Маленькое замечание: если ты выбросишь из головы Макса благодаря этому таинственному Эдриену, – благослови его Господь.

– Что ты имеешь против Макса?

– Ничего!

Кейра внимательно посмотрела на сестру.

– «Ничего» или как раз «чего»? – спросила она.

Жанна не ответила.

– Да, я круглая дура, – вздохнула Кейра. – «С тех пор как вы расстались, я ничего не знала о Максе», «Макс долго не мог прийти в себя, не стоит бередить старые раны, а то вдруг ты скоро опять уедешь», «Мне, наверное, не следовало тебе этого говорить, но Макс тоже был на этом ужине» – и тому подобное. Да ты от него без ума!

– Полный бред!

– Жанна, посмотри мне в глаза!

– Ну чего ты от меня хочешь? Признания в том, что я одинока, до такой степени одинока, что по уши влюбилась в бывшего бойфренда младшей сестры? Я даже не знаю, в него я влюблена или в ту пару, которую вы с ним составляли, или даже просто в идею влюбленной пары!

– Макс в твоем полном распоряжении, милая моя Жанна, только потом не разочаруйся, это не лучший вариант!

Жанна проводила сестру до стойки регистрации. Когда язык транспортера жадно слизнул чемоданы Кейры и уволок их в пасть багажного отделения, они отправились вдвоем выпить чашечку кофе на прощанье. У Жанны горло перехватило от тоски, да и Кейра чувствовала себя не лучше. Они держались за руки и молчали, погрузившись каждая в свои мысли. Они расстались у зоны паспортного контроля. Жанна обняла Кейру и расплакалась.

– Я тебе обещаю: буду звонить каждую неделю, – проговорила Кейра сквозь слезы.

– Ты не сдержишь обещания, но я тебе напишу, и ты тоже мне пиши. Мы будем друг другу рассказывать о том, как проходят наши дни. Твои письма будут длинными-предлинными, на много страниц, а мои уложатся в несколько строк – мне-то рассказывать не о чем. Ты пришлешь мне фотографии твоей волшебной реки, а я тебе – открытки с изображением метро. Я тебя очень люблю, сестренка, береги себя и возвращайся ко мне поскорей.

Кейра, пятясь, пошла дальше и сунула паспорт полицейскому, сидевшему за стеклом. Пройдя зону паспортного контроля, она обернулась, чтобы последний раз помахать сестре, но Жанна уже ушла.

Случаются дни, когда не происходит ничего особенного, но на тебя вдруг накатывает волна тоски и такое чувство одиночества, что потом ты долго не можешь его забыть.

Афины

Порт Пирей в конце дня напоминал улей. Пассажиры, выгрузившись из автобусов и такси, отправлялись на причалы. Ветер гремел якорными цепями, задавая ритм плавно причаливавшим и отплывавшим судам. Паром, ходивший между Пиреем и островом Гидра, вышел на морской простор. Тихо вздымались волны; я сидел на носу и смотрел на горизонт; несмотря на мои греческие корни, я никогда не хотел стать моряком.

Гидра – остров, не тронутый временем, там существует только два способа передвижения: пешком или верхом на осле. На склоне горы, над маленьким рыболовецким портом, притулились деревенские домики. К ним вели узкие крутые улочки. Чужаки здесь появлялись только в туристический сезон, остальные хорошо знали друг друга, и, сходя с парома, ты непременно встречал знакомого: его лицо озарялось улыбкой, он сжимал тебя в объятиях и радостно кричал во всю мочь, что ты наконец вернулся в родные края. Главной задачей для меня было добраться до дома моего детства незамеченным, чтобы слух о моем приезде не опередил меня, пока я поднимаюсь вверх по склону. Даже не знаю, почему мне вдруг захотелось сделать матери такой сюрприз. Может, потому, что в ее лаконичном послании услышал если не зов, то по меньшей мере упрек.

Старик Калибанос, владелец нескольких ослов, с радостью одолжил мне одного из своих серых красавцев. В это трудно поверить, но на Гидре есть два вида ослов: те, что шагают медленно и степенно, и те, что бегут резвой рысцой. Вторые ценятся вдвое выше первых – правда, сесть на них гораздо труднее. У каждого осла свой характер, и, если вы хотите, чтобы он вез вас в нужном направлении, вам следует найти с ним общий язык.

– Только не давай ему потачки, – напутствовал меня Калибанос. – Он хоть и умеет быстро бегать, но по натуре лодырь и дармоед. На подъезде к дому твоей матери есть поворот, так вот, когда доберешься до него, потяни уздечку влево, а не то он сожрет цветы на стене у моей двоюродной сестры, и тогда хлопот не оберешься.

Я пообещал, что сделаю все, как надо, а Калибанос взял на себя заботы о моем багаже, пообещав доставить его чуть позже в целости и сохранности. Он постучал по своим часам и заметил, что, по его

мнению, на дорогу у меня осталось не более пятнадцати минут: к этому моменту матери уже могут сообщить о моем приезде.

– Тебе еще повезло, что у тетки телефон сломался!

Тетя Элена – хозяйка небольшого магазинчика в порту, она продает открытки и сувениры, болтает без умолку, как правило, ни о чем, но у нее самый заразительный смех из тех, что мне доводилось слышать, а смеется она не переставая.

Я немедленно тронулся в путь и почувствовал, как ко мне возвращается детство. Не могу сказать, что я восседал в седле гордо и величаво, поскольку осел мой не слишком изящно раскачивал задом, однако я ехал довольно быстро, и красота родных мест завораживала меня, как всегда. Я вырос не на Гидре, ведь родился я в Лондоне и всегда там жил, но на каждые каникулы мы возвращались в семейное гнездо моей матери, а потом, после смерти отца, она окончательно поселилась в этом доме.

Мое имя Эдриен, но здесь меня всегда звали Адрианос.

Аддис-Абеба

Самолет совершил посадку в аэропорту Боле и выгрузил пассажиров у раскаленного на солнце новенького терминала, которым гордилась вся столица. Кейра и ее команда просидели здесь несколько долгих часов, пока их оборудование проходило таможню. Их ждали три микроавтобуса. Координатор, с которым Кейра связалась еще в начале недели, сделал все, как обещал. В два микроавтобуса водители погрузили ящики, палатки и вещи, в третьем разместилась команда. Чихнув, завелись моторы, с легким скрежетом включилась первая передача, и безумная эпопея началась. Они проехали мимо площади, посвященной китайско-африканскому сотрудничеству, и здания центрального вокзала Аддис-Абебы, украшенного скульптурным изображением красного китайского флага и пятиконечной звезды, затем три микроавтобуса выехали на главную магистраль, пересекающую город с востока на запад. В плотном потоке машины двигались медленно, утомленные члены экспедиции, безучастные к царившему вокруг хаосу, вскоре заснули и на миг пробуждались только тогда, когда колесо попадало в глубокую выбоину.

Долина Омо находится в пятистах пятидесяти километрах от столицы, но это по прямой, а по дорогам – втрое дальше. К тому же

только половину пути им предстояло преодолеть по асфальту, затем – по грунтовым дорогам, а к концу – и вовсе по тропам.

Они миновали Аддис, Тулу Боло, на закате маленькая колонна сделала остановку в Гийоне. Здесь из машин вытащили все оборудование и тут же погрузили его на два грузовика с полным приводом. Кейра радовалась: организовано все было безупречно, члены команды выглядели довольными, хоть и изрядно устали.

К вечеру водители грузовиков-вездеходов заявили, что настало время отдохнуть. Заночевали в небольшом городке Велките.

Археологов приютила семья местных жителей. Члены экспедиции наелись до отвала, уничтожив целое блюдо вата. Спать улеглись на циновках, разложенных на полу большой комнаты.

Кейра проснулась первой. Выйдя на крыльцо, она оглядела окрестности. Городок был сплошь застроен белыми домиками, покрытыми рифленым листовым железом. Крыши Парижа остались где-то очень далеко, без Жанны было тоскливо, и Кейра вдруг подумала: а стоило ли вообще ввязываться в эту авантюру. Из задумчивости ее вывел голос Эрика, одного из ее коллег:

– Далековато отсюда до парижской кольцевой, а?

– Я только что об этом подумала. Но если ты думаешь, что очутился на краю Земли, то погоди, до него осталось еще пять сотен километров, – усмехнулась Кейра.

– Я горю от нетерпения наконец добраться туда и приняться за работу.

– Первое, что нам предстоит сделать, – это наладить отношения с местными жителями.

– Тебя это беспокоит?

– Мы смылись оттуда поспешно, как воры, почти сразу после бури.

– Но вы же ничего не украли, значит, тебе не в чем себя упрекнуть, – парировал Эрик и, развернувшись, удалился.

В первый раз коллега Кейры изумил ее своим прагматизмом – но, как оказалось, далеко не в последний. Недоуменно пожав плечами, она пошла к машинам, чтобы проверить, хорошо ли закреплено оборудование.

В семь часов утра они снова тронулись в путь. Предместья городка остались позади, и аккуратные домики уступили место бедным хижинам с островерхими соломенными крышами. Когда час спустя путешественники очутились в долине небольшой речки, пейзаж изменился до неузнаваемости.

Вскоре состоялась их первая встреча с рекой Омо: они переехали на другой берег по величественному мосту, и Кейра возобновила знакомство со своей старой знакомой. Она попросила водителей остановиться.

– Когда мы планируем прибыть в лагерь? – спросил кто-то из ее спутников.

– Мы могли бы туда добраться по воде, – заметил Эрик, глядя, как где-то внизу река стремительно катит свои воды.

– Да, могли бы, недели за три, а то и побольше, если бегемоты будут не в духе и не пожелают нас пропускать. К тому же мы утопили бы половину снаряжения, – сказала Кейра. – Еще мы могли бы полететь самолетом из Джиммы, только обошлось бы дороговато, тем более что мы сэкономили бы только сутки.

Эрик, ничего не возразив, занял свое место в машине. Слева от них река текла через бескрайние луга, затем терялась в джунглях.

Колонна отправилась дальше, подняв за собой облако пыли. Дорога делалась все более извилистой, а узкие горловины между скалами – все более опасными. В полдень экспедиция миновала Абелти, откуда начинался непростой спуск вниз, на равнину. Всем казалось, их путешествие никогда не кончится, и только одна Кейра не унывала. Наконец машины въехали в Джимму. Там археологи остались на вторую ночевку. Назавтра Кейре предстояло вновь увидеть долину Омо.

Гидра

– К счастью, твоя тетя позвонила мне от бакалейщика и предупредила, что ты только что сошел на берег. Ты хотел, чтобы у меня случился сердечный приступ?

Такими словами меня встретила мать, когда я переступил порог дома. Так она обычно приветствовала меня и так упрекала за то, что я слишком долго не приезжал.

– У твоей тетки острый глаз, я вот не уверена, что узнала бы тебя, встретив в городе. Подойди к свету, я на тебя посмотрю. Ты похудел и выглядишь неважно.

Я ждал, что она отпустит еще пару замечаний, прежде чем обнимет меня.

– Похоже, чемодан у тебя не очень тяжелый, значит, ты приехал ненадолго, так?

Когда я сообщил, что намерен провести здесь несколько недель, мать растаяла и нежно меня поцеловала. Я заверил ее, что она совсем не изменилась, она похлопала меня по щеке, обозвав лгунишкой, но комплимент явно доставил ей удовольствие. Она засуетилась на кухне, оценивая, довольно ли у нее припасов: муки, сахара, яиц, молока, мяса и овощей.

– Прости, а что ты делаешь? – поинтересовался я.

– Представь себе, ко мне неожиданно приехал сын, который не навещал меня больше двух лет, и поскольку он не нашел ничего лучшего, как появиться под конец дня, то в моем распоряжении осталось не больше часа, чтобы устроить праздник.

– Но я бы хотел поужинать с тобой вдвоем, давай поедем в какой-нибудь портовый ресторанчик.

– А я хотела бы стать на тридцать лет моложе и не ведать, что такое ревматизм.

Мама щелкнула пальцами и потерла поясницу.

– Вот видишь, ничего не получается, нашим желаниям сегодня не суждено сбыться. Значит, устроим пир, достойный нашей семьи и ее высокой репутации. Надеюсь, ты не думаешь, что твой приезд на остров остался незамеченным?

Бесполезно было ее уговаривать – как в этом случае, так и в любом другом. Все наши деревенские знакомые прекрасно поняли бы нас, если бы мы решили провести вечер вдвоем, но моя мать считала совершенно необходимым отметить мой приезд, и я не мог лишить ее этого удовольствия.

Соседи принесли вино, сыр и оливки, женщины накрыли на стол, мужчины настроили музыкальные инструменты. Все пили, танцевали и пели до поздней ночи, и по ходу дела я попытался объясниться с тетушкой по поводу ее излишней болтливости. Она уверяла меня, что понятия не имеет, о чем я толкую.

На следующий день, когда я проснулся, мать уже давным-давно встала и все прибрала. Дом выглядел теперь как обычно.

– А что ты собираешься здесь делать все это время? – спросила мама, ставя передо мной чашку кофе.

Я усадил ее рядом с собой.

– Для начала хорошо бы сделать так, чтобы со мной не носились с утра до вечера. Я приехал, чтобы позаботиться о тебе, а не для того, чтобы ты нянчила меня.

– Позаботиться обо мне? Хорошенькое дело! Много лет прошло с тех пор, как я научилась сама о себе заботиться. Разве что Элена приходит развесить постиранное белье, а я взамен помогаю ей в магазине. Так что никто мне не нужен.

Я понимал: не будь тетки Элены, матери было бы очень одиноко. Завтракая, я слышал, как мама распаковывает мой чемодан и раскладывает вещи.

– Вижу-вижу, ты сидишь и пожимаешь плечами! – крикнула она из окна моей комнаты.

Весь первый день отпуска я заново привыкал к знакомым с детства пейзажам острова. Осел Калибаноса сопровождал меня в странствиях по узеньким тропинкам. Я остановился в небольшой бухточке, где не было ни души, и решил окунуться в море, но тут же выскочил: вода обжигала холодом. Обедал я с мамой и теткой в порту, слушая истории из жизни семьи и воспоминания, коими они оживленно обменивались. Может, в жизни наступает такой момент, когда счастье позади, а от будущего уже ничего не ждешь? Может, это и есть старость? Когда сегодня ты обсуждаешь только вчерашний день, когда настоящее – это не более чем проявление ностальгии, стыдливо спрятанной за беззаботным смехом?

– Что это ты на нас так смотришь? – спросила тетушка, утирая глаза.

– Да так, ничего… Скажи, а когда я вернусь в Лондон, вы будете обедать вдвоем за этим же столом и с удовольствием вспоминать нашу сегодняшнюю трапезу?

– А как же иначе! Что за глупый вопрос! – воскликнула тетя Элена.

– Да я подумал, почему бы вам, не дожидаясь моего отъезда, не воспользоваться такой прекрасной возможностью и не начать прямо

сейчас.

– Твой сын, наверное, с непривычки перегрелся, – обратилась к маме Элена. – Я не понимаю ни слова из того, что он говорит.

– А я понимаю, – с улыбкой ответила мама. – И думаю, он кое в чем прав. Покончим с этими старыми историями и поговорим о будущем. У тебя есть какие-нибудь планы, Элена?

Тетушка внимательно посмотрела на нас, сначала на мать, потом на меня.

– В конце месяца я хочу перекрасить переднюю стену магазина, чтобы успеть до начала сезона, – заявила она на полном серьезе. – По-моему, голубой цвет совсем выгорел.

– Конечно, я тебе об этом тоже говорила. – И добавила, подмигнув мне. – Захватывающая тема, она очень заинтересует Адрианоса.

На сей раз Элена решила, что над ней потешаются, но я успокоил ее. И мы битых два часа обсуждали, в какой оттенок голубого ей следует покрасить фасад магазина. Мама даже лишила сиесты продавца красок, заставив его принести нам альбом образцов. И пока мы прикладывали его к стене в поисках наиболее подходящего варианта, я видел, как раз за разом озаряется лицо моей матери.

Прошли две недели, мы жили, повинуясь воле солнца, от которого я отвык, и приспосабливаясь к жаре, усиливавшейся день за днем. Стоял июнь, и на острове уже появились первые туристы.

Я помню то утро, словно оно было вчера. Наступила пятница, мама вошла в мою комнату; я читал, спрятавшись от зноя за закрытыми ставнями. Она встала напротив меня, скрестив руки на груди, и мне пришлось отложить книгу. Мать молча глядела на меня, причем как-то странно.

– Мам, что случилось?

– Ничего, – ответила она.

– Ты спустилась для того, чтобы посмотреть, как я читаю?

– Я принесла тебе чистое белье.

– Но у тебя в руках ничего нет!

– Должно быть, забыла где-то по дороге.

– Мама!

– Эдриен, с каких пор ты стал носить кулоны?

Когда мама называет меня Эдриеном, значит, ее что-то сильно тревожит.

– Не прикидывайся! – сердито проговорила она.

– Я даже не догадываюсь, о чем ты говоришь.

Мать бросила мрачный взгляд на ящик моего ночного столика.

– Я говорю о кулоне, который нашла у тебя в чемодане и положила вон туда.

Я выдвинул указанный ящик и увидел кулон, забытый Кейрой в моей лондонской квартире. Зачем я взял его с собой? Я и сам не знал.

– Мне его подарили.

– Тебе дарят украшения? К тому же очень неплохие. Довольно оригинальный подарок. И кто же проявил такую щедрость?

– Одна знакомая. Я здесь уже две недели, так почему ты только теперь заинтересовалась этим кулоном?

– Сначала расскажи о своей знакомой, которая дарит украшения мужчине. Может, тогда я и перестану интересоваться твоим кулоном.

– Не то чтобы это был подарок, она просто забыла у меня эту вещь.

– Тогда почему ты говоришь, что это подарок, если на самом деле это забытая вещь? Или ты забыл мне еще что-то сказать?

– Мам, к чему ты клонишь?

– Объясни мне, пожалуйста, кто этот молодчик, который только что сошел с афинского парома и теперь разгуливает по всему порту, как бы невзначай расспрашивая о тебе?

– Какой еще молодчик?!

– Ты теперь всегда будешь отвечать вопросом на вопрос? Знаешь, меня это раздражает.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь.

– Ты не знаешь, чей это кулон, ты не можешь описать ту, что тебе его сначала подарила, а потом у тебя забыла, ты не имеешь понятия о том, что за Шерлок Холмс в шортах сейчас сидит в порту, пьет пятую кружку пива и расспрашивает о тебе каждого встречного. Мне уже в сотый раз звонят по этому поводу, и представь себе, мне нечего сказать!

– Шерлок Холмс в шортах?

– Да, в шортах из фланели, в клетчатых рубашке и кепке – только трубки не хватает!

– Уолтер!

– Выходит, ты его знаешь!

Я кое-как натянул рубашку и кинулся к двери, моля Бога, чтобы мой ослик не сжевал веревку, которой я привязал его к дереву перед домом. Эта скверная привычка появилась у него в начале недели: его тянуло погулять на соседском лугу и приударить за ослицей, которая, похоже, не отвечала ему взаимностью.

– Уолтер мой коллега. Мне и в голову не пришло, что он захочет нас навестить.

– Нас? Помилуй, я-то тут при чем?

Я растерялся: мать, обычно очень гостеприимная женщина, почему-то страшно рассердилась. Да еще отпустила мне вслед замечание, когда я уже закрывал за собой дверь: «Твоя бывшая жена тоже была твоей коллегой!»

Это и вправду оказался Уолтер, часом ранее приплывший на пароме из Афин. Он сидел на террасе кафе рядом с магазином Элены.

– Эдриен! – вскричал он, завидев меня.

– Что вы здесь делаете, Уолтер?

– Как я объяснил этому милому хозяину кафе, Академия без вас уже не та, мне вас очень не хватало, друг мой!

– Вы сообщили хозяину заведения, что вам меня не хватало, да?

– Конечно, ведь это сущая правда!

Я расхохотался. И зря, потому что Уолтер решил, что так я выражаю свою радость по поводу его прибытия, и, подогретый пятью, а то и шестью кружками пива, поднялся и заключил меня в объятия. Бросив взгляд поверх его плеча, я увидел тетю Элену: она названивала моей матери.

– Уолтер, я вас не ждал…

– Да я и сам не думал, что приеду сюда. Дождь все шел и шел с самого вашего отъезда, и конца ему не было видно. Меня утомила эта гризайль, кроме того, я нуждался в ваших советах, но об этом позже. Вот я и сказал себе: почему бы не провести несколько дней на солнце? Почему все куда-нибудь едут, а я сижу на месте? Я решил прислушаться к себе, а вскоре набрел на рекламу в витрине туристической фирмы – и вот я здесь.

– Вы надолго приехали?

– На недельку, не больше, и я не намерен навязывать вам свою особу, можете быть спокойны, мне есть где жить. Турфирма забронировала мне комнату в очаровательной маленькой гостинице, кажется, где-то неподалеку отсюда, не знаю точно, – выпалил он и протянул мне карточку предварительного заказа.

Я повел Уолтера по улицам старого города, проклиная тот день, когда я за завтраком неосторожно произнес название острова, где находится мое убежище.

– Какой чудесный край, Эдриен! Ваша родина поистине прекрасна! Белые стены, голубые ставни, море, и даже ослы просто очаровательны!

– Уолтер, сейчас сиеста, не могли бы вы говорить потише, на этих улочках такой резонанс!

– Конечно-конечно, – зашептал он.

– Можно, я дам вам совет? Наденьте, пожалуйста, что-нибудь другое.

Уолтер удивленно взглянул на меня снизу вверх.

– Что-то не так?

– Ладно, сейчас мы этим займемся – только чемодан занесем в гостиницу.

Мне было неведомо, что, пока мы с Уолтером искали ему на портовом базаре подходящую одежду, Элена позвонила маме и донесла, что мы с другом занимаемся шопингом.

Греки народ приветливый, и я не хотел портить их репутацию, а потому пригласил Уолтера поужинать со мной в городе. Я не забыл, что Уолтер нуждался в моих советах. Когда мы уселись на террасе ресторана, я спросил Уолтера, чем могу ему помочь.

– Вы разбираетесь в собаках? – спросил он.

И рассказал мне о короткой прогулке с мисс Дженкинс в Гайд-парке несколько недель назад.

– После той встречи многое изменилось, теперь, когда мы здороваемся, я спрашиваю, как поживает Оскар – так зовут ее бернскую овчарку, и всякий раз она заверяет меня, что он чувствует себя превосходно. Однако что касается наших с ней отношений, то тут все по-старому.

– Почему бы вам не пригласить ее на концерт или на представление в мюзик-холл? Еще есть Ковент-Гарден, так что самое

трудное – сделать выбор.

– Очень здравая мысль. И как это она не пришла мне в голову?

Уолтер долго смотрел на море, потом вздохнул:

– Я, наверное, никогда на это не решусь!

– Наберитесь смелости и пригласите ее. Поверьте, она не останется равнодушной.

Уолтер опять уставился на море и снова испустил тяжкий вздох:

– А если она мне откажет?

В эту минуту появилась тетя Элена и встала как вкопанная прямо перед нами, ожидая, пока я представлю ей Уолтера. Уолтер пригласил ее присесть за наш столик. Элена не заставила себя просить и уселась быстрее, чем я успел подняться и подвинуть ей стул. Элена, бесспорно, обладала превосходным чувством юмора – если рядом не было моей мамы. Моя тетушка завладела инициативой и больше не выпускала ее из рук: она поведала Уолтеру всю свою жизнь – или почти всю. Мы засиделись в ресторане до самого закрытия. Я проводил моего друга в гостиницу, затем верхом на осле вернулся домой. Мама ждала меня в патио, начищая столовое серебро, – и это в час ночи!

На следующий день около четырех часов дня зазвонил телефон. Мама пришла за мной на террасу и с подозрительным видом сообщила, что со мной желает поговорить мой друг.

Уолтер предлагал прогуляться через пару часов. А я хотел дочитать книгу и пригласил его провести вечер у нас дома. Затем пошел за покупками и уговорился с Калибаносом, чтобы он забрал Уолтера из гостиницы и привез его к нам часов в девять. Мама ничего не возразила, лишь приготовила лишние приборы и позвала тетку прийти к нам сегодня на ужин. Похоже, ей вся эта затея не очень нравилась.

– Да что с тобой? – спросил я ее, помогая накрывать на стол.

Поставив тарелки, мама выпрямилась и скрестила руки на груди, что не предвещало ничего хорошего.

– Тебя не было два года, все это время ты почти не давал о себе знать, и единственный, кого ты счел нужным представить матери, – это твой несчастный Шерлок Холмс. Когда ты наконец станешь жить как нормальные люди?

– Все зависит от того, что считать нормальным.

– Единственное, о чем мне хотелось бы беспокоиться, так это о том, чтобы мои внуки не ушиблись и не поранились, гуляя среди скал.

Никогда прежде моя мать не выражала подобных желаний. Я подставил ей стул, усадил ее и налил рюмочку узо, как она любила, без воды, с одним большим кусочком льда. Я нежно смотрел на нее, напряженно размышляя над тем, что ей ответить.

– Ты хочешь внуков, прямо сейчас? Ты же всегда утверждала обратное, ты говорила, что воспитала меня, и этого довольно. Ты же никогда не хотела стать одной из тех женщин, которые, стоит их детям вылететь из гнезда, мечтают снова сыграть прежнюю роль, только переодевшись в костюм бабушки!

– Представь себе, я превратилась в одну из таких женщин. Где ты видел такого глупца, который ни разу в жизни не менял бы свое мнение? Адрианос, жизнь проходит так быстро, тебе уже хватит развлекаться в компании приятелей. То время, когда можно было мечтать о будущем, давно миновало. В твоем возрасте будущее – это сегодняшний день. А в моем, как ты имел случай убедиться, сегодня превратилось во вчера.

– Но у меня еще все впереди! – запротестовал я.

– Никто не станет продавать салат, если он уже испорчен.

– Не знаю, что именно тебя так тревожит и почему, только я не сомневаюсь, что однажды встречу идеальную женщину.

– А я, по-твоему, похожа на идеальную женщину? Тем не менее мы с твоим отцом прожили вместе сорок чудесных лет. Дело не в том, что мужчина или женщина должны быть идеальными, а в том, что у них общего. Большая любовь возникает в тот момент, когда встречаются два человека, способных отдать себя друг другу. А в твоей жизни такое случалось?

Я признал, что нет. Мама погладила меня по щеке и улыбнулась.

– Ты хоть пробовал ее искать?

Она поднялась, не притронувшись в своей рюмке, и отправилась на кухню, а я остался один на террасе.

Долина Омо

Бледное утро в долине Омо наводило на мысли о болотах или о саваннах, отгороженных от мира горами. Ничто здесь больше не

напоминало о буре. Жители деревни заново отстроили все, что она разрушила. Обезьяны толстотелы прыгали с ветки на ветку, и деревья едва колыхались от их движения.

Археологи миновали деревню племени квегу, затем добрались до селения мурси, расположенного чуть ниже по течению.

И взрослые мужчины, и малые дети вместе играли на берегу реки.

– Вы когда-нибудь видели людей красивее тех, что живут здесь, в долине Омо? – спросила Кейра у своих спутников.

На бронзовую, с легким красноватым оттенком кожу африканцев была умело нанесена боевая раскраска. Мурси инстинктивно чувствовали то, что многим художникам приходилось искать годами. Они наносили рисунки кончиками пальцев или тростинками, рисуя красной охрой, или зеленым, или желтым, или пепельно-серым – природными красками вулканического происхождения. Маленькая девочка, словно сошедшая с полотна Гогена, весело смеялась, стоя рядом с молодым воином, над которым как будто поработал Ротко[12].

Коллеги Кейры молча застыли на месте, завороженные этим дивным зрелищем.

Если человечество вышло из единой колыбели, то племена долины Омо, казалось, навсегда остались нежиться в ней.

Все жители деревни бросились навстречу странникам. Однако среди тех, кто исполнял танец радости, празднуя их прибытие, Кейра искала только одного. Она узнала бы его лицо под самой яркой раскраской, под серыми или красными глиняными узорами, узнала бы среди сотни других лиц. Но Гарри не пришел их встречать.

Гидра

Ровно в девять вечера я услышал со стороны дороги рев осла. Мама открыла входную дверь и встретила Уолтера на пороге. Его одежда, похоже, изрядно пострадала.

– Он упал три раза, – пожаловался Калибанос. – А ведь я ему самого смирного ослика подобрал, – сообщил он, развернулся и тут же уехал, раздосадованный тем, что ему не удалось как следует выполнить возложенную на него миссию.

– Говорить можно все, что угодно, только этим животным далеко до лошадей Ее Величества. Совершенно не держатся на повороте и не имеют ни малейшего понятия о дисциплине.

– Что он говорит? – шепотом спросила Элена.

– Что ему не нравятся наши ослы! – объяснила мать и повела нас на террасу.

Уолтер выразил восхищение нашим домом, заявив, что он самый красивый из тех, где он бывал. Особенно ему понравился пол, выложенный галькой. За ужином Элена без устали расспрашивала его о работе в Академии, о том, как мы с ним познакомились. До сего дня я не знал, что мой коллега обладает такими блестящими дипломатическими способностями. Все время, пока длилась наша трапеза, он нахваливал блюда, которые ему подавали. Когда принесли десерт, он спросил у матери, как она впервые встретила моего отца. Тема оказалась неисчерпаемой. Стало прохладно, и Элена замерзла. Тогда мы перешли с террасы в гостиную: настало время пить белый кофе, искусно приготовленный мамой. Я удивился, заметив на консоли у окна кулон Кейры, таинственным образом переместившийся сюда из ящика моего ночного столика. Уолтер, проследив за моим взглядом, радостно воскликнул:

– Я, кажется, узнаю эту подвеску!

– Ни минуты в этом не сомневаюсь! – подхватила мать, подавая ему коробку шоколадных конфет.

В голосе матери слышалось торжество, я так и не понял почему, да и Уолтер, судя по всему, тоже.

Элена устала, ей было уже слишком поздно возвращаться домой, и она осталась ночевать в комнате для гостей, как нередко поступала в подобных случаях. Мама тоже пошла спать, попрощавшись с Уолтером и посоветовав мне проводить его до гостиницы, когда он соберется уходить. Она боялась, что он заблудится на обратном пути, но Уолтер заверил ее, что в этом нет необходимости. Однако погода все решила за нас.

Меня всегда удивляло, как неожиданное стечение мелких обстоятельств порой в корне меняет нашу жизнь. Никто не замечает, как кусочки невидимой головоломки сами собой складываются в единую картину, и это неотвратимо приводит к потрясениям.

Мы с Уолтером говорили и спорили уже больше часа, когда вдруг с моря пришла гроза, да такая, каких я давненько не видел. Уолтер помог мне закрыть все окна и двери, и мы снова уселись в гостиной и спокойно продолжили разговор. А за стенами дома бушевала стихия.

Мне бы даже в голову не пришло отпустить моего друга в такую погоду. Поскольку в комнате для гостей осталась Элена, я предложил Уолтеру заночевать на диване в гостиной и принес ему одеяло. Уложив его и пожелав спокойной ночи, я отправился к себе; на меня навалилась усталость, и я думал, что засну сразу же, как только доберусь до кровати. Но гроза все усиливалась, и я напрасно силился закрыть глаза: даже сквозь смеженные веки я видел, как вспышки молний освещают все вокруг.

Уолтер, крайне возбужденный, появился на пороге моей комнаты в одних трусах. Он потряс меня за плечо и потребовал, чтобы я немедленно поднялся и пошел за ним. Сначала я решил, что он увидел змею, но в наш дом они никогда прежде не заползали. И мне пришлось, в свою очередь, как следует потрясти его за плечи, чтобы он пришел в себя и объяснил, что его так взволновало.

– Прошу вас, пойдемте со мной, вы глазам своим не поверите!

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Гостиная утопала во мраке, и Уолтер подвел меня к окну. И я сразу понял его восторг. Всякий раз, когда небеса прорезал огненный всполох, море сверкало, словно гигантское зеркало.

– Вы правильно сделали, вытащив меня из кровати. Должен признать, зрелище того стоило, оно прекрасно.

– Какое зрелище? – удивился Уолтер.

– То, что у нас перед глазами, а вы разве не ради него меня разбудили?

– Значит, вы спали, несмотря на это светопреставление? А еще говорят, что Лондон – шумный город, Гидра во время дождя составляет ему вполне достойную конкуренцию. Нет, я вас вытащил из кровати не ради этого.

Молния с треском заплясала в небе, и я не хотел оставаться вблизи окна, однако Уолтер настаивал, чтобы я не двигался. Он взял кулон, который моя мать положила на консоль и, осторожно держа его двумя пальцами, подошел с ним к окну.

– А теперь смотрите, что будет, – сказал он, все больше приходя в возбуждение.

Загремел гром, и, когда очередная молния разрезала небо надвое, ослепительная вспышка словно прошла через камень, и миллионы

маленьких светящихся точек рассеялись по гостиной, слепя глаза так сильно, что прошло несколько секунд, прежде чем их отражение стерлось с радужной оболочки.

– Потрясающе, иначе и не скажешь, не правда ли? Я так и не смог уснуть, – произнес Уолтер. – Я смотрел в окно, а потом, не знаю почему, схватил этот кулон, меня словно к нему потянуло. И когда я его стал разглядывать вблизи, случилось то, что вы видели.

Я в свою очередь взял кулон и принялся изучать его, включив лампу, – никаких отверстий, даже самых маленьких дырочек, я не обнаружил.

– И что это, по-вашему, такое?

– Представления не имею, – пожал плечами Уолтер.

Я не знал, что в это самое время моя мать спустилась вниз, услышав непонятный шум в гостиной и решив узнать, в чем дело, увидела нас с Уолтером: мы в одних трусах стояли вдвоем у окна, выходящего на море, и передавали друг другу кулон Кейры, глядя на него при свете молний. Мама почла за лучшее неслышно удалиться.

На следующий день за ужином мама спросила Уолтера, что он думает о сектах. И прежде чем один из нас успел ответить, она поднялась из-за стола и отправилась на кухню.

Мы сидели на террасе, откуда открывался вид вниз, на бухту Гидры, и я делился с Уолтером детскими воспоминаниями, связанными с этим домом. В тот вечер воздух был прозрачный, а небо чистое и безоблачное.

– Может, я сейчас скажу глупость, – произнес Уолтер, неотрывно глядя в небо, – но то, что я вижу у себя над головой, очень похоже на…

– Кассиопею, – закончил за него я. – А рядом с ней – галактика Андромеды. Млечный Путь, где находится наша планета, неотвратимо притягивается этой галактикой. К моему великому сожалению, через несколько миллионов лет они обязательно столкнутся.

– Пока не настал предсказанный вами конец света, я должен сказать, что…

– А немного правее, смотрите, Персей, а еще дальше – Северная звезда, и, надеюсь, вы видите вон там великолепную туманность…

– Перестаньте наконец меня перебивать! Довольно с меня этих азов астрономии! Если бы я сумел вставить хоть два слова между

вашими лекциями, я поведал бы вам, что меня по-прежнему занимают эти светящиеся точки на стене, которые мы с вами видели вчера ночью во время грозы.

Мы переглянулись, совершенно обескураженные. То, о чем думал Уолтер, было из области фантастики, нечто непонятное и странное, однако мы это действительно видели, и это нас взволновало. Если подумать, то светящиеся точки на стене, возникшие после того, как свет молнии прошел сквозь камень, поразительно напоминали звездное небо – точно такое же, как сейчас у нас над головой.

Но как же нам повторить это явление? Я сто раз подносил кулон к лампе – все напрасно, ничего не происходило.

– Мощности обычной лампы недостаточно, – заключил Уолтер, вдруг проявивший больше склонности к науке, нежели я.

– И где же вы найдете столь же мощный источник энергии, как молния?

– Да хоть маяк в порту! – сгоряча предложил Уолтер.

– Луч маяка слишком широкий! Мы не сможем направить его на стену.

Я не хотел спать и решил проводить Уолтера до гостиницы; прогулка верхом на осле пошла бы мне на пользу, к тому же я не прочь был продолжить наш разговор.

– Давайте действовать методично, – сказал я Уолтеру, ехавшему на ослике в нескольких метрах позади меня. – Какие источники света обладают необходимой нам силой и где их можно найти?

– Интересно, кто из нас Дон Кихот, а кто Санчо Панса? – спросил Уолтер, поравнявшись со мной.

– Думаете, все это смешно?

– Зеленый луч в небе над Гринвичем, тот, который вы мне показывали, помните? Может, он обладает достаточной силой, как вы полагаете?

– Лазер! Это именно то, что нам нужно!

– Ну так спросите у вашей матушки, не завалялась ли случайно у нее в подвале лазерная установка, – кто знает, вдруг повезет!

Я сделал вид, что не заметил сарказм моего друга, легонько толкнул пяткой в бок моего скакуна, и он побежал вперед резвее.

– Глядите, какой обидчивый! – крикнул мне вслед Уолтер, когда я стал удаляться от него.

Я подождал его на следующем повороте.

– Лазерная установка имеется в Академии, в отделе спектроскопии, – сообщил Уолтер, когда, запыхавшись, подъехал ко мне. – Только она очень старая.

– Да там, наверное, рубиновый лазер, боюсь, его красный луч нам не подойдет. Нам понадобится более мощный аппарат.

– К тому же он все равно находится в Лондоне, и даже ради того, чтобы проникнуть в тайну этой загадочной подвески, я не соглашусь прервать свои замечательные каникулы на этом острове. Давайте еще подумаем. Кто в наши дни использует лазер?

– Исследователи в области молекулярной физики, а еще врачи, и больше всего – офтальмологи.

– У вас, случайно, нет в Афинах приятеля офтальмолога?

– Насколько я помню, нет.

Уолтер почесал лоб и предложил сделать несколько телефонных звонков из его гостиницы. Он был знаком с заведующим отделением физики нашей Академии, и тот мог дать нам нужные сведения. На том мы и порешили – и распрощались.

На следующее утро Уолтер позвонил мне и попросил приехать как можно скорее в порт. Я нашел его на террасе кафе, он беседовал с Эленой и не обратил на меня ни малейшего внимания, даже когда я уселся за их столик.

Пока моя тетушка рассказывала ему историю из своего детства, Уолтер небрежно сунул мне какую-то бумажку. Я развернул ее и прочитал:

ИНСТИТУТ ЭЛЕКТРОННЫХ СТРУКТУР И ЛАЗЕРНОЙ ТЕХНИКИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Ираклион, Греция

Контактное лицо: Доктор Магдалена Кари

– Как вам это удалось?

– Разве это так сложно для Шерлока Холмса? Не принимайте такой невинный вид, ваша тетушка во всем созналась. Я взял на себя смелость позвонить этой Магдалене Кари, которой нас всячески

рекомендовал один из моих собратьев по Академии, – торжественно провозгласил Уолтер. – Она ждет нас сегодня вечером или завтра и пообещала сделать для нас все возможное. И английский у нее безупречный, а это тоже неплохое подспорье для нашего дела.

Ираклион находится в ста тридцати километрах от Гидры, но это по прямой. Туда можно доплыть по морю за десять часов, но проще добраться до Афин, а оттуда на небольшом самолете долететь до Крита. Тронувшись в путь незамедлительно, мы могли бы прибыть на место уже к концу дня.

Уолтер попрощался с Эленой. Мне хватило времени, чтобы отправиться домой, предупредить мать, что я уезжаю на сутки, собрать рюкзак и успеть к отправлению афинского парома.

Мама ни о чем меня не спросила, только пожелала мне доброго пути, хоть и несколько натянуто. Она заметила, что не следует прощаться через порог, и протянула мне корзинку с едой, чтобы мы могли пообедать в дороге.

– Твоя тетка предупредила, что ты собираешься уезжать, мать тоже может на что-нибудь сгодиться. Ну иди, тебе уже пора!

Уолтер ждал меня на причале. Паром отплыл с Гидры и взял курс на Афины. Проведя четверть часа в каюте, я решил выйти на свежий воздух. Уолтер насмешливо взглянул на меня:

– Только не говорите, что страдаете морской болезнью.

– Хорошо, не скажу! – буркнул я и встал с кресла.

– Надеюсь, вы не станете возражать, если я доем сэндвичи, приготовленные вашей матушкой? Они такие вкусные, что было бы преступлением что-нибудь от них оставить!

В Пирее мы взяли такси до аэропорта. На сей раз уже Уолтеру стало не по себе, когда водитель принялся выписывать зигзаги на автостраде.

К счастью, для нас нашлись места на маленьком самолете, летевшем на Крит. В шесть вечера мы сошли с трапа в Ираклионе. Уолтер пришел в восторг, оказавшись на легендарном острове.

– Как можно, будучи греком, отправиться в добровольное изгнание в Англию? Вы что, так любите дождь?

– Должен напомнить вам, что все последние годы я по большей части находился на чилийских просторах, я гражданин мира, и в

каждой стране можно найти свою прелесть.

– Конечно, вот только между Англией и Грецией тридцать пять градусов разницы!

– Ну, может, не столько, но разница в климате, разумеется…

– Я говорил о содержании алкоголя в нашем пиве и здешней водке узо, которой ваша тетушка недавно потчевала меня, – прервал меня Уолтер.

Он подозвал такси, сделал знак рукой, чтобы я садился первым, и назвал шоферу адрес. Я ни на секунду не мог представить себе, чем может обернуться наша поездка.

Доктор Магдалена Кари встретила нас у ограды института, где нас остановил охранник, вежливо попросив подождать.

– Извините, из-за этих мер предосторожности вам, наверное, показалось, что вам здесь не рады, – проговорила Магдалена, махнув охраннику, чтобы он впустил нас. – Нам приходится быть бдительными, потому что наше оборудование очень ценное и сверхчувствительное.

Магдалена провела нас через парк, окружавший внушительных размеров бетонное сооружение. Едва мы вошли в здание, как к нам вновь проявила назойливое внимание служба безопасности. Забрав наши удостоверения личности, нам выдали взамен нагрудные карточки с надписью крупными буквами: «Посетитель». Магдалена наскоро расписалась в каком-то журнале и потащила нас в свой кабинет. Я заговорил первым. Не знаю почему, но я не стал ей все рассказывать – наверное, интуиция заставила кое о чем умолчать, и я выдал лишь минимум информации, необходимой, чтобы объяснить цель нашего визита и опыта, который нам хотелось бы провести. Магдалена очень внимательно выслушала мою довольно сбивчивую речь. Мысли Уолтера витали где-то далеко. Возможно, оттого, что наша гостеприимная хозяйка внешне удивительно напоминала мисс Дженкинс; меня тоже, признаться, это поразило.

– У нас несколько лазерных установок, – сказала она, – однако я не могу допустить вас к ним, не получив на это разрешение начальства. А на это нужно время.

– Мы проделали долгий путь, и завтра нам нужно возвращаться обратно, – взмолился Уолтер, выйдя из оцепенения.

– Сейчас узнаем, что можно сделать, но я ничего вам не обещаю, – проговорила Магдалена несколько смущенно и ушла куда-то, попросив подождать несколько минут.

Она оставила нас в своем кабинете, предупредив, чтобы мы ни в коем случае из него не выходили. И вообще нам запрещено было перемещаться по зданию без сопровождения сотрудника.

Ждать пришлось минут пятнадцать, может, немного больше. Магдалена вернулась вместе с профессором Димитриосом Микаласом, который представился директором исследовательского центра. Он опустился в кресло Магдалены и в изысканных выражениях попросил нас объяснить, какой помощи мы от них ждем. И тут заговорил Уолтер. Не припомню, чтобы он когда-либо был столь краток. Может, ему, как и мне, так подсказала интуиция? Он сослался на несколько коллег по Академии, имеющих впечатляющие научные звания; впрочем, их имена по большей части ничего мне не говорили.

– Мы поддерживаем прекрасные отношения с Британской Академией наук, и мне было бы неловко, если бы я не откликнулся на просьбу двух ее столь заслуженных членов. В особенности когда их поддерживают такие именитые люди. Мне придется сначала провести проверку, чтобы мне дали подтверждение ваших личностей, и тогда я предоставлю вам допуск к лазерной установке, и вы сможете провести ваш эксперимент. Одна из них как раз только что прошла техническое обслуживание, и ее начнут задействовать только с завтрашнего дня. Мы отдадим ее в ваше распоряжение на всю ночь. Магдалена останется с вами, чтобы обеспечить нормальную работу установки.

Мы сердечно поблагодарили за теплый прием профессора и особенно Магдалену, которая согласилась посвятить нам столько времени. Они покинули нас, чтобы провести проверку.

– Давайте скрестим пальцы, чтобы они не стали проверять все имена, на которые я ссылался, – шепнул мне на ухо Уолтер, – ведь половина списка – чистейшая липа.

Немного позже Магдалена вернулась и отвела нас в помещение, где стоял лазер – предмет нашего паломничества.

В подвальном этаже мы увидели потрясающий, невиданный аппарат – я и не мечтал когда-нибудь на таком поработать. Магдалена,

видимо, страшно гордилась тем, что управляет такой замечательной машиной, – это читалось в нежном, почти материнском взгляде, которым она оглядела установку. Она устроилась за пультом и нажала на какие-то рычажки.

– Итак, – проговорила она, – давайте закончим обмен любезностями. Скажите мне наконец, чего вы ждете от этого технического чуда. Там, в моем кабинете, я ни на секунду не поверила вашим сбивчивым и туманным объяснениям, а у профессора Микаласа, вероятно, голова была занята другими проблемами, иначе он просто выгнал бы вас.

– Я точно не знаю, чего мы ищем, – без заминки ответил я, – для начала нам хотелось бы повторить то явление, свидетелями которому мы стали. Какова мощность этой установки? – спросил я у Магдалены.

– Две целых и две десятых мегаватт, – ответила она, светясь от гордости.

– Вот так лампочка! Почти в тридцать семь тысяч раз мощнее той, что в гостиной у вашей матушки! – прошептал Уолтер в восторге оттого, как быстро сумел произвести подсчет.

Магдалена мерила шагами комнату; в очередной раз проходя мимо пульта управления, она передвинула еще один рычажок, и машина глухо заурчала. Энергия электронов начала воздействовать на атомы газа, заключенного в стеклянной трубке, на двух концах которой располагались зеркала. Фотоны тут же вошли в резонанс, и процесс стал развиваться, все более ускоряясь. Еще несколько секунд – и луч станет настолько мощным, что пройдет через полупрозрачную зеркальную преграду.

– Он уже почти в рабочем состоянии, – предупредила Магдалена, – поместите предмет, который вы хотите подвергнуть опыту, вот сюда, напротив того места, откуда будет исходить луч, а я потом все как следует отрегулирую.

Я вытащил из кармана кулон, осторожно положил его на подставку и стал ждать.

Магдалена уменьшила мощность лазера, луч отразился от камня, словно его поверхность была абсолютно непроницаема. Воспользовавшись тем, что она стала проверять параметры работы установки, я покрутил ручку регулировки, увеличив мощность луча.

Магдалена, повернувшись ко мне, бросила на меня испепеляющий взгляд.

– Кто вам разрешил это сделать? – спросила она, отбросив мою руку.

Я поймал ее руку и попросил, чтобы она разрешила мне делать то, что я считаю нужным. Я еще увеличивал мощность лазерного луча и во взгляде Магдалены заметил изумление. На стене помещения появилась волшебная россыпь светящихся точек, точно такая же, как в моей гостиной во время недавней грозы.

– Что это такое? – прошептала Магдалена в полной растерянности.

Уолтер выключил свет в зале, и мерцание точек на стене стало особенно ярким.

– Это похоже на звезды, ведь правда? – произнес он, и голос его звучал радостно.

Как и мы, Магдалена не верила своим глазам. Уолтер погрузил руку в свой бездонный карман и выудил оттуда цифровой фотоаппарат.

– Блага туризма! – провозгласил он и навел объектив на стену. Он сделал не меньше десятка снимков. Магдалена отключила лазер и повернулась к нам:

– Для чего предназначен этот предмет?

Но прежде чем я попробовал ей что-то объяснить, Уолтер зажег свет.

– Нам известно об этом не больше, чем вам. Мы просто стали свидетелями некоего явления, а потом захотели его воссоздать, вот и все.

Уолтер незаметно опустил в карман фотоаппарат. Профессор Димитриос Микалас вошел в зал и закрыл за собой дверь.

– Феноменально! – воскликнул он, улыбнувшись мне.

Он подошел к подставке, где лежал кулон, и взял его в руки.

– Наверху есть галерея, оттуда можно наблюдать за экспериментами, – пояснил он, указав рукой на застекленный потолок. – Я не удержался и решил взглянуть, чем вы тут занимаетесь.

Профессор повертел кулон на ладони и поднес его к глазам, пытаясь проникнуть взглядом внутрь камня. Потом снова повернулся ко мне:

– Вы не возражаете, если я займусь исследованием этого предмета? Заберу его у вас на эту ночь и, разумеется, верну вам завтра утром.

В зале откуда ни возьмись появился охранник. То ли он вошел слишком неожиданно, то ли тон профессора показался Уолтеру настораживающим, только мой друг внезапно шагнул к профессору и уложил его ударом справа. Димитриос Микалас растянулся во весь рост, а мне ничего не оставалось, как заняться охранником: тот уже вытащил дубинку и готовился наброситься на Уолтера. Магдалена издала крик, Уолтер быстро нагнулся к профессору и выхватил у него из руки кулон Кейры. Мой апперкот не сумел усмирить охранника, и мы, сцепившись, покатились по полу, как два мальчишки-драчуна, пытающихся одолеть друг друга. Уолтер положил конец нашей схватке. Он ухватил охранника за ухо и поднял его вверх с невероятной силой. Тот взревел и выпустил меня из своих объятий. Уолтер сердито посмотрел на меня.

– Пора заняться делом, – изрек он. – Может, наденете на него наручники, что висят у него на поясе, или вы ждете, пока я оторву ему ухо?

Я подчинился и сковал руки охраннику, как велел Уолтер.

– Вы не ведаете, что творите, – простонал профессор.

– Конечно, я несколько минут назад так и сказал: мы не знаем, – ответил ему Уолтер. – Как отсюда выйти? – обратился он к Магдалене. – Не заставляйте меня применять силу, мне будет крайне неприятно поднимать руку на женщину.

Магдалена смотрела на него не мигая, не произнося ни слова. Я боялся, что Уолтер сейчас влепит ей пощечину, и встал между ними. Уолтер покачал головой и знаком велел мне следовать за ним. Он взял трубку телефона, установленного в зале, и вырвал провод. Потом он открыл дверь подвального этажа, быстро огляделся, и мы бросились бежать. В коридоре не было ни души, Уолтер запер за нами дверь на ключ, прикинув, что у нас не более пяти минут, прежде чем поднимется тревога.

– Что это на вас нашло? – спросил я его на бегу.

– Об этом поговорим потом, – ответил он, прибавляя ходу.

Мы достигли лестницы, ведущей вверх, на первый этаж. Уолтер остановился на площадке и перевел дух, потом как ни в чем не бывало

вышел в холл и предстал перед охранником. Тот забрал у нас карточки и взамен выдал наши паспорта. Мы уже шли к выходу, когда услышали, как на пункте охраны затрещало переговорное устройство.

– Вы не забрали рацию у охранника?

– Мне и в голову не пришло, что у него есть рация.

– Тогда бежим!

Мы помчались через парк по направлению к ограде, моля Бога, чтобы никто не преградил нам путь. Охранник на входе не успел даже среагировать. Когда он вышел из своей кабинки и окликнул нас, пытаясь остановить, Уолтер с силой задел его плечом, словно опытный регбист, и бедняга покатился в гущу розовых кустов. Мой друг нажал кнопку, ворота открылись, и мы стали улепетывать, как зайцы.

– Уолтер, скажите наконец, что на вас нашло?

– Не сейчас! – прорычал он.

Мы опрометью скатились с лестницы, ведущей в нижнюю часть города. Дома проносились мимо нас с приличной скоростью, но Уолтер все не сбавлял темпа. Мы выскочили на следующую улицу, круто спускавшуюся вниз, повернули за угол, и наконец нас вынесло на широкий проспект, где мы едва не угодили под колеса мчавшегося вихрем мотоцикла. Да, никогда мое путешествие по Криту не проходило в таком бешеном ритме.

– Сюда! – крикнул мне Уолтер, заметив направлявшуюся в нашу сторону полицейскую машину с мигалками и сиреной.

Спрятавшись за створкой ворот, я перевел дух, и мы снова кинулись бежать.

– Порт, где здесь порт? – спросил меня Уолтер.

– Вон там, – ответил я, указывая рукой на маленькую улочку слева от нас.

Уолтер схватил меня за руку, и безумное бегство, причины которого я так и не понимал, продолжилось.

Вдали показался порт, и Уолтер замедлил шаг. По тротуару прохаживались два полицейских, они обратили на нас не больше внимания, чем на других прохожих. Афинский паром стоял у причала, машины уже въезжали на него, а пассажиры ждали своей очереди у билетных касс.

– Купите нам два билета, – приказал Уолтер. – А я посторожу.

– Вы хотите вернуться на Гидру морем?

– А вы предпочитаете иметь дело со службой безопасности аэропорта? Нет уж, вместо того чтоб спорить, идите-ка лучше за билетами на паром.

Через несколько минут я вернулся. На пароме нам предстояло провести почти всю ночь, и мне удалось получить места в двухместной каюте. Уолтер тем временем купил у уличного торговца кепку и странную шапочку, которую протянул мне.

– На борт поднимемся порознь, пропустите человек десять и тогда проходите следом за мной; если полиция следит за нами, она ищет двух мужчин, которые путешествуют вместе. Наденьте эту шапочку, она вам очень пойдет. Встретимся на палубе, когда корабль отдаст швартовы.

Я в точности выполнил все инструкции Уолтера и час спустя пришел на условленное место.

– Уолтер, должен признаться, вы меня поразили. Сначала молниеносный удар кулаком, потом стремительный бег через весь город, – честно говоря, я от вас этого не ожидал. Так вы можете наконец мне объяснить, за что вы вырубили этого профессора?

– Теперь он меня еще стыдить вздумал! Когда мы вошли в кабинет этой самой Магдалены, кое-что меня сразу заинтересовало. Мой коллега, который нас ей рекомендовал, сообщил мне по-дружески, что он вместе с ней учился. Его знакомая собиралась через пару месяцев выйти на пенсию, а особе, представившейся нам как Магдалена Кари, от силы лет тридцать пять. Еще на Гидре я заглянул в ежегодный справочник этого научного центра, так вот: им руководит совсем не этот профессор, а другой человек. Вам это не кажется странным?

– Допустим, но это еще не повод ломать ему челюсть!

– При чем здесь он? Это моя рука пострадала, я разбил себе все фаланги. Вы даже не представляете, как мне больно!

– Где вы научились так драться?

– Вы ведь никогда не жили в школьном пансионе, правда? Вы не знаете, что такое издевательства или насмешки над новичком, вам незнакомы телесные наказания?

Мне повезло: мои родители ни за какие сокровища не согласились бы расстаться со своим сыном.

– Так я и думал, – вздохнул Уолтер.

– Может, не следовало так бурно реагировать, нельзя было просто уйти?

– Бывают такие моменты, Эдриен, когда полезно спускаться с ваших звезд на землю. Когда так называемый Димитриос просил у вас разрешения на время одолжить камень, он уже положил его к себе в карман. Не думаю, что появление охранника упростило бы вам задачу, если бы вы вздумали отказать профессору, и свою драгоценную вещицу вы бы увидели нескоро, а может, никогда. И еще одна деталь, далеко не самая мелкая, – на случай, если вы по-прежнему намерены меня упрекать: слегка побитого мной профессора результаты вашего опыта удивили куда меньше, чем вас самого. Может, я и отреагировал слишком бурно, но, без сомнения, поступил правильно.

– Теперь мы словно два беглеца, и я даже боюсь предположить, каковы будут последствия этой истории.

– Увидим, когда сойдем с парома, однако не удивлюсь, если последствия действительно будут.

Афины

Из телефонной трубки раздался мужской голос:

– Как дела у профессора?

– Перелом нижней челюсти, повреждение связок шеи, но черепно-мозговой травмы вроде нет, – ответил ему женский голос.

– Я не подумал, что они могут так отреагировать. Боюсь, дальше нам будет еще сложнее.

– Месье, предвидеть это мы не могли.

– И предмет опять уплыл у нас из рук, а это крайне огорчительно. И никаких сведений о том, куда подевались наши беглецы?

– Они сели на паром, идущий из Ираклиона в Афины, высадятся на берег завтра утром.

– На пароме есть наш человек?

– Да, на сей раз везение оказалось на нашей стороне. Один из наших заметил их еще в порту; он не стал к ним приближаться, но у него хватило благоразумия взять билет на то же судно. Я получила от него сообщение, когда корабль снимался с якоря. Что еще я могла сделать?

– Вы сделали то, что следовало. Разберитесь с этим инцидентом, главное, чтобы все прошло незамеченным, а о профессоре пусть все

думают, что он неудачно упал с лестницы. Строго предупредите начальника службы безопасности, что даже слухи об этом прискорбном инциденте не должны дойти до ушей сотрудников института. Когда профессор вернется из отпуска, директор ничего не должен заподозрить.

– Можете на меня рассчитывать, месье.

– И еще: пора сменить табличку на двери вашего кабинета. Магдалены уже полгода как нет на свете, и ее имя на вашей двери – весьма дурной тон.

– Возможно, но сегодня оно очень нам пригодилось.

– Судя по результатам, я бы не стал это утверждать, – произнес мужчина и повесил трубку.

Амстердам

Ян Вакерс подошел к окну и задумался. Создавшееся положение выводило его из себя, хотя он себе в этом не признавался. Он снова снял трубку и набрал лондонский номер.

– Я хотел вас поблагодарить за вчерашний звонок, сэр Эштон. К сожалению, операция в Ираклионе провалилась.

Вакерс дал своему собеседнику подробный отчет о событиях, которые развернулись несколько часов назад. Из Лондона ему ответили:

– Мы надеялись, что вы будете действовать скрытно.

– Знаю. Поверьте, я очень огорчен, – заверил собеседника Вакерс.

– Вы думаете, возможна огласка? – спросил сэр Эштон.

– Нет, не думаю, что они найдут связь между событиями. Вы слишком высокого мнения об их умственных способностях.

– В нарушение всех правил вы попросили меня поставить на прослушку телефоны двух членов Британской Академии, я пошел вам навстречу и даже устроил так, чтобы те же меры приняли в Афинах. Я оказал вам любезность и уведомил вас о том, что один из этих двоих настойчиво просил моего коллегу договориться, чтобы их приняли в исследовательском центре. Я постарался, чтобы просьбу удовлетворили и, поскольку вы того желали, дал вам полную свободу вести операцию. А на следующий день я узнал, что в подвальном этаже произошла драка и наши хитрецы ускользнули. Вы по-прежнему полагаете, что они не станут задаваться опасными вопросами?

– Мы думали, что вряд ли найдем более удачный случай забрать предмет. Я не виноват в том, что Афины провалили операцию. Париж, Нью-Йорк и новый Цюрих отныне постоянно начеку, мне кажется, пора нам всем собраться и принять совместное решение, как действовать дальше. Продолжая в том же духе, как сейчас, мы в конце концов добьемся того, чего старались избежать все эти годы.

– Со своей стороны я советую вам прямо противоположное, а особенно – соблюдать полную секретность. Пройдет немного времени, Вакерс, и инцидент в Ираклионе будет предан огласке, уверяю вас. Сделайте все от вас зависящее, чтобы этого не случилось. Иначе я ни за что не отвечаю.

– Что вы имеете в виду?

– Думаю, Вакерс, вы прекрасно меня поняли.

В дверь кабинета постучали. Вакерс быстро свернул разговор.

– Я вам не помешал? – спросил Айвори, входя в комнату.

– Ничуть.

– Мне показалось, вы с кем-то разговаривали.

– Я диктовал секретарше одно послание.

– Все хорошо? Вы неважно выглядите.

– Старая язва о себе напомнила.

– Мне очень жаль. Вы, кажется, были не прочь сыграть со мной партию в шахматы нынче вечером.

– Боюсь, мне придется отказаться от этого удовольствия. Нужно отдохнуть.

– Понимаю, – сочувственно произнес Айвори. – Может, в следующий раз?

– Начиная с завтрашнего дня – когда пожелаете.

– В таком случае до завтра, друг мой.

Айвори плотно прикрыл за собой дверь и пошел по коридору к выходу, потом развернулся и остановился перед кабинетом секретарши Вакерса. Тихонько толкнул дверь и удостоверился, что комната пуста – неудивительно, ведь было уже девять часов вечера.

Эгейское море

Паром на приличной скорости шел по спокойному морю, а я спал сном младенца в каюте на верхней койке, как вдруг Уолтер разбудил меня. Я открыл глаза. Еще не рассвело.

– Вам что-то понадобилось, Уолтер?

– Мы приближаемся к какому-то берегу. Что это за остров?

– Откуда мне знать? Я же не кошка, чтобы видеть в темноте!

– Вы здешний или я ошибаюсь?

Я с трудом заставил себя встать и подойти к иллюминатору. Остров в форме полумесяца – Милос, тут и думать нечего; чтобы не осталось сомнений, следовало бы, конечно, подняться на палубу и убедиться в том, что по левому борту лежит необитаемый островок – Антимилос.

– Паром делает остановку на этом острове? – спросил Уолтер.

– Не стану от вас скрывать, у меня нет точной карты этого маршрута, однако замечу, что мы уверенно приближаемся к берегу. Так что нечего и гадать: судно наверняка сделает остановку в Адамасе.

– Это большой город?

– Скорее большая деревня.

– Тогда поднимайтесь, мы здесь выходим.

– А что вы собираетесь делать на Милосе?

– Лучше спросите, чего бы мне не хотелось делать по прибытии в Афины.

– Уолтер, вы и вправду думаете, что нас поджидают в Пирее? Но мы даже не знаем, гналась за нами та полицейская машина или она просто проезжала мимо. Полагаю, вы придаете слишком большое значение этому досадному эпизоду.

– Хорошо, тогда объясните мне, почему, пока вы спали, кто-то дважды пытался проникнуть в нашу каюту.

– Не пугайте меня. Надеюсь, вы не пытались уложить его на месте?

– Нет, я только выглянул за дверь, но в коридоре уже никого не было, этот тип удрал.

– Или понял, что ошибся, и отправился в соседнюю каюту, куда и собирался.

– И так два раза подряд? Позвольте выразить сомнение. Одевайтесь, сойдем на берег незаметно, когда паром бросит швартовы. Останемся в порту и подождем следующего судна, идущего в Афины.

– Даже если оно прибудет только поздно вечером?

– Мы все равно собирались провести ночь в Ираклионе, разве не так? Вы, наверное, боитесь, что ваша матушка забеспокоится, почему

нас так долго нет. Мы позвоним ей, как только рассветет.

Не знаю, были ли у Уолтера причины тревожиться, или он просто вошел во вкус после приключения, пережитого накануне, и придумывал уловки, чтобы продлить острые ощущения. Так или иначе, когда трап снова подняли, он показал мне человека, стоявшего на верхней палубе и пристально смотревшего на нас. Паром отчалил, и тут мой коллега помахал на прощанье тому типу – не уверен, что он поступил разумно.

Мы устроились на террасе кафе, где собирались рыбаки: оно открывалось с раннего утра, едва только первый паром причаливал к берегу. Было шесть часов, солнце поднималось из-за холма. Маленький самолет взмыл в небо, развернулся над портом и полетел в сторону моря.

– Здесь есть аэродром? – спросил Уолтер.

– Если мне не изменяет память, только взлетная полоса, ею пользуются почтовые самолеты и иногда частные.

– Так поедемте туда! Вдруг нам повезет и мы улетим на одном из них, тогда мы окончательно запутаем наших преследователей.

– Уолтер, я вообще не уверен, что нас кто-то преследует.

– Эдриен, позвольте заметить вам, что, несмотря на дружеские чувства, кои я к вам испытываю, вы меня уже достали.

Уолтер заплатил за два выпитых нами кофе, и мне ничего не оставалось, как указать ему дорогу, ведущую на аэродром.

И вот мы с Уолтером встали на обочине и принялись голосовать. Первые полчаса не принесли никаких результатов, белые камни, залитые солнцем, слепили глаза, жара усиливалась.

Наше положение, похоже, очень забавляло подростков, собравшихся неподалеку. Наверное, они приняли нас за заблудившихся туристов, а потому очень удивились, когда я обратился к ним по-гречески, попросив о помощи и не сделав ни единого замечания по поводу их шуточек. Старший из подростков захотел на нас подзаработать; Уолтер, сразу все поняв, сделал ему достаточно убедительное предложение, и словно по волшебству мы получили места на заднем сиденье двух мопедов.

И помчались вперед, крепко держась за наших отважных пилотов; только так я и мог их назвать, учитывая безумную скорость и крутой

наклон мопедов на виражах извилистой дороги. Мы направлялись к маленькому островному аэродрому. Перед нами простиралось обширное солончаковое болото, а за ним с востока на запад тянулась пустынная взлетная полоса. Один из двух наших водителей, тот, что посмышленей, сообщил мне, что самолет, через день доставляющий почту на остров, уже улетел, мы на него, к сожалению, опоздали.

– Должно быть, это его мы недавно видели, – заметил я.

– Как вы догадались? – усмехнулся Уолтер.

– Но если вы так спешите, есть еще медицинский самолет, – сообщил мне самый юный из подростков.

– Какой самолет?

– Доктор прилетает сюда, когда кому-то очень плохо. Так вот, у доктора есть развалюха. А вон там, в будке, – телефон, по нему можно вызвать доктора, но только когда дело срочное. У моего двоюродного брата случился аппендицит, и доктор прилетел меньше чем через полчаса.

– По-моему, у меня разболелся живот, причем очень сильно, – заявил Уолтер, когда я перевел ему то, что сказал мальчуган.

– Надеюсь, вы не собираетесь беспокоить доктора и лететь на его самолете в Афины?

– А вдруг у меня начнется перитонит? Я умру по вашей вине, и вас всю жизнь будет мучить совесть. А это тяжкий груз! – простонал Уолтер, падая на колени.

Мальчишки расхохотались. На ужимки Уолтера нельзя было смотреть без смеха.

Старший показал нам телефон-автомат, прикрепленный к стене постройки, заменявшей диспетчерскую. Это было деревянное сооружение, где стояли стул, стол и радиостанция, сохранившаяся, наверное, со времен войны. Мальчишка отказался сам звонить доктору: если наш обман раскроется, он получит нагоняй и отец, конечно, задаст ему хорошую трепку. Уолтер поднялся и протянул ему деньги, дабы убедить нашего нового друга, что оплеуха – это не так уж страшно.

– А теперь вы еще и детей развращаете! Чем дальше, тем лучше!

– Я как раз хотел попросить вас войти со мной в долю, однако, если вы признаете, что вас это тоже забавляет, я, так и быть, возьму на себя все расходы.

Я не пожелал врать, а потому достал бумажник и отсчитал половину суммы за ложь. Мальчик снял трубку, покрутил ручку и сказал доктору, что здесь немедленно требуется его помощь. Один турист корчился от боли, его довезли до аэродрома, и теперь он ждет доктора.

Не прошло и получаса, как мы услышали приближающийся рев мотора. Уолтер растянулся на животе, уже вовсе не притворяясь: маленький «Пайпер-Кэб» промчался у нас над головой на бреющем полете, едва нас не задев. Самолетик развернулся и стал заходить на посадку точно посередине полосы, коснулся земли, трижды подпрыгнул на ухабах и остановился.

– Теперь мне понятен термин «развалюха»! – вздохнул Уолтер.

Самолетик снова развернулся и подъехал к нам. Оказавшись рядом с нами, пилот выключил зажигание, лопасти винта еще с минуту покрутились, мотор пару раз чихнул, и воцарилась тишина. Мальчишки притихли и, затаив дыхание, ждали, что будет дальше.

Пилот сошел на землю, снял кожаную фуражку и очки и поздоровался. Доктору Софии Шварц было за семьдесят, элегантными манерами и осанкой она напоминала Амелию Эрхарт[13]. Она спросила на превосходном английском с чуть заметным немецким акцентом, кто из нас двоих болен.

– Он! – воскликнул Уолтер, указав на меня пальцем.

– Вы не похожи на больного. Так что с вами приключилось, молодой человек?

Меня застали врасплох, впрочем, я все равно не сумел бы сыграть, как Уолтер, а потому стал описывать докторше наше положение. Она прервала меня, закурив сигарету.

– Если я правильно поняла, вы вызвали сюда врача, потому что вам понадобился частный самолет, который доставил бы вас в Афины. Изрядная наглость!

– Это была моя идея, – вмешался Уолтер.

– Это мало что меняет, ваше поведение безответственно, молодой человек! – произнесла она, раздавив окурок об асфальт.

– Приношу вам мои самые глубокие извинения! – с виноватым видом проговорил Уолтер.

Детишки, наблюдавшие за этой сценой, не понимая ни слова, тем не менее явно наслаждались происходящим.

– Вас разыскивает полиция?

– Нет, что вы! – поклялся Уолтер. – Мы ученые из Британской Королевской академии наук, живем в Лондоне, приехали сюда и попали в очень деликатную ситуацию. Мы не больны, но очень нуждаемся в вашей помощи, – закончил он умоляюще.

Докторша вдруг подобрела:

– Англия… Господи, как я люблю эту страну. Я от души восхищалась леди Ди. Какая трагедия!

Я заметил, что Уолтер перекрестился, и подумал, что его актерские способности поистине неисчерпаемы.

– Проблема в том, что мой самолет двухместный, – продолжала докторша, – и одно из двух мест – мое.

– А как же раненые? Как вы их перевозите? – осведомился Уолтер.

– Я воздушный доктор, а не скорая помощь. Если вы не против потесниться, то я попробую хотя бы взлететь.

– Что значит – хотя бы? – спросил Уолтер, встревожившись.

– Это значит, что наш вес несколько превысит предельно допустимый, однако взлетная полоса не такая короткая, как кажется. Разогнав мотор до максимальных оборотов и удерживая самолет на тормозах, мы, вероятно, сумеем набрать нужную скорость и взлететь.

– А если не сумеем? – спросил я.

– Тогда – плюх, и все дела, – спокойно ответила докторша.

Она заговорила по-гречески без малейшего акцента – попросила детей отойти подальше. Потом пригласила нас следовать за ней. Обходя вокруг самолета и внимательно осматривая его перед взлетом, она рассказала нам о себе.

Ее отец был немецкий еврей, мать – итальянка. Во время войны они поселились на маленьком греческом острове. Жители деревни прятали их, а когда настал мир, они не захотели оттуда уезжать.

– Мы всегда здесь жили. Что до меня, мне и в голову не приходило куда-нибудь переехать. Видели вы на свете такое же райское место, как греческие острова? Папа летал, мама работала медсестрой, вот и угадайте, почему я стала «воздушным доктором»? Теперь о вас. Не хотите объяснить, от чего вы бежите? Хотя меня это совершенно не касается, да и вид у вас незлой. У меня все равно скоро

отнимут лицензию, так что надо использовать любую возможность полетать. Так что вы оплатите мне расходы на топливо, и все.

– А почему они отнимут у вас лицензию? – забеспокоился Уолтер.

Докторша продолжала осмотр самолета.

– Каждый год пилот должен проходить медицинский осмотр и проверять остроту зрения. До сих пор я ходила к моему старому другу офтальмологу, очень милому человеку, который делал вид, будто не замечает, что я выучила наизусть всю таблицу, включая последнюю строчку, где буковки давно уже кажутся мне слишком мелкими. Но теперь он ушел на пенсию, и долго обманывать людей я уже не сумею. Не делайте такое испуганное лицо, я и с закрытыми глазами могу управлять моим стариком «Пайпером»! – сказала докторша и залилась смехом.

Ей не хотелось садиться в Афинах. Чтобы приземлиться в международном аэропорту, надо запросить разрешение по радио и пройти полицейский контроль в зоне прилета; к тому же ей пришлось бы заполнить кучу бумаг. Но она знала заброшенный аэродром в одном тихом местечке, где была еще вполне сносная взлетно-посадочная полоса. А там мы сможем нанять катер, и нас доставят прямиком на Гидру.

Уолтер занял место на сиденье, я кое-как угнездился у него на коленях. Ремень оказался недостаточно длинным, и мы вдвоем не могли пристегнуться, так что пришлось обойтись без мер безопасности. Мотор чихнул, винт повернулся, потом стал крутиться все быстрее и быстрее, а вокруг заклубилось облако серого дыма. София Шварц похлопала по стеклу, показывая, что скоро мы взлетим. По-другому общаться было невозможно: шум стоял невообразимый. Самолет медленно подкатил к началу полосы, повернул, став носом к ветру, двигатель постепенно набирал обороты. Самолет весь трясся и дребезжал, и я решил, что он развалится еще до взлета. Наш пилот отпустил тормоза, и асфальт побежал из-под колес все быстрее и быстрее. Мы уже достигли конца полосы, когда нос самолета приподнялся и мы оторвались от земли. Мальчишки стояли на полосе и махали нам на прощанье. Я крикнул Уолтеру, чтобы он тоже им помахал в знак благодарности, но он проревел мне в ответ, что ему по прибытии и так понадобится раздвижной ключ, чтобы отцепить пальцы от железки, за которую он держится.

Никогда я еще не видел остров Милос таким, как в то утро, когда мы летели в нескольких сотнях метров над морем, ветер свистел между стойками, а я чувствовал себя свободным, как никогда.

Амстердам

Вакерсу понадобилось несколько минут, чтобы привыкнуть к сумраку подвала; в прежние годы глаза приспосабливались к темноте сразу, но теперь он постарел. Перед его взором постепенно возник лабиринт из столбов, подпиравших здание; когда он решил, что видит достаточно хорошо, он осторожно ступил на деревянные мостки, построенные над водой. Вакерс продвигался вперед, не чувствуя ни холода, ни сырости подземного канала. Все здесь было ему хорошо знакомо, сейчас он находился прямо под большим залом; он добрался до того места, над которым располагались мраморные карты, нажал на привод потайного устройства, спрятанный в балке, и подождал, пока сработает механизм. Две доски повернулись, открыв путь к стене в глубине помещения. Дверь, поначалу неразличимая в темноте, теперь четко выделялась на фоне ровной кирпичной кладки. Вакерс заперся на ключ и зажег свет.

Обстановка состояла из металлического стола и простого кресла, из оборудования в комнате были только плоский экран монитора и компьютер. Вакерс сел, придвинув к себе клавиатуру, и посмотрел на часы. Звуковой сигнал предупредил его, что совещание началось. Пальцы Вакерса застучали по клавишам:

– Здравствуйте, господа! Вам известно, зачем мы сегодня собрались.

Мадрид: Я думал, дело закрыто много лет назад.

Амстердам: Мы все так думали, но недавние события заставили к нему вернуться. На сей раз хотелось бы, чтобы ни один из нас не противопоставлял себя остальным.

Рим: Времена уже не те.

Амстердам: Я рад, что вы это сказали, Лоренцо.

Берлин: И чего же вы от нас хотите?

Амстердам: Объединения сил и средств. И чтобы каждый выполнял решения, которые мы примем все вместе.

Париж: Судя по вашему отчету, тридцать лет назад Айвори оказался прав, или я ошибаюсь? Не лучше ли будет, если он

присоединится к нам?

Амстердам: Наша находка действительно подтверждает теории Айвори, но, по моему мнению, его лучше к этому делу не подключать. Едва речь заходит о той теме, которую мы сегодня обсуждаем, он становится непредсказуем.

Лондон: Итак, существует второй предмет, идентичный тому, которым мы располагаем?

Афины: Форма у него другая, но совершенно очевидно, что оба имеют одно и то же происхождение. То, что произошло вчера вечером, конечно, весьма огорчительно, однако нам удалось получить неопровержимое доказательство. Нам стали известны некоторые свойства предмета, о которых мы и не подозревали. Один из наших коллег видел все своими глазами.

Рим: Тот, кому расквасили физиономию?

Амстердам: Он самый.

Париж: Как вы думаете, существуют ли другие подобные предметы?

Амстердам: Айвори в этом глубоко убежден, но правда в том, что нам ничего об этом не известно. Сейчас наша главная забота – получить тот предмет, о котором мы уже знаем, который уже найден, а не думать о том, существуют ли еще и другие.

Бостон: Вы уверены? Как вы помните, мы когда-то не прислушались к предупреждениям Айвори и совершили ошибку. Конечно, хорошо бы выделить необходимые средства и подключить людей к поискам второго предмета, однако я хотел бы знать, во что мы ввязались. Боюсь, что пройдет еще тридцать лет, а мы все так же будем топтаться на месте!

Амстердам: Нынешняя находка – чистая случайность.

Берлин: Это лишь доказывает, что могут случиться и другие.

Мадрид: Поразмыслив, я пришел к выводу, что не в наших интересах предпринимать активные действия. Ваша первая попытка, Амстердам, потерпела крах, вторая, окажись она снова неудачной, неминуемо привлечет внимание. И еще: у нас нет доказательств того, что владелец или владелица предмета догадывается, что он собой представляет. Впрочем, касательно этого у нас самих нет полной уверенности. Не станем раздувать огонь, который потом не сумеем потушить!

Стамбул: Мадрид и Амстердам придерживаются диаметрально противоположных позиций. Я принимаю сторону Мадрида и предлагаю вам хотя бы в ближайшее время ничего не предпринимать, только наблюдать. Мы снова соберемся вместе, если ситуация начнет меняться.

Париж: Присоединяюсь к мнению Мадрида.

Амстердам: Вы совершаете ошибку. Если бы у нас в руках оказались оба предмета, мы, возможно, узнали бы о них больше.

Нью-Дели: Вот в том-то и дело, Амстердам, что мы не хотим знать о них больше, и если мы в чем-либо были единодушны все эти тридцать лет, так именно в этом.

Каир: Нью-Дели совершенно прав.

Лондон: Мы должны забрать предмет у владельца и немедленно закрыть это дело.

Амстердам: Лондон прав. Сейчас предмет находится у космолога с мировым именем, который получил его от молодой женщины, известного археолога. Как вы думаете, много ли им понадобится времени на то, чтобы понять природу попавшего к ним в руки предмета, учитывая, что они профессионалы высочайшего уровня?

Токио: Разумеется, при условии, что они займутся исследованиями вместе. Они общаются друг с другом?

Амстердам: В данный момент нет.

Тель-Авив: В таком случае я согласен с Каиром.

Берлин: Я того же мнения, что и вы, Тель-Авив.

Токио: Я тоже.

Афины: Значит, вы хотите предоставить им свободу действий?

Бостон: Точнее – свободу под нашим присмотром.

Поскольку этот вопрос был единственным в повестке дня, сеанс связи завершился. Вакерс выключил экран, пребывая в крайне мрачном настроении. Совещание закончилось совсем не так, как он хотел. Однако он первым поставил вопрос о том, что надо объединить усилия всех союзников. Впрочем, ему все равно пришлось подчиниться мнению большинства.

Гидра

Катер доставил нас на Гидру поздним утром. Вероятно, мы с Уолтером имели столь жалкий вид, что у моей тетушки, едва она нас

увидела, сделалось несчастное выражение лица. Она вскочила со своего складного кресла, стоявшего на террасе ее магазина, и бросилась нам навстречу.

– С вами произошел несчастный случай?

– Почему вы так решили? – спросил Уолтер, приглаживая редкую растительность на макушке.

– Вы на себя в зеркало смотрели?

– Скажем так: поездка получилась несколько более насыщенной, чем предполагалось, но мы очень неплохо повеселились, – сообщил Уолтер жизнерадостно. – С учетом этого должен вам сказать, что чашечка хорошего кофе нам бы не повредила. А к ней еще две таблетки аспирина, а то ноги так свело, что нет сил терпеть. Вы представить себе не можете, какой тяжелый ваш племянник.

– Какая связь между весом моего племянника и вашими ногами, Уолтер?

– Ее и не было до тех пор, пока он не просидел целый час у меня на коленях.

– А почему Адрианос сидел у вас на коленях?

– Потому что, к сожалению, на время полета нам предоставили только одно место на двоих! Ладно, как насчет чашечки кофе? Вы к нам присоединитесь?

Элена отклонила его приглашение, сославшись на то, что у нее сегодня много покупателей, и поспешно удалилась. Мы с Уолтером очень удивились, ведь магазин ее был совершенно пуст.

– Должен отметить, вид у нас довольно неопрятный, – пробормотал я.

Я поднял руку, подзывая официанта, вынул из кармана кулон и положил его на стол.

– Если бы я только знал, что из-за этой вещицы у нас будет столько проблем…

– Каково, по-вашему, ее предназначение? – спросил меня Уолтер.

Я искренне ему признался, что не имею об этом ни малейшего представления. Что, интересно, обозначали эти точки, которые появлялись, когда предмет подносили к мощному источнику света?

– И не просто какие-то точки, а мерцающие!

Да, точки действительно мерцали, однако из этого факта не стоило делать поспешных выводов, ни один серьезный ученый так бы

не поступил. Явление, свидетелями которому мы стали, вполне могло оказаться случайным.

– Возможно, этот камень обладает настолько мелкой пористостью, что через него проходит только самое мощное световое излучение. Например, как стена плотины теряет непроницаемость под усиленным напором воды.

– Разве не вы мне говорили, что ваша подружка-археолог ничего не могла сказать ни о происхождении этого камня, ни о его возрасте? Признайте хотя бы, что это очень странно.

Мне казалось, загадочный камень не слишком интересовал Кейру, по крайней мере не так, как нас. Я не преминул сообщить об этом Уолтеру.

– Итак, девушка оставляет у вас предмет, обладающий удивительными свойствами, о которых мы теперь знаем. Случайность? У нас пытаются украсть ее кулон, потом мы, словно герои триллера, вынуждены убегать от злодеев, хотя ни в чем не повинны. И в этом вы тоже видите случайность? А по-моему, серьезные ученые называют это закономерностью. Может, вы все-таки взглянете на фотографии, которые я как человек разумный и предусмотрительный сделал в Ираклионе? Может, скажете мне, что эти картинки вам напоминают, кроме куска сыра, снятого крупным планом?

Уолтер положил свой цифровой фотоаппарат на стол рядом с тарелками и чашками. Я просмотрел снимки один за другим, но они были слишком мелкими, и ни одна светлая мысль меня так и не посетила. Призвав на помощь всю свою волю и сосредоточившись, я так и не смог разглядеть на картинках ничего, кроме точек. Ничего, что дало бы мне повод утверждать, будто я вижу звезды, или созвездия, или скопления небесных тел.

– К сожалению, эти картинки мне ничего не говорят.

– Значит, пропали мои каникулы, мы возвращаемся в Лондон! – воскликнул Уолтер. – Мне хочется все прояснить. Пойдем в Академию, скачаем фотографии и рассмотрим их как следует на большом экране.

Мне ничуточки не хотелось уезжать с Гидры, но Уолтер стремился во что бы то ни стало разгадать тайну кулона, и у меня не хватило духу ему отказать. Он так старался, помогая мне готовиться к конкурсу, что я проявил бы черную неблагодарность, дав ему уехать одному.

Оставалось только добраться до дома и сообщить матери о моем досрочном отъезде.

Мама окинула меня внимательным взглядом, заметив и плачевное состояние моей одежды, и царапины на руках, и сгорбилась, словно все беды мира разом обрушились на ее плечи.

Я ей объяснил, почему нам с Уолтером необходимо вернуться в Лондон, пообещал ей, что ненадолго съезжу туда и сразу вернусь обратно, скорее всего уже к концу недели.

– Если я правильно поняла, – проговорила она, – вы возвращаетесь в Лондон, чтобы скопировать на твой компьютер фотографии, которые сделали вы с твоим другом. Ты не находишь, что проще пойти в магазин твоей тети? У нее продаются одноразовые фотоаппараты, их можно выкинуть, если снимки не получились.

– Нам, возможно, удастся обнаружить нечто очень важное, касающееся нас обоих, Уолтера и меня. Нам надо многое прояснить.

– Если вам необходимо сфотографироваться вдвоем, чтобы все прояснить, может, лучше тебе было поговорить с матерью, и она бы тебе растолковала, что к чему.

– О чем это ты?

– Ни о чем, продолжай держать меня за дуру!

– Мне нужно на работу, здесь у меня нет необходимого оборудования. Я не понимаю, почему у тебя такой недовольный вид.

– Потому что я хотела, чтобы ты мне доверился, или ты думаешь, что я стану меньше тебя любить, если ты скажешь мне правду? Пусть бы даже ты полюбил того осла, что привязан в углу сада, ты бы все равно был моим сыном, Адрианос!

– Мам, ты хорошо себя чувствуешь?

– Я-то хорошо, а вот ты, видимо, не очень. Поезжай в Лондон, раз это для тебя так важно, может, когда вернешься, ты еще застанешь меня в живых. Кто знает?

Как правило, мама разыгрывает сцену из греческой трагедии, когда она чем-то глубоко возмущена. Однако я предпочел не думать о том, что ее встревожило, поскольку единственное объяснение, пришедшее мне в голову, показалось мне до крайности нелепым и смешным.

Собрав чемодан, я отправился в порт, где меня ждал Уолтер. Мама настояла на том, чтобы нас проводить. Элена присоединилась к ней, и

они обе стояли на берегу и энергично махали нам вслед, пока паром не вышел в открытое море. Гораздо позже я узнал, что мама спросила у тетушки, не думает ли она, что это путешествие я тоже проведу, сидя на коленях Уолтера. Я тогда не догадывался, что увижу Гидру очень нескоро.

Амстердам

Ян Вакерс посмотрел на часы и забеспокоился: Айвори так и не пришел. Старый друг Вакерса всегда отличался безупречной пунктуальностью, и так опаздывать было не в его правилах. Он подошел к вращающемуся столику и проверил, все ли в порядке на подносе с закусками, которые он велел приготовить к приходу Айвори. Он сжевал несколько вяленых фруктов, украшавших сырную тарелку, и услышал, как раздался звонок: наконец-то они начнут партию.

Вакерс отворил дверь, но вместо Айвори в комнату вошел дворецкий, протягивая хозяину конверт на серебряном подносе.

– Только что принесли, месье.

Вакерс ушел в дальнюю комнату, чтобы прочесть послание. В конверте лежала визитная карточка, а на ней – несколько слов, написанных чернилами.

Сожалею, что обманул Ваши ожидания, но определенные обязательства вынудили меня покинуть Амстердам, однако я скоро вернусь.

С дружеским приветом

Айвори.

P. S. Шах и пат – это всего лишь отложенная партия.

Вакерс трижды перечитал постскриптум, пытаясь понять, на что намекал Айвори в этой короткой фразе: он никогда ничего не говорил и не делал просто так. Вакерс не имел представления, куда направился его друг, и установить за ним слежку они бы уже не успели. Разве что попросить коллег отыскать его… Но ведь он сам посоветовал не подключать Айвори к этому делу, и теперь ему трудно будет объяснить, что его друг опережает их по меньшей мере на один ход.

Шах и пат, как написал Айвори. Вакерс улыбнулся, спрятав карточку в карман.

Амстердам, аэропорт Схипхол. В этот поздний час на поле стояли только несколько самолетов, вылетающих в европейские столицы.

Айвори протянул стюардессе посадочный талон и поднялся по трапу. Он занял место в первом ряду, пристегнулся и стал смотреть в иллюминатор. Через полтора часа он приземлится в маленьком лондонском аэропорту Сити. Его будет ждать машина, номер в гостинице «Дорчестер» заказан, так что все в порядке. Вакерс, наверное, уже получил адресованную ему записку. Представив себе эту сцену, Айвори усмехнулся.

Он закрыл глаза. Ночь предстояла долгая, и каждая минута сна была на счету.

Афины, аэропорт

Уолтер во что бы то ни стало хотел привезти мисс Дженкинс сувенир из Греции. Он купил в duty free бутылку узо, немного подумав, взял еще одну, потом решил, что себе тоже надо сделать подарок, и схватил третью. Нас уже не раз призывали пройти на посадку, причем в последний раз голос диктора звучал весьма неприветливо, и я представлял себе, как укоризненно будут глядеть на нас пассажиры, когда мы войдем в салон. Взмыленные после беготни по коридорам аэропорта, мы взлетели по трапу и немедленно получили нагоняй от командира экипажа, потом услышали в свой адрес несколько нелестных замечаний, когда пробирались к свободным местам в конце салона. Разница во времени с Англией позволяла нам выиграть целый час, в Хитроу мы прибывали в полночь. Уолтер быстро умял свою порцию ужина, который нам подали в самолете, я предложил ему еще и мою, и он с ней тоже легко управился. Собрав последние подносы, стюардесса притушила свет. Я с наслаждением смотрел в иллюминатор. Небо на высоте десяти тысяч метров – завораживающее зрелище, особенно для астронома. Передо мной сверкала Полярная звезда, чуть в стороне я отчетливо увидел Кассиопею, а справа от нее различил Цефея. Я повернулся к Уолтеру, сладко дремавшему в кресле:

– У вас фотоаппарат при себе?

– Вы что, собираетесь сделать снимки на память? Ни в коем случае! Я много съел, к тому же здесь невозможно выпрямить ноги, так что я наверняка похож на кита, которого затолкали в консервную банку.

– Нет, Уолтер, я не вас хотел сфотографировать.

– Хорошо. Если у вас найдется приспособление, при помощи которого вы сумеете добраться до моего кармана, – фотоаппарат ваш. Сам я не могу даже шевельнуться.

Должен признаться, мы действительно чувствовали себя словно сардины в банке, и достать фотоаппарат оказалось делом нелегким. Выудив его из кармана Уолтера, я поспешно пересмотрел сделанные в Ираклионе снимки. В голове моей возникла смутная догадка, и я замер в растерянности, вновь уставившись в иллюминатор.

– Думаю, мы правильно сделали, что вернулись в Лондон, – сказал я, опуская фотоаппарат Уолтера к себе в карман.

– Ну ладно, посмотрим, что вы запоете, когда завтра утром усядетесь завтракать на мокрой от дождя террасе паба.

– На Гидре вас всегда примут с распростертыми объятиями.

– Дайте мне хоть под конец немного поспать! Думаете, я не замечаю, как вы всякий раз, разбудив меня, потихоньку хихикаете?

Лондон

Я посадил Уолтера в такси и, добравшись до дома, бросился к компьютеру. Загрузив фотографии, внимательно их просмотрел и решил написать моему старому другу, живущему в нескольких тысячах километров от Лондона. Я послал ему электронное письмо, прикрепив фотографии, сделанные Уолтером, и спросил, что они ему напоминают. Тут же пришел коротенький ответ: Эруэн обрадовался, получив весточку от меня. Он пообещал изучить присланные мной картинки и ответить мне как можно быстрее. Хотя работы у него по горло: радиотелескоп на плато Атакама опять требует ремонта.

Известие от него пришло три дня спустя, около полуночи. Только на сей раз это было не письмо, а телефонный звонок, и голос Эруэна я поначалу даже не узнал.

– Как ты сотворил такое чудо?! – прокричал он в трубку, даже не поздоровавшись.

Поскольку я мешкал с ответом, Эруэн, не дождавшись, задал мне следующий вопрос, который удивил меня еще больше:

– Ты, наверное, когда-нибудь мечтал о Нобелевской премии? Так вот, у тебя появился реальный шанс ее получить. Каким образом ты сумел создать такую модель? Просто чудо, я такого себе и представить не мог! Если ты послал эти картинки, чтобы сразить меня наповал, ты в этом преуспел!

– Скажи мне, Эруэн, что ты на них увидел?

– Ты прекрасно знаешь, что я увидел, хватит пускать пыль в глаза и напрашиваться на комплименты. А теперь выкладывай, как тебе удалось совершить такое гениальное открытие, – или ты намерен злить меня и дальше? Кстати, можно мне показать картинки нашим общим друзьям?

– Нет, только не это! – взмолился я.

– Понимаю, мне и так очень приятно, что ты оказал мне доверие и поделился этим чудом, прежде чем опубликовать официальный отчет. Когда ты собираешься это сделать? Уверен, тебе сразу оформят командировку к нам – впрочем, у тебя будет богатый выбор: все команды астрономов наперебой станут тебя приглашать.

– Эруэн, умоляю тебя, опиши, что ты увидел!

– Тебе, наверное, надоело в двадцать пятый раз рассказывать самому себе о своей работе, и ты хочешь, чтобы это сделал я. Ясное дело, я бы тоже места себе не находил от волнения. Но знаешь, старик, услуга за услугу: сначала ты мне расскажешь, как ты все это провернул.

– Что я провернул?

– Не вздумай надо мной издеваться и уверять меня, что это у тебя вышло случайно.

– Эруэн, давай ты первый.

– У меня ушло три дня на то, чтобы угадать, что все это значит. Только не вздумай обвинять меня в невежестве: созвездия Лебедя, Пегаса и Цефея я, разумеется, узнал сразу, несмотря на непривычные звездные величины, углы и расстояния. Ты хотел расставить мне ловушку, но меня не так-то легко поймать! Я стал размышлять, какую игру ты затеял, зачем ты приблизил друг к другу звезды и какими уравнениями пользовался в расчетах. Я пытался понять, каким принципом ты руководствовался, когда расставил их таким образом, –

это заинтриговало меня больше всего. Признаюсь, я сплутовал: воспользовался нашими компьютерами и заставил их два дня подряд производить нужные мне вычисления. Получив результат, я ни на секунду не пожалел о том, что задействовал наше оборудование. Мои догадки оказались верны, вот только я не сумел распознать тот объект, что находился в центре этих невероятных картинок.

– И что же ты увидел?

– Туманность Пеликана.

– А почему это тебя так взволновало?

– Потому что такой ее можно было увидеть с Земли четыреста миллионов лет назад!

Мое сердце едва не выскочило из груди, ноги стали ватными. Все это казалось бессмысленным. То, что сказал Эруэн, – сплошная нелепица. Чтобы какой-то предмет, пусть даже полный загадок, проецировал на поверхность стены изображение звездного неба, – это немыслимо! И чтобы это звездное небо выглядело так, как полмиллиарда лет назад, – невозможно!

– Эдриен, теперь твоя очередь, говори, как тебе удалось смоделировать все это.

Я ему не ответил.

***

– Да, я несколько недель был у вас репетитором, и мне следовало бы помнить все, что вы мне рассказывали. Однако после нашей неудачи на конкурсе прошло несколько недель, а за это время столько всего произошло, что я не могу винить себя в чрезмерной забывчивости.

– Туманность – колыбель звезд, рассеянное облако, состоящее из газа и пыли, расположенное в пространстве между галактиками, – коротко и ясно объяснил я Уолтеру. – В ней и зарождаются звезды.

Однако мысли мои были далеко, они унесли меня из Лондона на восточную оконечность Африканского континента, туда, где сейчас жила та, что оставила у меня этот таинственный кулон. Меня неотступно терзало одно подозрение: действительно ли она его

случайно забыла. Когда я задал этот вопрос Уолтеру, он только покачал головой, видимо, считая меня наивным простаком.

Через два дня по дороге в Академию у меня произошла странная встреча. Я зашел выпить кофе в одно из тех бесчисленных заведений, что расплодились в столице, пока я работал в Чили. На какой бы улице они ни появлялись, выглядели они совершенно одинаково, и выпечку там тоже подавали везде одинаковую, и требовалось профессиональное знание многих языков, чтобы без запинки сделать заказ, – столько разных названий кофе и сладостей значилось в меню.

Когда я ждал, пока мне подадут мой «Skinny Cap with wings» (что я перевел как капучино навынос), ко мне подошел какой-то незнакомец. Он заплатил за мой кофе и попросил уделить ему несколько минут: ему нужно поговорить со мной на тему, которая, как он сказал, меня очень заинтересует. Он увел меня в зал, и мы сели в кресла – скверные копии старых клубных кресел, впрочем довольно удобные. Мужчина долго смотрел на меня, потом заговорил:

– Вы работаете в Британской Академии наук, так?

– Совершенно верно, но с кем я имею честь?..

– Я часто встречаю вас здесь по утрам. Лондон – огромный столичный город, но каждый квартал – это деревня, где все на виду. В этом и состоит очарование этого большого города.

Я не мог припомнить, чтобы когда-либо сталкивался с моим собеседником, но я списал это на свою рассеянность, а потому поверил ему на слово.

– Я солгал бы вам, если бы сказал, что наша встреча случайна, – продолжал он. – Мне уже довольно давно хотелось поговорить с вами.

– Допустим, но чем я могу быть вам полезен?

– Вы верите в судьбу, Эдриен?

Когда незнакомец называет вас по имени, вы обычно начинаете беспокоиться. Со мной произошло то же самое.

– Зовите меня Айвори, поскольку я взял на себя смелость звать вас Эдриеном. Может, я несколько превысил те права, которые мне дает мой возраст.

– Так чего вы хотите?

– У нас есть две точки соприкосновения… Я, как и вы, занимаюсь наукой. У вас передо мной преимущество: вы молоды и можете еще

много лет предаваться своей страсти. А я всего лишь старый профессор, который перечитывает пыльные книги, дабы занять время.

– И что же вы преподавали?

– Астрофизику, а это дисциплина, родственная вашей, не так ли?

Я кивнул.

– Вы, должно быть, получали огромное удовольствие от работы в Чили, жаль, что вам пришлось оттуда уехать. Представляю, как вам всего этого не хватает.

Мне показалось, что незнакомец слишком хорошо осведомлен о моей деятельности, и его безмятежный вид не внушал мне доверия.

– Не будьте таким подозрительным. Я действительно кое-что о вас знаю, но лишь потому, что имел некоторое отношение к конкурсу, который проводил Фонд Уолша.

– Некоторое отношение?

– Скажем так: не будучи членом жюри, я работал в отборочной комиссии. Я внимательно прочитал вашу работу. Если бы это зависело только от меня, вы обязательно получили бы премию. На мой взгляд, именно ваши исследования заслуживают поддержки.

Я поблагодарил его за похвалу и снова спросил, чем могу быть ему полезным.

– Это не вы можете быть мне полезны, наоборот, я могу вам помочь, и в этом вы сейчас убедитесь. Та молодая женщина, с которой вы ушли после конкурса, та, что получила премию…

Вот теперь мне стало совсем худо, и я встревожился не на шутку.

– Вы знакомы с Кейрой?

– Да, конечно, – отозвался мой странный собеседник, едва пригубив кофе. – А почему вы с ней больше не общаетесь?

– Думаю, это мое личное дело, – отрезал я, больше не желая скрывать, что этот разговор мне неприятен.

– Я не хотел быть нескромным, прошу принять мои извинения, если мой вопрос почему-либо показался вам обидным, – поспешно проговорил мой собеседник.

– Вы мне сказали, что у нас две точки соприкосновения. И какая же вторая?

Мужчина вынул из кармана фотографию и, положив на стол, подвинул поближе ко мне. Это был старый, изрядно поблекший полароидный снимок, сделанный явно не вчера.

– Готов держать пари, этот объект вам покажется знакомым, – произнес мужчина.

Я всмотрелся в снимок: на нем был изображен предмет почти прямоугольной формы.

– Знаете, что в нем самое интригующее? То, что мы не в состоянии установить его возраст. Даже самые совершенные методы ничего не дают, мы не можем узнать, сколько ему лет. Меня очень беспокоит тот факт, что я так и не найду ответа на этот вопрос, хотя бьюсь над ним уже тридцать лет. Это глупо, но я все не могу успокоиться. Напрасно я уговариваю себя, что, когда я умру, это уже не будет иметь для меня никакого значения, но ничего не выходит, я думаю об этой вещице с утра до ночи и с ночи до утра.

– И что-то вам подсказывает, что я могу оказаться вам полезным?

– Вы меня не слушаете, Эдриен, все наоборот: не вы мне, а я вам могу оказаться полезным. Прошу вас, сосредоточьтесь на том, что я говорю, это важно. Эта загадка в конце концов завладеет вашими мыслями. Как только вы решите, что этот предмет вас действительно интересует, вы отправитесь в невероятное путешествие, странствие, которое заведет вас так далеко, что вы даже не можете себе представить. Подозреваю, что кажусь вам сейчас сумасшедшим стариком, но ваше мнение обо мне изменится. Редко встречаются люди, достаточно безумные, чтобы осуществить свои мечты, им приходится дорого платить за то, что они не похожи на других. Эдриен, человеческое общество пугливо и завистливо, но разве это достаточно веская причина, чтобы отказаться от мечты? Разве опровергать устаревшие знания и убеждения – не самая достойная цель в жизни? Разве не в этом суть научного ума?

– Вы совершили нечто такое, за что вам пришлось платить, мистер Айвори?

– Не обращайтесь ко мне так церемонно. Разрешите поделиться с вами информацией, которая не оставит вас равнодушным, я уверен. Предмет, изображенный на фотографии, обладает еще одним свойством, не менее примечательным, чем первое, и оно несомненно покажется вам весьма любопытным. Когда его помещают под сильный источник света, он проецирует на твердую поверхность странные светящиеся точки. Вам это ничего не напоминает?

Наверное, выражение лица выдало мои чувства, потому что мой собеседник улыбнулся:

– Вот видите, я не солгал, что могу быть вам полезен.

– Где вы его нашли?

– Это очень долгая история. Главное, вы знаете, что он существует, в будущем это может вам пригодиться.

– Каким образом?

– Вам не придется терять бездну времени и ломать голову, подозревая, что вы имеете дело с обычным капризом природы. Вы будете застрахованы от слепоты, которая настигает человека, когда он боится смотреть правде в глаза. Эйнштейн говорил, что бесконечны лишь Вселенная и глупость человеческая, при этом относительно бесконечности первой у него имеются сомнения.

– Что вам удалось узнать о вашем предмете? – спросил я.

– Он никогда мне не принадлежал, я лишь изучал его и, увы, знаю о нем очень мало. Но и о том, что знаю, не хочу вам говорить. Не потому, что не доверяю вам – тогда меня бы здесь не было. Просто случай – плохой помощник. Он может разве что разжечь любопытство ученого. Открытие совершают те, кто изобретателен, методичен и дерзок. Я не имею права указывать вам направление ваших поисков. Мне хотелось бы, чтобы вы были a priori совершенно свободны.

– О каких поисках вы ведете речь? – спросил я у этого человека, чьи затейливые рассуждения начали меня утомлять.

– Эдриен, позвольте задать вам последний вопрос. Какое будущее ожидает вас в этой престижной Академии наук? Преподавательская кафедра? Блестящие ученики, каждый из которых мнит себя умнее остальных? Мимолетная связь с самой хорошенькой студенткой на курсе? Я это проходил и, поверьте, не вспомню сейчас ни одного лица. Но я все говорю, говорю и не даю вам ответить на мой вопрос. Итак, о вашем будущем…

– Преподавание – лишь один из этапов моей жизни, рано или поздно я уеду на плато Атакама.

Помнится, я произнес эти слова тоном мальчишки, который гордится тем, что выучил домашнее задание назубок, и сердится, потому что его ткнули носом в собственное невежество.

– Я совершил в своей жизни глупейшую ошибку, но никогда этого не признавал. А между тем сама мысль о том, чтобы поговорить с

вами, принесла мне огромное облегчение. Ведь я хотел сделать все сам, один. Какая самонадеянность – и сколько времени потеряно впустую!

– Какое отношение все это имеет ко мне? И кто вы такой, в конце концов?

– Я отражение человека, в которого вы можете превратиться. Если бы мне удалось избавить вас от этой участи, то, вспоминая вас, я всякий раз думал бы, что сумел принести вам пользу. Вы тот, кем был я сам много лет назад. Знаете, это так странно – смотреть на свое отражение в зеркале времени. Прежде чем расстаться с вами, я хотел бы поделиться еще кое-какой информацией, может быть, еще более интересной, чем та фотография, которую я вам показал. Кейра ведет раскопки в ста двадцати километрах к северо-востоку от озера Туркана. Вы спросите, зачем я вам это сообщаю. Потому что, хорошенько подумав и решив отправиться к ней в Эфиопию, вы также выиграете массу времени. Время стоит дорого, Эдриен, невероятно дорого. Мне было очень приятно с вами познакомиться.

Он протянул мне руку, и я удивился, ощутив его пожатие – крепкое и теплое, почти ласковое. С порога кафе он вернулся, сделав несколько шагов к моему столику.

– Я хотел попросить вас об одном одолжении, – произнес он. – Когда вы увидитесь с Кейрой, не говорите ей о нашей встрече, это окажет вам плохую услугу. Кейру я глубоко уважаю, но у этой девушки нелегкий характер. Будь мне лет на сорок поменьше, я бы на вашем месте уже сидел в самолете.

Этот разговор встревожил меня не на шутку. Я испытывал раздражение оттого, что мне уже не удастся задать все вопросы, которые теснились у меня в голове, а их накопилось так много, что впору было записывать. Уолтер, пробегая мимо витрины кафе, махнул мне рукой, толкнул дверь и подошел к моему столику.

– Что-то вы мрачный, – заметил он, располагаясь напротив меня в том самом кресле, где только что сидел мой странный собеседник по имени Айвори. – Я много размышлял сегодня ночью. Хорошо, что я вас здесь нашел, нам очень нужно поговорить.

– Я вас слушаю.

– Вы, кажется, ищете предлог, чтобы встретиться с вашей подругой? Нет-нет, не спорьте, вы действительно ищете предлог, чтобы с ней повидаться. Думаю, было бы правильно поехать к ней и спросить, почему она оставила свой кулон на столике у вашей кровати. Конечно, легко все свалить на случайность, но это уж слишком!

Случаются дни, которые состоят из одних разговоров и заканчиваются принятием важных решений.

– Конечно, я хотел бы поехать с вами в Эфиопию, – продолжал Уолтер, – но не поеду.

– По-моему, я не говорил, что собираюсь в Эфиопию.

– Не говорили, но вы все равно туда поедете.

– Без вас – ни за что.

– Я не смогу, Гидра поглотила все мои запасы.

– Если дело только в этом, я сам куплю вам билет.

– Я же вам сказал, не может быть и речи о том, чтобы я ехал в Эфиопию. Ваша щедрость делает вам честь, но все-таки не надо ставить меня в неловкое положение.

– Да при чем здесь щедрость? Или мне напомнить вам, чем закончилось бы для меня приключение в Ираклионе, не будь вас рядом?

– Только не говорите, что решили нанять меня телохранителем, я обижусь. Я же не только гора мускулов, у меня, между прочим, два диплома – аудитора и специалиста по трудовым ресурсам.

– Уолтер, не заставляйте вас просить, просто поезжайте со мной, и все!

– Очень неудачная идея, причем по многим причинам.

– Тогда назовите хотя бы одну, и я от вас отстану.

– Итак, представьте себе картинку на открытке. Место: долина реки Омо. Время суток: раннее утро или полдень, как вам больше нравится. Судя по тому, что вы мне рассказывали, пейзаж великолепный. Декорация: археологические раскопки. Главные действующие лица: Эдриен и начальница экспедиции. А теперь послушайте, какую мы видим сцену – очаровательную, сами скоро убедитесь. Эдриен подъезжает на джипе, он слегка запылен, но, как

всегда, красив и статен. Молодая археологиня слышит звук мотора, кладет на землю лопатку и маленький молоток, снимает очки…

– Кажется, она не носит очки.

– Хорошо, не снимает очки, просто выпрямляется и видит, что нежданный посетитель – не кто иной, как мужчина, которого она оставила в Лондоне, испытывая горькие сожаления. На лице ее явственно различимы следы волнения.

– Ну ладно, картина ясна, только не пойму, к чему вы клоните.

– Помолчите, я сейчас закончу! Девушка-археолог и ее гость делают шаг навстречу друг другу, не зная, что сказать. И никто не замечает – вот конфуз! – что на заднем плане тоже кое-что происходит. Из джипа вылезает Уолтер, отличный парень, во фланелевых шортах и клетчатой кепке, которому осточертело жариться на солнце, пока те двое неспешно целуются, и, обращаясь к любому, кто его услышит, вопрошает, куда можно перенести багаж. Вы не находите, что сцена испорчена? Теперь вы согласны ехать без меня или вам нарисовать еще одну сцену?

Уолтер в конце концов убедил меня ехать, хотя сам я считал, что принял это решение еще раньше.

Я получил визу, распланировал и подготовил маршрут, добрался до Хитроу и сел в самолет, чтобы десять часов спустя приземлиться в Аддис-Абебе.

В тот же день некий Айвори, имевший определенное отношение к моей поездке, отправился в Париж.

***

Вниманию членов комитета.

Интересующее нас лицо сегодня отбыло авиарейсом в Аддис-Абебу. Нет необходимости уточнять, что это означает. Без поддержки наших китайских друзей, которые по-прежнему имеют свои интересы в Эфиопии, нам будет трудно продолжать наблюдение. Предлагаю всем собраться завтра.

Искренне ваш

Амстердам.

Ян Вакерс отодвинул от себя клавиатуру компьютера и вновь склонился над папкой, переданной одним из его сотрудников. Он в который раз вгляделся в фотографию, сделанную через витрину одного из лондонских кафе. На ней был запечатлен Айвори в компании с Эдриеном.

Вакерс взял зажигалку, положил снимок в пепельницу и поджег. Когда фотография сгорела дотла, Вакерс закрыл папку и проворчал:

– Не знаю, сколько я еще сумею скрывать от коллег, что вы играете сольную партию. Да хранит вас Господь!

***

Прибыв в Орли, Айвори терпеливо стоял в очереди на такси.

И вот настал его черед. Он устроился на заднем сиденье и передал шоферу клочок бумаги. На ней значился адрес типографии, расположенной неподалеку от Севастопольского бульвара. Машины двигались свободно, дорога до места должна была занять не больше получаса.

***

Сидя в своем кабинете, Лоренцо прочел сообщение Вакерса и по телефону вызвал секретаршу:

– У нас остались рабочие контакты в Эфиопии?

– Да, синьор, два человека, оба сейчас на месте. Я как раз только что обновляла африканское досье для вашего совещания в Министерстве иностранных дел на следующей неделе.

Лоренцо протянул секретарше фотографию и нацарапанное на листке бумаги расписание:

– Свяжитесь с ними. Пусть они сообщают нам о каждом шаге, обо всех встречах и разговорах этого человека: он должен прибыть в Аддис-Абебу рейсом из Лондона, вылетающим завтра утром. Он британский подданный, нужно соблюдать строгую секретность. Скажите нашим людям, что лучше пусть снимут слежку, чем раскроют

себя. Нигде не делайте отметок об этом поручении – ни в одном документе. Желательно, чтобы оно оставалось абсолютно конфиденциальным.

Секретарша забрала у Лоренцо фото и листок и вышла из кабинета.

Эфиопия

На пересадку в аэропорту Аддис-Абебы ушел всего час. Я только успел сделать отметку в паспорте, забрать багаж и сесть в маленький самолет, летевший в Джинку.

Крылья этой старой развалюхи так проржавели, что я все гадал, как она еще поднимается в воздух. На стекле кабины пилота отчетливо виднелись потеки масла. За исключением судорожно дергающейся стрелки компаса, все остальные бортовые приборы ни на что не реагировали. Однако пилота, похоже, это особо не заботило. Когда мотор давал перебои, он только легонько нажимал на ручку газа или, наоборот, ее отпускал, подбирая наиболее подходящее положение. Судя по всему, в полете он руководствовался не столько зрением, сколько слухом.

Под облезлыми крыльями этой старой машины, под аккомпанемент страшного грохота и дребезжания мелькали самые прекрасные пейзажи Африки.

Колеса коснулись земли, самолетик несколько раз подпрыгнул и застыл, подняв густое облако пыли. К нам со всех сторон побежали мальчишки, и я испугался, как бы кто-нибудь из них не попал под вращающийся винт. Пилот перегнулся через меня, открыл дверцу, выкинул на землю мой рюкзак, и я понял, что здесь наши дороги расходятся. Едва я спрыгнул на землю, как он развернулся и покатил по полосе. Не успел я оглянуться, как он уже поднялся над верхушками эвкалиптов и улетел.

Я оказался неведомо где в полном одиночестве и горько пожалел о том, что не уговорил Уолтера поехать со мной. Усевшись на старый бочонок из-под масла и поставив у ног рюкзак, я осматривал окружавшую меня дикую местность, окрашенную лучами заходящего солнца, и вдруг сообразил, что совершенно не представляю себе, где мне ночевать.

Ко мне подошел мужчина в обтрепанной нижней майке и предложил помочь – по крайней мере, я так его понял. Я проявил чудеса изобретательности, чтобы объяснить ему, что я ищу женщину-археолога, которая работает недалеко отсюда. Мне пришлось вспомнить, как в детстве вместе с домашними я играл в нашу любимую семейную игру: один при помощи мимики и движений изображал ситуацию или слово, а остальные их угадывали. Я всегда проигрывал! И вот я сделал вид, будто копаю землю, схватил какую-то деревяшку и притворился, что радуюсь, словно нашел сокровище. Мой «собеседник» посмотрел на меня удрученно, пожал плечами и удалился.

Он появился спустя десять минут вместе с мальчиком, заговорившим со мной сначала по-французски, потом по-английски и наконец на смеси этих двух языков. Он сообщил мне, что в этом районе трудятся целых три команды археологов. Одна работает в шестидесяти двух километрах к северу отсюда, другая – в Рифт-Вэлли в Кении, а третья, прибывшая не так давно, разбила лагерь примерно в ста километрах к северо-востоку от озера Туркана. Так я и определил местонахождение Кейры, оставалось только найти способ добраться до нее.

Мальчик пригласил меня следовать за ним. Человек, который подошел ко мне первым, выразил желание приютить меня на ночь. Я не знал, как его благодарить, и подумал, что, встреть я на улицах Лондона заблудившегося эфиопа, вряд ли в ответ на вопрос, как ему пройти туда-то, мне пришло бы в голову предложить ему кров и пищу. Наверное, виной тому разница культур, а может, предрассудки. В любом случае я почувствовал себя глупо.

Хозяин разделил со мной ужин, мальчик также остался с нами. Он не сводил с меня глаз. Я положил куртку на табурет, а он забавы ради без всякого стеснения обшарил мои карманы. Он вытащил кулон Кейры и тут же положил его на место. Мне показалось, сразу после этого я стал ему неприятен, и он вскоре вышел из хижины.

Я проспал всю ночь на циновке и проснулся с рассветом. Выпив кофе, едва ли не самого вкусного в моей жизни, я пошел к взлетной полосе, надеясь найти какой-нибудь попутный транспорт. Место здесь, конечно, было красивое, но в мои планы не входило застрять в нем надолго.

Вдали послышался шум мотора. В облаке пыли ко мне приближался мощный внедорожник. У края полосы машина остановилась, из нее вышли двое мужчин. Мне повезло: они оказались итальянцами, оба довольно сносно говорили по-английски и спросили, куда я направляюсь. Я показал им точку на карте, которую они расстелили на капоте своего автомобиля, и они предложили подвезти меня до половины моего пути.

Мальчику, похоже, они не понравились еще больше, чем я. Наверное, местные жители недолюбливали итальянцев с той поры, как Эфиопия была итальянской колонией. Мне оставалось только гадать о причинах, но мои новые спутники, появившиеся столь чудесным образом, явно пришлись ему не по вкусу.

Сердечно поблагодарив моего хозяина, я сел во внедорожник. Всю дорогу итальянцы наперебой расспрашивали меня о том, чем я занимаюсь, о жизни в Атакаме и в Лондоне, о причинах моего приезда в Эфиопию. Мне совсем не хотелось распространяться на последнюю из этих тем, поэтому я просто сказал, что еду к своей подруге, а ради этого, по мнению моих спутников-римлян, можно было отправиться хоть на край света. Я в свою очередь поинтересовался, почему они приехали сюда. Оказалось, что они занимаются экспортом тканей, в Аддис-Абебе у них своя фирма, и они так полюбили Эфиопию, что не упускают ни единой возможности попутешествовать по стране.

Определить точное положение того места, куда лежал мой путь, было очень трудно, равно как и гарантировать, что туда можно добраться по дороге. Тот, что вел машину, предложил высадить меня в рыбацкой деревушке на берегу Омо: там я за небольшую плату легко получу место в лодке, идущей вниз по течению. Так у меня будет больше шансов найти тот лагерь археологов, что я ищу. Мне показалось, они хорошо знают этот край, и я полностью им доверился. Второй итальянец служил мне переводчиком. За годы, что он провел здесь, он понемногу изучил несколько эфиопских диалектов и вызвался отыскать рыбака, который согласился бы взять меня в свою пирогу.

День был в разгаре, когда я распрощался с моими спутниками. Не внушавшая мне никакого доверия лодчонка отошла от берега, и течение понесло ее неведомо куда.

Найти Кейру оказалось делом далеко не таким простым, как мне предрекали итальянцы. Река Омо разделяется на множество рукавов, и всякий раз, когда пирога сворачивала туда, где удобнее было плыть, я ловил себя на мысли, что мы, должно быть, уже давно проплыли мимо лагеря Кейры, даже не заметив его.

Я мог бы наслаждаться великолепными видами, открывавшимися за каждым поворотом реки, но думал лишь о том, что я скажу Кейре, когда найду ее, как объясню, зачем приехал к ней, тем более что сам толком этого не знал.

Река повернула к обрывистым берегам, покрытым коричневатой землей. Теперь управлять пирогой приходилось крайне осторожно. Рыбак внимательно следил за тем, чтобы мы плыли строго посередине реки. Вскоре перед нами открылась долина, и я заметил вдалеке на вершине холма лагерь, который так надеялся найти.

Мы причалили к песчаному, в лужах грязи берегу. Я забрал из лодки рюкзак, попрощался с рыбаком и вышел на тропинку, протоптанную в высокой траве. Вскоре я повстречал француза, который очень удивился, увидев здесь незнакомого европейца. Я спросил, работает ли в этих местах женщина по имени Кейра, он указал пальцем на север, отвернулся и занялся своими делами.

Немного выше по течению реки я миновал небольшое поселение, состоявшее из палаток, и очутился у площадки, где шли археологические раскопки.

Раскоп был разделен на квадраты, размеченные по краям колышками и веревками. В двух первых я никого не заметил, а в третьем работали двое. Еще дальше несколько человек осторожно очищали что-то кисточками. С того места, откуда я на них смотрел, казалось, будто они пишут картины. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания, и я продолжал путь по обходной дорожке, проложенной на откосах вокруг выемок, но внезапно меня остановил залп ругани. Некто, изъяснявшийся на безупречном английском, явно мой соотечественник, с яростным рыком вопрошал, что за придурок шляется посреди раскопа. Наскоро оглядевшись, я обнаружил, что вышеупомянутым придурком мог быть только я, поскольку никого более на горизонте не наблюдалось.

Меня и так лихорадило в предвкушении нашей встречи, а тут еще такое оглушительное вступление. Не каждый, оказавшись неведомо где, может спокойно вынести, когда его называют слабоумным. В довершение всего дюжина голов как по команде высунулась из ям, словно сурикаты, почуявшие опасность.

Какой-то мужчина мощного телосложения приказал мне по-немецки немедленно убираться. У меня не очень хорошо с немецким, но даже мой весьма ограниченный словарный запас позволил понять, что этот тип не шутит. На меня возмущенно уставились больше десятка членов команды, и вдруг я встретился глазами с Кейрой, которая тоже подняла голову, и…

…И дальше все пошло совсем не так, как предсказывал Уолтер.

– Эдриен? – растерянно пробормотала она.

И на меня вновь накатило горькое ощущение одиночества. Кейра скорее удивилась, чем обрадовалась, увидев меня, и, когда она спросила, что я здесь делаю, я онемел, да и как я мог ей ответить при таком скоплении народа? Я замер на месте, окаменев, у меня было такое ощущение, будто я забрел на минное поле и подрывники наблюдают за каждым моим движением, поджидая удачного момента, чтобы обратить меня в прах.

– Главное, не шевелись! – приказала Кейра и двинулась мне навстречу.

Она подошла и вывела меня из зоны раскопок.

– Ты не понимаешь, что только что сделал! Возникаешь неведомо откуда и топаешь тут в своих тяжелых ботинках. А если бы ты раздавил какие-нибудь останки, которым нет цены?!

– Но ведь я этого не сделал? – заикаясь, спросил я.

– Нет, но мог сделать, а это почти одно и то же. Представь себе, я бы ни с того ни с сего нагрянула к тебе в обсерваторию и стала дергать за рычажки телескопа.

– Думаю, я понял: ты на меня злишься.

– Я не злюсь, просто ты совершенно безответственный. Это не одно и то же.

– Здравствуй, Кейра.

Мне, наверное, следовало бы подобрать какую-то более оригинальную, более подходящую фразу, чем «Здравствуй, Кейра», но на ум больше ничего не пришло.

– Как тебя сюда занесло, Эдриен?

– Это длинная история, а путь, который я проделал, еще длиннее. Если бы у тебя нашлось для меня немного времени, я бы все объяснил.

– Конечно, только не сейчас. Как ты мог убедиться, у меня рабочий день в самом разгаре.

– У меня нет твоего номера телефона в Эфиопии, как и номера твоей секретарши, так что я не мог заранее записаться к тебе на прием. Я вернусь к реке и посплю в тени между бананом и кокосовой пальмой. Будет минутка – заходи меня проведать.

Не дав ей времени ответить, я развернулся и направился туда, откуда пришел. У меня же есть гордость!

– Здесь нет ни бананов, ни кокосовых пальм, величайший из незнаек! – услышал я у себя за спиной.

Я обернулся: Кейра шла за мной.

– Признаю, я встретила тебя просто ужасно, мне очень жаль, прости.

– Ты будешь свободна в обед? – спросил я.

Наверное, в тот день у меня проявился талант задавать глупые вопросы. По крайней мере, Кейру я здорово насмешил. Она взяла меня за руку и повела в лагерь. Мы подошли к ее палатке, она пригласила меня войти, открыла походный холодильник и, вынув две бутылки пива, одну протянула мне:

– Пей, оно уже не очень холодное, а через пять минут станет совсем теплым. Ты приехал надолго?

Мы сидели вдвоем в ее палатке, и это было так странно, почти неприлично. Мы вышли наружу и отправились прогуляться по берегу реки. Шагая вдоль кромки воды, я понял, почему Кейре тяжело далось расставание с этими местами.

– Ты приехал ко мне в такую даль, Эдриен, я тронута. Я вспоминаю тот чудесный уик-энд в Лондоне, чудесный, но…

Мне пришлось ее прервать, мне не хотелось слышать то, что она намеревалась сказать, еще до отъезда из Лондона я много раз представлял себе эту сцену. Наверное, не во всех подробностях, но разве в этом дело?

Зачем я поторопился уверить ее в том, что она ошибается относительно причин моего визита, хотя все было совсем наоборот? Я ведь приехал сюда именно для того, чтобы ее увидеть, услышать ее

голос, встретиться глазами с ее взглядом, пусть даже враждебным, прикоснуться к ней, мечтая сжать ее в объятиях и ощутить запах ее кожи, – но я не посмел в этом признаться. Очередная глупость или дурацкая мужская гордость – что бы мной ни руководило, но я боялся, что меня снова бросят, во второй, а точнее, уже в третий раз.

– Кейра, причины моего приезда – отнюдь не романтические, – произнес я веско, словно забивая гвоздь. – Мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

– Наверное, это очень важно, если ты ради этого проделал такой путь.

Всего несколько минут назад Кейре, казалось, была неприятна мысль о том, что я отправился в далекое странствие, чтобы найти ее, а теперь, когда я сообщил, что я преследовал иную цель, она, похоже, обиделась. Да, это загадка, по сравнению с которой тайны Вселенной – всего лишь цепочка математических расчетов.

– Я тебя слушаю! – сказала она, уперев руки в боки. – Говори покороче, меня ждет работа.

– Если хочешь, отложим разговор до вечера. Не хочу тебе навязываться, но в любом случае сегодня я не смогу уехать отсюда, потому что самолет из Аддис-Абебы в Лондон летает только дважды в неделю и следующий рейс через три дня.

– Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, это место открыто для всех, исключение – зона раскопок, куда тебе лучше не ходить, по крайней мере без сопровождения.

Я пообещал. И отпустил ее работать. Мы договорились встретиться вечером и обстоятельно обо всем поговорить.

– Располагайся в моей палатке. И не смотри на меня так, нам не пятнадцать лет. Если ты решишь ночевать под открытым небом, имей в виду, тебя сожрут пауки-птицееды. Я могла бы устроить тебя у парней, но они ужасно храпят, и эти звуки, пожалуй, еще страшнее, чем укусы пауков.

Мы ужинали вместе со всей командой. На меня перестали злиться – ведь я уже не топал как слон по их драгоценным раскопкам. Во время ужина все держались со мной очень приветливо, довольные тем, что среди них появилось новое лицо, человек, привезший им свежие новости из Европы. У меня в рюкзаке осталась газета, которую я взял в

самолете, и это стало настоящей сенсацией. Все вырывали ее друг у друга, и того, кто в конце концов ею завладел, заставили читать вслух. Я никогда прежде не думал, что эти всем надоевшие, банальные новости могут так много значить для тех, кто оказался вдали от дома.

Кейра воспользовалась тем, что группа собралась вокруг костра, и отвела меня в сторону.

– Из-за тебя они завтра выйдут на работу чуть живые, – с упреком произнесла она, оглядывая своих коллег, поглощенных чтением газеты. – Каждый день они очень устают – время дорого. Мы встаем и ложимся вместе с солнцем, в обычный день все бы давно уже спали.

– Итак, рискну предположить, что сегодня день необычный.

С минуту мы оба молчали, думая каждый о своем.

– Должен признаться, последние несколько недель моей жизни я никак не назвал бы обычными, – снова заговорил я. – И сюда меня привела именно череда необычных случаев, произошедших со мной.

Я вытащил из кармана кулон и протянул его Кейре:

– Ты забыла его на моем ночном столике. Я приехал, чтобы отдать его тебе.

Кейра взяла кулон, положила на ладонь и долго на него смотрела. Какая красивая у нее была улыбка!

– Он не вернулся, – сказала она, взглянув на меня.

– Кто?

– Тот, кто мне его подарил.

– Ты так по нему скучаешь?

– Ни дня не проходит, чтобы я о нем не думала и не испытывала чувство вины за то, что его бросила.

Я такого не ожидал, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы найти достойный ответ и не выдать своего замешательства:

– Если ты его так любишь, ты найдешь способ сказать ему об этом, он тебя обязательно простит, что бы ты ни сделала.

Я бы предпочел ничего не знать о том, кто завоевал сердце Кейры, и вовсе не желал превращаться в ее утешителя, но в ее глазах было столько грусти!

– Может, тебе стоит ему написать?

– За три года я научила его хорошо говорить по-французски, немного – по-английски, но читать он пока не умеет. И потом, я не знаю, где его искать, – ответила Кейра, пожав плечами.

– Он не умеет читать?

– Ты правда приехал сюда, чтобы привезти мне этот кулон?

– А ты правда у меня его забыла?

– Да какая разница, Эдриен?

– Это не просто украшение, Кейра. Может, ты и сама это знала. Он обладает свойствами по меньшей мере странными. И мне очень нужно кое-чем поделиться с тобой, кое-чем настолько важным, что ты даже представить этого не можешь.

– До такой степени важным?

– Где твой друг раздобыл эту штуку? Кто ему ее продал?

– В каком мире ты живешь, Эдриен? Он ее не раздобыл и не купил, а нашел в кратере потухшего вулкана, километрах в ста отсюда. Почему ты так разволновался? Что такое важное ты хотел мне сообщить?

– Тебе известно, что происходит с твоим камнем, когда его подносят к мощному источнику света?

– Думаю, мне это известно. Ладно, слушай. Когда я вернулась в Париж, я захотела узнать побольше об этом кулоне, из чистого любопытства. Мы с одним моим другом попытались установить возраст этой штуки, но безрезультатно. А потом как-то вечером началась ужасная гроза, вспышка света пронизала камень, и на стене комнаты, где я находилась, загорелась куча маленьких мерцающих точек. Потом, когда я смотрела на звезды, то заметила, что те точки на стене очень напоминали ночное небо. Судьба свела нас с тобой некоторое время спустя. В то утро, когда я уходила, мне хотелось написать тебе письмо, но я никак не могла подобрать нужные слова. И тогда решила оставить этот кулон, подумав, что если кто-то и сумеет о нем что-то узнать, так только ты, ведь он скорее имеет отношение к твоей профессии, а не к моей. Похоже, он тебя заинтересовал, я этому рада. Оставляю его тебе, делай с ним что хочешь. У меня здесь очень много работы. Получить премию, возглавить команду, не обмануть оказанное мне доверие – это очень тяжелая ответственность. Третьего шанса у меня не будет, понимаешь? Очень благородно с твоей стороны приехать в такую глушь и рассказать мне эту историю, но продолжать расследование придется тебе. Я копаюсь в земле, и у меня нет времени любоваться звездами.

Нам по пути попалось огромное рожковое дерево, я опустился на землю у его подножия и позвал Кейру сесть со мной рядом.

– Почему ты здесь? – спросил я ее.

– Ты шутишь?

Я не ответил, и она с любопытством посмотрела на меня.

– Я люблю возиться в грязи, – заявила она, – а здесь ее хоть отбавляй, так что я оттягиваюсь по полной!

– Ну что ты все смеешься надо мной, я тебя не спрашиваю, чем ты занимаешься, меня интересует, почему ты работаешь именно здесь, в Эфиопии, а не где-нибудь еще.

– Это тоже очень длинная история.

– У меня вся ночь впереди.

Кейра немного помолчала, потом поднялась, нашла небольшую веточку и снова села рядом со мной.

– Когда-то давным-давно, – начала она, нарисовав большой круг на песке, – все материки представляли собой единое целое.

Она нарисовала еще один круг, поменьше, внутри первого.

– Все вместе они составляли один огромный континент, окруженный океаном, суперконтинент, который мы называем Пангеей. На планете начались страшные землетрясения, тектонические плиты пришли в движение. Суперконтинент распался на две части, Лавразию на севере и Гондвану на юге. Потом от второй почти полностью отделилась Африка. Недалеко отсюда в результате мощного тектонического процесса образовалась горная гряда. Она повлияла на климат. Высокие вершины преграждали путь облакам. Без дождя местность к востоку от гор стала постепенно превращаться в пустыню.

Обезьяны, обитавшие в кронах деревьев, где до них не могли добраться хищники, почувствовали, что их область распространения сужается, как шагреневая кожа. Все меньше становилось деревьев, все меньше плодов, пищи стало не хватать, и вид мог исчезнуть. А вот теперь слушай внимательно, здесь начинается самое важное в моей истории.

На западной стороне равнины лес сохранился – в противоположность восточной, где теперь росла только высокая трава. С вершин последних уцелевших деревьев обезьяны видели эти изобильные земли. Понимаешь, закон эволюции состоит в том, чтобы приспособиться к окружающей среде и выжить, а инстинкт выживания

– самый сильный из всех. Итак, поборов свой страх, обезьяны покинули кроны деревьев и спустились на землю. Ведь на другом краю равнины их ждал настоящий рай, где они могли ни в чем не нуждаться.

И вот они тронулись в путь. Но когда передвигаешься среди высокой травы, то почти ничего не видишь. Ни куда идти дальше, ни где подстерегает опасность. Что бы ты сделал на их месте?

– Не знаю, – ответил я, околдованный ее голосом.

– Ты бы, наверное, как и они, встал на задние лапы, чтобы осмотреться, и снова опустился на все четыре, чтобы бежать дальше. Потом снова поднялся бы на задние лапы, чтобы удостовериться, что продвигаешься в верном направлении, затем опять тронулся бы в путь. И так далее до тех пор, пока тебе бы не надоело проделывать это утомительное упражнение, не наскучило то и дело подниматься и опускаться. Перемещаясь вслепую, ты бы постоянно сбивался с намеченного пути. А тебе нужно идти по прямой, чтобы поскорее покинуть враждебную территорию, где каждую ночь в темноте поджидают хищники, и добраться до леса и вкусной еды. И вот в один прекрасный день ты, стараясь двигаться как можно быстрее, уже не стал опускаться на четыре лапы, а постарался идти на двух.

Сначала ты шагал неловко, испытывая боль, потому что ни позвоночник, ни мышцы не привыкли к такому способу передвижения, но ты терпел, понимая, что твое выживание зависит от того, доберешься ли ты до пункта назначения. Многие обезьяны умерли от истощения или погибли в зубах хищников, так что ты понял, что нужно срочно идти вперед, и поскорее. Даже если бы только одна пара достигла леса, вид был бы спасен. Еще того не зная, добравшись лишь до середины этой равнины, ты уже не был той обезьяной, что еще вчера прыгала с ветки на ветку и бегала на четырех лапах, ненадолго спускаясь на землю. Не ведая того, ты уже стал человеком, Эдриен, потому что ты научился ходить. Ты отказался от признаков, свойственных твоему виду, и создал другие, человеческие. Эти обезьяны, которые заключили сами с собой невероятное пари, что доберутся до плодородных земель, и были нашими предками. И не так важно, если то, что я тебе рассказала, приводит в бешенство некоторых ученых, – ведь правда, появляясь на свет, редко встречает радушный прием.

Тридцать с небольшим лет назад видные ученые нашли останки Люси. Этот скелет стал настоящей звездой. Возраст Люси – три миллиона лет. Все сошлись на том, что она прародительница человечества, но все ошибались. Прошло не так уж много времени, и другие ученые отыскали останки Ardipithecus Kadabba. Оказалось, что ему пять миллионов лет. Расположение его связок, конструкция его таза и позвоночного столба говорят о том, что он также передвигался на двух ногах. Люси была свергнута с пьедестала.

Позднее одна команда археологов обнаружила окаменевшие останки третьей семьи двуногих. Еще более древних. Орроринs жили шесть миллионов лет назад. Эта находка перевернула все прежние знания, считавшиеся непреложными. Потому что орроринs не только умели ходить, они оказались более близкими нам, современным людям. Генетическая эволюция не имеет обратного хода. Вот поэтому все те, кто прежде считался прародителями человека, перешли в разряд дальних родственников, а предполагаемое время отделения гоминид от обезьян отодвинулось еще дальше в прошлое. Но кто теперь может с уверенностью сказать, что орроринs не имели предшественников? Мои коллеги ищут ответ на этот вопрос на западе, а я подалась на восток, в эту долину, к подножию этих гор, потому что верю всей душой, что предку человека не менее семи или восьми миллионов лет, а его останки покоятся где-то у нас под ногами. Теперь ты знаешь, почему я здесь, в Эфиопии.

– По твоим прикидкам, пусть даже самым безумным, сколько лет нашим первым предкам?

– У меня нет хрустального шара, а мои мечты, в том числе самые безумные, не имеют отношения к делу. Я смогу ответить на твой вопрос, когда у меня в руках будет реальная находка. Единственное, что я твердо знаю, – это что у всех людей на Земле есть общий ген. Какой бы ни был у нас цвет кожи, мы все происходим от одного существа.

Стало прохладно, и мы спустились с холма. Кейра устроила меня на походной кровати в своей палатке, дала одеяло и потушила свечу. В голове моей крутилась одна мысль, я изо всех сил гнал ее, но напрасно: пусть она и не в моей постели, но рядом со мной, и от этого я чувствую себя счастливым. Мы лежали в полной темноте, и я услышал, как она повернулась.

– Скажи, а здесь правда так много пауков-птицеедов? – спросил я.

– Я пока ни одного не видела, – ответила она. – Спокойной ночи, Эдриен, я рада, что ты приехал.

Рим

Айвори расположился у стойки кафе в центре аэропорта Мальпенса. Он посмотрел на стенные часы, висевшие у него над головой, и вновь погрузился в чтение «Коррьере делла сера».

На соседний табурет опустился какой-то мужчина и негромко произнес:

– Извините, Айвори, пробок сегодня больше, чем обычно. Чем я могу вам помочь?

– Да почти ничем, Лоренцо, разве что поделиться информацией, которой вы располагаете.

– С чего вы взяли, что у меня есть информация, имеющая отношение к вам?

– Хорошо, давайте будем притворяться, будто оба ведем честную игру. Я сделаю первый ход и сообщу вам то, что известно мне. Например, что в комитете разлад, что тот, на кого обращены ваши взоры, нынче находится в Эфиопии, что он встретился там с девушкой-археологом. Я знаю также, что у Китая крупные экономические интересы в этой стране и что он сохранил там прочные связи; кроме того, мне не составило труда догадаться, что не все хотят приглашать китайцев к своему столу. Так, посмотрим, чем я еще могу вас порадовать. Италия тоже сохранила кое-какие контакты в Эфиопии, и, если вы по-прежнему тот человек, каким я знал вас прежде, вы уже задействовали ваших людей. Постойте, дайте-ка я припомню. По-моему, у меня найдутся два-три пустячка, которыми я не прочь с вами поделиться. Ну вот: вы никого не поставили в известность о ваших планах, желая держать руку на пульсе, а может, даже самому провести операцию в нужный момент.

– Надеюсь, вы приехали на встречу со мной не для того, чтобы предъявить ваши нелепые обвинения. Для этого хватило бы и телефонного звонка.

– А вы знаете, Лоренцо, что важнее всего в наши дни для человека вашей профессии?

– Растолкуйте, сделайте милость, одна надежда на вас.

– Не зависеть ни от каких технологических штучек. Я имею в виду телефон, компьютеры, банковские карты. Помните, каким непростым занятием был шпионаж, пока не придумали всю эту гадость. Сегодня это тонкое искусство уже не доставляет никакого удовольствия. Едва только какой-нибудь кретин включает свой мобильный телефон, его местонахождение в считаные минуты определяют через спутник. А ведь ничто не может заменить тайную встречу со старым другом в кафе аэропорта за чашечкой эспрессо.

– Вы мне так и не сказали, чего хотите.

– Вы правы, я чуть не забыл. В прежние времена я оказывал вам кое-какие услуги, не так ли? Я не взываю к вашей благодарности – возможно, такое случится когда-нибудь, но не сейчас. Мне не хотелось бы сбрасывать этот козырь сегодня, тем более что услуга, о которой я намерен вас просить, не стоит так дорого. Нет, правда, я всего лишь намерен получить небольшое преимущество над остальными. Они ничего не узнают о ваших проделках, а вы станете меня информировать о том, что происходит в долине Омо. Я человек щедрый, а потому, как только наши голубки улетят из Эфиопии, буду в свою очередь снабжать вас сведениями о них. Согласитесь, иметь на шахматной доске невидимого сопернику слона – неоспоримое преимущество для того, на чьей стороне он играет.

– Айвори, я играю только в покер и не силен в шахматных правилах. С чего вы взяли, что они уедут из Эфиопии?

– Лоренцо, это вы мне говорите? Умоляю, не держите меня за дурака! Если бы вы на самом деле думали, что наш астроном отправился любезничать со своей возлюбленной, то не отправили бы по его следу своих людей.

– Но я никого не отправлял!

Айвори расплатился по счету и встал. Похлопав по плечу своего собеседника, он произнес:

– Рад был вас повидать, Лоренцо. Передавайте привет вашей очаровательной супруге.

Старый профессор подхватил свою сумку и пошел прочь. Лоренцо догнал его:

– О’кей, мои люди следят за ним от самого аэропорта Аддис-Абебы. Он нанял маленький самолет и долетел до Джинки. Там они его встретили.

– Ваши люди вошли с ним в контакт?

– Разумеется, не раскрывая себя. Они подобрали его, когда он ловил машину, и воспользовались этим, чтобы оставить жучок в его рюкзаке – маленький приемник среднего радиуса действия. Его беседа с девушкой-археологом, о которой вы упомянули, свидетельствует о том, что он пока толком не разобрался, с чем имеет дело. Но он докопается до истины, это вопрос времени. Он уже обнаружил некоторые свойства предмета.

– Какие же? – спросил Айвори.

– Свойства, о которых мы не знали. Нам не все удалось услышать: как я уже сказал, жучок не на нем, а в его вещах. Вроде бы речь шла о том, что предмет под воздействием сильного источника света проецирует на поверхность стены множество светящихся точек, – ответил Лоренцо равнодушно, словно потеряв интерес к теме разговора.

– Что это за точки?

– Он что-то рассказывал о туманности, кажется Пеликана, думаю, это какая-то английская идиома.

– Бедный мой друг, как же вы невежественны! Туманность Пеликана находится в созвездии Лебедя, недалеко от звезды Денеб. Как я раньше об этом не подумал!

Внезапное волнение Айвори напугало Лоренцо:

– Судя по всему, я вас порадовал.

– Еще как, ведь эта информация подтверждает мои догадки.

– Айвори, ваши догадки привели к тому, что вам пришлось покинуть наше сообщество. Я с удовольствием окажу вам помощь, но не хочу портить репутацию из-за ваших глупостей!

Айвори ухватил Лоренцо за галстук и затянул узел с такой быстротой, что итальянец не успел глазом моргнуть. Он побагровел и стал задыхаться.

– Никогда, слышите, никогда не смейте со мной так говорить. По-вашему, я глупец? Да это вы все беспросветно глупы, вы боитесь правды, как малограмотные монахи шесть веков назад. Вы, как и они, недостойны той ответственной миссии, которая на вас возложена. Сборище недотеп!

Прохожие, привлеченные этой сценой, стали собираться вокруг них. Айвори отпустил Лоренцо и приветливо улыбнулся невольным

зрителям, которые тут же стали расходиться. Отвлекшийся на секунду бармен также занялся своими делами. Лоренцо резко дернул воротник и несколько раз жадно вдохнул.

– В следующий раз, когда вы попытаетесь сделать нечто подобное, я вас убью, – сообщил он, сдерживая кашель.

– Вряд ли у вас получится, самонадеянный юноша! Но наш спор, думаю, исчерпан, впредь просто оказывайте мне должное уважение, и все.

Лоренцо вновь уселся на свой табурет и заказал большой стакан воды.

– Так чем занимаются наши голубки в данный момент? – снова заговорил Айвори.

– Я же вам сказал, они ничего не знают, они за тысячу километров от любой догадки.

– За тысячу или всего-навсего за сто?

– Послушайте, Айвори, если бы руководство операцией было поручено мне, я бы давно изъял у них интересующий нас предмет: они отдали бы его по доброй воле или у них отняли бы его силой – и никаких проблем. Впрочем, я полагаю, что это решение, за которое ратуют сейчас не все наши друзья, вскоре будет принято единодушно.

– Заклинаю вас, ни в коем случае за это не голосуйте, более того, используйте все ваше влияние, чтобы такое решение не прошло.

– Теперь вы еще станете мне диктовать, как себя вести!

– Вы опасаетесь, что мои глупости испортят вам репутацию, так что же будет, когда сообщество узнает о нашей встрече? Конечно, вы сможете все отрицать, однако как вам кажется, сколько камер наблюдения записывали сцену нашей дискуссии? Я предполагаю, что эта маленькая стычка привлекла внимание. Я же говорю, высокие технологии – страшная дрянь.

– Почему вы так себя ведете, Айвори?

– Да потому, что ваши друзья вполне могут единодушно принять идиотское решение – то, о котором вы сказали; но об этом даже говорить стыдно, наоборот, нельзя даже пальцем трогать наших голубков, ведь они, возможно, проведут те исследования, к которым вы по сей день так и не решились приступить.

– Но ведь мы как раз этого и хотим избежать с тех пор, как появился первый предмет.

– Теперь есть второй, и он не последний. Итак, мы с вами сделаем все возможное, чтобы наши подопечные добились результата. Знание превыше всего – разве эта идея вас не вдохновляет?

– Вас, Айвори, может, и вдохновляет, но только не меня.

– Да будет вам, Лоренцо! Даже в нашем почтенном сообществе, состоящем из весьма респектабельных людей, дураков нет.

– А если голубки, как вы изволите их называть, поймут значение своего открытия и сделают его достоянием общественности, вы понимаете, какой опасности они подвергнут мир?

– О каком мире вы говорите, Лоренцо? О том мире, где каждая встреча глав государств сопровождается народными волнениями? О том мире, где леса исчезают, а ледники Арктики тают быстрее, чем снег на весеннем солнце? Или о том, в котором большинство подыхает от голода и жажды, а меньшинство вздрагивает, слыша звук колокола на Уолл-стрит? А может, о том, в котором бесчинствуют банды фанатиков, убивающих во имя придуманных богов? О каком из этих миров вы так печетесь?

– Айвори, вы сошли с ума!

– Нет, я только хочу знать. Поэтому вы и отправили меня на пенсию. Чтобы не видеть себя в зеркале. Думаете, вы порядочный человек, если по воскресеньям отправляетесь в церковь, заглянув в субботу к шлюхам?

– А вы святой, да?

– Святых не бывает, мой бедный друг. Просто мой член давно уже вышел в отставку, и это отчасти избавило меня от лицемерия.

Лоренцо окинул Айвори долгим взглядом, потом поставил стакан на стойку и поднялся с табурета.

– Когда у меня появятся новости, вы узнаете их первым. Ровно на один день раньше остальных, не больше. Хотите – берите, хотите – нет. Имейте в виду, после этого мы с вами будем квиты, эта услуга стоит дорого. Должен заметить, что в покере не бывает козырей.

Лоренцо ушел. Айвори посмотрел на стенные часы: до самолета на Амстердам оставалось сорок пять минут, следовало поторопиться.

Долина Омо

Кейра еще спала. Я встал и выскользнул из палатки, стараясь не шуметь. В лагере стояла тишина. Я отправился к склону холма. Внизу

виднелась река Омо, подернутая легким туманом. Несколько рыбаков уже хлопотали вокруг пирог.

– Красиво, правда? – раздался у меня за спиной голос Кейры.

– Сегодня ночью тебе снились кошмары, – сказал я, обернувшись. – Ты вертелась с боку на бок и вскрикивала.

– Я ничего не помню. Может, мне приснился наш вчерашний разговор?

– Кейра, ты сможешь отвести меня туда, где был найден твой камень?

– Зачем?

– Мне нужно точно определить местоположение находки, у меня предчувствие.

– Я еще чай не пила. Пойдем, очень есть хочется, обсудим эту тему за завтраком.

Вернувшись в палатку, я надел чистую рубашку и проверил, в порядке ли снаряжение, которое я положил в рюкзак.

Кулон Кейры показал нам фрагмент звездного неба, только в наши дни он выглядел иначе. Мне необходимо было найти точное место, где оставил этот предмет тот, кто им пользовался в последний раз. Ясными ночами мы любуемся небесным сводом, и всякий раз он меняется. Мартовское небо отличается от неба октябрьского. Возможно, я сумею вычислить, в какое время года четыреста миллионов лет назад небо выглядело так, как показал нам загадочный камень.

– Судя по тому, что рассказывал мне Гарри, камень он нашел на островке в самой середине озера Туркана. Это старый потухший вулкан. На нем скапливается плодородный ил, и местные земледельцы нагружают им лодки и используют его как удобрение. Гарри нашел эту вещь во время одной из таких экспедиций.

– Твоего друга найти невозможно, я понял, но отец-то его по крайней мере живет в этих краях?

– Гарри – ребенок, Эдриен, и он круглый сирота.

Я не сумел скрыть изумления, и Кейра, взглянув на меня, покачала головой:

– А ты подумал, что мы с ним…

– Я думал, твой Гарри несколько старше, вот и все.

– Я не могу более точно указать тебе место находки.

– Ну, с точностью до метра, конечно, необязательно. Ты меня туда проводишь?

– Нет, что ты! Путь туда и обратно займет не меньше двух дней, я не могу оставить свою команду. У меня же есть обязанности.

– А если бы ты подвернула лодыжку, ты бы осталась в лагере?

– Нет, мне бы наложили шину, и я отправились бы работать.

– Незаменимых нет.

– Кстати, раз уж ты об этом заговорил: моя работа для меня незаменима. У нас есть внедорожник – я сделала выводы из прежнего опыта. Я могу дать тебе машину, а еще найду проводника в деревне. Если ты отправишься в путь немедленно, то доберешься до озера в конце дня. Это не очень далеко, но дорога ужасная, и ехать тебе придется медленно. Потом найдешь лодку, тебя отвезут на остров Центральный. Не знаю, сколько времени ты там собираешься провести, но если поторопишься, то вернешься завтра к вечеру. И у тебя как раз хватит времени, чтобы попасть в Аддис-Абебу к твоему рейсу.

– Получится, что мы почти не виделись.

– В этом никто не виноват, тебе ведь непременно надо съездить на озеро.

Настроение у меня испортилось, но я как умел попытался это скрыть и поблагодарил Кейру за машину. Она отправилась со мной в деревню и зашла поговорить со старейшиной. Двадцать минут спустя мы уже ехали обратно вместе с ним. Он давно не бывал на озере Туркана; возраст не позволял ему отправиться в путь по реке, поэтому он с удовольствием согласился прокатиться в машине. Он пообещал показать мне дорогу к берегу как раз напротив вулкана. Когда прибудем на место, сказал он, без труда найдем лодку, так что ему надо только взять кое-какие вещи, потом мы довезем Кейру до лагеря – и в путь.

Кейра вышла из машины и оперлась на дверцу с моей стороны.

– Постарайся не задерживаться, а то у нас совсем не останется времени побыть вдвоем. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

То, что я искал здесь, было сейчас у меня перед глазами, только я все еще сопротивлялся, не желая это признавать.

Настал момент отъезда. Мне предстояло выбраться на дорогу по тропинке, ведущей в лагерь. Коробка передач жалобно заскрежетала, и

Кейра посоветовала мне быть поосторожнее с педалью сцепления. Когда машина стала потихоньку удаляться, Кейра помчалась вдогонку и, поравнявшись со мной, спросила:

– Ты не можешь отложить отъезд на несколько минут?

– Конечно, а зачем?

– Чтобы я успела предупредить Эрика, что сегодня и завтра ему придется руководить раскопками вместо меня, и собрать рюкзак. Из-за тебя я вытворяю бог знает что.

Старик уснул на заднем сиденье и даже не заметил, что Кейра села в машину.

– Мы все-таки берем его с собой?

– Неловко оставлять его на обочине дороги.

– К тому же он будет твоей дуэньей, – добавил я.

Кейра больно треснула меня по плечу и велела ехать.

Она ничуть не преувеличивала: дорога сплошь состояла из выбоин, и мне пришлось вцепиться в руль, чтобы удержать машину и не слететь в канаву. За час мы одолели от силы десять километров, при такой скорости нам не хватило бы целого дня, чтобы добраться до места.

Сильный толчок разбудил нашего пассажира. Он потянулся, потом указал нам на едва заметную тропинку за поворотом; я понял по его жестам, что он хочет, чтобы мы на нее свернули. Кейра потребовала, чтоб я прислушался к совету старика. Дороги дальше не было, мы поползли вверх по склону холма. И вдруг перед нами открылась широкая равнина, вся в золотых солнечных бликах. Почва стала более ровной, и я поехал быстрее. Спустя четыре часа старейшина приказал мне остановиться. Он выбрался из машины и куда-то пошел.

Мы с Кейрой отправились следом. Мы шагали за ним по пятам, пока не очутились на краю утеса. Старик показал рукой вниз, на дельту реки и величественное озеро Туркана, простиравшееся на две с лишним сотни километров. Из трех вулканических островов был виден только один, самый северный; до намеченного пункта нам предстояло ехать еще довольно долго.

С кенийского берега взлетали стаи фламинго, рисуя в воздухе длинные изящные линии. Гипсовые лагуны придавали воде оттенок светлого янтаря, переходящий в нежно-зеленый. Теперь я понял, почему это озеро еще называли Нефритовым.

Мы снова сели в машину и поехали по узенькой каменистой дороге к северному берегу озера.

Кругом было пусто, только стадо антилоп паслось вдали. На протяжении нескольких километров мы не встретили ни одной живой души. Местами нам попадались белесые пятна солончаков, сверкавшие на солнце так сильно, что слепило глаза. Дальше тянулся островок зелени, отвоевавшей место у пустыни, и над высокой травой виднелась голова отставшего от стада буйволенка.

Неведомо кем и для кого поставленный указатель извещал, что мы находимся в Кении. Мы проехали через селение кочевников. Несколько глинобитных домиков свидетельствовали о том, что кое-кто из племени все же предпочел оседлый образ жизни. Дальше дорога шла в обход скалистого участка; трясясь на нескончаемых ухабах, мы все больше отдалялись от берега и в конце концов потеряли из виду озеро, как нам показалось, навсегда.

– Скоро приедем в Кооби-Фора, – сообщила Кейра.

В Кооби-Фора проводил раскопки антрополог Ричард Лики, один из кумиров Кейры. Он нашел множество каменных орудий труда, а главное, несколько сотен окаменелых останков, в том числе скелеты австралопитеков. Но самой важной находкой были кости Homo habilis – человека умелого, прямого предка человека; жил он примерно два миллиона лет назад. Когда мы проехали мимо зоны раскопок, Кейра обернулась, и я понял, что она мечтает о том, как однажды туристы будут приходить туда, где она совершила свое открытие.

Час спустя мы приблизились к концу пути.

На берегу озера сидели рыбаки. Старейшина потолковал с ними и, как обещал, договорился, что нас отвезут на остров Центральный. Мы погрузились в каноэ с мотором, старик предпочел остаться на берегу. Он проделал такое долгое путешествие, чтобы полюбоваться волшебным пейзажем, быть может, в последний раз.

Когда мы отплыли от берега, я заметил вдалеке облако пыли, вероятно от автомобиля, но тут же снова повернулся к острову. Три самых крупных его кратера напоминали глаза и рот, оттого об этом острове и говорили, что у него забавное лицо. А всего на острове Центральном насчитывалось двенадцать кратеров. В трех больших образовались озера. Едва мы высадились на берег, покрытый черным песком, как Кейра заставила меня карабкаться вверх по крутому

склону. Почва, состоящая из частичек базальта, сыпалась у нас из-под ног. Нам понадобился целый час, чтобы добраться до вершины вулкана. С трехсотметровой высоты открывался потрясающий вид.

Я не мог отделаться от мысли, что под толщей спокойной воды дремлет чудовище, обладающее невероятной разрушительной силой. Кейра успокоила меня, напомнив, что последнее извержение вулкана случилось здесь в незапамятные времена, однако, добавила она насмешливо, не далее как в 1974 году из кратера вырывались мощные струи газов и пара – конечно, это нельзя назвать извержением, но облака сернистого пара были хорошо видны на всех берегах огромного озера. Может, именно эти подземные толчки выбросили из недр на поверхность Земли тот камень, что она носит на шее? А если это так, то сколько он там пролежал?

– Гарри нашел его здесь, – сказала Кейра. – Это тебе чем-то может помочь?

Я вытащил из рюкзака GPS-навигатор и посмотрел, какие координаты он показывает. Мы находились на широте 3°29′ к северу от экватора и на долготе 36°04′ к востоку от нулевого меридиана.

– Ты нашел, что искал?

– Не совсем, – ответил я. – Нужно будет по приезде в Лондон сделать серию расчетов.

– Зачем?

– Чтобы проверить, насколько часть небесного свода, которую мы можем наблюдать в наши дни, соответствует картине, которую нарисовал твой камень. Возможно, я получу бесценную информацию.

– Разве нельзя было определить координаты по карте?

– Но это же совсем не то, что на месте!

– А в чем разница?

– Просто это по-другому, и все тут.

Произнося эти слова, я покраснел как дурак. «Какой же вы все-таки неловкий», – сказал бы Уолтер, будь он сейчас здесь.

Солнце клонилось к закату, настало время спускаться на берег, покрытый черным песком, и возвращаться к лодке. Мы решили сегодня переночевать в селении кочевников – том, что мы миновали, подъезжая к озеру.

Еще не добравшись до берега, мы с Кейрой заметили, что происходит что-то неладное. Дверцы машины были распахнуты,

старейшина куда-то исчез.

– Наверное, он спит на заднем сиденье, – предположила Кейра, пытаясь побороть тревогу. Мы не на шутку перепугались.

Рыбаки высадили нас и сразу уплыли домой, потому что уже темнело. Кейра побежала к машине, я последовал за ней и убедился, что сбылись наши худшие предчувствия.

Старейшина лежал ничком на земле. Тонкая, уже почерневшая ниточка крови, тянувшаяся от его головы, терялась среди камней. Кейра наклонилась к старику, осторожно перевернула его на спину. Его остекленевший взгляд лишил нас последней надежды. Кейра упала на колени. Я впервые видел, как она плачет.

– Наверное, ему стало плохо, и он упал. Нельзя было оставлять его одного! – рыдая, проговорила она.

Я обнял ее, и мы долго сидели над телом человека, чья смерть неведомо почему взволновала меня.

Темно-синяя ночь сияла звездами над нашими головами и над телом усопшего вождя племени. Я надеялся, что на небе сегодня ночью зажжется новая звезда.

– Завтра утром надо будет сообщить властям.

– Ни в коем случае, – возразила Кейра. – Мы на территории Кении, и если местная полиция вмешается, то заберет тело на время расследования. А если они еще сделают вскрытие, это будет страшным оскорблением для всего племени. Нам надо отвезти его к своим, его тело следует предать земле в течение суток. В родном селении ему воздадут подобающие почести, он влиятельный человек, он их вожак, их разум, их мудрость. Нельзя нарушать их обычаи. Даже тот факт, что он умер на чужой земле, – настоящая трагедия для племени. Многие сочтут это проклятием.

Мы завернули его в одеяло, а когда укладывали на заднее сиденье, я заметил следы шин сбоку от нашего внедорожника. И вспомнил, как увидел облако пыли на берегу, когда мы плыли к острову Центральному. А может, старик умер вовсе не потому, что ему стало плохо и он неудачно упал? Что здесь случилось, пока нас не было? Кейра с трудом приходила в себя, а я тем временем изучал следы на земле, вооружившись фонариком, который нашел в бардачке. Около нашего автомобиля я разглядел отпечатки протекторов, явно не наших, к тому же их было слишком много. Может, здесь проезжали рыбаки,

отвозившие нас на остров? Но они все время находились рядом со своими лодками, и я мог бы поклясться, что и мы и они перемещались по берегу пешком. Я решил ничего не говорить Кейре; она и так страдала, а тут еще я начал бы делиться с ней всяческими подозрениями, основанными только на обнаруженных мною следах шин и ботинок.

Спали мы недолго, прямо на земле.

Мы тронулись в путь, едва забрезжил рассвет. Кейра сама села за руль. Мы уже подъезжали к долине Омо, как вдруг она прошептала:

– Мой отец ушел точно так же. Я пошла за покупками, а когда вернулась, он лежал на крыльце.

– Мне очень жаль, – запинаясь, промямлил я.

– Ты понимаешь, он лежал головой вниз на ступеньках, ногами к двери, и я подумала, что увидеть такое – это самое страшное. Я ошиблась: самое страшное началось потом. Потом они увезли тело, а я вошла в его комнату и увидела смятые простыни. И представила себе, как он спускал ноги на пол, как поднимался с кровати. Как подошел к окну и немного отодвинул занавеску, чтобы посмотреть, какая погода. Этот ритуал он соблюдал неукоснительно, его утренние впечатления значили для него больше, чем метеорологические сводки, напечатанные в газете. И еще я нашла в раковине на кухне чашку с остатками кофе, а на столе – масло и недоеденный кусочек хлеба.

Глядя на такие обыденные вещи, например на нож, испачканный маслом, понимаешь, что человек ушел и уже никогда не вернется. И этот глупый нож отныне всегда будет нарезать ломтями твое одиночество.

Слушая Кейру, я все думал, почему я взял с собой в Грецию ее кулон, почему всегда носил его с собой с того самого дня, как она оставила его на моем ночном столике.

Мы приехали в деревню в конце дня. Едва Кейра вышла из машины, мурси сразу поняли, что произошло нечто ужасное. Те, что собрались на центральной площади, мгновенно замерли. Кейра, плача, оглядела их, но никто не подошел к ней, чтобы утешить. Я открыл заднюю дверцу и поднял на руки тело старика. Потом осторожно положил его на землю и склонил голову в знак уважения. Жалобный

вопль разнесся по деревне, женщины воздели руки к небу и заголосили. Мужчины приблизились к телу старейшины. Его сын приподнял одеяло и нежно погладил лоб отца. Лицо его окаменело, он поднялся и сурово посмотрел на нас. По его взгляду я понял, что отныне мы здесь нежеланные гости. Для них не имело значения, что случилось на самом деле, – важно, что их вождь уехал с нами живым, а привезли мы его мертвым. С каждой секундой враждебность их все нарастала. Я подхватил Кейру под руку и медленно повел к машине.

– Не оборачивайся, – тихонько шепнул я.

Мы сели в автомобиль, но жители деревни столпились вокруг него, взяв нас в плотное кольцо. В нас полетели копья: одно отскочило от капота, другое сорвало боковое зеркало, а третье вдребезги разнесло ветровое стекло – к счастью, Кейра вовремя крикнула, чтобы я пригнулся. Я включил заднюю передачу, машина дернулась, я выровнял ее, развернулся и помчался вон из деревни.

Разгневанная толпа не стала нас преследовать. Десять минут спустя мы приехали в лагерь. Увидев, в каком состоянии наш автомобиль, и заметив бледность Кейры, Эрик встревожился, и мне пришлось немедленно рассказать ему о наших злоключениях. Вся команда собралась у костра, чтобы решить, как вести себя дальше.

Каждый счел нужным заметить, что будущее группы под вопросом. Я сказал, что готов пойти завтра в деревню, поговорить «по-джентльменски» с сыном усопшего вождя и объяснить ему, что мы не виноваты в прискорбной кончине его отца.

Мои слова взбесили Эрика: я, видимо, не понимал, в какую сложную ситуацию попали археологи. Мы не в Лондоне, вопил он, жители деревни в ярости, и никто не станет вести со мной переговоры за чашечкой чая. Сыну вождя нужен виновный, и вскоре мурси могут напасть на лагерь.

– Вам обоим лучше скрыться, так что уезжайте как можно скорее, – отрезал Эрик.

Кейра встала и, сказав, что плохо себя чувствует, извинилась перед коллегами и ушла. Проходя мимо меня, она велела мне переночевать в другой палатке, потому что ей надо остаться одной. Я пошел ее проводить.

– Можешь собой гордиться, ты пустил по ветру всю мою жизнь, – проговорила она на ходу, не замедляя шаг.

– Черт возьми, Кейра, не я же убил этого старика!

– Мы даже не можем объяснить его родичам, отчего он умер, и мне придется убраться отсюда подобру-поздорову, иначе начнется резня. Ты разрушил мой труд и мои мечты, я теперь не смогу руководить экспедицией, а Эрик, наверное, уже празднует победу: он ведь мой преемник. Если бы я не поехала с тобой на этот проклятый остров, ничего подобного не случилось бы. Так что ты прав: это не твоя вина, а моя!

– Да что с вами такое – со всеми вами?! Почему вы ведете себя так, словно в чем-то виноваты? Этот человек умер от старости, он хотел в последний раз увидеть свое озеро, и мы дали ему возможность осуществить его желание. Нет, я все-таки пойду в деревню и объяснюсь с этими людьми.

– На каком языке? Ты что, успел выучить мурси?

Поняв свое бессилие, я замолчал.

– Утром я отвезу тебя в аэропорт, а сама останусь на неделю в Аддис-Абебе. Может, за это время здесь все утихнет. Отправляемся завтра на рассвете.

Кейра скрылась в палатке, даже не пожелав мне спокойной ночи.

Мне совсем не хотелось возвращаться к костру. Археологи все еще сидели кружком, обсуждая свою судьбу. Обрывки разговора, доносившиеся до меня, подтверждали, что Кейра предсказала все точно: Эрик говорил властным голосом и, видимо, уже вошел в роль начальника. Какую картину увидит она, когда вернется? Я поднялся на холм и уселся на вершине, чтобы еще раз полюбоваться рекой. Вокруг царил покой. Я чувствовал себя одиноким и виноватым в том, что случилось.

Прошел час, может, немного больше. Я услышал шаги позади меня. Кейра подошла и села рядом.

– Не могу успокоиться. Эдриен, я сегодня все потеряла: работу, доверие коллег, надежды на будущее, – все рассеялось как дым. Первый раз меня отсюда прогнал шаманль, а сейчас ты. Знаешь, Эдриен, ты тоже стихийное бедствие.

Я давно вывел одну закономерность: если женщина по ходу беседы несколько раз обращается к тебе по имени, значит, она хочет тебя в чем-то упрекнуть.

– Ты веришь в судьбу, Кейра?

– О, я тебя умоляю, только не сейчас! Может, ты достанешь из кармана колоду Таро и заставишь меня тащить карту?

– Я никогда не верил в гадания, мне противна была даже мысль о том, что существует судьба. Потому что это бы означало, что у нас нет свободы выбора, возможности поступать как хочешь, самим выбирать свое будущее.

– Перестань, у меня нет сил слушать твои нудные философствования.

– Я не верю в судьбу, но всегда задумывался о роли случая. Если бы ты только знала, сколько открытий совершалось именно благодаря ему.

– Эдриен, может, тебе аспирину дать? У меня есть.

– Ты приехала сюда, чтобы отыскать следы первого человеческого существа, так? Вчера я задал тебе вопрос, но ты увильнула от ответа. Так вот, в своих самых безумных мечтах сколько лет ты бы дала человеку номер ноль?

Думаю, Кейра ответила мне просто из жалости, не особенно задумываясь:

– Я бы не удивилась, если бы оказалось, что первому человеку пятнадцать или шестнадцать миллионов лет.

– А если бы я помог тебе доказать, что ему на триста восемьдесят пять миллионов лет больше, что бы ты сказала?

– Что ты перегрелся на солнце.

– Тогда я попытаюсь сформулировать это по-другому. Как ты полагаешь, твой кулон, возраст и состав которого неизвестен, – это каприз природы?

Кажется, я попал в точку. Кейра уставилась на меня, и на лице ее появилось очень странное выражение. Я продолжал:

– В тот достопамятный вечер, когда случилась гроза и на стене после вспышки молнии появились светящиеся точки, знаешь, что ты видела на самом деле? Туманность Пеликана, колыбель звезд, расположенную меж двух галактик!

– Правда? – удивленно спросила она.

– Да, правда, только это еще не все. Та часть звездного неба, которую показал твой кулон, в наши дни выглядит совсем не так. Той

картинке четыреста миллионов лет. Какому геологическому периоду это соответствует? – спросил я ее.

– Тому, когда на Земле зародилась жизнь, – пробормотала она растерянно.

– У меня есть веские основания предполагать, что имеются другие предметы, идентичные тому, который ты носишь на шее. Если они все примерно одного размера и если мои расчеты точны, нам нужно найти еще четыре фрагмента, чтобы получить полную картину звездного неба. Забавная головоломка, не правда ли?

– Карта неба, составленная четыреста миллионов лет назад, – это невозможно!

– Ты же сама мне говорила, что еще двадцать лет назад весь мир считал, что самому старому нашему предку всего три миллиона лет. А теперь представь себе: мы найдем недостающие фрагменты и докажем – правда, я пока не знаю как, – что четыреста миллионов лет назад была составлена такая совершенная карта звездного неба, о которой даже сейчас, имея самые точные приборы, мы можем только мечтать. И какие же выводы ты из этого сделаешь?

Кейра примолкла, напуганная масштабами подобного открытия.

Я не предполагал, что смерть старика заставит Кейру бросить раскопки, хотя с самого отъезда из Лондона надеялся, что сумею уговорить ее поехать со мной.

Мы полночи просидели вдвоем, глядя в звездное небо.

Нам удалось поспать несколько часов, и на рассвете мы покинули лагерь. Вся команда собралась у машины, чтобы попрощаться с нами. Мы договорились, что Кейра довезет меня до аэропорта Аддис-Абебы, а сама поживет в городе, пока все не уляжется. До ее возвращения руководить раскопками остается Эрик. Она будет регулярно ему звонить, ожидая сигнала к возвращению.

Во время двухдневного путешествия мы постоянно обсуждали таинственный кулон. Каким образом он оказался в кратере старого вулкана на острове посреди озера? Может, кто-то намеренно оставил его там, но зачем, а главное, когда?

Мы оба знали, что в чьих-то руках находится еще один предмет с подобными свойствами, хотя ни разу об этом не говорили. Всего нужно было собрать пять фрагментов, чтобы составить полную карту

звездного неба. И теперь нас преследовала одна неотвязная мысль: как отыскать недостающие предметы?

Несколько месяцев назад, в Атакаме, я бы не поверил, что мне, астрофизику, в погоне за призрачным открытием придется соединить свои знания со знаниями Кейры в области палеонтологии.

Мы уже второй день ехали по направлению к Аддис-Абебе, когда Кейра вдруг вспомнила об одной статье, которую читала несколько лет назад. Именно это смутное воспоминание потом послужило причиной нашего долгого и опасного странствия. Что нас вело – интуиция ученых или простое предчувствие? Не могу сказать. Однако все началось с того, что Кейра спросила, слышал ли я о найденном в Германии предмете бронзового века, похожем на астролябию. Каждый уважающий себя астроном конечно же знал о диске из Небры. Его обнаружили в Саксонии-Анхальт в конце двадцатого века люди, занимавшиеся незаконными раскопками. Предмет весил примерно два килограмма, имел форму круглого щита и диаметр тридцать сантиметров. На нем выделялись инкрустированные изображения из золота: луна и небольшие точки, обозначавшие другие небесные тела. Эта вещь была сделана столь искусно, что археологи поначалу приняли ее за подделку. Однако после тщательных исследований ученые установили, что возраст диска составляет три тысячи шестьсот лет. Несколько мечей и украшений, найденных рядом с ним, подтвердили его подлинность. Кроме возраста диска из Небры кое-что еще показалось ученым странным. Золотые точки удивительно напоминали Плеяды – скопление звезд, появившееся над Европой в ту эпоху. Еще одна особенность – дуга в 82 градуса на правой стороне диска. Именно такой угол был между точками, где находилось Солнце в дни летнего и зимнего солнцестояния в районе Небры. Относительно предназначения диска выдвигалось множество гипотез: его могли, например, использовать в сельском хозяйстве, определяя по звездам дни начала сева и жатвы, или для обучения астрономии. В любом случае следовало признать, что люди того времени обладали куда более глубокими знаниями, чем мы полагали.

Диск из Небры был самым древним изображением звездного неба, известным в наши дни, во всяком случае до тех пор, пока на озере Туркана не появился таинственный предмет, который Кейра теперь нежно гладила кончиками пальцев…

– Какая связь может быть между диском из Небры и моим кулоном?

– Понятия не имею, но думаю, нам стоит совершить небольшое путешествие в Германию, – весело откликнулся я.

Чем ближе подъезжали мы к эфиопской столице, тем более замкнутой становилась Кейра. Я совсем не чувствовал усталости: меня подстегивало то ли предчувствие великого открытия, то ли надежда уговорить Кейру, чтобы она продолжила поиски вместе со мной. Увы, я не сумел заразить ее своим волнением. Завидев очередную табличку с указанием расстояния до Аддис-Абебы, она делалась задумчивой и погружалась в свои мысли.

Тысячу раз я хотел спросить ее, о чем она задумалась, но пересиливал себя и погружался в молчание, пристально глядя на дорогу.

Мы поставили машину на стоянку, и Кейра проводила меня в здание аэропорта. Самолет на Франкфурт вылетал на следующий день. Наклонившись к окошку, я попросил два билета, но Кейра оттащила меня в сторону.

– Я с тобой не поеду, Эдриен.

Ее жизнь здесь, сказала она, и она не готова так легко от нее отказаться. Пройдет пара недель, самое большее месяц, местные жители успокоятся, и она вернется к работе.

Напрасно разглагольствовал я об открытии, которое мы совершим в один прекрасный день и которое станет настоящим чудом, она лишь твердила, что поиски эти веду я, а не она. По ее тону я понял, что она уже приняла решение и настаивать бессмысленно.

У нас оставался еще целый вечер до моего отъезда, и я попросил Кейру напоследок сделать мне одолжение – найти в Аддис-Абебе приличный ресторан, такой, чтобы хорошо кормили, а потом не пришлось маяться желудком.

Мне стоило большого труда делать вид, будто я не думаю каждую секунду о завтрашнем расставании, – мне не хотелось портить наш последний вечер.

За ужином я держался молодцом, и даже пока мы гуляли после ресторана, я ни разу не попытался переубедить Кейру.

Я проводил ее до номера, у двери она обняла меня, положила голову мне на плечо и прошептала на ухо, что сдержит обещание, которое по моей просьбе дала мне в Лондоне. Она меня не поцеловала.

Я ненавижу проводы. Вечер перед отъездом и так всегда печален, а потому не стоит добавлять к нему утреннюю порцию грусти. Я спозаранку вышел из отеля, подсунув под дверь Кейры записку. Помню, я написал ей, что стал причиной ее проблем и это меня огорчает. Что, надеюсь, ей скоро удастся вернуться к той жизни, которую она так отважно строит своими руками. Я признавал, что поступил как эгоист, и, покаявшись в своих ошибках, сообщал, что мне неизвестно мое будущее, но я уже совершил одно важнейшее открытие: рядом с ней я чувствую себя счастливым. Я подозревал, что мое послание довольно сумбурно и не слишком изящно, и моя рука не раз застывала над листом бумаги, прежде чем писать дальше. Но какое это имело значение? Главное, чтобы слова были искренними.

В аэропорту толпился народ, словно вся Африка в одночасье куда-то собралась. На мой рейс выстроилась нескончаемая очередь. Мне пришлось долго ждать, прежде чем я очутился в салоне и занял место в последнем ряду. Пассажирская дверь уже закрывалась, и я подумал: не лучше ли было отправиться в Лондон, положив конец всей этой истории, которая могла оказаться просто химерой. Стюардесса объявила, что рейс немного задерживается, но не объяснила, по какой причине.

И вдруг в проходе, где суетились пассажиры, запихивая сумки в багажные ящики, появилась Кейра с рюкзаком больше ее самой. Она поговорила с моим соседом, он охотно поменялся с ней местами, и она, вздохнув, уселась рядом со мной.

– Две недели, ты меня слышишь, – проговорила она, пристегиваясь, – ровно через две недели, где бы мы ни находились, ты посадишь меня в самолет до Аддис-Абебы. Обещаешь?

Я пообещал.

Две недели, чтобы раскрыть тайну кулона, две недели, чтобы собрать воедино то, что разделяют четыреста миллионов лет, – такое обещание сдержать невозможно, но это не важно; самолет набирал скорость, Кейра сидела рядом, повернувшись лицом к иллюминатору и

закрыв глаза; об этих двух неделях я еще вчера не мог и мечтать. За восемь часов полета она ни разу не упомянула о моей записке – впрочем, и потом тоже.

Франкфурт

До Небры нам еще предстояло проехать триста двадцать километров. Хотя я едва соображал от усталости после долгого путешествия, мне пришло в голову арендовать автомобиль, и я надеялся, что мы доберемся до цели к концу дня.

Ни я, ни Кейра не предполагали, что этот крохотный провинциальный городок окажется таким оживленным. Место, рядом с которым из земли извлекли диск с изображением звездного неба, превратилось в туристический центр. Посреди равнины возвышалась довольно внушительного вида башенка из бетона. От основания этого сооружения, наклоненного наподобие Пизанской башни, шли по земле две линии, отмечавшие положение Солнца во время зимнего и летнего солнцестояния. В комплекс входило еще одно здание – громоздкая постройка из дерева и стекла на вершине холма, изрядно портившая пейзаж.

Знакомство с экспозицией, посвященной диску из Небры, ничего интересного нам не принесло. В нескольких километрах оттуда находился сам городок с мощеными улочками и прелестными фасадами; в нем чувствовался подлинный дух старины – особенно если не замечать витрины магазинчиков, предлагавших майки, посуду и всякую всячину с изображением знаменитого диска.

– А не организовать ли мне раскопки в парке Астерикс?[14] – заметила Кейра.

Я подошел к хозяину гостиницы, который только что выдал нам ключ от последнего свободного номера. После того как я сообщил ему о наших научных званиях и заслугах, он поддался на мои уговоры и пообещал устроить нам встречу с хранителем археологического музея Небры.

Москва

Лубянская площадь – странное место: с одной стороны на ней стоит огромное розоватое здание ФСБ, с другой – Детский мир, дворец, населенный игрушками.

В то утро Василию Юренко не пришлось позавтракать в любимом кафе, отчего настроение у него явно не улучшилось. Припарковав свою старенькую «ладу» у тротуара, он подождал, пока откроются двери магазина. На первом этаже уже крутилась расцвеченная яркими огнями карусель, но на деревянных лошадках пока не было видно ни одного маленького наездника. Василий поднялся на эскалаторе, не прикасаясь к поручню, который показался ему слишком грязным. На втором этаже он остановился у прилавка с матрешками – прекрасными копиями старинных образцов. Эти игрушки всегда ему очень нравились: так забавно, когда внутри одной куклы прячется целая семья. Его сестра в годы их юности собрала неплохую коллекцию матрешек – сейчас ей бы цены не было. Но сестра вот уже тридцать лет покоилась на Новодевичьем кладбище, а от ее прелестной коллекции осталось лишь воспоминание. Продавщица кокетливо взглянула на него, растянув в улыбке беззубый рот. Юренко отвел глаза. Бабушка схватила яркую матрешку – красный платочек и желтый сарафан, – положила ее в бумажный пакет и назвала цену: тысяча рублей. Юренко заплатил и ушел. Несколько минут спустя, устроившись за столиком кафе, он соскоблил тонкий слой краски с третьей и пятой матрешек и записал появившиеся цифры. Он спустился в метро, вышел на станции «Комсомольская» и по длинному подземному переходу направился к зданию вокзала.

В камере хранения он нашел ячейку с номером, обозначенным на третьей матрешке, набрал код, указанный на пятой, и забрал запечатанный конверт. В нем лежали авиабилет, паспорт, листок с номером телефона в Германии и три фотографии: на одной – молодая женщина, на другой – мужчина, на третьей – они оба, сходящие с трапа самолета. На обороте одного из снимков он обнаружил написанные от руки имена. Юренко сунул конверт в карман и взглянул на билет. Времени оставалось в обрез: через два часа в аэропорту Шереметьево начнется регистрация на его рейс. Он попытался припомнить, не бросил ли он машину в неположенном месте, но теперь уже поздно было об этом беспокоиться.

Рим

Лоренцо постоял немного на балконе своего кабинета, облокотившись на перила. Окурок его сигареты упал вниз, покатился

по земле и через секунду исчез в водосточном желобе. Тогда Лоренцо закрыл окно и поднял телефонную трубку.

– У нас возникла небольшая проблема в Эфиопии. Они покинули страну, – сообщил он своему собеседнику.

– Где они сейчас?

– Во Франкфурте мы их потеряли.

– Что же произошло?

– Тем людям, что следили за ними, не повезло. Ваши протеже отправились на озеро Туркана в компании старика вождя, который служил им проводником. Мои люди решили расспросить его, зачем те двое поплыли на остров посреди озера, и тут произошел несчастный случай.

– Какого рода?

– Старик на них рассердился и в результате неудачно упал.

– Кто еще в курсе?

– Я обещал, что вы первым будете получать информацию, но, учитывая такой неожиданный поворот событий, я не могу дать вам более одного дня, а потом мне придется связаться с остальными. И объяснить, почему мои люди следили за вашими малышами.

Лоренцо даже не успел попрощаться с Айвори: тот уже повесил трубку.

– И что вы об этом думаете? – спросил Вакерс, все это время сидевший в кресле напротив Лоренцо.

– Айвори не даст себя долго дурачить, и, как мне кажется, он уже догадался, что вы все знаете. Он старый лис, так просто вы его в ловушку не заманите.

– Айвори – мой старый друг, и я вовсе не собираюсь расставлять ему ловушку, однако мне не хотелось бы, чтобы он нами манипулировал. У нас с ним разные цели, и нельзя допустить, чтобы он заправлял всеми делами.

– Ну ладно. Только держу пари, что сейчас, когда мы с вами разговариваем, он дирижирует оркестром.

– С чего вы взяли?

– С того, что внизу стоит один человек, и я совершенно уверен, что он установил за вами наблюдение еще у двери вашего кабинета.

– Он следил за мной от самого Амстердама?

– Сработал он очень грубо, и мы его сразу засекли, из чего можно сделать вывод: либо он непрофессионал, либо это послание от вашего старого друга, который хочет сказать вам примерно следующее: «Не держите меня за дурака, Вакерс, я знаю, где вы находитесь». А поскольку этот тип следил за вами от самого дома, а вы его не заметили, то я склоняюсь ко второй версии.

Вакерс вскочил и ринулся к окну. Но человек, о котором говорил Лоренцо, уже ушел довольно далеко.

Саксония-Анхальт

– Пристегнись, дороги здесь очень узкие.

Кейра опустила стекло и высунулась наружу, сделав вид, будто не слышит. Признаюсь, за время этого путешествия у меня не раз возникало желание открыть дверцу и выкинуть ее из машины.

Хранитель музея Небры принял нас с распростертыми объятиями. Он страшно гордился своей коллекцией и подробно рассказал нам о каждом экспонате. Мечи, щиты, наконечники копий – нам показали все сокровища, поведав их историю, и лишь после этого продемонстрировали диск.

Этот предмет, конечно, не имел ничего общего с кулоном Кейры, однако производил неизгладимое впечатление. Нас заворожила его красота и изобретательность мастера, который его создал. Каким образом в бронзовом веке человек мог сотворить это техническое чудо? Хранитель пригласил нас в кафетерий и спросил, чем может быть нам полезен. Кейра показала ему кулон, а я рассказал о его необычных свойствах. Наш собеседник, живо заинтересовавшись тем, что услышал, спросил меня о возрасте нашего предмета. Я объяснил, что установить его не удалось.

Этот человек, посвятивший десять лет изучению диска из Небры, был в высшей степени заинтригован нашей историей. Он сказал, что смутно припоминает, как несколько лет назад читал что-то на эту тему. Только мысли у него все перепутались, и ему необходимо навести в них порядок, как в архиве. Он предложил нам встретиться вечером и вместе поужинать. А тем временем он постарается сделать все возможное, чтобы помочь нам в наших поисках. Итак, вся вторая половина дня у нас была свободна. В гостинице имелось два

компьютера специально для клиентов, и я этим воспользовался, чтобы отправить весточку Уолтеру. Кроме того, я написал нескольким своим коллегам, кое о чем рассказав им, а еще больше утаив, поскольку опасался, как бы меня не приняли за фантазера.

Франкфурт

Сразу после прилета Василий обошел все четыре конторы в международной зоне, сдававшие в аренду автомобили. Он показывал служащим фотографии из конверта и спрашивал, не видели ли они изображенную на снимках супружескую пару. В трех офисах ему ответили, что не знают этих людей, в четвертом заявили, что информация о клиентах не разглашается. Теперь Василию было известно, что те, кого он разыскивал, не брали такси до города и, что еще важнее, у кого они арендовали машину. Привычный к такого рода фокусам, он зашел в телефонную кабинку и набрал номер служащего четвертой конторы. Когда тот взял трубку, Василий на почти безупречном немецком сообщил ему, что на стоянке произошел неприятный инцидент и срочно требуется присутствие сотрудника компании. Василий наблюдал, как мужчина положил трубку и в ярости понесся к лифтам. Как только служащий удалился, Василий вернулся в контору и наклонился к клавиатуре компьютера. Вскоре заработал принтер, и у Василия в руках оказалась копия договора об аренде транспортного средства, оформленного Эдриеном.

Набрав номер телефона, найденный им в конверте из камеры хранения, он получил следующую информацию: камеры наблюдения зафиксировали серый «мерседес» с регистрационным номером KA PA 521 на шоссе B43, затем на трассе A5, ведущей в Ганновер; через сто двадцать пять километров машину засекли на шоссе A7, и вскоре она свернула на дорогу номер 86, по которой проехала еще сто десять километров, затем продолжила движение по трассе A71 со скоростью около ста тридцати километров в час. Немного позднее она выехала на магистраль, ведущую в Веймар. Поскольку на местных дорогах не было камер слежения, то серый «мерседес» вскоре потерялся из виду, словно растворившись среди сельских пейзажей, но некоторое время спустя его обнаружили в Ротенбурге благодаря камере, установленной на перекрестке.

Василий взял напрокат внушительного вида седан, покинул франкфуртский аэропорт и поехал вслед за серым «мерседесом», скрупулезно повторяя его маршрут.

В тот день ему явно везло: к тому месту, где «мерседес» видели в последний раз, вела одна-единственная дорога. Только когда Василий проехал еще пятнадцать километров и попал в Заулах, ему пришлось выбирать, куда направиться дальше. Улица Карла Маркса вела в Небру, а на дороге, уходившей влево, стоял указатель «Буха». Следовать путем Карла Маркса Василию не улыбалось, поэтому он поехал в сторону Бухи. Дорога шла сначала через невысокий лесок, затем по обширным рапсовым полям.

В Мемлебене, выехав к реке, Василий внезапно понял, что напрасно выбрал направление на восток; резко крутанув руль, он повернул на Томас-Мюнцер-штрассе. Должно быть, он описал круг, потому что опять заметил указатель с надписью «Небра». Когда он наконец добрался до стоянки у археологического музея, то опустил стекло и закурил сигарету – первую за этот день. Охотник чувствовал, что его жертвы где-то поблизости и скоро он их обнаружит.

***

Хранитель музея зашел за нами в гостиницу. Он переоделся к ужину: облачился в вельветовый костюм и клетчатую рубашку, украсив ее вязаным галстуком. Даже в той одежде, которая чудом уцелела после путешествия по Африке, мы выглядели куда элегантнее, чем он. По его настоянию мы отправились в небольшой ресторанчик, и не успели мы сесть, как он весело спросил, где мы с Кейрой познакомились.

– Мы дружим со школьной скамьи! – ответил я.

Кейра больно пнула меня ногой под столом.

– Эдриен для меня не просто друг, он мой наставник; впрочем, иногда он берет меня с собой попутешествовать, чтобы я развеялась, – сообщила она нашему новому знакомому, наступив каблуком мне на ногу.

Хранитель музея предпочел сменить тему. Он подозвал официантку и сделал заказ.

– Возможно, у меня найдется нечто интересное для вас, – сказал он. – Когда я проводил исследования диска из Небры – только Богу известно, сколько времени это могло продлиться, – то случайно наткнулся на один документ в Национальной библиотеке. Я тогда подумал, что он поможет мне в работе, но этот путь оказался ошибочным – для меня, но не для вас. Я напрасно пытался найти сведения о нем в моих записях, мне ничего не удалось отыскать, но я хорошо помню его содержание. Это текст на геэзе, очень древнем африканском языке, буквы которого напоминают греческий алфавит.

Похоже, Кейру заинтересовал его рассказ.

– Геэз, – подхватила она, – это язык семитской группы, на его основе развивались амхарский в Эфиопии и тигринья в Эритрее. Письменность эта возникла примерно три тысячи лет назад. Самое удивительное, что у геэза и древнегреческого языка схожи не только буквы, но и некоторые фонетические особенности. Православные христиане Эфиопии считают геэз божественным откровением, ниспосланным Еносу. В Книге Бытия[15] Енос – сын Сифа, отец Каинана и внук Адама; на древнееврейском «Енос», а точнее, «Энош» обозначает понятие человечества. В эфиопской православной Библии сказано, что Енос родился в триста двадцать пятом году от Сотворения мира, соответственно за тридцать восемь веков до Рождества Христова – согласно иудейской мифологии, в допотопную эпоху. Что? Что-то не так?

Вероятно, я как-то странно смотрел на Кейру, потому что она прервала свой рассказ и заявила, что теперь, судя по всему, может быть спокойна: наконец-то я заметил, что ее основная профессия состоит вовсе не в том, чтобы помогать мне в подготовке нового путеводителя «По дорогам мира».

– Вы помните, что говорилось в том тексте, написанном на геэзе? – спросила она у хранителя музея.

– Давайте сразу уточним, что оригинал был действительно написан на геэзе, однако я держал в руках только его позднейшую копию, сделанную в шестом или пятом веке до нашей эры. Если память мне не изменяет, там говорилось о небесном диске, своего рода карте звездного неба, каждая часть которой должна была указать пути заселения мира. Перевод, приложенный к документу, показался мне довольно туманным, допускающим разные толкования. Однако в

тексте, где-то в середине, встречалось слово «воссоединение», это я ясно помню, и это понятие напрямую связывалось с другим – «разделение». Нельзя сказать наверняка, подразумевается ли под этим в данном случае разрушение нашей планеты. Возможно, мы имеем дело со священным текстом или с еще одним пророчеством, но это лишь мои догадки. В любом случае этот текст слишком древний, чтобы он имел прямое отношение к диску из Небры. Надо бы вам съездить в Национальную библиотеку. Сами посмотрите книгу и сделаете выводы. Не стану тешить вас напрасными надеждами, вероятность, что этот документ поможет вам разгадать тайну вашего украшения, невелика, однако я на вашем месте все-таки наведался бы в библиотеку. Кто знает?

– И как нам найти там этот документ? Национальная библиотека огромна!

– Я точно знаю, что видел текст во франкфуртском филиале. Я часто бывал в мюнхенском и лейпцигском филиалах, но я абсолютно уверен, что эту рукопись нашел именно во Франкфурте. Погодите, кажется, я припоминаю, что видел ее среди других редких старинных рукописей, только вот в каком именно разделе? С тех пор прошло уже десять лет. Надо мне привести в порядок свои бумаги. Займусь этим прямо сегодня вечером. Если найду что-то интересное, сразу вам позвоню.

Расставшись с хранителем музея, мы с Кейрой решили пройтись пешком. Старинный городок Небра обладал особым очарованием, да и нам не мешало совершить прогулку после обильного ужина.

– Мне жаль, что я втянул тебя в это приключение без начала и конца.

– По-моему, ты шутишь, – ответила Кейра. – Надеюсь, ты не собираешься отступать, когда мы только подошли к самому интересному? Не знаю, какие у тебя планы на завтрашнее утро, но я намерена отправиться во Франкфурт.

Мы неторопливо шли через неширокую площадь с прелестным фонтаном посередине, когда неведомо откуда появилась машина и ослепила нас фарами.

– Черт, этот придурок едет прямо на нас! – крикнул я Кейре.

Мне едва хватило времени, чтобы втолкнуть Кейру в какие-то ворота; мчавшаяся с бешеной скоростью машина задела меня, ее

занесло, затем она выехала с площади на широкую улицу и исчезла из виду. Если этот ненормальный хотел нас напугать, он достиг своей цели. Я даже не успел запомнить номер автомобиля. Я помог Кейре прийти в себя. Она посмотрела на меня непонимающе: то ли ей все это приснилось, то ли этот тип действительно хотел нас сбить. Ее вопрос поставил меня в тупик.

Я предложил ей пойти куда-нибудь выпить, чтобы взбодриться. Ей не понравился мой способ борьбы с волнением, и она предпочла вернуться в гостиницу. Поднявшись на свой этаж, я с удивлением обнаружил, что в коридоре стоит кромешная тьма. Одна перегоревшая лампочка – это еще ничего, но чтобы все разом… Теперь уже Кейра проявила благоразумие.

– Не ходи туда, – приказала она, удержав меня за рукав.

– Наш номер в самом конце коридора, так что выбора у нас нет.

– Давай спустимся на первый этаж и сообщим дежурному администратору. Нечего строить из себя героя, я чувствую: что-то здесь не так.

– Скачок напряжения – и выбило предохранители, вот что не так!

Однако я понял, что Кейра встревожена, и согласился спуститься вниз.

Дежурный несколько раз извинился, такое, сказал он, у них прежде не случалось. Это показалось нам тем более странным, что к первому этажу и к нашему электричество было проведено от одного щитка, но внизу свет горел повсюду. Мужчина взял карманный фонарик и попросил нас подождать в холле, пока он разберется с неполадками.

Кейра увела меня в бар, заметив, что благодаря рюмочке шнапса ей, может быть, удастся уснуть.

Прошло уже двадцать минут, как дежурный отправился наверх.

– Посиди здесь, я пойду посмотрю, что происходит. Если через пять минут не вернусь, вызывай полицию.

– Я иду с тобой.

– Нет, ты останешься здесь, Кейра! Послушай меня хотя бы раз, а то завтра я открою дверцу машины и выкину тебя вон. И помолчи, пожалуйста, я знаю, что говорю!

Мне не следовало отпускать дежурного одного, а ведь Кейра почувствовала беду, но я ей не поверил. Я поднимался по ступенькам, чутко прислушиваясь к малейшему шороху и громко выкрикивая все подряд известные мне немецкие имена, потом продвигался на ощупь по темному коридору. Сначала я нашел фонарик, наступив на него, а потом и дежурного, распростертого на полу. Вокруг его головы растеклась лужа крови, сочившейся из глубокой раны. Дверь нашего номера была распахнута настежь, окно тоже, вещи вытряхнуты на пол и разбросаны по всей комнате, однако вор ничего не украл, только нанес жестокий удар по моему самолюбию.

Офицер полиции перечитал мое заявление, к которому мне нечего было добавить. Сначала я поставил свою подпись, затем Кейра, и мы вышли из комиссариата.

Хозяин нашей гостиницы помог нам переселиться в другое место, здесь же в городе. Ни я, ни она не могли заснуть. Пережив вместе весь этот ужас, мы сблизились. Ночью в кровати, когда мы лежали, крепко прижавшись друг к другу, Кейра, нарушив свое обещание, поцеловала меня.

Конечно, о романтической обстановке я мог только мечтать, однако это неожиданное напоминание о прежних чувствах я принял как драгоценный дар; засыпая, Кейра взяла меня за руку, и это ласковое прикосновение было приятнее жарких поцелуев.

На следующее утро мы завтракали на террасе пивного ресторана.

– Мне надо кое-что тебе рассказать. То, что произошло вчера, случилось со мной не впервые. А потому я пытаюсь понять, кто взломал дверь в наш номер и был ли это обычный вор, а еще мне хотелось бы знать, кто сидел за рулем машины, которая нас чуть не сбила.

Кейра положила круассан, уставившись на меня, и я прочел в ее глазах не только удивление.

– Ты намекаешь на то, что за нами следят?

– Может, не за нами, но уж точно за твоим кулоном. Пока я им не заинтересовался, моя жизнь текла куда спокойнее… если не считать обморока от недостатка кислорода.

И я поведал ей о том, что случилось со мной и Уолтером в Ираклионе, как профессор попытался отобрать у нас кулон, как Уолтер убедил его этого не делать и как мы потом удирали от преследователей.

Кейра подшучивала надо мной, хохоча до упада, но я не видел ничего смешного в описанных мною событиях.

– Значит, вы начистили физиономию человеку, который всего-навсего хотел на несколько часов получить кулон, чтобы исследовать его, вы вырубили и заковали в наручники охранника, потом удирали словно воры и на этом основании сделали вывод, что вокруг вас плетется заговор?

Кейра смеялась не только надо мной, но и над Уолтером. Это меня, конечно, не утешало, но все же было не так обидно.

– Хорошо, раз уж мы об этом заговорили, скажи, ты считаешь, что смерть вождя мурси – тоже не простой несчастный случай?

Я промолчал.

– По-моему, это бред. Как кто-то мог проведать, где мы находимся? – продолжала она.

– Не знаю. Я не хочу преувеличивать опасность, но думаю, нам все-таки нужно вести себя более осторожно.

Хранитель музея, заметив нас издали, поспешил навстречу. Мы пригласили его присесть за наш столик.

– Я узнал, какое жуткое приключение вам пришлось пережить нынче ночью, – произнес он. – Это кошмар, наркотики наносят Германии колоссальный урон. За дозу героина молодые люди готовы на любое преступление. За последнее время у нескольких человек вырывали из рук сумку, ограбили несколько квартир и гостиничных номеров – такое случалось, как в любом другом туристическом месте. Но чтобы такая жестокость – этого прежде не бывало!

– Значит, доза понадобилась какому-нибудь старику. Старики, как правило, более злобные, – заявила Кейра сухо.

Я незаметно толкнул ее под столом коленкой.

– Почему опять все сваливают на молодых? – продолжала она.

– Потому что пожилые люди недостаточно ловкие, чтобы сбежать с места преступления, выпрыгнув из окна второго этажа, – невозмутимо пояснил хранитель музея.

– Но вы же сами только что бежали к нам довольно резво, а вы ведь не молодой олень, – упрямо возразила Кейра, не желая отступать.

– Мне почему-то кажется, что господин хранитель музея вряд ли вчера вечером решил лично посетить наш номер, – посмеиваясь, произнес я, стараясь сгладить неловкость.

– Я на это и не намекала, – парировала Кейра.

– Я едва не забыл, о чем хотел вам сказать, – прервал нашу пикировку хранитель музея. – Оставим в стороне это неприятное происшествие, у меня для вас две хорошие новости. Первая: раненый дежурный жив и вне опасности. Вторая: я нашел библиотечный шифр рукописи в Национальной библиотеке. Я не мог найти себе места, полночи копался в ящиках и папках и в конце концов наткнулся на небольшую записную книжку, где я отмечал все источники, которыми пользовался в свое время. Когда приедете в библиотеку, закажете книгу под этим шифром, – сказал он и протянул нам клочок бумаги. – Этот документ очень редкий и ветхий, доступ к нему ограничен, но вам, с вашими званиями и заслугами, его конечно покажут. Я позволил себе послать факс моей коллеге, директору франкфуртского филиала Национальной библиотеки, она вас примет как дорогих гостей.

Мы поблагодарили хранителя музея за хлопоты и уехали из Небры, оставив позади и хорошие, и дурные воспоминания.

По дороге во Франкфурт Кейра болтала без умолку. А я думал об Уолтере и надеялся, что он ответил на послание, которое я ему отправил накануне. Около полудня мы подъехали к библиотеке.

Двухуровневое здание библиотеки, видимо, было построено недавно. У задней стены, сплошь стеклянной, зеленел большой сад. Мы подошли к стойке в вестибюле, представились. Через пару минут к нам вышла женщина в строгом костюме, назвала свое имя – Хелена Вайсбек – и проводила нас в свой кабинет. Она предложила нам кофе с хрустящим печеньем, и Кейра отдала должное угощению, потому что мы еще не успели пообедать.

– Да, эта рукопись определенно вызывает у меня интерес. Десятилетиями о ней никто не вспоминал, а сегодня вы уже вторые, кто хочет с ней ознакомиться.

– К вам приходил кто-то еще? – спросила Кейра.

– Нет, но сегодня утром я получила запрос по электронной почте. Книга, о которой вы говорите, находится в берлинском хранилище. В наших стенах таких древних памятников вы не найдете. Но текст, как и его переводы, были оцифрованы в целях их сохранности. Вы тоже могли мне послать электронное письмо, я бы вам переслала копии страниц, которые вас интересуют.

– А можно узнать, кто присылал вам запрос, аналогичный нашему?

– Он был отправлен из канцелярии какого-то зарубежного университета, не могу вам сказать какого, я только подписала разрешение, и все. С этим запросом работала моя секретарша, а она ушла на обед.

– Вы не припомните, университет какой страны упоминался в запросе?

– Нидерландов, да, кажется, так, запрос поступил из университета Амстердама. Его точно отправил какой-то профессор, но я не запомнила его имени. Мне каждый день приносят на подпись столько бумаг, наши учреждения бюрократизируются с каждым днем все больше.

Директор библиотеки подала нам крафтовый конверт, внутри лежала цветная распечатка документа, который мы искали. Текст был действительно написан на геэзе, и Кейра принялась внимательно его изучать. Директриса тихонько кашлянула и заметила, что этот экземпляр она подготовила специально для нас, мы можем оставить его себе и делать с ним все, что нам угодно. Мы горячо ее поблагодарили и откланялись.

Через улицу находилось большое кладбище, напомнившее мне старое Бромптонское кладбище в Лондоне, где я любил гулять. Это не просто кладбище, а великолепный зеленый парк, неожиданно тихое и приятное место в самом центре огромной шумной столицы.

Мы прошли за ограду и сели на скамейку. Белоснежный ангел, стоявший на высоком пьедестале, казалось, подглядывал за нами. Кейра махнула ему рукой и погрузилась в текст. Она сличила древние письмена с прилагавшимся английским текстом, слишком кратким по сравнению с оригиналом. Имелись и другие переводы, в том числе на греческий, арабский, португальский и испанский, однако доступные

нам английский и французский тексты показались нам бессмысленными.

Под усеянными звездами треугольниками я передал магам диск, обладающий великой силой и разъятый на части, которые соединяют колонии.

Пусть останутся они сокрытыми под столпами обилия. Пусть никто не ведает, где находится апогей, ночь первого – хранительница предвестия.

Пусть человек не тревожит его сон, на стыке мнимых времен проявятся границы пространства.

– Да, мы необычайно далеко продвинулись! – заметила Кейра, убирая листки в конверт. – Я представления не имею, о чем тут речь, и сама перевести документ не смогу. А что нам говорил хранитель музея в Небре относительно того, где он отыскал этот текст?

– А он нам это и не говорил. Просто сказал, что документ датируется шестым или пятым веком до нашей эры. И уточнил, что изначально существовал очень древний документ, а эта рукопись появилась в результате неоднократного переписывания оригинала.

– Итак, мы оказались в тупике.

– У тебя нет знакомых, которые могли бы взглянуть на этот текст?

– Есть один человек, он бы помог, только он живет в Париже.

В голосе Кейры я не услышал восторга – видимо, перспектива поездки в Париж ее не вдохновляла.

– Эдриен, я не могу больше путешествовать, у меня ни гроша за душой, и мы даже не знаем, куда нам ехать, а главное – зачем.

– У меня есть кое-какие сбережения, к тому же я еще слишком молод, чтобы думать о пенсии. Мы разделим на двоих это путешествие. Париж не так уж далеко, если хочешь, мы поедем поездом.

– Вот именно, ты сказал «мы разделим на двоих», а у меня совершенно нет денег, и мне нечем с тобой поделиться.

– Хорошо, давай заключим договор. Представим себе, что я нашел сокровище. Я обещаю, что возьму из той части, что будет причитаться тебе, сумму, покрывающую наши дорожные расходы.

– А если не ты, а я найду сокровище? Ведь археолог все-таки я!

– Ничего, я заработаю на разнице курсов!

В конце концов Кейра согласилась поехать в Париж.

Амстердам

Дверь внезапно распахнулась. Вакерс вздрогнул и резко выдвинул ящик письменного стола.

– Давайте стреляйте, пока еще можете! Вы уже вонзили мне нож в спину, осталось только меня пристрелить!

– Айвори! Могли бы постучать, я уже слишком стар, чтобы меня так пугать, – выдохнул Вакерс, сунув пистолет в ящик.

– Бедняга, вы здорово постарели, реакция уже совсем не та, что раньше.

– Не знаю, что привело вас в такую ярость, но может, вы соизволите присесть, тогда бы мы с вами продолжили беседу как цивилизованные люди.

– Бросьте, Вакерс, мне не до приличных манер. Я думал, что могу вам доверять.

– Если бы вы действительно так думали, вы не устроили бы за мной слежку в Риме.

– Я не устраивал за вами слежку, я вообще не знал, что вы поедете в Рим.

– Неужели?

– Именно так.

– Значит, это были не вы. В таком случае у меня еще больше поводов для беспокойства.

– На жизнь наших подопечных совершено покушение! Это недопустимо!

– Ну к чему эти высокие слова? Айвори, вы же знаете, если бы кто-то из нас решил их убить, они уже были бы мертвы. Их просто припугнули, не более того, никто не собирался подвергать их жизнь опасности.

– Ложь!

– Да, я с вами согласен, это было глупое решение, но оно исходило не от меня, я противился его принятию. Те действия, что предпринял Лоренцо в последние дни, вызывают досаду. В утешение вам могу сказать, что я уведомил его о несогласии комитета с подобными методами. Для этого я и ездил к нему в Рим. Всех нас

очень заботит неприятный поворот событий, однако это не самое важное. Надо, чтобы ваши подопечные, как вы их называете, перестали мотаться по миру. Пока еще не случилось ничего такого, о чем нам следовало бы сожалеть, но если так пойдет и дальше, я боюсь, как бы наши друзья не перешли к более радикальным мерам.

– То есть вы полагаете, что о смерти старого вождя племени не стоит сожалеть? В каком мире вы живете?

– В мире, который эти двое могут подвергнуть опасности.

– Я-то думал, никто не верит в мои теории. А оказывается, что даже глупцы порой меняют свое мнение.

– Если бы сообщество полностью признало ваши теории, на пути этой парочки стоял бы только посланец Лоренцо, и больше никто. Но наш комитет не хочет рисковать, поэтому вам следовало бы убедить ваших пытливых ученых бросить расследование, раз они вам так дороги.

– Не стану лгать вам, Вакерс, ведь мы с вами не один вечер провели за шахматами. Я выиграю эту партию, даже один против всех, если понадобится. Предупредите комитет, что я уже поставил вам мат. Пусть попробуют еще раз устроить покушение на этих двоих – они потеряют самую важную фигуру на доске.

– Какую?

– Вас, Вакерс.

– Вы мне льстите, Айвори.

– Нет, у меня нет привычки недооценивать моих друзей, поэтому я все еще жив. Я возвращаюсь в Париж, и нет ни малейшего смысла за мной следить.

Айвори встал и вышел из кабинета Вакерса.

Париж

Город очень изменился с тех пор, как я был в нем в последний раз. На каждом шагу попадались люди на велосипедах, правда почему-то совершенно одинаковых – если бы не это, я решил бы, что попал в Амстердам. Странные все-таки эти французы: такси, например, у них выкрашены в разные цвета, а все велосипеды одной модели. Видимо, мне этого никогда не понять.

– Потому что ты англичанин, – пояснила Кейра. – Вам, британцам, не дано постичь поэтичную душу моих сограждан.

Я так и не сообразил, в чем состоит поэтичность одинаковых серых велосипедов, но в целом город, надо признать, значительно похорошел. Правда, движение было адское, еще ужаснее, чем в моих воспоминаниях, зато тротуары стали шире, а фасады домов – чище. Только парижане за двадцать лет ничуть не изменились: все так же перебегали дорогу на красный свет и толкались, не думая извиняться. А мысль встать в очередь им, видимо, и в голову не приходила. Так что пока мы ждали такси на Восточном вокзале, перед нами дважды нахально втискивались какие-то субъекты.

– Париж самый прекрасный город в мире, это факт, и он не обсуждается, – заявила Кейра.

Первое, что она хотела сделать после приезда, – это встретиться с сестрой. Она умоляла меня не рассказывать, что произошло с нами в Эфиопии. Жанна склонна тревожиться по любому поводу, особенно из-за младшей сестры, и ни в коем случае нельзя ей говорить, какие неприятности заставили Кейру спешно покинуть долину Омо: Жанна запросто может лечь поперек трапа самолета, чтобы помешать Кейре вернуться на раскопки. Нам следовало немедленно придумать, почему мы прилетели в Париж; я предложил Кейре сказать, что она захотела повидаться со мной. Кейра ответила, что ее сестра ни за что не поверит в такую чушь. Я сделал вид, будто мне ничуть не обидно, но на самом деле ее слова меня сильно задели.

Она позвонила Жанне, не сообщив, что мы едем к ней. Но когда таксист высадил нас у музея, Кейра еще раз позвонила сестре, на сей раз по мобильнику, и попросила ее подойти к окну кабинета и сказать, узнает ли она ту девушку, что сидит в саду и машет ей рукой. Жанна примчалась быстрее, чем успела бы ответить по телефону, и подбежала к столику, за которым мы расположились. Она крепко обняла сестру, так что та едва не задохнулась. Мне вдруг захотелось, чтобы у меня был брат и я тоже мог бы сделать ему такой сюрприз. И подумал об Уолтере, моем новом друге.

Жанна пристально оглядела меня с головы до ног, и мы поздоровались. Она с любопытством спросила, не англичанин ли я. Разумеется, мой акцент не оставлял никаких сомнений, однако из вежливости я ответил, что она угадала – я действительно англичанин.

– Значит, вы англичанин и живете в Англии? – задала она очередной вопрос.

– Да, конечно, – осторожно ответил я.

Жанна едва заметно покраснела.

– Я хотела сказать: вы англичанин из Англии и живете в Лондоне?

– Совершенно верно.

– Я так и знала, – глубокомысленно заключила Жанна.

Мне очень хотелось уточнить, что именно она подумала, но я сдержался. Интересно, почему она улыбнулась, услышав мой ответ?

– А я-то думала: что заставило Кейру оставить эту проклятую долину Омо? Но теперь-то, кажется, понимаю…

Кейра метнула в меня испепеляющий взгляд. Я хотел исчезнуть, им ведь надо было столько всего рассказать друг другу, но Жанна настояла, чтобы я не уходил. Мы очень приятно провели время: Жанна расспрашивала меня о моей профессии, о жизни в целом, и мне даже стало неловко, потому что она интересовалась мною больше, чем сестрой. В конце концов Кейра даже рассердилась.

– Не хочу вам мешать и, пожалуй, оставлю вас вдвоем. Вернусь к Рождеству, – заявила она, когда Жанна неведомо зачем попыталась выведать у меня, не сопровождал ли я Кейру, когда та навещала могилу отца.

– Нет, мы еще не настолько близки, – торжественно произнес я, желая поддразнить Кейру.

Жанна надеялась, что мы поживем в Париже хотя бы неделю, она хотела устроить ужин, провести вместе с нами выходные. Кейра сказала, что мы здесь всего на день или два, не больше. Когда Жанна спросила, где мы намерены остановиться, мы с Кейрой смущенно переглянулись: об этом мы не подумали. И Жанна пригласила нас к себе.

Дома, пока мы ужинали, Кейра ухитрилась дозвониться тому человеку, к которому мы собирались пойти, к тому, кто мог бы нам прояснить смысл текста, привезенного из Франкфурта. Он назначил ей встречу на следующее утро.

– Я пойду туда одна, по-моему, так будет лучше, – предложила Кейра, вернувшись к нам.

– И куда же ты собралась? – спросила Жанна.

– К одному из своих друзей, – ответил я. – Как я понял, к коллеге-археологу. Нам нужна его помощь в расшифровке одного текста, написанного на древнем африканском языке.

– К какому другу? – не отставала Жанна, загоревшись любопытством.

Кейра не ответила и предложила сходить на кухню и принести сырную тарелку. Приближался тот момент ужина, которого я боялся больше всего: для англичанина камамбер всегда был непостижимой загадкой.

– Надеюсь, ты не к Максу собралась?! – прокричала Жанна, чтобы Кейра на кухне ее услышала.

Кейра опять промолчала.

– Тебе нужен перевод текста, а у меня в музее есть все необходимые специалисты, – продолжала Жанна так же громко.

– Занимайся своим делом, а это тебя не касается, сестрица, – произнесла Кейра с порога гостиной.

– А кто этот Макс?

– Мой друг, которого Жанна очень любит!

– Макс тебе такой же друг, как я – бабушка! – ехидно отозвалась Жанна.

– Да, мне тоже иногда так кажется, – парировала Кейра.

– Ну, поскольку Макс тебе друг, ему будет приятно познакомиться с Эдриеном. Ведь друзья наших друзей – наши друзья, не правда ли?

– Жанна, по-моему, я попросила тебя не вмешиваться не в свое дело. Что тебе непонятно?

Настала благоприятная минута, и я ею воспользовался, сообщив Кейре, что завтра с удовольствием схожу с ней на эту встречу. Я-то хотел просто положить конец этой ссоре, но заодно добился и того, что Кейра не на шутку разозлилась и дулась на меня весь вечер, а на ночь предложила мне устроиться в гостиной на диване.

На следующее утро мы спустились в метро и поехали на Севастопольский бульвар. Типография Макса находилась на соседней улице. Он встретил нас очень любезно и пригласил в свой кабинет на антресоли. Мне всегда нравились промышленные здания, построенные в эпоху Гюстава Эйфеля: их каркасы из переплетенных металлических

балок изготавливались на лотарингских сталелитейных заводах, которые были тогда лучшими в мире.

Макс склонился над документом, схватил блокнот и карандаш и принялся за работу с такой ловкостью, что я не мог оторвать от него взгляд. Он напоминал музыканта, разбирающего партитуру и тут же наигрывающего мелодию.

– В этом переводе ошибка на ошибке. Не говорю, что мой вариант будет безупречен, поскольку вы не даете мне достаточно времени, но здесь – множество непростительных ошибок. Сядьте поближе, сами убедитесь.

Держа карандаш наготове, он просмотрел текст, указав нам на расхождения между оригиналом и греческим вариантом.

– Вот здесь, смотрите, вместо «магов» должны быть «магистры». А вот еще одна глупая ошибка толкователя – слово «обилие», а следует читать «бесконечность». Обилие и бесконечность могут иметь близкие смыслы, но второе слово в данном случае подойдет больше. Ниже мы видим слово «человек», а на самом деле это «никто».

Он опустил очки на кончик носа. Надо будет обязательно вспомнить этот день, если мне когда-либо придется носить очки: ни в коем случае нельзя их так надевать, это невероятно старит. Конечно, эрудиция Макса вызывала восхищение, но он так пялился на Кейру, что меня это стало сильно раздражать. Впрочем, кажется, это заметил только я, она вела себя как ни в чем не бывало, отчего я только еще больше злился.

– Полагаю, в переводе имеется еще несколько ошибок в спряжении глаголов, я также не уверен, что все слова расставлены верно, отчего, разумеется, искажается толкование текста. Конечно, то, что я сегодня проделал, лишь преамбула к серьезной работе, но, например, слова «под усеянными звездами треугольниками» несомненно стоят не на том месте. Их лучше было бы поместить в конец той фразы, к которой они относятся. Почти как в английском, не правда ли?

Макс, видимо, решил приправить свою лекцию щепоткой юмора, но я воздержался от комментариев. Он вырвал листок из блокнота и протянул нам. Теперь уже мы с Кейрой склонились над переводом.

Я разделил памятную доску, передав магистрам колоний части, которые она соединяет.

Под усеянными звездами треугольниками пусть останутся сокрытыми тени бесконечности. Пусть никто не ведает, где находится апогей, а ночь первого хранит первопричину. Пусть никто не тревожит ее сон, при соединении мнимых времен проявятся границы пространства.

– Несомненно, теперь все стало куда понятнее!

Мою колкость Макс пропустил мимо ушей, зато Кейру она изрядно повеселила.

– В таких древних текстах, как этот, толкование каждого слова значит порой не меньше, чем перевод.

Макс поднялся и, подойдя к ксероксу, скопировал оригинал. Он пообещал нам заняться им в выходные и спросил Кейру, где ее можно будет найти. Она дала ему телефон Жанны. Макс поинтересовался, надолго ли она приехала в Париж, она сказала, что пока не знает. У меня появилось неприятное ощущение, будто я невидимка. К счастью, в кабинете появился начальник цеха и сообщил, что с одной из машин случились неполадки. Я воспользовался этим и заявил, что мы и так уже злоупотребили любезностью хозяина и нам неловко отрывать его от работы. Макс проводил нас.

– Скажи, а почему этот текст тебя так интересует? Он как-то связан с твоими раскопками в Эфиопии?

Кейра украдкой взглянула на меня и соврала, что этот документ передал ей вождь одного из племен. Когда же он спросил меня, люблю ли я так же, как Кейра, долину Омо, она не моргнув глазом заявила, что он угадал, к тому же я являюсь одним из ее самых ценных сотрудников.

Мы решили выпить кофе в ресторанчике в квартале Марэ. Кейра не произнесла ни единого слова, с тех пор как мы вышли от Макса.

– Для типографа он здорово подкован.

– Макс преподавал мне археологию, а потом он сменил профессию.

– Почему?

– Он получил буржуазное воспитание, не любил приключений, ненавидел раскопки, а потом умер его отец, и Максу пришлось заняться семейным делом.

– Вы долго были вместе?

– А кто тебе сказал, что мы были вместе?

– Я знаю, что мой французский оставляет желать лучшего, но, по-моему, слово «преамбула» не относится к повседневному разговорному языку, или я не прав?

– Прав, конечно.

– Когда человек употребляет сложные слова, чтобы сказать о простых вещах, как правило, это значит, что он набивает себе цену, а этой слабостью страдают те, кто желает понравиться. Твой археолог из типографии очень высокого о себе мнения, а может, ему хочется тебя поразить. Только не говори, что я ошибаюсь!

– А ты не говори, что ревнуешь меня к Максу, это слишком театрально!

– У меня нет ни малейшего основания ревновать тебя к кому бы то ни было, ведь я выступаю то в роли приятеля, то ценного сотрудника. Разве не так?

И я спросил, почему она соврала Максу.

– Не знаю, как-то само собой получилось.

Я предпочел бы на этом закончить разговоры о Максе. И больше всего мне хотелось оказаться как можно дальше от его типографии, от квартала, где она находится, и вообще от Парижа; я предложил Кейре нанести визит одному из моих лондонских знакомых, который, возможно, сумеет расшифровать наш документ, тем более что он, похоже, гораздо более сведущ, чем типограф.

– Почему ты мне раньше о нем не сказал? – спросила она.

– Потому что я об этом не подумал, вот и все.

В конце концов не только Кейре можно врать!

Пока Кейра прощалась с Жанной и собирала кое-какие вещи, я позвонил Уолтеру. Узнав, как у него дела, я попросил его об одной услуге, которая показалась ему по меньшей мере странной.

– Вы хотите, чтобы я нашел вам в Академии специалиста по африканским диалектам? Вы, наверное, чем-то обкурились, Эдриен.

– Дело очень деликатное, дорогой Уолтер, я ввязался в него слишком поспешно, сейчас мы сядем в поезд и сегодня вечером приедем в Лондон.

– Какая чудесная новость! Особенно меня радует последняя часть вашей фразы. Но вот что касается ведуна, которого мне надо для вас отыскать, с этим сложнее. Кстати, я не ослышался, вы сказали «мы»?

– Вы не ослышались.

– Разве я вам не говорил, что разумно будет поехать в Эфиопию одному? В моем лице вы обрели настоящего друга, Эдриен. Ладно, попытаюсь где-нибудь откопать вашего шамана.

– Уолтер, мне нужно, чтобы этот человек разбирался в древнем языке, который называется геэз.

– Я так и понял. А мне потребуется настоящий волшебник, чтобы он отыскал такого человека. Поужинаем вечером вместе, позвоните, как только приедете в Лондон, к тому времени я, может быть, успею что-то предпринять.

И Уолтер повесил трубку.

По другую сторону Ла-Манша

«Евростар» мчался по территории Англии: мы уже несколько минут как выехали из туннеля. Кейра дремала на моем плече. Она проспала почти всю дорогу. У меня рука затекла, по ней бегали мурашки, но я ни за что на свете не пошевелился бы, потому что боялся ее разбудить.

Поезд начал притормаживать на подъезде к международному вокзалу в Эшфорде, Кейра довольно грациозно потянулась, затем трижды оглушительно чихнула, так что весь вагон вздрогнул от неожиданности.

– Это у меня от папы, – смущенно проговорила она, – как ни пыталась, ничего не могу с собой поделать. Нам еще долго ехать?

– Не больше получаса.

– Мы ведь не уверены, что этот документ как-то связан с моим кулоном, правда?

– Нет, конечно, но я вообще никогда ни в чем не уверен, я зарекся от этого.

– Тем не менее ты хочешь верить в то, что связь между ними существует, – продолжала она.

– Кейра, когда мы ищем в бескрайнем пространстве очень маленький объект, например бесконечно удаленный от нас источник света, или стараемся уловить звук, доносящийся до нас из самых недр Вселенной, мы можем быть уверены только в одном – в нашем желании совершить открытие. Я знаю, ты чувствуешь то же самое, занимаясь своими раскопками. Итак, пока мы еще ничего не нашли, а потому не можем утверждать, что движемся в правильном направлении, мы лишь обнаружили, что оба обладаем чутьем, которое заставляет нас в это верить. А это уже неплохо, правда?

По-моему, я не сказал ничего важного, да и вид вокзала в Эшфорде не располагал к романтике, но именно в тот миг Кейра вдруг повернулась ко мне, обхватила ладонями мое лицо и поцеловала меня так, как никогда прежде не целовала.

Потом я несколько месяцев подряд мысленно возвращался к этой минуте, и не только потому, что она была одним из лучших воспоминаний моей жизни. Я напрасно пытался понять, что я такого сказал, чтобы вызвать у Кейры сильнейший взрыв чувств. Однажды я даже набрался смелости и спросил ее об этом, но вместо ответа получил только прелестную улыбку. В принципе меня это тоже вполне устроило. Я счел за благо отложить мой вопрос на неопределенный срок, а пока что раз за разом переживать тот поцелуй на фоне вокзала в Эшфорде ясным летним днем.

Париж

Айвори присел за мраморную шахматную доску, украшавшую его гостиную, и переставил коня на другую клетку. В его коллекции были очень старые шахматы, самые красивые он хранил у себя в спальне – например персидские одноцветные, изготовленные из слоновой кости в шестом веке. От древней индийской игры под названием чатуранга – игра четырех королей – шахматы унаследовали доску, разделенную на квадраты, по восемь с каждой стороны. В этих шестидесяти четырех клетках отражался ход эпох и столетий. Противопоставление белого и черного появилось позднее. Индийцы, персы и арабы играли на расчерченном квадратами однотонном поле, иногда даже прямо на земле. Это потом шахматы превратились в светскую игру, а изначально в ведической Индии схема шахматной доски служила основой планов, по которым возводились храмы и города. Она символизировала

космический порядок, а четыре центральные клетки соответствовали богу-творцу.

Шуршание факса вывело Айвори из задумчивости. Он направился в библиотеку, где стоял аппарат, дождался, пока выползет листок с текстом, и взял его.

Это был текст на очень древнем африканском языке, к нему прилагался перевод. Отправитель послания просил адресата тут же перезвонить ему, как только тот прочтет документ. Айвори немедленно набрал его номер.

– Она приходила ко мне сегодня, – сообщил ему собеседник.

– Она была одна?

– Нет, ее сопровождал какой-то красавчик англичанин. Вы успели взглянуть на документ?

– Да, только что, а потом сразу вам позвонил. Вы сами сделали перевод?

– Насколько это было возможно в столь сжатые сроки.

– Прекрасная работа. Считайте, что ваши денежные проблемы остались в прошлом.

– Можно вас спросить, почему вас так интересует Кейра и насколько важен этот текст?

– Нет, если вы хотите, чтобы обещанная сумма завтра же пополнила счет вашей типографии.

– Я пытался связаться с ней несколько минут назад. Ее сестра вцепилась в меня мертвой хваткой, но перед этим успела сообщить, что Кейра уехала в Лондон. Чем еще я могу быть вам полезен, месье?

Закончив разговор, Айвори вернулся в гостиную. Не выпуская текст из рук, он надел очки и начал, в свою очередь, шлифовать перевод. В первую же строчку он внес кое-какие изменения.

Лондон

Идея пожить несколько дней вдвоем в моей квартире пришлась мне по душе. Кейра, воспользовавшись теплой погодой, пошла прогуляться по улочкам Примроуз-Хилл. Оставшись в одиночестве, я тут же позвонил Уолтеру.

– Прежде чем вы что-то скажете, Эдриен, хочу вас предупредить, что я сделал все, что мог. Имейте в виду, найти переводчика с геэза на

рынке Пимлико, равно как и на рынке Кемдэна, невозможно, и, как я убедился, желтые страницы справочника о них тоже почему-то ничего не сообщают.

Я задержал дыхание: меня совсем не радовала перспектива признаться Кейре, что я ее обманывал, и все ради того, чтобы увести ее подальше от этого Макса, который увивался за ней.

– Говорил ли я вам, Эдриен, что дружить с таким человеком, как я, – это редкое везение? Мне удалось разыскать человека уникальных способностей, и он, без сомнения, сумеет вам помочь. Я обладаю такой недюжинной проницательностью, что сам себе порой удивляюсь. Представьте себе, я рассказал о вас и вашей проблеме одной моей знакомой, близкий родственник которой каждое воскресенье посещает православную эфиопскую церковь Святой Марии Сионской. Этот мужчина переговорил с тамошним священником, поистине святым человеком, чья эрудиция не знает границ. Заметьте, он не только служитель Церкви, но еще и историк, и известный философ. Двадцать лет назад он попросил политического убежища в Англии, и вскоре его признали одним из самых крупных специалистов в той сфере, которая вас интересует. Мы встречаемся с ним завтра утром. А теперь можете сказать: «Уолтер, вы гений».

– А ваша знакомая, которой мы так обязаны, кто она?

– Мисс Дженкинс, – ответил Уолтер, слегка смутившись.

– Вот так новость! Я счастлив вдвойне. Уолтер, вы гений!

Я был так рад снова услышать голос Уолтера, что пригласил его вечером прийти ко мне домой. Во время ужина они с Кейрой быстро нашли общий язык. Мы по очереди рассказывали Уолтеру о наших приключениях, иногда весьма неприятных, в долине Омо, потом в Небре, не забыв упомянуть Франкфурт и Париж. Мы показали ему документ из Национальной библиотеки Германии и перевод Макса. Он прочитал все очень внимательно, хотя смысла так и не понял. Всякий раз, оставаясь со мной наедине на кухне или за столом, когда Кейра выходила, Уолтер уверял меня, что она великолепна, сногсшибательна и восхитительна, из чего я сделал вывод, что он полностью подпал под ее обаяние, а обаяния ей было не занимать.

Единственное, о чем Уолтер забыл нас предупредить, – это что нам придется сначала присутствовать на службе и только потом поговорить со священником. Должен признаться, в воскресенье я отправился туда крайне неохотно, тем более что с самого детства мои отношения с Богом как-то не сложились; однако в то утро в церкви я испытал неподдельное волнение. Прекрасное пение и искреннее благоговение молящихся тронули меня. В этой церкви безраздельно царила доброта. Когда служба закончилась и скамьи начали пустеть, священник подошел к нам и пригласил пройти с ним.

Маленького роста, сгорбленный, он словно склонился к земле под тяжестью исповедей своих прихожан, а может, своего прошлого, отмеченного войнами и геноцидом. Казалось, в нем не было ни грана зла. Взгляд его проникал в самую душу. Слыша его низкий чарующий голос, вы могли бы пойти за ним куда угодно.

– Это документ по меньшей мере удивительный, – сказал он, дважды прочитав текст.

Меня озадачило то, что священник даже не взглянул на переводы.

– Вы уверены в его подлинности? – спросил он меня.

– Да.

– Основная проблема здесь не перевод, а толкование. Ведь стихи не переводят слово за слово, не так ли? То же правило распространяется и на древние писания. Нетрудно догадаться, чего люди хотят от священных текстов. Впрочем, человек может не задумываясь извратить благое слово, злоупотребить им, чтобы незаконно завладеть властью и добиться от своих приверженцев чего пожелает. Священные писания не пугают, не повелевают, они лишь указывают путь и оставляют человеку право выбрать того, кто поведет его – но не по жизни, а к жизни. Тот, кто утверждает, будто способен проникнуться словом Божьим и пронести его через века, часто неправильно его понимает и злоупотребляет простодушием тех, кем управляет.

– Зачем вы все это говорите, святой отец? – спросил я.

– Затем, что я хотел бы знать ваши намерения, прежде чем рассказать вам о свойствах этого текста.

Я объяснил, что я по профессии астрофизик, а Кейра – археолог, и священник, к моему удивлению, предсказал, что наше сотрудничество будет иметь важные последствия.

– Вы оба ищете то, понимание чего приводит в ужас. Вы уверены, что вас не сломят те ответы, которые вы найдете во время ваших странствий?

– А что такого ужасного нас может ожидать?

– Огонь – верный союзник человека, но он опасен для ребенка, не ведающего, как с ним обращаться. Таковы и некоторые знания. По меркам истории, люди пока еще совсем дети. Бросьте взгляд на наш мир, и вы увидите, как мы невежественны.

Уолтер заверил святого отца, что и Кейра и я – вполне приличные люди и нам можно доверять. Священник улыбнулся.

– И что же вы знаете о Вселенной, господин астрофизик? – обратился он ко мне.

В его вопросе не было высокомерия, а в тоне – самодовольства, и, прежде чем я успел ответить, он дружелюбно посмотрел на Кейру и спросил у нее:

– Вот вы считаете, что моя страна – колыбель человечества, а вы не думали почему?

Мы надеялись, что он выслушает наши умные и достойные ответы, однако вместо этого он задал нам третий вопрос:

– Вы действительно верите в случайность вашей встречи и думаете, что подобный документ мог приплыть к вам в руки также совершенно случайно?

– Не знаю, святой отец, – пробормотала Кейра.

– Вы археолог, мисс, скажите, вы верите, что человек открыл огонь или что огонь был дан человеку, когда настал подходящий момент?

– Я верю в то, что нарождающийся разум позволил человеку приручить огонь.

– Значит, вы назвали бы это провидением?

– Если бы верила в Бога – наверное.

– Вы не верите в Бога, но обращаетесь к служителю Церкви, чтобы проникнуть в тайну, которая непостижима для вас. Не забывайте об этом парадоксе, прошу вас, вы вспомните о нем, когда настанет момент.

– Какой момент?

– Когда вы поймете, куда ведет вас эта дорога, потому что сейчас ни один из вас этого не знает. Иначе пошли бы вы по ней?

Сомневаюсь.

– Святой отец, я не понимаю, о чем вы толкуете. Вы могли бы прояснить нам смысл этого текста? – дерзнул я прервать его.

– Вы не ответили на мой вопрос, господин астрофизик. Так что же вы знаете о Вселенной?

– Очень много, уверяю вас, – ответил вместо меня Уолтер. – Я несколько недель был его учеником, и вы даже представить себе не можете, какую массу знаний мне пришлось усвоить, я даже не сумел удержать все в памяти.

– Цифры, имена звезд, положение в пространстве, расстояния, движение – все это не более чем констатация фактов. Вы и ваши коллеги только предполагаете, но пока не понимаете. Вы можете мне объяснить, что такое бесконечно большие или бесконечно малые величины? Знаете ли вы, где находятся начало и конец? Представляете ли себе, кто мы такие, что значит быть человеком? Сумеете ли вы растолковать шестилетнему ребенку, что такое разум, о котором упомянула мисс, – тот самый разум, благодаря которому человек приручил огонь?

– Почему именно шестилетнему ребенку?

– Потому что, если вы не можете объяснить какое-либо понятие шестилетнему ребенку, значит, вы сами не понимаете смысла этого понятия.

Священник впервые повысил тон, и эхо его голоса разнеслось по всему храму Святой Марии.

– Мы все на этой планете – шестилетние детишки, – проговорил он уже спокойно.

– Нет, я не могу ответить ни на один из ваших вопросов, святой отец, и никто не может.

– Пока нет, но позже, когда вы получите ответы на них, будете ли вы оба готовы услышать их и понять?

Старик произнес эти слова и вздохнул, словно охваченный печалью.

– Вы хотите, чтобы я показал вам путь? Есть только два способа понять, что такое свет, и только два способа достичь его. Человеку известен только один из них. Именно поэтому для него так важен Бог. Ребенку шести лет, который спросит вас о том, что такое разум, вы сможете дать единственный ответ: это любовь. Эта идея еще долго

будет за пределами нашего понимания. Вы готовы перейти ту границу, откуда путь назад невозможен. Когда вы узнаете, будет поздно идти на попятную. Именно поэтому я снова задаю вам мой вопрос. Готовы ли вы перейти границы вашего собственного разума, набраться смелости отринуть ваш человеческий удел, как если бы вы расставались с детством? Понимаете ли вы, что увидеть своего отца – это не то же самое, что узнать его? Согласитесь ли вы стать сиротами, потеряв того, кто поднял вас до положения человека?

Ни я, ни Кейра не нашлись, что ответить этому странному человеку. Мне бы хотелось понять, что этот мудрец пытался донести до нас, угадать, от чего он пытался нас уберечь. Если бы я только знал…

Он снова склонился над листом бумаги, опять вздохнул и пристально посмотрел на меня и на Кейру.

– Вот как надо читать этот текст, – начал он.

Витражное окно в нефе разлетелось от микроскопического, не более девяти миллиметров, взрыва. Крохотный снаряд пролетел через церковь со скоростью тысяча метров в секунду. Пуля пронзила затылок священника, разорвала яремную вену и расплющилась о второй шейный позвонок. Старик открыл рот, хватая воздух, и рухнул на пол.

Мы не услышали ни звука выстрела, ни звона разбившегося витража над нефом. Если бы не увидели, как изо рта несчастного потянулась по полу струйка крови, как кровь стала заливать его шею, мы решили бы, что священник просто упал в обморок. Кейра отскочила назад, а Уолтер заставил ее нагнуться и потащил к дверям храма.

Священник лежал вниз лицом, его рука вздрагивала, а я замер над ним, парализованный образом надвигавшейся смерти. Я встал на колени и перевернул его на спину. Его взгляд остановился на распятии, мне показалось, что он улыбнулся. Он посмотрел в сторону и заметил лужу крови, разлившуюся вокруг него. По его глазам я понял, что он велит мне наклониться к нему.

– Спрятанные пирамиды, – прошептал он, с трудом сделав вдох, – знание, другой текст. Если однажды вы его найдете, оставьте его почивать с миром, прошу вас, слишком рано будить его, не допустите непоправимого.

Это были его последние слова.

Оставшись совсем один в этом пустынном храме, я услышал доносящийся издали голос Уолтера: он умолял меня уйти из церкви. Я осторожно закрыл глаза святому отцу, подобрал текст, запачканный кровью. Оглушенный, я побрел к выходу.

Кейра сидела на ступеньках паперти, она смотрела на меня, не веря в произошедшее и дрожа всем телом; видно, она надеялась, что я сейчас скажу, что все это был просто кошмарный сон, что я щелкну пальцами и она вернется в реальность, но нас привел в чувство Уолтер:

– Пошли отсюда, вы слышите? Пора прийти в себя, сейчас не время распускаться. Черт подери, Эдриен, займитесь наконец Кейрой, и бежим поскорее. Если убийца где-то здесь, он вряд ли захочет оставлять в живых трех свидетелей, а мы у него как на ладони.

– Если бы нас хотели убить, мы были бы уже мертвы.

Лучше бы я молчал: небольшой камень вдребезги разлетелся прямо у моих ног. Я схватил Кейру за руку, и мы помчались прочь, а Уолтер – следом за нами. Мы всё бежали и бежали до полного изнеможения. В конце Купер-Лейн показалось такси. Уолтер заорал что было мочи, и на машине загорелись задние габаритные огни. Водитель спросил, куда нас везти. Мы не сговариваясь скомандовали: подальше отсюда!

Мы приехали ко мне, и Уолтер попросил меня сменить рубашку: моя была перепачкана кровью священника. Кейра выглядела не лучше, на ее одежде здесь и там виднелись пятна. Я отвел ее в ванную. Она сняла пуловер, выскользнула из брюк и встала под душ вместе со мной.

Я помню, как направил душ ей на макушку, чтобы вода омыла ее волосы и унесла всю грязь, что пристала к нам сегодня. Она приникла к моей груди, и постепенно теплые струйки воды согрели нас. Кейра подняла глаза и внимательно на меня посмотрела. Мне хотелось бы сказать ей что-нибудь ободряющее, но у меня ничего не получилось, и только мои руки легонько скользили по ее телу, успокаивая ее, и эти ласковые прикосновения словно стирали последние следы страха.

Вернувшись в гостиную, я принес чистую одежду для Уолтера.

– Нам надо остановиться, – прошептала Кейра. – Сначала старый вождь, теперь священник. Что же мы такое натворили, Эдриен?

– Убийство этого человека не имеет ничего общего с вашими странствиями, – заявил Уолтер, вернувшись в гостиную, где мы сидели. – Он же бежал из страны по политическим мотивам, и это уже не первое покушение на его жизнь. Мисс Дженкинс рассказывала мне о нем: он давал пресс-конференции, боролся за мир, добивался примирения враждующих племен на востоке Африки. Между прочим, у борцов за мир всегда много врагов. А мы просто оказались в неудачное время в неудачном месте.

Я предложил отправиться в полицию: возможно, наши показания помогут следствию. Нужно найти негодяев, совершивших это злодейство.

– А какие мы можем дать показания? – спросил Уолтер. – Вы что-нибудь видели? Никуда мы не пойдем! Ваши отпечатки повсюду, Эдриен, сто человек могут засвидетельствовать, что мы присутствовали на службе и мы последними говорили со святым отцом, перед тем как его застрелили.

– Уолтер прав, – подхватила Кейра, – мы же сразу скрылись, они захотят знать почему.

– Потому что в нас стреляли, разве это недостаточно веская причина для бегства? – вспылил я. – Если этому человеку угрожала опасность, почему правительство не обеспечило ему защиту?

– Вероятно, он сам не хотел, – предположил Уолтер.

– И в чем же, вы полагаете, нас станет подозревать полиция? Я лично не вижу, как она может связать нас с этим убийством.

– А я вижу! – тихо проговорила Кейра. – Я не один год провела на родине этого человека, в Эфиопии. Я работала в приграничных районах, где живут его враги, а этого достаточно, чтобы следователи заподозрили меня в том, что я поддерживала контакт с заказчиками убийства. Прибавьте к этому возможные расспросы о том, почему я так поспешно покинула долину Омо, – и что я на это отвечу? Что внезапная кончина вождя племени, на землях которого мы жили, вынудила меня убираться подобру-поздорову? Что, доставив тело его соплеменникам, я сбежала как преступница, не сообщив о смерти вождя кенийским властям? Что мы оба были там, когда старик умер, и на месте гибели священника мы оказались тоже вместе? Ты прав, полицейские придут в восторг от нашей истории! Что ж, пойдем в полицию, только не уверена, что мы вернемся к ужину!

Я изо всех сил старался убедить их, что такое ужасное развитие событий невозможно, но Уолтер полностью поддержал Кейру.

– Эксперты-криминалисты быстро установят, что выстрел произведен снаружи, у нас нет причин беспокоиться, – настаивал я, но все напрасно.

Уолтер носился по комнате взад-вперед, наморщив лоб. Он направился к консоли, где у меня стояли бутылки с выпивкой, и налил себе двойную порцию шотландского виски.

– Кейра перечислила все причины, по которым из нас получатся идеальные преступники. То есть подозреваемые, которые во всех отношениях устроят власти и позволят им быстренько завершить следствие. Это успокоит общественное мнение. Полицейские будут на седьмом небе, они отрапортуют, что убийцы священника задержаны, а главное, что эти люди – европейцы.

– Но почему? Ведь это же абсурд!

– Чтобы в кварталах, где он жил, не разгорелся мятеж, чтобы предотвратить межэтнические столкновения, – пояснила Кейра, проявив куда большую политическую осведомленность, чем я.

– Ну ладно, не стоит видеть все в черном цвете, – снова заговорил Уолтер. – Конечно, может так случиться, что нас оправдают. Но ведь понятно, что люди, совершившие убийство служителя Церкви, вряд ли захотят оставить свидетелей в живых. Если наши физиономии появятся в таблоидах, я гроша ломаного не дам за наши шкуры.

– Ага, значит, вы не видите все в черном цвете?

– Да нет, это еще пустяки. Если вы действительно желаете сгустить краски, я вам сейчас поведаю о наших с вами перспективах. Сначала о Кейре: прибавьте к смерти старого вождя племени странное убийство священника в Лондоне – и в итоге вам больше никогда не работать в Эфиопии. А теперь о нас с вами, Эдриен: вы только представьте себе реакцию членов академического совета, когда станет известно, что мы замешаны в таком кровавом деле. Поверьте, нам следует как можно быстрее забыть об этой истории и подождать, пока все уляжется.

Когда Уолтер договорил, мы все на некоторое время застыли, не произнося ни слова и только переглядываясь. Наверное, все скоро успокоится, но нам-то никогда не забыть сегодняшнее ужасное утро. Стоило мне закрыть глаза, как передо мной возникал образ

умирающего на моих руках священника, его светлый взор на пороге иного мира. Я запомнил его последние слова: «Спрятанные пирамиды, знание, другой текст. Если однажды вы его найдете, прошу вас, оставьте его почивать с миром, слишком рано будить его».

– Эдриен, ты разговариваешь во сне.

Я вздрогнул и сел на кровати.

– Прости, – шепнула Кейра, – я не хотела тебя пугать.

– Это ты меня прости, наверное, мне приснился кошмар.

– Везет тебе, ты хотя бы видишь кошмары во сне, а я не могу сомкнуть глаз.

– Тебе надо было меня раньше разбудить.

– Мне нравится на тебя смотреть.

Комната утопала в полумраке, в ней было слишком жарко. Я поднялся и широко распахнул окно. Кейра взглядом следила за мной. Эта светлая летняя ночь не скрывала очертаний ее тела. Она откинула одеяло и улыбнулась.

– Иди ложись, – позвала она.

Ее кожа имела привкус соли, ложбинка между грудями пахла карамелью; мои губы нежно касались ее пупка: он был так прекрасен, что я не мог от него оторваться. Я пробежался пальцами по ее животу и поцеловал влажную кожу. Кейра обхватила ногами мои плечи и стала гладить ступнями спину. Потом взяла меня за подбородок и чуть потянула вверх, к своим губам. Под окном весело распевал скворец, казалось, он подстраивается под ритм нашего дыхания. Когда птичка замолкала, Кейра переставала дышать, отстраняла меня на мгновение, упираясь руками в мои плечи, потом опять крепко прижимала к себе.

Воспоминание о той ночи не отпускает меня до сих пор, эта близость изгнала ощущение смерти. Я знал, что ни с одной девушкой мне не пережить подобного, и от одной этой мысли мне делалось страшно.

Над тихой улицей занимался день. Обнаженная Кейра подошла к окну.

– Нам надо уехать из Лондона, – сказала она.

– И куда?

– Туда, где поля купаются в море, – в дальний уголок Корнуолла. Ты знаешь Сент-Моус?

– Я никогда там не бывал.

– Сегодня ночью ты говорил во сне странные вещи, – немного помолчав, произнесла она.

– Мне снились те слова, что произнес священник, прежде чем уйти.

– Он не ушел, он умер! Как и мой отец – хотя священник во время отпевания сказал, что он отправился в долгое путешествие. Умереть – вот четкое и понятное слово, покойник лежит в могиле, и больше он нигде не может находиться.

– Ребенком я воображал, что каждая звездочка – это отлетевшая душа, которая теперь сияет на небе.

– С начала времен на небесах появилось бы слишком много таких звезд.

– Их там сотни миллиардов, а это куда больше, чем когда-либо жило людей на нашей планете.

– В таком случае все может быть. Только мне быстро бы наскучило мигать в холодной пустоте космоса.

– Просто на мир можно смотреть и так. Я не знаю, что ждет нас потом, я об этом редко думаю.

– А я постоянно. Наверное, это неотъемлемая часть моего ремесла. Каждый раз, выкопав какие-нибудь останки, я задаю себе один и тот же вопрос. Кусок бедренной кости да несколько зубов – вот и все, что остается от человеческой жизни, но мне трудно с этим смириться.

– Кейра, от нас остаются не только фрагменты костей, но и воспоминание о том, какими мы были. Когда я вспоминаю об отце, когда вижу его во сне, я отнимаю его у смерти, как будто пробуждаю от сна.

– В таком случае моему отцу спать почти не приходится, – сообщила мне Кейра, – я его то и дело беспокою.

Кейре захотелось съездить в Корнуолл, и мы крадучись вышли из дома, стараясь не разбудить Уолтера, сладко спавшего в гостиной. Мы оставили ему записку: пообещали, что быстро вернемся.

Мой старый автомобиль, видимо, с нетерпением ждал меня в гараже: он завелся с полоборота. В полдень мы уже вовсю катили

среди полей и холмов, опустив стекла. Кейра распевала во весь голос, ухитряясь перекрывать шум ветра, гулявшего по салону машины.

В тринадцати километрах от Солсбери мы заметили в отдалении каменные сооружения Стоунхенджа, их массивные очертания четко выделялись на горизонте.

– Ты там была? – спросил я Кейру.

– А ты?

– У меня есть друзья-парижане, ни разу не поднимавшиеся на Эйфелеву башню, есть другие, ньюйоркцы, ни разу не побывавшие на небоскребе Эмпайр-стейт-билдинг. И вот теперь я, англичанин, вынужден признаться в том, что нога моя не ступала на землю Стоунхенджа, куда стекаются туристы со всего мира.

– Если это тебя утешит, я тоже недоучка, – доверительным голосом сообщила мне Кейра. – Может, сходить туда?

Я знал, что доступ к этому древнему памятнику, чей возраст составляет по меньшей мере четыре тысячи лет, строго ограничен. Когда он открыт, посетители проходят по огороженной дорожке, перемещаясь по сигналу свистка, в который старательно дует гид. Отклоняться от заданного маршрута строго воспрещается. Я сомневался, что нам позволят свободно там разгуливать.

– Но ты ведь сам сказал, уже вечереет, еще час – и солнце скроется за горизонтом. Кроме того, я не вижу вокруг ни души, – убеждала меня Кейра, которую любые запреты только забавляли.

После вчерашних страшных событий мы имели право немного развлечься. Ведь не каждый день в нас стреляют. Я повернул руль и съехал на узкую дорогу, ведущую к площадке, на которой возвышались древние камни. Нам преградила путь изгородь из железной проволоки. Я выключил мотор, Кейра вышла из машины и пересекла пустынную автостоянку.

– Иди сюда, тут пролезть проще простого, – радостно окликнула она меня.

Надо было просто опуститься на землю и проползти под проволокой. Опасаясь, как бы при нашем вторжении не сработала сигнализация, я огляделся, но не заметил ни камер наблюдения, ни какого-либо другого подобного устройства. В любом случае у меня не осталось времени на раздумье: Кейра ждала меня с другой стороны ограды.

Стоунхендж произвел на меня еще более сильное впечатление, чем я ожидал. Первый, наружный, пояс дольменов представлял собой круг диаметром сто десять метров. Какое волшебство помогло людям того времени построить такое сооружение? Вокруг нас раскинулась плоская равнина – ни единого валуна, ни единой скалы. Каждый дольмен внешнего периметра весил, судя по всему, несколько десятков тонн. Как же древние строители втащили туда эти камни, как взгромоздили их друг на друга?

– Диаметр второго круга составляет девяносто восемь метров, – сказала Кейра. – Он был размечен при помощи веревки, что по тем временам почти невероятно. Третье кольцо состоит из пятидесяти шести камер, названных «лунками Обри»[16]; все они устроены на равном расстоянии одна от другой. В них нашли древесный уголь и обугленные останки, и это позволяет сделать вывод, что эти камеры использовались для кремации. Что-то вроде места для совершения погребальных обрядов.

Я не мог прийти в себя от изумления:

– Откуда ты все это знаешь?

– Я же археолог, а не молочница, в противном случае я рассказала бы тебе, как из молока получается сыр.

– И твоя эрудиция охватывает все места раскопок в мире?

– Ну, Эдриен, это ведь все-таки Стоунхендж! Это проходят в школе.

– И ты помнишь все, чему тебя учили в школе?

– Нет, но то, что минуту назад прочла на табличке, помню хорошо. Кстати, она прямо за мной. Вот так я тебя надула.

Мы пошли дальше, к центру монументального комплекса, и пересекли круг из синих камней. Позже я узнал, что первоначально он состоял из семидесяти пяти глыб голубоватого песчаника – из семидесяти пяти огромных камней, самый крупный из которых весил пятьдесят тонн. Из камней был собран гигантский остов, но как установили вертикальный опорный камень и как уложили перекрытия? В молчании мы любовались этим сказочным чудом. Солнце садилось за горизонт, испуская лучи, проходившие сквозь каменные портики. И вдруг дольмен, расположенный в самом центре, начал искриться. Длилось это всего мгновение, сияние было невероятное.

– Некоторые считают, что Стоунхендж построили друиды, – сказала Кейра.

Я вспомнил, что когда-то читал несколько статей в научно-популярных журналах. Стоунхендж разжигал любопытство во многих умах, по поводу его постройки выдвигалось множество разных теорий, от самых безумных до самых взвешенных. Но какая из них самая правдивая? И вот уже наступил двадцать первый век, то есть прошло около четырех тысяч восьмисот лет с того времени, как началась постройка этого памятника, сорок восемь веков с тех пор, как появились первые насыпи, – но никто так и не сумел объяснить, для чего предназначалось это сооружение. Зачем люди, жившие здесь в давние времена, вложили столько сил в эту постройку? Скольким из них пришлось ради нее пожертвовать жизнью?

– Некоторые полагают, что камни расставлены здесь для того, чтобы с их помощью производить астрономические расчеты. Расположение каменных глыб позволяло определить время зимнего и летнего солнцестояния.

– Как при помощи диска из Небры? – спросила Кейра.

– Да, как при помощи диска из Небры, только значительно больших размеров, – задумчиво ответил я.

Она стала пристально вглядываться в небо. В тот вечер звезды скрылись за тучами, с моря заходили сплошные дождевые облака. Она резко повернулась ко мне:

– Ты можешь повторить мне последние слова священника?

– Я только начал их забывать. Ты уверена, что хочешь вернуться к этой теме?

Она мне не ответила и правильно сделала: я только взглянул ей в лицо и сразу узнал особое, только ей присущее выражение упорства.

– Он говорил о спрятанных пирамидах, о другом тексте, о ком-то, кого не нужно будить… если мы поймем. Но что мы должны понять, я не знаю!

– Треугольники и пирамиды – они ведь похожи, разве не так? – воскликнула Кейра.

– С геометрической точки зрения – несомненно.

– А о пирамидах разве не говорят, что они связаны со звездами?

– Конечно, что касается пирамид майя, то они говорят о храме Луны и храме Солнца. Ты же археолог, ты должна знать это лучше

меня.

– Но пирамиды майя не спрятаны, они на виду, – медленно произнесла она.

– На свете много мест раскопок, которые – по праву или по ошибке – считаются астрономическими объектами. Может быть, Стоунхендж был чем-то вроде гигантского диска из Небры, но его форма вовсе не пирамидальная. Осталось всего-навсего узнать, где находятся те пирамиды, которые еще не найдены.

– Я смогу ответить на твой вопрос, когда люди перекопают все пустыни, когда изучат все непроходимые джунгли и исследуют дно океанов.

Небо пронзила яркая вспышка, а через несколько секунд прогремел гром.

– У тебя есть зонтик? – спросила Кейра.

– Нет.

– Тем лучше.

Мадрид

В конце дня в аэропорту Барахас приземлился частный самолет. Он встал на отведенное ему место на стоянке. Вакерс с непроницаемым видом первым спустился по трапу. Присоединившийся к нему в Риме Лоренцо шел следом, сэр Эштон появился последним. У выхода из зала для особо важных персон их ждал лимузин. Машина доставила их в центр города. Они вошли в одну из двух наклонных башен, именуемых «Воротами Европы».

Исабель Маркес – Мадрид – встретила их в просторном зале с плотно занавешенными окнами.

– Берлин и Бостон присоединятся к нам немного позже, а Москва и Рио должны появиться с минуты на минуту, они задержались из-за неблагоприятных погодных условий.

– Нас тоже изрядно болтало, – сообщил сэр Эштон.

Он подошел к консоли, где стоял поднос с прохладительными напитками, и налил себе полный стакан воды.

– Сколько нас сегодня будет?

– Если из-за надвигающейся грозы власти не распорядятся закрыть аэропорт, за этим столом нас соберется тринадцать.

– Итак, позавчера операция завершилась провалом, – констатировал Лоренцо, падая в кресло.

– Не совсем так, – возразил сэр Эштон, – этот священник, возможно, знал куда больше, чем мы предполагали.

– Как получилось, что ваш человек не попал в цель?

– Она находилась в двухстах метрах от него, и ему пришлось пользоваться тепловизором. Так что я могу сказать только одно: «Errare humanum est»[17].

– Его неловкость привела к гибели служителя Церкви. Я нахожу, что ваша латинская шутка весьма неуместна. Полагаю, что те, в кого вы целились, теперь будут очень осторожны.

– Нам об этом ничего не известно, но мы сразу приняли меры и, ослабив узду, стали следить за ними издали.

– Скорее вам следовало бы признать, что вы потеряли их след.

Исабель Маркес встала между Лоренцо и сэром Эштоном.

– Мы собрались здесь не для того, чтобы спорить, но чтобы выработать линию дальнейшего поведения, ведь у нас впереди нелегкий путь. Подождем, пока прибудут остальные, и постараемся работать слаженно. Нам предстоит принять несколько важных решений.

– Не вижу ни малейшего смысла в этом собрании, – проворчал сэр Эштон. – Мы и так прекрасно знаем, какие решения принимать.

– Не все придерживаются того же мнения, что и вы, сэр Эштон, – заявила женщина, только что вошедшая в зал.

– Добро пожаловать к нам, Рио!

Исабель поднялась, чтобы встретить гостью.

– Москва не с вами?

– Я уже здесь, – произнес Василий с порога.

– Надеюсь, мы не станем ждать до бесконечности тех, кто опаздывает! – снова заворчал сэр Эштон.

– Давайте не будем ждать, однако тогда мы не сможем поставить на голосование ни одно из обсуждаемых решений, – предупредила Исабель.

Сэр Эштон занял место в конце стола справа от Лоренцо, Василий уселся слева от него, рядом сел Париж, а напротив него – Вакерс. В течение получаса прибыли и все остальные: Берлин, Бостон, Пекин,

Каир, Тель-Авив, Афины и Стамбул. Комитет собрался в полном составе.

Сначала Исабель поблагодарила гостей за то, что сумели собраться в Мадриде. Необходимость этой встречи вызвана довольно серьезными причинами, сказала она. Некоторые из членов комитета однажды уже сталкивались с подобной ситуацией много лет назад, а другим, сменившим на посту своих предшественников, таким как Рио, Тель-Авив и Афины, придется разбираться в этом деле впервые.

– Личные инициативы привели к тяжелым последствиям. Мы сможем управлять этими двумя учеными, только принимая совместные решения и оказывая друг другу всемерную помощь.

Афины запротестовал: инцидент в Ираклионе произошел случайно. Сэр Эштон и Лоренцо молча переглянулись.

– Не понимаю, в чем вы видите неудачу операции, – жестко сказал Москва. – В Небре никто не собирался их убирать, только немного припугнуть.

– Может, нам следует вернуться к проблеме, из-за которой мы все сегодня собрались? – напомнила Исабель. – Теперь нам известно, что теории одного из наших коллег, чье упорное желание убедить нас стоило ему отставки, оказались не столь нелепыми, как нам представлялось, – продолжала она.

– Мы предпочли поверить в то, что он заблуждается, потому что нам так было удобнее, – обронил Берлин. – Если бы мы тогда не отказали ему в тех деньгах, о которых он просил, мы бы сейчас не попали в такое положение. Все было бы у нас под контролем.

– Значит, по-вашему, этот безумный Айвори прав во всем! И что вас заставляет так думать? Может, второй предмет, взявшийся неведомо откуда? – воскликнул сэр Эштон.

– Как бы то ни было, сэр Эштон, никто не давал вам разрешения покушаться на жизнь этого ученого, – вспылила Рио.

– С каких пор нужно спрашивать разрешения, чтобы действовать на своей собственной территории, да еще и против жителей этой же страны? Может, у нас появилось какое-то новое правило, а я этого не заметил? Между прочим, наши немецкие друзья позвали на помощь Москву, хотя операция проводилась на их земле. Я считаю, это их дело, и не смейте читать мне нотации.

– Остановитесь, прошу вас! – вмешалась Исабель.

Афины встал и оглядел собравшихся:

– Давайте перестанем притворяться и попытаемся наверстать упущенное. Теперь мы знаем, что существует не один, а два предмета; возможно, они дополняют друг друга. Совершенно очевидно, что Айвори оказался прав, как бы это ни раздражало сэра Эштона. Отныне нам не следует забывать, что, вероятно, существуют и другие подобные предметы, только мы пока не знаем где. Положение таково: мы ясно отдаем себе отчет в том, что эти предметы могут представлять угрозу, если их соединить или если допустить, чтобы о них и их предполагаемых свойствах узнало население. Однако хочу отметить, что благодаря этим предметам мы сможем многое узнать. В нашем распоряжении пара ученых, и они, вероятно – подчеркиваю, вероятно, – находятся на пути к остальным фрагментам. Будем надеяться, что, несмотря на досадные промахи отдельных людей, эти двое не подозревают о слежке. Мы позволим им продолжать изыскания, и это ничего не будет нам стоить. Когда они добьются успеха, нам останется только перехватить их в нужный момент и завладеть результатом их трудов. Готовы ли мы к тому, что они могут ускользнуть от нас – что маловероятно, если мы станем действовать слаженно, как нам советует Мадрид, – или предпочтем немедленно положить конец их любознательности, как хотелось бы сэру Эштону? Причем мы имеем в виду не просто убийство двух видных ученых. Итак, следует ли нам предпочесть неведение, поскольку мы боимся, как бы их находка не поставила под угрозу сложившийся миропорядок? Примкнем ли мы к лагерю гонителей Галилея и Коперника?

– Труды Галилея и Коперника не привели и к тысячной доле тех последствий, которые может вызвать открытие нашего астрофизика и его подружки-археолога, – возразил Пекин.

– Никто из нас не в состоянии справиться с этими последствиями, равно как и подготовить к этому свою страну. Нам надо в кратчайшие сроки и любыми способами отбить желание у этой парочки продолжать поиски, – сурово проговорил сэр Эштон.

– Афины высказал разумные соображения, которые мы должны принять во внимание. С тех пор как тридцать лет назад мы получили первый фрагмент, у нас нет ничего, кроме предположений. Уместно ли будет напомнить коллегам, что долгое время этот предмет считался

единственным? У этого астрофизика с его подругой-археологом, возможно, больше шансов, чем у кого бы то ни было, получить убедительные результаты. Никогда еще никто не додумался объединить усилия двух ученых, имеющих столь несхожие специальности, которые так удачно дополняли бы друг друга. Пусть они продолжают поиски под нашим неусыпным контролем – такая мысль кажется мне более чем разумной. На Земле мы не вечны; если избавимся от этих двоих – а ведь именно этот вопрос мы обсуждаем сегодня, – что нам потом делать? Ждать, когда сами собой найдутся остальные фрагменты? И когда же это случится – через столетие, а может, через два? В сущности, какая разница? Разве вам не хочется стать тем поколением, которое наконец узнает правду? Пусть они ищут дальше, а мы окажемся рядом, когда настанет время, – предложила Рио.

– Я полагаю, все сказано. Давайте голосовать за оба предложения, – подвела итоги Мадрид.

– Прошу прощения, а каковы гарантии, что мы сумеем договориться? – вмешался Пекин.

– Простите, я вас не понимаю.

– Кто будет решать, когда настанет подходящий момент, чтобы перехватить наших ученых? Предположим, Айвори не ошибся, и всего фрагментов пять или шесть. И кто же будет их хранителем, когда они все найдутся?

– Хороший вопрос. Думаю, его тоже следует обсудить, – одобрительно закивал Каир.

– Мы никогда не придем к согласию, вы прекрасно это знаете, – возмутился сэр Эштон. – Вот вам еще одна причина не ввязываться в это безответственное предприятие.

– Как раз наоборот, – подхватил Тель-Авив. – Вот тут-то мы и окажемся в одной упряжке: если один предаст, нам придется всем вместе противостоять катастрофе. Допустим, все предметы будут собраны и загадка разгадана, и однажды эта бомба взорвется. Любой из наших стран придется столкнуться с одними и теми же проблемами, нарушится всеобщее равновесие, и будут затронуты интересы всех в равной степени, включая того, кто нарушит соглашение.

– Я знаю средство уберечь нас от этого.

Взгляды всех собравшихся обратились к Вакерсу.

– Как только у нас в руках окажутся доказательства того, о чем мы все подозревали, я предлагаю вновь разделить фрагменты, по одному на каждый континент. Таким образом мы будем знать, что они никогда не соединятся.

Исабель вновь взяла слово:

– Итак, будем голосовать? Что вы решили?

Все промолчали.

– Позвольте мне сформулировать вопрос следующим образом: кто за то, чтобы немедленно положить конец изысканиям двух молодых ученых?

Сэр Эштон решительно поднял руку, за ним – Бостон, потом, чуть помедлив, Берлин. К ним присоединился Париж, а следом и Лоренцо. Вакерс тяжело вздохнул, но не шелохнулся.

Пять голосов за, восемь против – предложение было отклонено. Сэр Эштон в ярости вскочил из-за стола:

– Похоже, вы не в состоянии оценить степень опасности, которой подвергают нас эти знахари-самоучки! Надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Сэр Эштон, мы правильно вас поняли: вы намерены действовать в одиночку? – сурово спросила Исабель.

– Я уважаю решение комитета, а потому предоставлю в ваше распоряжение все мои возможности и средства, чтобы следить за вашими свободными электронами. Боюсь, мои услуги окажутся совсем нелишними.

И сэр Эштон вышел из зала. Вскоре после этого Исабель Маркес закрыла заседание.

Лондон

Кейра передумала ехать в Сент-Моус. В другой раз, решила она. Мы вернулись в Лондон ночью, в довольно жалком виде. Гроза не обошла нас стороной, мы промокли, но Кейра сказала правду: мы провели незабываемые минуты в Стоунхендже.

Думаю, история соткана из таких моментов, они вплетаются в нее один за другим, и однажды ты ощущаешь, что твое будущее – с этим человеком.

В доме было пусто, теперь уже Уолтер оставил нам записку. Он просил нас связаться с ним, как только мы вернемся.

Мы встретились с ним на следующий день. Я показывал Кейре Академию и повел ее в библиотеку, от которой она пришла в восторг. Там Уолтер и нашел нас. Он поделился с нами потрясающим открытием: ни одна газета не сообщила о гибели священника, пресса обошла молчанием это трагическое происшествие.

– Не знаю, что и думать, – мрачно подвел итог Уолтер.

– Может, они не хотят подливать масла в огонь?

– Где вы видели, чтобы хоть один таблоид отказался печатать материал, который поднял бы его продажи? – усмехнулся Уолтер.

– Или полиция решила замять дело, пока не продвинется в расследовании?

– Во всяком случае, нам легче будет выпутаться, если это событие не получит огласки.

Кейра переводила взгляд с него на меня и обратно и вдруг подняла руку, словно прося позволения вмешаться:

– А вам не приходило в голову, что в храме собирались убить вовсе не священника?

– Конечно приходило! – воскликнул Уолтер. – Я все время об этом думаю, только не возьму в толк, за что вас так невзлюбили.

– Это все из-за моего кулона!

– С причиной кое-как разобрались, теперь давайте подумаем, кому на руку это преступление?

– Тому, кто хочет у меня его отобрать, – продолжала Кейра. – У меня не было случая вам рассказать: квартиру моей сестры грабили, вернее, обшарили. Я тогда не подумала, что это связано со мной, но теперь…

– Теперь ты пытаешься также понять, не хотел ли тот лихач в Небре нас сбить.

– Вспомни, Эдриен, у меня в тот миг было именно такое ощущение.

– Давайте успокоимся, – перебил нас Уолтер. – Я готов признать, что все эти случаи выбивают вас из колеи, а потому вы решили, что ограбить хотели именно вас, и в Небре намеренно покушались на вашу жизнь… однако следует быть рассудительными.

Уолтер сказал это нарочно, чтобы успокоить нас. И вскоре моя догадка подтвердилась: он стал просить нас уехать из Лондона, пока не восстановится спокойствие.

Кейру так потрясло обилие книг в библиотеке Академии, что она как зачарованная ходила между стеллажами и просила у Уолтера разрешения взять том с полки.

– А почему ты спрашиваешь разрешения у него? – поинтересовался я.

– Не знаю, мне кажется, у Уолтера здесь больше авторитета, чем у тебя, – ответила она, поддразнивая меня.

Мой коллега взглянул на меня, не скрывая самодовольства, даже наоборот. Я подошел к Кейре и сел за стол напротив нее. Мы смотрели друг на друга, погрузившись в воспоминания. Время стирает не все, отдельные мгновения навсегда застревают в памяти, и никто вам не скажет, отчего именно эти, а не другие. Может, таким образом жизнь хочет что-то сообщить нам по секрету?

Я нашел брошенный кем-то листок из блокнота, свернул его в трубочку и стал жевать, производя как можно больше шума. Потом взялся за второй, и Кейра, не поднимая глаз, едва заметно улыбнулась.

– Глотай, не смей выплевывать! – приказала она.

Я спросил ее, что она читает.

– Одну вещь про пирамиды. Раньше мне эта работа не попадалась.

И подняла глаза, взглянув на нас с Уолтером как на двух непоседливых мальчишек.

– Вы доставите мне огромное удовольствие, если отправитесь куда-нибудь прогуляться. Ну, или поработайте чуть-чуть. Наверное, с вами и такое случается. В общем, дайте мне спокойно почитать эту книгу. Валите отсюда, марш за дверь, и чтобы я вас не видела до закрытия библиотеки. Понятно?

Мы сконфуженно удалились, чувствуя себя прогульщиками, но что поделать, нам так велели.

Париж

В квартире звучала партита Баха. Сидя в гостиной, Айвори сам с собой играл в шахматы. В дверь позвонили. Он посмотрел на часы,

недоумевая, кто бы это мог быть – он никого не ждал. Неслышно приблизился к входной двери, открыл стоявшую на консоли шкатулку красного дерева, взял из нее револьвер и сунул его в карман халата.

– Кто там? – спросил он, держась чуть в стороне от дверного проема.

– Старый враг.

Айвори положил револьвер на место и открыл дверь.

– Вот так сюрприз!

– Я соскучился по нашим шахматным баталиям, мой дорогой! Вы позволите войти?

Айвори посторонился и впустил Вакерса.

– Вы играли в одиночестве? – спросил он, усаживаясь в кресло у шахматной доски, напротив Айвори.

– Да, и никак не мог сам у себя выиграть. Это так скучно.

Вакерс переставил белого слона с C1 на G5, угрожая черному коню.

Айвори тут же пошел пешкой с H7 на H6.

– Что привело вас сюда, Вакерс? Неужели вы приехали из Амстердама только для того, чтобы съесть моего коня?

– Я только что из Мадрида. Комитет собирался вчера вечером, – сообщил Вакерс, забирая черного коня.

– Что они решили? – поинтересовался Айвори.

Ферзь, стоявший на D8, взял слона на F6.

– Позволить вашим двум протеже продолжать поиски и завладеть результатами их трудов, когда они достигнут цели – если они ее, конечно, достигнут.

Белый конь покинул свою клетку и переместился на C3.

– Они ее достигнут, – отрезал Айвори, переставив пешку с B7 на B5.

– Вы уверены? – спросил Вакерс.

Второй белый слон перешел с C4 на B3.

– Так же уверен, как в том, что вы проиграете эту партию. Вас ведь не устроило решение комитета.

Черная пешка, которая стояла на A7 и закрывала ладью, пошла вперед и приземлилась на A5.

– Вы ошибаетесь. Мне кажется, в первую очередь благодаря мне совет принял такое решение. Некоторые из собравшихся предпочли бы

положить конец приключениям вашей парочки, причем довольно радикальным способом, должен вам сказать.

Белая пешка, защищавшая ладью, переместилась с A2 на A3.

– Только дураки не меняют свое мнение, не так ли? – сказал Айвори, переставляя слона с F8 на C5.

– По вине сэра Эштона в Лондоне погиб священник, произошел несчастный случай.

Белый конь перешел с G1 на F3.

– Несчастный случай? Убили священника, и это просто несчастный случай?

Черная пешка перешагнула с D7 на D6.

– На самом деле мишенью был наш астрофизик.

Белый ферзь перешел с D1 на D2.

– Какой прискорбный поступок – я не о вашем ходе, а о действиях сэра Эштона.

Черный слон переместился с C8 на E6.

– Боюсь, наш британский друг не смирится с решением, принятым в Мадриде. Подозреваю, что он хочет полновластно распоряжаться на своей территории.

Белый слон захватил своего черного сородича.

– И он готов взбунтоваться против остальных? Да, это довольно серьезно. Меня отправили в отставку за гораздо меньшие прегрешения. Почему вы приехали и сообщили мне все это? Вам скорее следовало бы поделиться своими тревогами с другими членами комитета.

Черная пешка съела белого слона, неосторожно проскочившего на E6.

– Все это только предположения, я не могу открыто обвинить сэра Эштона, не имея доказательств. Но нам некогда собирать свидетельства его вины – боюсь, как бы мы не получили их слишком поздно, ведь вашей юной приятельнице может не поздоровиться. Я вам говорил, что сэр Эштон хотел избавиться и от нее?

Последовала короткая рокировка белого короля и ладьи.

– Мне всегда было противно его высокомерие. И чего же вы ждете от меня, Вакерс?

Черная пешка перешла с G7 на G5.

– Мне не нравятся наши нынешние прохладные отношения. Я вам уже говорил, что соскучился по нашим шахматным баталиям.

Вакерс передвинул белую пешку с H2 на H3.

– Мы с вами сейчас играем не нашу партию, вы это знаете. Кстати, вам известен и ее финал. В Амстердаме вы изо всех сил старались отстранить меня от дел, но не это больше всего ранило меня, а то, что вы решили, будто я не разгадаю вашу двойную игру.

Черный конь покинул B8 и, перескочив сразу через три клетки, приземлился на D7.

– Вы делаете слишком поспешные выводы, друг мой. Не будь меня, нам с вами никогда бы не раздобыть столько информации.

Белый конь отступил с F3 на H2.

– Если наши ученые на прицеле у сэра Эштона, надо их защитить. Это будет непросто, особенно на территории Англии. Надо заставить их уехать как можно быстрее, – продолжал Айвори, переставив с H6 на H5 черную пешку, закрывавшую вторую ладью.

– После всего, что они пережили, будет нелегко выгнать их из лондонской берлоги, где они так уютно устроились.

Вакерс переставил белую пешку с G2 на G3.

– Я знаю, как заставить их покинуть Лондон, – заявил Айвори, переставив своего короля на соседнюю клетку.

– Что вы намерены предпринять?

В свою очередь, белый король сделал один шаг вперед.

Черная пешка пошла вперед, перешагнув с D6 на D5. Айвори уставился на Вакерса:

– Вы мне так и не сказали, что заставило вас изменить точку зрения. Еще совсем недавно вы сделали бы все возможное, чтобы помешать их поискам.

– Но я никогда не стал бы убивать невинных, Айвори, это не мой метод.

Белая пешка перешла с F2 на F3.

– Две человеческие жизни – недостаточно веская мотивация для вас, Вакерс. Скажите, что на самом деле у вас на уме? Я жду.

Черный конь отступил с D7 на F8.

– Я во многом похож на вас, Айвори. Я тоже старею, и мне хотелось бы узнать истину. Желание понять в конце концов возобладало над страхом. Вчера во время встречи Рио спросила,

хотели бы мы узнать правду или предпочтем оставить все грядущим поколениям. Рио права, все равно человечеству откроется правда, и завтра это случится или через сотню лет – что от этого изменится? Не хочу закончить свои дни в одеянии старого инквизитора, – признался Вакерс.

Белый конь отступил с C3 на E2. Черный конь ринулся в атаку и встал рядом со своим ферзем. Вакерс пошел белой пешкой с C2 на C3.

– Айвори, если вы знаете, как уберечь нашего астрофизика и его подружку-археолога, не медлите, действуйте.

Черная ладья скользнула с A8 на G8.

– Ее зовут Кейра.

Вакерс передвинул пешку с D3 на D4. Черный слон отступил с C5 на B6. Белая пешка съела черную пешку на E5. Черный ферзь тут же за нее отомстил, разгромив того, кто подошел к нему слишком близко. Еще двадцать три хода противники сделали в полном молчании.

– Если вы готовы наконец признать обоснованность моих теорий, если согласитесь действовать по моему плану, то вместе мы могли бы противостоять этому глупцу сэру Эштону.

Айвори взял свою ладью и поставил ее на H4.

– Вам шах и мат, Вакерс, но вы ведь это знали начиная с пятого хода.

Айвори встал, подошел к столу и вынул из ящика текст на геэзе и перевод, который он закончил этой ночью.

Лондон

Кейра все сидела в библиотеке. Мы зашли за ней, чтобы пойти вместе поужинать, но она пожелала продолжить чтение, причем в одиночестве. Она неохотно подняла голову и отослала нас взмахом руки.

– Поужинайте в чисто мужской компании, у меня много работы. И вообще шли бы вы отсюда!

Уолтер напрасно повторял ей, что библиотека скоро закрывается, она ничего не желала слышать, так что пришлось моему коллеге упрашивать ночного сторожа, чтобы тот разрешил Кейре остаться, сколько она захочет. Она пообещала, что скоро придет домой.

В пять утра ее все не было. Я поднялся с кровати и в страшной тревоге завел машину.

В вестибюле Академии было пусто. Сторож спал в своей будке. Он подскочил как ужаленный, увидев меня.

Кейра не могла выйти из здания, все двери на ночь запирались, а кроме как через них из помещения не выйти. А открыть их она бы не сумела.

Почти бегом я несся по коридору, ведущему в большую библиотеку, сторож следовал за мной.

Кейра даже не заметила, как я вошел. Я наблюдал за ней через стеклянную дверь, а она продолжала с увлечением читать, время от времени делая пометки в тетради. Я кашлянул, она подняла голову и улыбнулась.

– Уже поздно? – спросила она, потягиваясь.

– Это как посмотреть. Скорее рано, вот-вот рассветет.

– Мне кажется, я проголодалась, – сообщила она, захлопнув книгу.

Она закрыла тетрадь, поставила том на полку и, взяв меня под руку, поинтересовалась, не собирался ли я с ней позавтракать.

Ранние утренние часы в городе – это волшебство. Мы обогнали грузовичок молочника, начавшего свое ежедневное путешествие: в Лондоне все осталось как в прежние времена.

Мы доехали до Примроуз-Хилл. В маленькой чайной уже поднимали железные жалюзи, хозяйка расставляла столы на террасе. Она согласилась нас обслужить.

– Что такого занимательного ты нашла в этой книге, если не могла от нее оторваться до самого утра?

– Я вспомнила, что священник говорил тебе о пирамидах, но не о тех, которые еще не открыты, а спрятанных – а это не одно и то же. Меня заинтересовали его слова, и я просмотрела несколько работ на эту тему.

– Прости, но я не совсем понимаю, в чем разница.

– В мире только три места, где спрятаны пирамиды. В Центральной Америке исследователи обнаружили несколько древних храмов и вскоре о них забыли, а природа вновь скрыла их от посторонних глаз. Спутниковые снимки показали, что пирамиды есть

и в Боснии, и неизвестно, кто их построил и для чего. А вот пирамиды в Китае – это особая тема.

– Пирамиды в Китае?

– Да, их там сотни. На западе никто не знал об их существовании вплоть до десятых годов двадцатого века. Больше всего их в провинции Шэньси, в окрестностях города Сиань, километрах в ста вокруг него. Первые из них в тысяча девятьсот двенадцатом году обнаружили Фред Мейер Шрёдер и Оскар Маман, в тысяча девятьсот тринадцатом – экспедиция Виктора Сегален нашла и другие. В сорок пятом году пилот американских военно-воздушных сил, совершая перелет из Индии в Китай над горами Куньлунь, сфотографировал объект, который он назвал Белой пирамидой. Никто не сумел точно определить ее местоположение, но она явно была гораздо больше пирамиды Хеопса. Весной сорок седьмого статью о ней напечатал еженедельник «Нью-Йорк санди ньюс».

В противоположность своим родственницам, пирамидам майя и египтян, пирамиды в Китае построены не из камня, а из глины и земли. Известно, что, как и египетские, они служили усыпальницами императоров и родовитых семейств.

Пирамиды всегда будоражили умы, порождая причудливые гипотезы. Тысячи лет они оставались самыми грандиозными сооружениями на планете – это относится и к красной пирамиде в некрополе Дахшур на западном берегу Нила, и к пирамиде Хеопса, единственном из семи чудес света, сохранившемся до наших дней. Исследователей приводит в смущение одно обстоятельство: самые значительные пирамиды были построены примерно в одно время, и никто не может понять, каким образом столь удаленные друг от друга цивилизации возвели сооружения по единому архитектурному образцу.

– Возможно, в ту эпоху люди путешествовали значительно больше, чем мы думаем, – вмешался я.

– Вот именно, то, что ты говоришь, возможно, не так уж далеко от истины. Я прочитала в библиотеке статью из «Британники» тысяча девятьсот одиннадцатого года. В ней сказано, что связи между Египтом и Эфиопией установились еще в эпоху царствования двадцать второй династии фараонов. А во времена двадцать пятой династии обеими странами порой управлял один монарх. Столицей обеих империй тогда была Напата, она находится на севере современного Судана. А первые

свидетельства того, что Эфиопия и Египет были связаны между собой, появились еще раньше. За три тысячи лет до нашей эры торговцы говорили о некой стране Пунт, крае на юге Нубии. Первое известное нам путешествие в страну Пунт совершилось при фараоне Сахуре. А теперь слушай внимательно: на фресках пятнадцатого века до Рождества Христова, обнаруженных в святилище Дейр эль-Бахри, изображена группа кочевников, перевозящих ладан, золото, слоновую кость, эбеновое дерево и, главное, мирру. А ведь мы знаем, что египтяне, начиная с эпохи первых царствующих династий, очень ценили мирру. Отсюда вывод: обмен товарами между Эфиопией и Египтом наладился в очень древние времена.

– И как все это связано с твоей китайской пирамидой?

– Я к этому и веду. Мы же пытаемся установить возможную связь между древним текстом и моим кулоном. В этой рукописи на геэзе говорится о пирамидах. Вспомни третью фразу документа: «Пусть никто не ведает, где находится апогей, ночь первого – хранительница предвестия». Макс сказал нам, что речь идет не о точном переводе, а о толковании текста. Значит, вместо «предвестия» может быть «исток» или «начало». Соответственно получится: «Пусть никто не ведает, где находится апогей, ночь первого – хранительница начала».

– Так, конечно, красивее, но я по-прежнему не понимаю, куда ты клонишь, ты уж меня извини.

– Мы нашли кулон в центре озера в нескольких километрах от треугольника Илеми, знаменитой страны Пунт, где сходятся границы Кении, Эфиопии и Судана. Знаешь, как египтяне называли страну Пунт?

Я не имел об этом ни малейшего представления. Кейра торжествующе на меня посмотрела и наклонилась ко мне:

– Они называли ее «Та Нетеру», что означает «Земля богов», или «Земля начала». В этом районе находится исток Нила – Голубой Нил. Нужно проплыть немного вниз по реке, чтобы очутиться у первой, самой древней из египетских пирамид – пирамиды Джосера в Саккаре. Возможно, именно этим водным путем мой кулон попал на озеро Туркана. Теперь вернемся в Китай – я посвятила ему вторую половину ночи. Если свидетельство американского пилота соответствует действительности – о существовании его Белой пирамиды спорят до

сих пор, – то сооружение, которое он сфотографировал, имеет более трехсот метров в высоту, а значит, это самая высокая пирамида в мире.

– Ты хочешь, чтобы мы поехали в Китай и отправились в горы Куньлунь?

– Вероятно, текст на геэзе нас именно туда и отсылает. Спрятанные пирамиды… В Центральную Америку, Боснию или Китай! Я голосую за самую высокую из них, давай заключим пари, ведь в любом случае это один шанс из трех, а для исследователя это очень много. Кроме всего прочего, я доверяю своей интуиции.

Мне трудно было понять эту внезапную перемену в поведении Кейры. Еще недавно она при каждом удобном случае твердила, как скучает по Эфиопии. Я знал, что она несколько раз порывалась звонить своему коллеге Эрику, заменившему ее на посту руководителя раскопок, но так и не позвонила. Шли дни, и я все больше боялся той минуты, когда она сообщит мне, что собирается уезжать, так как положение в долине Омо нормализовалось. И вдруг она предлагает ехать в страну, еще больше, чем Англия, удаленную от ее любимой Африки и драгоценных раскопок.

Наверное, я должен был обрадоваться, когда она предложила вместе отправиться в это удивительное путешествие, должен был, как и она, почувствовать душевный подъем, однако эта поездка тревожила меня, причем по многим причинам.

– Признай хотя бы, что мы собираемся искать иголку в стоге сена, – сказал я ей. – И этот стог находится в Китае!

– Что с тобой, Эдриен? Ты не обязан ехать, хочешь учить своих милых студентов – оставайся в Лондоне, я пойму! По крайней мере, у тебя здесь есть твоя жизнь.

– Что это значит – «у тебя здесь твоя жизнь»?

– А вот что. Вчера я звонила Эрику, он сказал, что эфиопская полиция наведалась к нам в лагерь, и теперь, вернувшись туда, я должна буду немедленно предстать перед судьей и дать показания. Получается, что из-за поездки на озеро Туркана, куда я сдуру потащилась вместе с тобой, я вынуждена бросить раскопки, и это происходит со мной второй раз за один год! Итак, я лишилась работы, мне негде жить, а через несколько месяцев мне предстоит отчитаться перед Фондом Уолша – они же отвалили мне кучу денег! И что ты мне

можешь предложить как альтернативу? Остаться в Лондоне, вести домашнее хозяйство и каждый вечер ждать тебя с работы?

– В Париже вскрыли твою квартиру, в Германии перевернули вверх дном наш номер, здесь, в Лондоне, на наших глазах застрелили священника. И не говори мне, что смерть старика вождя не вызывает у тебя никаких подозрений. Тебе не кажется, что у нас возникло слишком много проблем с тех пор, как мы заинтересовались твоим проклятым кулоном? А если бы пуля убийцы попала в тебя? А если бы в Небре тому негодяю за рулем удалось нас задавить? Ты так же неразумна, как Уолтер!

– В моей профессии многое зависит от случая, мы постоянно подвергаемся риску. Думаешь, у тех археологов, которые нашли скелет Люси, имелись и план древнего кладбища, и спутниковые координаты захоронения? Конечно нет! – вспылила она. – Всех первооткрывателей отличает одно – инстинкт, а еще они, как все великие сыщики, обладают тонким нюхом.

– Кейра, но ты ведь не сыщик.

– Поступай как знаешь, Эдриен, если ты струсил, я поеду одна. А вдруг мы сумеем доказать, что моему кулону действительно четыреста миллионов лет. Ты представляешь себе масштаб этого открытия? Ты отдаешь себе отчет, что за этим может последовать? Какие случатся потрясения? Да я перерою все стога на Земле, если только мне позволят! Между прочим, ты сам предлагал мне доказать, что человечеству на триста восемьдесят пять миллионов лет больше, чем я предполагаю, ты помнишь? А теперь хочешь, чтобы я опустила руки? Сам ты разве отказался бы увидеть первый миг существования Вселенной только потому, что до телескопа слишком трудно добраться? Ты ведь чуть не окочурился там, на высоте пяти тысяч метров, только потому, что хотел получше разглядеть звезды. Оставайся со своими дождями, в своей размеренной жизни, ты имеешь на это право. У меня к тебе лишь одна просьба – оказать мне помощь: у меня нет денег на путешествие, одолжи мне, пожалуйста, нужную сумму, обещаю, я тебе все верну.

Я ничего ей не ответил, потому что злился на себя – за то, что втянул ее в эту историю, за то, что она потеряла работу, а я виню в этом себя, за то, что я не в силах оградить ее от всех грядущих

опасностей. Я без конца возвращался к этому неприятному спору, сто раз вспоминал ту минуту, когда испугался, решив, что потеряю ее, если разочарую. А сегодня я зол на себя еще больше – за то, что тогда проявил малодушие.

Я отправился к Уолтеру как к другу, ища у него поддержки. Я-то не сумел отговорить Кейру от этого путешествия, может, ему удастся найти нужные слова и веские аргументы. Но на сей раз он не стал мне помогать. Он даже вроде бы обрадовался нашему отъезду из Лондона. По крайней мере, никто не додумается искать нас в Китае, сказал он. И еще добавил, что точка зрения Кейры вполне обоснованна. Он поддразнил меня, заметив, что сам я, видимо, потерял вкус к приключениям, хотя еще недавно рисковал жизнью, работая на плато Атакама. Он тоже был против меня!

– Да, но тогда подвергался риску только я – не она!

– Какой же вы сердобольный, Эдриен! Перестаньте, Кейра взрослая девочка, прежде чем встретиться с вами, она долго жила в Африке, совсем одна, в окружении львов, тигров, леопардов и еще бог знает каких неуживчивых соседей. И представьте себе, ее никто пока не сожрал! В общем, роль человека, который обо всем беспокоится, больше подходит вашей матушке, она не для парня вашего возраста, вы, как бы это сказать, еще до нее не доросли!

Я купил билеты. В турагентстве, порекомендованном Уолтером, том самом, где занимались его поездкой в Грецию, нас предупредили, что визу в Китай нам дадут не ранее чем через десять дней. Я надеялся, что эта отсрочка позволит мне отговорить Кейру ехать. Однако нам позвонили на второй день и сообщили, что нам повезло: в китайском посольстве уже рассмотрели наши документы, и мы можем получить паспорта с визами. Вот так везение!

Лондон

Трапеза подходила к концу. Вакерс, пообедав в Париже в приятной компании старого друга, ужинал теперь со своим коллегой, терзаясь мыслью, не погрешил ли он против хорошего вкуса, пригласив его в китайский ресторан. Впрочем, этот лондонский

ресторан пользовался превосходной репутацией, и Пекин, кажется, от души наслаждался едой.

– Мы будем неотступно следить за ними, соблюдая полную скрытность, – заверил он Вакерса. – И пусть остальные ни о чем не беспокоятся, мы сделаем все как надо.

В этом Вакерс ни секунды не сомневался. В молодости ему довелось несколько лет поработать на бирманской границе, поэтому он знал, что прославленное умение китайцев действовать скрытно – отнюдь не сказка. Когда их отряды специального назначения совершали рейд на чужую территорию, никто никогда не слышал, как они переходили рубеж и как возвращались обратно, – только тела их жертв свидетельствовали о том, что они недавно нанесли визит своим соседям.

– Самое забавное, что я лечу на родину тем же рейсом, что и наши ученые. Когда они пройдут на таможенный контроль, их багаж основательно перетряхнут, это будет выглядеть как обычная формальность, но она позволит нам спрятать в их вещах миниатюрные передатчики. Мы уже засекли GPS-навигатор машины, которую им отдадут в аренду, когда они прилетят к нам. Скажите, а вам удалось сделать то, о чем мы договорились?

– Сэр Эштон просиял от радости, когда я попросил его об этой услуге, – усмехнулся Вакерс. – Я даже представить себе не мог, что он так страшится провала нашей операции. Если бы ему сказали, что самый верный способ не упустить из виду наших подопечных – это украсть драгоценности Ее Величества, он бы это сделал. Итак, вот как это будет выглядеть: в Хитроу, когда подойдет их очередь, рамку металлоискателя настроят на самую высокую чувствительность. Она будет все время звенеть, и, чтобы преодолеть ее, астрофизику придется выложить все вещи, вплоть до мелочей, на ленту рентгеновского аппарата. Пока его очень тщательно и неторопливо будет обыскивать сотрудник таможни, люди сэра Эштона установят жучок в его часы.

– А археолог? Вдруг она что-нибудь заподозрит?

– Ей тоже не придется скучать. Как только их экипируют, сэр Эштон сообщит нам частоты передатчиков. Вот это как раз и смущает меня больше всего: ведь это значит, что он тоже будет их постоянно контролировать.

– Не тревожьтесь, Амстердам, радиус действия этих приборов невелик. У себя в Англии сэр Эштон, конечно, может подкупить любого служащего, какого только пожелает, но, как только эти двое вступят на мою землю, я сомневаюсь, что сэру Эштону удастся узнать о них хоть что-нибудь. Можете рассчитывать на нас: отчеты о передвижениях интересующих нас лиц будут поступать всем членам комитета одновременно, и сэр Эштон не получит никаких преимуществ перед остальными.

Телефон Вакерса издал два пронзительных сигнала. Он прочел сообщение и извинился перед своим гостем: его срочно вызывали на встречу.

Вакерс торопливо погрузился в такси и потребовал как можно скорее отвезти его в Саут-Кенсингтон. Водитель высадил его на Бьют-стрит, у витрины маленького французского книжного магазина. На другой стороне улицы, на террасе кафе, в точности как было указано в сообщении, сидела молодая женщина, попивая кофе и читая «Монд».

Вакерс уселся за соседний столик, заказал чай и развернул свежую газету. Побыл там немножко, расплатился по счету и ушел, оставив газету на столе.

Кейра это сразу заметила, схватила газету, окликнула удалявшегося мужчину, но тот уже повернул за угол. Вакерс сдержал слово, данное Айвори, и теперь мог спокойно вернуться в Амстердам.

Положив газету на столик, Кейра заметила уголок письма, спрятанного между страницами. Она вытащила его и отпрянула, обнаружив на конверте свое имя.

Дорогая Кейра!

Простите, что не сумел передать Вам это послание прямо в руки, но по причинам, о которых слишком скучно рассказывать, мне не следует появляться в Вашем обществе. Я пишу Вам не затем, чтобы Вас встревожить, наоборот, я хочу Вас поздравить с первыми удачами и сообщить кое-какие новости – они, я полагаю, Вам понравятся. Я счастлив, что легенда о Тиккун Оламу, которую я рассказал Вам в Париже, возбудила Ваше любопытство. Я знаю: когда мы с Вами беседовали, Вы не раз ловили себя на мысли, что я уже слишком стар и потерял способность рассуждать здраво. Разумеется, мне жаль, что Вам пришлось многое пережить за

последние недели, но эти неприятные происшествия, я уверен, заставили Вас изменить мнение обо мне.

Я обещал поделиться с Вами хорошими новостями. Вот они. Кажется, Вам в руки попал один очень древний документ. Представьте себе, я знал о его существовании, но именно благодаря Вам и Вашему кулону я наконец сумел значительно продвинуться вперед и понял то, что прежде было мне недоступно. Впрочем, я продолжаю работу над этим текстом, снова и снова пытаясь его растолковать. Кстати, Ваша рукопись неполная, в ней не хватает одной строки – ее когда-то стерли. Я отыскал ее след в одной старинной библиотеке в Египте, просматривая перевод, который я Вам даже не буду здесь приводить, потому что качество его оставляет желать лучшего. Так вот, если я не могу находиться рядом с Вами, как мне хотелось бы, то я намерен помогать Вам всякий раз, как только представится возможность, ибо не намерен отказывать себе хотя бы в этом удовольствии.

Недостающая фраза звучит так: «Лев спит на камне познания».

Все это по-прежнему звучит загадочно, не так ли? Не только для Вас, для меня тоже. Но интуиция подсказывает мне, что однажды эта информация окажется для Вас бесценной. Множество львов спят у подножия пирамид, не забывайте, что некоторые из них более дикие, более одержимые свободой, чем другие. Те, что предпочитают одиночество, живут вдалеке от прайда, впрочем, я вряд ли сообщу Вам что-то новое, ведь Вы хорошо знаете Африку, знаете повадки львов и сами часто ведете себя как они. Будьте предельно осторожны, мой дорогой друг, не Вас одну увлекла легенда о Тиккун Оламу. И даже если бы это была всего лишь легенда… Мне хорошо известно, что некоторые мечты, порой совершенно безумные, приводят к удивительным открытиям. Желаю Вам приятного путешествия. Я рад, что Вы решились его совершить.

Искренне Ваш

Айвори.

P. S. Никому не говорите об этом письме, даже самым близким людям. Прочтите его еще раз, чтобы ничего не забыть, и уничтожьте.

Кейра, как просил Айвори, дважды перечитала послание, никому о нем не стала говорить, даже мне рассказала о нем гораздо позже. Но вместо того чтобы его уничтожить, сложила и спрятала в карман.

Мы попрощались с Уолтером и в пятницу – я помню тот день, словно это было вчера, – сели в самолет, отправлявшийся в Пекин рейсом в 20.35.

Но прежде мы прошли таможню, и эта процедура превратилась в настоящий ад. Я дал себе клятву отныне при малейшей возможности избегать вылетов из аэропорта Хитроу. Кейра, доведенная до белого каления дотошностью некоторых особенно усердных служащих таможни, в конце концов вспылила. Я еле-еле успел утихомирить ее: нас уже грозили раздеть и подвергнуть более углубленному досмотру.

Самолет взлетел вовремя, и, когда мы набрали высоту, Кейра расслабилась. Я воспользовался десятичасовым перелетом, чтобы выучить несколько слов на китайском и в случае необходимости сказать «здравствуйте», «до свидания», «пожалуйста» и «спасибо». Здравствуйте кому, спасибо за что – этого я пока не знал.

Вскоре я забросил мой ускоренный курс китайского и углубился в чтение, более отвечающее моим литературным пристрастиям.

– Что ты читаешь? – спросила меня Кейра, когда мы преодолели примерно половину пути.

Я показал ей обложку и прочел вслух название книги: «О движении частиц на периферии галактик».

Она издала что-то вроде «м-м-м»; что это означало, я не понял.

– Что?

– Мне кажется, твоя книжка страшно увлекательная, – сказала она. – Думаю, по ней можно снять классный фильм, а потом и продолжение…

Она отвернулась и выключила маленькую лампочку над своим креслом.

Пекин

Мы прилетели днем, измотанные долгим путешествием, ошалевшие от разницы во времени. Таможенный досмотр прошел без особых сложностей, в обычном порядке, и люди показались нам более приветливыми, чем те, что занимались нами в Хитроу. Я попросил турагентство в Лондоне помочь с арендой автомобиля, и мне заказали

внедорожник местного производства. Договор, составленный на мое имя, ждал меня в офисе проката автомобилей прямо в вестибюле аэропорта, а сама новенькая, только что с завода, машина – тут же на стоянке.

К счастью, внедорожник был оснащен системой спутниковой навигации. Перемещаться по Китаю трудновато, человек с Запада не в состоянии прочесть названия городов и улиц. Я ввел координаты гостиницы, где забронировал номер, и дальше просто следовал указаниям маленькой стрелочки на экране: она привела меня в центр города.

Мы ехали в густом потоке машин. Вдруг справа от нас возникла стена Запретного города. Чуть поодаль слева возвышался Мемориальный зал Мао Цзэдуна, великого вождя китайского народа, еще дальше – площадь Тяньаньмэнь, вызывавшая печальные воспоминания. Мы миновали увенчанное куполом здание Большого национального театра, современная архитектура которого резко отличалась от общего пейзажа города.

– Ты устал? – спросила меня Кейра.

– Не очень.

– Может, поедем прямо в Сиань?

Мне, как и ей, не терпелось продолжить поиски. Но от пункта назначения нас отделяла добрая тысяча километров, и ночевка в пекинском отеле помогла бы нам восстановить силы.

Невозможно оказаться рядом с Запретным городом и не взглянуть на него. Мы забежали в гостиницу, чтобы переодеться. Из комнаты я слышал, как льется вода в ванной, где Кейра принимает душ, и это журчание вдруг наполнило меня ощущением счастья, и разом улетучились все тревоги, едва не заставившие меня отказаться от этой поездки.

– Ты здесь? – спросила она меня через дверь.

– Да, а что?

– Ничего…

Я боялся, что мы заблудимся в лабиринте улиц, как две капли воды похожих одна на другую. Такси высадило нас у парка Цзиншань.

Никогда прежде мне не доводилось видеть такого великолепного розария. Перед нами был каменный мост, перекинутый через водоем. Как и сотни других туристов, гулявших здесь в течение дня, мы

прошли по мосту и, как сотни других туристов, взявшись за руки, отправились гулять по аллеям парка. Кейра обняла меня.

– Я счастлива, что мы приехали сюда, – призналась она.

Если бы можно было остановить время, я остановил бы его именно в то мгновение. Если бы можно было повернуть время вспять, я повернул бы его именно в ту минуту, когда мы стояли возле куста белых роз, на аллее парка Цзиншань.

Мы вошли в Запретный город через Северные ворота. Мне пришлось бы исписать сотни страниц этого дневника, чтобы рассказать обо всех красотах, открывшихся нашему взору: старинные дворцы, пережившие не одну правящую династию, императорский сад, где прогуливались прекрасные наложницы, павильон Вечной Весны, замысловато изогнутые кровли, приютившие золотых драконов, бронзовые цапли, навеки застывшие подняв клювы к небу, мраморное кружево лестниц. Под большим старым деревом на скамейке сидела пожилая китайская пара; они хохотали неведомо почему, не желая или не имея сил сдержаться, обмениваясь непонятными нам словами и переглядываясь, и в их глазах светилась удивительная теплота и понимание.

Мне хотелось бы верить, что и по сей день они приходят в Запретный город, садятся на ту же скамью и вместе чему-то смеются.

На нас навалилась усталость. Кейра едва держалась на ногах, да и я уже бодрился из последних сил. Мы вернулись в гостиницу.

Мы проспали допоздна и, наспех позавтракав, выехали из Пекина. Впереди нас ждал долгий путь, и я сомневался, что нам хватит одного дня, чтобы преодолеть такое расстояние.

За городом расстилались поля – поля без конца и края, мы все ехали и ехали вперед, а горы на горизонте, казалось, ничуть не приблизились к нам. У нас за спиной остались уже три сотни километров, время от времени мы проезжали через промышленные городки, выросшие посреди пустоты и скрашивавшие монотонность плоской равнины. Мы остановились в городке Шицзячжуан и залили полный бак бензина. На автозаправочной станции Кейра решила купить нечто, слегка напоминающее хот-дог, только она так и не сумела определить, из чего была сделана вложенная в булочку сосиска. Я отказался попробовать, а вот Кейра, со смаком откусывая очередной

кусочек, изображала крайнее удовольствие. Через пятьдесят километров моя пассажирка изменилась в лице, побледнела, и мне пришлось спешно тормозить у обочины. Согнувшись пополам, Кейра сбежала вниз по откосу; через десять минут она вернулась и взмахом руки приказала мне воздержаться от комментариев.

Чтобы справиться с тошнотой, о причине которой я обещал больше не упоминать, она села за руль. Когда мы достигли Янцюаня, а это был уже четырехсотый километр нашего пути, Кейра заметила вдали на холме несколько каменных домиков, – по-видимому, заброшенное селение, решила она. И попросила у меня разрешения съехать с шоссе и повернуть на грунтовую дорогу, идущую вверх по склону холма. Мне порядком надоел асфальт, к тому же нам наконец представился подходящий случай испробовать, на что способна наша полноприводная машина.

По выбоинам и кочкам мы добрались до деревушки. Кейра оказалась права: здесь давно никто не жил, дома лежали в развалинах, даже те, что сохранили остатки кровли. Мрачная атмосфера этого места не располагала к приятной экскурсии, но Кейра уже понеслась вперед, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней по старым улочкам этого призрачного селения. В центре деревни, там, где раньше, по-видимому, располагалась центральная площадь, сохранился водопойный желоб и деревянное строение, лучше других домов выдержавшее натиск времени. Кейра присела на ступеньки.

– Что это? – спросил я.

– Это старинный конфуцианский храм. В Древнем Китае многие следовали учению Конфуция, мудрость Учителя освещала путь не одного поколения китайцев.

– Может, войдем? – предложил я.

Кейра поднялась и подошла к двери. Она легонько ее толкнула, и дверь распахнулась.

– Конечно, войдем! – весело ответила она.

Внутри царило запустение, только несколько камней валялись на земле среди кустиков сорной травы.

– Интересно, что тут произошло? Почему деревня опустела?

– Может, источник иссяк или эпидемия уничтожила все население, кто знает? Этому селению тысяча лет, не меньше, жаль, что его бросили в таком состоянии.

Кейра остановила взгляд на небольшом квадратном участке в глубине храма. Она опустилась на колени и принялась осторожно, голыми руками копать грунт. Правой рукой она методично вытаскивала камешки, левой перебирала их и отбрасывала в сторону. Даже если бы я тогда прочел вслух все наставления Конфуция в каноническом порядке, она все равно не обратила бы на меня ни малейшего внимания.

– Нельзя ли узнать, что ты делаешь?

– Возможно, через несколько минут узнаешь.

Внезапно среди разрытой земли появился выпуклый бок бронзовой чаши. Кейра поменяла позу, усевшись по-турецки, и еще целый час ушел у нее на то, чтобы извлечь сосуд, плотно вросший в засохшую грязь. И вдруг она, словно фокусник, подняла чашу и протянула ее мне.

– Ну вот! – воскликнула она, светясь от радости.

Меня ошеломила не столько красота этой чаши, различимая даже под слоем покрывавшей ее грязи, сколько волшебство, благодаря которому она внезапно возникла из небытия.

– Как ты это сделала? Как ты узнала, что она тут лежит?

– У меня особый дар – находить иголки в стогах сена, даже если эти стога в Китае, – сказала она, поднимаясь. – Надеюсь, это тебя подбодрит?

Мне пришлось долго ее упрашивать, прежде чем она согласилась раскрыть свой секрет. Там, где Кейра принялась копать, трава росла реже, чем в других местах, и была короче и бледнее.

– Обычно так и бывает, когда под землей лежит какой-то предмет, – объяснила она.

Кейра смахнула с чаши пыль.

– Да, ее явно изготовили не вчера, – задумчиво сказала она, аккуратно ставя чашу на камень.

– Ты ее оставишь здесь?

– Она нам не принадлежит, она – часть истории людей, живших в этом селении. Кто-нибудь ее найдет и сделает с ней что ему заблагорассудится, а нам с тобой пора. Тут полно других стогов сена, и все они ждут, чтобы в них отыскали иголку.

На подъезде к Линьфэню пейзаж изменился; над этим городом, одним из десяти самых загрязненных в мире, нависло желтое небо, затянутое смрадными ядовитыми облаками. Я подумал о прозрачных вечерах на плато Атакама: неужели эти два места существуют на одной планете? Должно быть, человечество сошло с ума, раз оно способно до такой степени испортить окружающую среду. И какой станет наша планета в будущем – такой, как Атакама, или такой, как Линьфэнь? Мы подняли стекла в машине, но на Кейру все равно напал кашель, а у меня щипало глаза, и дорогу впереди я видел словно в тумане.

– Адская вонь, – пожаловалась Кейра после очередного приступа кашля.

Она повернулась к заднему сиденью и стала рыться в сумке: хотела найти какие-нибудь хлопковые вещи и использовать их в качестве масок. И вдруг вскрикнула.

– Что такое? – спросил я.

– Ничего, у меня в мешке какая-то штука – наверное, иголка или булавка. Я укололась.

– До крови?

– Пустяки, – обронила она, продолжая копаться в сумке.

Я вел машину, вцепившись в руль обеими руками: видимость все еще оставляла желать лучшего.

– Посмотри в бардачке, там лежит аптечка, наверное, и бинты есть.

Кейра откинула крышку, взяла аптечку и достала из нее маленькие ножницы.

– Ты здорово поранилась?

– Нет, со мной все нормально, но я все-таки хочу найти ту пакость, которая меня уколола. Я, между прочим, за эту сумку заплатила целое состояние.

И она, извиваясь как змея, стала переползать на заднее сиденье, чтобы как следует изучить свою несчастную сумку.

– Слушай, что ты там вытворяешь? – возопил я, получив пинок коленкой в бок.

– Я распарываю.

– Что распарываешь?

– Мерзкую подкладку этой мерзкой сумки. Лучше помолчи и смотри на дорогу.

И через некоторое время услышал, как Кейра пробурчала:

– Что это за штука?

Ей пришлось проделать серию акробатических трюков, чтобы вернуться на место. Наконец ей это удалось. Она с торжествующим видом показала мне маленькую металлическую брошку, которую крепко держала двумя пальцами.

– Вот эта чертова колючка! – важно объявила она.

На вид эта штука напоминала крохотный рекламный значок с торчащей внизу иголкой, только серый и тусклый и без всяких надписей.

Кейра внимательно осмотрела ее и вдруг побледнела.

– Что с тобой?

– Ничего, – ответила она, но по выражению ее лица я понял, что она крайне встревожена. – Наверное, это какое-нибудь швейное приспособление, которое завалилось за подкладку.

Кейра прижала палец к губам, потом жестом приказала мне вырулить на обочину и остановиться как можно скорее.

По мере того как мы удалялись от пригородов Линьфэня, дорога, пролегающая вдоль склона горы, стала постепенно превращаться в узкую извилистую ленту. Поднявшись на высоту примерно трехсот метров, мы вырвались из-под ядовитой пелены, укрывавшей город, внезапно над нами появилось небо мутновато-голубого цвета.

За очередным поворотом я заметил небольшую площадку у обочины: здесь мы вполне могли остановиться. Кейра оставила значок на приборной доске, вышла из машины и сделала мне знак следовать за ней.

– Ты какая-то странная, – заметил я, подойдя к ней.

– Я-то ладно, а вот жучок в моей сумке – это действительно странно.

– В твоей сумке – кто?

– Это не швейное приспособление, это микрофон. Поверь, я знаю, что говорю.

Мой шпионский опыт был весьма скромен, и я с трудом верил тому, что она сказала.

– Сейчас мы вернемся к машине, ты внимательно осмотришь эту штуковину и сам во всем убедишься.

Так я и сделал. Кейра оказалась права: у меня в руках действительно был миниатюрный передатчик. Мы снова вышли из машины, стараясь держаться подальше от любопытных ушей.

– Как ты думаешь, – заговорила Кейра, – зачем мне в сумку подложили микрофон?

– Китайские власти жаждут побольше узнать об иностранцах, болтающихся по их территории. Может, так поступают со всеми туристами, въезжающими в страну? – предположил я.

– В Китай каждый год прибывает двадцать миллионов гостей. Ты полагаешь, это китайская национальная забава – подкладывать жучки в таких немыслимых количествах?

– Откуда мне знать? Может, они это делают выборочно, наугад?

– Или не наугад. Если бы все было, как ты говоришь, не мы первые обнаружили бы эту штуку, и пресса на Западе наверняка подняла бы шум.

– Может, они ввели такую практику совсем недавно?

Я сказал это, только чтобы ее успокоить, но, говоря по совести, сам я считал, что мы попали в странную, если не сказать неприятную, ситуацию. Я стал перебирать в памяти наши дорожные разговоры и не припомнил ничего, что могло бы поставить нас в затруднительное положение – разве только пространные рассуждения Кейры о грязи и вони в промышленных городах, которые мы проезжали, и о сомнительном качестве еды.

– Ну вот, мы нашли эту штуку, давай ее выбросим и спокойно поедем дальше, – предложил я.

– Нет, мы ее оставим. Достаточно просто говорить не то, что мы думаем, например, о том, куда мы собираемся ехать дальше, и так мы сумеем обмануть тех, кто за нами шпионит.

– А как же наши интимные разговоры?

– Эдриен, сейчас не время изображать добропорядочного англичанина. Вечером осмотрим твою сумку: если они пометили мою сумку, вряд ли они сделали исключение для тебя.

Я подбежал к машине, вывалил скудное содержимое моей сумки прямо в багажник, сгреб все вещи и швырнул их как можно дальше: какой-нибудь прохожий, может быть, найдет их и обрадуется. Потом сел за руль, схватил жучок и выкинул его в окно.

– А если мне захочется сказать тебе, что я обожаю твою грудь? Я против, чтобы какой-нибудь похотливый сотрудник китайской Штази получал от этого удовольствие!

Я завел мотор, не дав Кейре времени ответить.

– А ты и вправду хотел сказать мне, что обожаешь мою грудь?

– Именно так!

Следующие пятьдесят километров мы проехали в полном молчании.

– А если настанет день, когда мне отнимут одну грудь, а может, даже обе, тогда что?

– Тогда я буду балдеть от твоего пупка – я же не говорил, что обожаю только твою грудь!

Еще пятьдесят километров мы опять не проронили ни слова.

– А не мог бы ты составить список того, что ты во мне любишь больше всего? – вновь заговорила Кейра.

– Конечно, но чуть позже.

– А когда?

– Когда настанет подходящий момент.

– А когда он настанет, этот подходящий момент?

– Когда я составлю список того, что я люблю в тебе больше всего.

Уже стало темнеть, и я почувствовал, что на меня наваливается усталость. Навигатор показывал, что до Сианя осталось никак не меньше ста пятидесяти километров. Мои веки отяжелели, и я боролся с желанием закрыть глаза. Кейру сморил сон: прислонившись головой к стеклу, она спала как младенец. На повороте машину слегка занесло. Еще миг – и я бы в буквальном смысле пустил под откос нашу жизнь, а жизнью своей пассажирки я очень дорожил и не хотел подвергать ее риску. Что бы мы ни искали, это вполне могло подождать еще одну ночь. Я остановился на краю узкой дороги, пересекающей нашу, заглушил мотор и мигом уснул.

Лондон

Темно-синий «ягуар» пересек Вестминстерский мост, обогнул площадь у Парламента, проехал вдоль здания Государственного казначейства и повернул к Сент-Джеймсскому парку.

Сэр Эштон устроился на скамейке у озера, где утолял жажду пеликан. К нему подошел молодой человек и сел рядом.

– Какие новости? – спросил сэр Эштон.

– Они провели одну ночь в Пекине и теперь находятся в ста пятидесяти километрах от Сианя, куда, судя по всему, они и направляются. Когда я выходил из офиса, их машина уже два часа не двигалась с места: наверное, они спят.

– Сейчас у нас пять часов, значит, у них десять вечера, так что это вполне возможно. Вы узнали, что они собираются делать в Сиане?

– На данный момент нам это неизвестно. Они один или два раза упоминали о белой пирамиде.

– Тогда понятно, почему они отправились в эту провинцию. Только вряд ли они ее найдут.

– А о чем идет речь?

– О фантазии одного американского летчика. Наши спутники так и не обнаружили там эту пирамиду. Что еще вы можете мне сообщить?

– Китайцы потеряли два передатчика.

– То есть как потеряли?

– Передатчики перестали функционировать.

– Вы думаете, они их обнаружили?

– Это возможно, сэр, но наш человек в Китае полагает, что речь идет о технических неполадках. Надеюсь, завтра мы получим новую информацию.

– Вы возвращаетесь в контору?

– Совершенно верно, сэр.

– Отправьте Пекину сообщение от моего имени. Поблагодарите его и напомните, что необходимо соблюдать тишину. Он поймет. И еще: подготовьте все документы, чтобы я мог в любую минуту отправиться в Китай, если сочту это необходимым. Мы должны быть готовы.

– Мне отменить все ваши встречи на текущей неделе?

– Ни в коем случае!

Молодой человек попрощался с сэром Эштоном и удалился.

Позвонив своему дворецкому, сэр Эштон попросил собрать ему чемодан: положить туда вещи, которые могут понадобиться для двух-трехдневной поездки.

Провинция Шэньси

В стекло кто-то стучал. Я вздрогнул и проснулся: из темноты мне улыбался какой-то старик с узелком за плечом. Я опустил стекло. Старик прижал щеку к сложенным ладоням, и я понял, что он просит приютить его на ночь. Стоял страшный холод, странник весь дрожал, и я вдруг подумал об эфиопе, который пустил меня переночевать. Я открыл дверцу и сбросил наши вещи на пол. Человек благодарно кивнул и устроился на заднем сиденье машины. Он развязал узелок и предложил мне маленькие сухие лепешки, которые припас себе на ужин. Я взял одну лепешку, чтобы доставить ему удовольствие. Мы не могли поговорить, но обменялись взглядами, и этого было достаточно. Он протянул мне еще одну лепешку – для Кейры. Она крепко спала, и я положил угощение на приборную доску перед ней. Старик, судя по всему, очень обрадовался. Мы с ним сжевали наши лепешки, он вытянулся на сиденье и закрыл глаза. Я последовал его примеру.

Я проснулся раньше всех, едва только забрезжил рассвет. Кейра потянулась, и я жестом попросил ее не шуметь. Я указал ей на нашего гостя, который мирно почивал на заднем сиденье.

– Это кто? – шепотом спросила она.

– Не имею ни малейшего представления. Наверное, нищий, он оказался на дороге совсем один, а ночью было очень холодно.

– Ты правильно сделал, что пригласил его в комнату для гостей. А мы где?

– Нигде. Но точно знаю, что в ста пятидесяти километрах от Сианя.

– Хочу есть, – заявила Кейра.

Я показал ей на лепешку. Она схватила ее, понюхала, секунду поколебалась, потом мигом проглотила.

– Я все равно хочу есть, – пожаловалась она. – А еще хочу принять душ и как следует позавтракать.

– Сейчас еще слишком рано, но мы непременно найдем по дороге место, где сможем поесть.

Старик проснулся. Он расправил одежду и поздоровался с Кейрой, сложив ладони и наклонив голову. Она поприветствовала его точно так же.

– Ты идиот, это же буддийский монах, – объяснила она. – Наверное, он совершает паломничество.

Кейра попыталась поговорить с нашим гостем при помощи жестов. Потом повернулась ко мне, очень довольная, только я не мог взять в толк почему.

– Поехали, мы подвезем его.

– Ты хочешь сказать, что он сообщил тебе адрес, куда его везти, и ты сразу все поняла?

– Поезжай вверх вот по этой дороге и доверься мне.

Внедорожник кренился то в одну, то в другую сторону, мы поднимались к вершине холма. Вокруг было очень красиво, но Кейра, казалось, что-то высматривала вдалеке. На вершине дорога поворачивала и спускалась к небольшому леску из сосен и лиственниц. Когда мы выехали из леса, дорога кончилась. Старик жестом велел мне остановиться и выключить двигатель. Дальше нам предстояло идти пешком. В конце тропинки мы обнаружили ручей, и старик повел нас по берегу; мы прошли метров сто до брода и перебрались на другую сторону. Затем поднялись по склону следующего холма, и внезапно перед нашими глазами появилась крыша монастыря.

Нас встретили шесть монахов. Они склонились перед нашим проводником и пригласили нас следовать за ними.

Нас привели в просторный дом рядом с монастырем; внутри были комнаты с белыми стенами, без всякой мебели. Только несколько ковров прикрывали земляной пол. Нам принесли рис, чай и манту – что-то вроде клецек из пшеничной муки, варенных на пару.

Поставив перед нами еду, монахи удалились, оставив нас с Кейрой одних.

– Скажи, что мы здесь делаем? – спросил я ее.

– Мы же хотели позавтракать, разве нет?

– Я думал, мы поедим в ресторане, а не в монастыре, – шепнул ей я.

Наш проводник вошел в комнату. Он уже где-то оставил свои лохмотья и теперь предстал перед нами в длинном красном одеянии, подпоясанном шелковым кушаком с тонкой вышивкой. Шесть монахов, которые встречали нас, бесшумно проскользнули следом и уселись по-турецки на пол позади него.

– Спасибо, что проводили меня, – произнес он, поклонившись нам.

– Вы не говорили, что так хорошо знаете французский, – удивилась Кейра.

– Не припоминаю, что вообще что-то говорил вчера вечером и сегодня утром. Я совершил кругосветное путешествие и выучил ваш язык, – сказал он, обращаясь к Кейре. – Что вы ищете в этих краях? – спросил он у нас.

– Мы туристы, хотим осмотреть эту провинцию, – ответил я.

– Правда? Надо сказать, в провинции Шэньси можно увидеть множество чудес. В этих краях больше тысячи храмов. И время года благоприятствует туризму. Здесь очень холодные зимы. Снег, конечно, прекрасен, но из-за него возникают проблемы. Вы здесь желанные гости. Вам, наверное, хочется привести себя в порядок – комната, где можно помыться, в вашем распоряжении. А в соседней мои ученики постелили вам циновки, предлагаю вам отдохнуть и приятно провести день. В полдень вам подадут еду, а мы с вами встретимся немного позже. Сейчас я вынужден вас оставить, настало время обдумать путешествие и предаться медитации.

Старик удалился. Шесть монахов дружно поднялись и вышли за ним.

– Как ты думаешь, он их начальник? – спросил я у Кейры.

– По-моему, это неподходящее название, у буддистов иерархия строится по духовному, а не по административному принципу.

– А ночью на дороге я принял его за обычного нищего.

– Одно из основных правил этих монахов – не иметь ничего, кроме мыслей.

Мы с удовольствием помылись и пошли прогуляться по окрестностям монастыря. Это были дивные места, неподвластные времени и не тронутые цивилизацией, объятые покоем и негой; охваченные сладостными чувствами, мы устроили себе ложе любви у подножия старой ивы.

День склонялся к закату. Сгустились сумерки, и я показал Кейре звезды, зажегшиеся на небосклоне. К нам подошел наш монах и сел рядом.

– Итак, вы увлекаетесь астрономией, – заметил он.

– Как вы узнали?

– Это просто наблюдение. Когда смеркается, люди обычно смотрят на солнце, опускающееся за линию горизонта, а вы обращаете взор к небу. Астрономия – наука, всегда привлекавшая меня. Невозможно идти по пути мудрости, не задумываясь о величии Вселенной и тайнах бесконечности.

– Уж меня-то никак нельзя назвать мудрецом, но вы правы, я с детства задаю себе вопросы о Вселенной и бесконечности.

– Дитя – сама мудрость, – ответил монах. – Значит, теперь, когда вы стали взрослым, в вас осталось многое от того ребенка, каким вы были, и я счастлив, что вы до сих пор слышите его голос.

– Скажите, а где мы находимся? – спросила Кейра.

– В обители отшельников, уединенном месте, где вы обрели защиту.

– Но мы не подвергались опасности, – возразила Кейра.

– Я так и не говорил, – мягко поправил ее монах. – Однако, если вам что-то будет угрожать, здесь вы будете в безопасности – при условии соблюдения наших правил.

– Каких?

– Не беспокойтесь, у нас их немного, и все они очень простые. Например, подниматься до рассвета, возделывать землю, чтобы заслужить ту пищу, которую она нам дает, не посягать ни на какое живое существо, будь то животное или человек, – впрочем, мне кажется, что вы и так никогда бы этого не сделали. Ах да, чуть не забыл, еще одно – не лгать.

Монах повернулся к Кейре:

– Значит, ваш друг астроном. А вы чем занимаетесь?

– Я археолог.

– Археология и астрономия – поистине прекрасная встреча!

Я взглянул на Кейру: она слово за словом впитывала речи монаха.

– Вы открыли для себя что-то новое в этой туристической поездке?

– Мы не туристы, – выдохнула Кейра.

Я посмотрел на нее с осуждением.

– Ведь нам же сказали, здесь не принято врать! – воскликнула она и продолжала: – Мы скорее…

– Исследователи? – подсказал монах.

– Да, в некотором роде.

– И что же вы ищете?

– Белую пирамиду.

Монах рассмеялся.

– Что тут смешного? – сердито спросила Кейра.

– И вы нашли ее, вашу белую пирамиду? – осведомился монах, поглядывая на Кейру, и в глазах его все так же светились искорки смеха.

– Нет, нам надо добраться до Сианя: мы думаем, пирамида находится прямо перед нами, там, куда мы держим путь.

Монах снова расхохотался, еще веселее прежнего.

– Но что такого смешного я сказала?

– Я сомневаюсь, что вы найдете эту пирамиду в Сиане, однако в другом вы не ошибаетесь: она действительно находится прямо у вас на пути, перед вашими глазами, – произнес он, посмеиваясь.

– Мне кажется, он над нами издевается, – сказала Кейра, повернувшись ко мне. Она уже начинала злиться.

– Клянусь вам, это не так, – заверил ее монах.

– Тогда объясните, почему вас разбирает смех всякий раз, как я открываю рот.

– Прошу вас, не говорите моим ученикам, что я так веселился в вашем присутствии. Об остальном мы поговорим завтра. Мне пора уединиться для медитации. Мы встретимся на рассвете. Не опаздывайте.

Монах встал, поклонился нам и удалился. Пока он шел по дороге от дома к монастырю, по его вздрагивающим плечам мы видели, что он смеется.

***

Мы заснули как убитые. Кейра разбудила меня:

– Вставай, нам пора. Я слышу, как монахи ходят по двору – значит, скоро рассвет.

У входа в помещение, служившее нам спальней, уже стояли плошки с едой. Ученик жестами показал нам, что следует омыть руки

и лицо, прежде чем прикасаться к пище, которую для нас приготовили. Когда мы завершили утренний туалет, он предложил нам сесть и вкусить пищу с должным благоговением.

Мы вышли за стены обители и отправились к старой иве, где накануне нам было так хорошо. Монах уже ждал нас там.

– Надеюсь, ночью вас ничто не тревожило.

– Я спала как младенец, – ответила Кейра.

– Так вы ищете белую пирамиду? И что же вы знаете о ней?

– Судя по тем сведениям, которые мне удалось найти, она имеет высоту более трехсот метров, так что это самая высокая пирамида в мире.

– На самом деле она гораздо выше, – проговорил монах.

– Значит, она на самом деле существует? – с надеждой спросила Кейра.

Монах улыбнулся.

– Да, можно сказать, что она действительно существует.

– Где она находится?

– Как вы сами вчера сказали, она прямо перед вами.

– Простите, но я неважно разгадываю загадки. Может, вы дадите какую-нибудь подсказку, я была бы вам бесконечно признательна.

– Что вы видите на горизонте? – спросил монах.

– Горы.

– Это горный массив Куньлунь. Знаете, как называется самая высокая гора, та, которая стоит вон там, прямо перед вами?

– Нет, не знаю, – ответила Кейра.

– Хуашань. Правда, она очень красива? У нас пять священных гор, она – одна из них. Ее история очень поучительна. Более двух тысяч лет назад у подножия западного склона этой горы был построен таоистский храм. Там обосновались мудрецы, верившие в то, что на вершине этой горы живут боги, управляющие скрытыми мирами. У горы Хуашань пять пиков – восточный, западный, северный, южный и центральный. Скажите мне, как бы вы определили общую форму ее вершин?

– Пожалуй, как остроконечную, – ответила Кейра.

– Прошу вас, откройте глаза, еще раз внимательно посмотрите на Хуашань и подумайте хорошенько.

– Она напоминает треугольник, – неуверенно сказал я.

– Вы правы, так и есть. В начале декабря самая высокая вершина горы покрывается великолепной снежной пеленой. Когда-то это были вечные снега, но в наши дни они тают в конце весны и снова появляются только зимой. Мне жаль, что вы не сможете остаться здесь подольше и увидеть гору Хуашань в это время года: это зрелище столь прекрасно, что ему нет равных. А теперь последний вопрос: каков цвет снега?

– Белый… – пробормотала Кейра, которая начала понимать, к чему нас подводил монах.

– Ваша белая пирамида прямо у вас перед глазами. Надеюсь, теперь вы поняли, что меня так насмешило вчера?

– Нам совершенно необходимо попасть туда! – твердо заявила Кейра.

– Эта гора таит множество опасностей, – продолжал монах. – На каждом склоне имеется тропинка, выбитая прямо в стене. Это священная дорога, ведущая к вершине: она самая высокая не только из всех пиков горы Хуашань, но и из всех пяти священных гор Китая. Ее называют Облачным пиком или столпом.

– Вы сказали, столпом? – взволнованно спросила Кейра.

– Да, именно так называлась эта вершина в древние времена. Вы уверены, что действительно хотите туда отправиться? Путь по священной дороге очень опасен.

Стоило мне мельком взглянуть на Кейру, как я понял: мы отправимся покорять гору Хуашань, невзирая ни на что. Кейра была преисполнена решимости. Монах в мельчайших деталях описал, что нас ждет. Чтобы подняться на первый гребень, нам придется карабкаться по узеньким ступеням, вырубленным прямо в камне, длина этого отрезка пути – пятнадцать километров. Затем нам предстоит перебираться через пропасти по шатким мосткам – доскам, укрепленным на штырях, вбитых в скалу, и идти по узким карнизам над обрывами. Пройдя по священной дороге, добавил он, отважные и решительные, твердые в своей вере люди сумеют достичь Божественного храма, возведенного когда-то на северном пике горы, на высоте две тысячи шестьсот метров.

– Любой неверный шаг, любое отклонение в сторону может стоить вам жизни. Опасайтесь льда: даже в теплое время года он иногда попадается на верхних каменных ступенях. Постарайтесь не

поскользнуться, вряд ли вы найдете, за что зацепиться. И не пытайтесь спасти друг друга, если один из вас не удержится и начнет сползать вниз – вы оба погибнете, упав в пропасть.

Он нас предупредил, но даже не думал пугать. Он предложил нам надеть более подходящую одежду, а наши вещи оставить в монастыре. С нашей машиной, стоящей на опушке леса, ничего не случится, заверил он. Через пару часов мы сели в повозку, запряженную осликом. Ученик, правивший ею, довез нас до дороги. Там он остановил грузовичок, поговорил с водителем, и нам позволили сесть в кузов. Час спустя грузовичок затормозил на склоне горы. Водитель высадил нас и показал тропу посреди соснового леса.

Мы пошли через лес, и вскоре Кейра заметила вдалеке ступени, о которых говорил монах. Следующие три часа пути дались нам куда труднее, чем я предполагал. Чем выше мы карабкались, тем круче казались нам ступени, и это было не просто ощущение: склон становился все менее отлогим. Теперь мы уже не поднимались по лестнице, а ползли вверх по почти отвесной стене с вырубленными в ней небольшими выемками. И ни в коем случае нельзя было смотреть вниз, только двигаться вперед, ища глазами цель – вершину горы.

Первая часть восхождения закончилась, и мы достигли Ступеней в Рай. Они шли по самому гребню, гладкие и почти горизонтальные, и я понял, почему их так называли: стоило страннику поскользнуться на любой из них, и он немедленно попадал в рай.

Некоторое время спустя мы снова поползли в гору.

– Я не имела права, – произнесла Кейра, уцепившись за скалу.

– На что? – спросил я.

– Тащить тебя сюда. Надо было послушать монаха: ведь он предупреждал нас, что дорога очень опасна.

– Но ведь я его тоже не послушал. Однако сейчас не время это обсуждать, ты помнишь, он сказал нам, что малейшая оплошность может стоить нам жизни. Так что соберись.

Мы добрались до плато Цанлун. Здесь росли зонтичные сосны, но дальше, когда мы миновали узкий проход в скалах, ни одного дерева мы уже не увидели.

– У тебя есть хотя бы предположение, что мы тут ищем?

– Нет, но, когда настанет время, я это найду.

У нас болели все мышцы, я почти не чувствовал ног, трижды мы чуть не сорвались в пропасть и трижды каким-то чудом удержали равновесие. Солнце достигло зенита, когда мы вышли из прохода. Перед нами открылись два пути: один вел к западной вершине, другой – к северной. В отвесную стену были вбиты штыри, а к ним прикреплены доски – по этим ненадежным мосткам нам и предстояло продолжить восхождение. И не на что было надеяться, кроме как на цепкость рук.

– Пейзаж потрясающий, но все равно не смотри вниз! – взмолилась Кейра.

– Я и не собирался.

Когда мы начали этот этап нашего восхождения, я почувствовал, что над нами нависла настоящая опасность. Задул ветер, и нам пришлось то и дело сжиматься в комок, чтобы он не сбросил нас в пустоту. Сколько времени нам еще предстояло так провести? Я этого не знал, но не сомневался в одном: если погода ухудшится, нам не выбраться отсюда до наступления ночи.

– Ты хочешь повернуть назад? – спросила Кейра.

– Нет, только не сейчас. Кроме того, я ведь тебя знаю: завтра ты начнешь все снова, а я ни за что на свете не хочу еще раз проделать тот путь, который мы уже преодолели.

– Тогда подождем, пока ветер утихнет.

Кейра и я сидели, прижавшись друг к другу. Мы нашли временное пристанище в неглубокой расселине. Ветер налетал мощными порывами. Мы видели, как сосны вдалеке пригибаются к земле всякий раз, как на гору обрушивается шквал.

– Я уверена, что этот мерзкий ветер скоро уляжется, – заявила Кейра.

Я не мог себе представить, что здесь и завершится наш путь, что лондонские и парижские газеты в нескольких строках оповестят о гибели двух туристов, проявивших неосторожность и отправившихся прогуляться на гору Хуашань. А еще я вспомнил, как Уолтер говорил мне, что я очень неловкий, – я не стал бы на него сердиться, если бы он сейчас снова мне это сказал. У Кейры свело судорогой ноги, боль становилась невыносимой.

– Не могу больше сидеть на корточках, мне нужно встать, – проговорила она.

Прежде чем я успел понять, что происходит, она стала подниматься и поскользнулась. Она вскрикнула и сорвалась в пропасть. Я рванулся к ней – до сих пор не могу понять, как я не потерял равновесие. В последний миг я успел поймать ее за воротник куртки и тут же схватил за руку. Она висела в пустоте. Ветер, усилившись, немилосердно хлестал нас по лицу. Я до сих пор помню, как она прокричала:

– Эдриен, не бросай меня!

Я изо всех сил старался подтянуть ее повыше, но напрасно: ветер старался сбросить ее вниз. Она ухитрилась зацепиться за скалу. Лежа на узком карнизе, я тащил ее за одежду.

– Помоги мне хоть немного! – крикнул я. – Давай, оттолкнись ногами, черт побери!

Я понимал, насколько опасен этот маневр. Ей надо было набраться смелости и, отпустив одну руку, вцепиться в меня – иначе я не сумел бы вытащить ее.

Если боги скрытого мира существуют, они, наверное, услышали мольбу Кейры. Ветер вдруг утих.

Она разжала пальцы правой руки, качнулась в пустоте и вцепилась в меня. На сей раз я сумел втащить ее на мостки.

Целый час мы приходили в себя, стараясь успокоиться. Страх никуда не улетучился, но спускаться сейчас было еще опаснее, чем карабкаться дальше. Кейра очень медленно выпрямилась и помогла мне тоже подняться. При виде скалы, которую нам предстояло одолеть, нас объял ужас, еще больший, чем прежде. До чего ж я оказался глуп, не согласившись на предложение Кейры повернуть назад! Каким же надо быть безответственным, чтобы ввязаться в эту безумную авантюру! Наверное, Кейра подумала то же самое: она подняла голову и попыталась прикинуть расстояние до вершины горы. Там, судя по рассказу монаха, и находился загадочный храм, но до него еще было очень далеко. Металлические ступеньки, вбитые в вертикальную стену, уходили куда-то ввысь. Если бы железные скобы не были такими скользкими, если бы долина не простиралась в двух тысячах метров под нами, я бы охотно согласился, что перед нами обычная лестница, пусть и состоит она из пятисот ступеней в отвесной скале у нас над головой. До нашего спасения оставалось всего полторы сотни

метров. Главное – сохранить хладнокровие. Кейра попросила, чтобы я перечислил весь список того, что я в ней люблю.

– Сейчас самый подходящий момент, – сказала она. – Мы даже можем устроить обмен мнениями по этому поводу.

Хотел бы я найти на это силы, тем более что список был довольно длинный и его вполне хватило бы на весь оставшийся путь до проклятого храма, но я мог только следить, чтобы мои руки крепко цеплялись за железные скобы. Поэтому мы карабкались вверх в полном молчании.

Наши мучения, казалось, близились к концу. Оставалось только пройти по длинным мосткам шириной не более ступни.

Было уже почти шесть часов, вечерело, и я сказал Кейре, что, если через полчаса мы не увидим монастырь, нам придется поискать другое пристанище на ночь. Довольно нелепое заявление: мы ползли вдоль отвесной скалы, где и быть не могло никакого укромного места, ни позади нас, ни впереди.

Кейра наконец научилась справляться с головокружением. Ее движения сделались более плавными и более ловкими, чем у меня. Наверное, ей лучше удавалось подавлять страх.

Спустя некоторое время, преодолев вертикальную стену, мы обнаружили гребень, тянувшийся до самой вершины горы. Над долиной возвышалось небольшое плато, а на нем, словно сказочный замок, стоял монастырь с красной крышей.

Окончательно обессилев, Кейра рухнула на колени на пологом склоне под высокими соснами. Невероятно чистый и прозрачный воздух обжигал горло.

Храм был великолепен. На вырубленном в скале основании покоились стены высотой примерно в три этажа, фасад украшали шесть больших окон. Ко входу вела каменная лестница. В передней части узкого дворика стояла пагода, и свес ее кровли давал немного тени. Припомнив подробности нашего непростого восхождения, я изумился тому, каким чудом люди сумели возвести в этом недоступном месте такой дивный храм. Интересно, где мастера изготовили резные деревянные детали, обрамлявшие дверные и оконные проемы, – прямо на месте или там, внизу?

– Дошли, – проговорила Кейра со слезами на глазах.

– Да, мы дошли.

– Обернись и посмотри, – попросила она.

Я повернул голову и увидел скульптуру – странного каменного дракона с огромной пышной гривой.

– Это лев, – сказала Кейра. – Одинокий лев, а под его лапой… какой-то шар!

Кейра расплакалась, я обнял ее.

– О чем ты говоришь?

Она достала из кармана письмо, развернула его и прочла: «Лев спит на камне познания».

Мы подошли поближе к каменному изваянию. Кейра наклонилась, чтобы получше его рассмотреть. Она внимательно изучила сферу, на которую лев важно положил свою тяжелую лапу: он словно гордился тем, что ему доверили охранять каменный шар.

– Что-нибудь нашла?

– Тонкие бороздки по всей поверхности шара, больше ничего, но я, наверное, уже близка к разгадке. Проблема в том, что камень подвергся значительной эрозии.

Я наблюдал, как солнце садится за горизонт, нечего было и думать о возвращении в долину. Нам предстояло провести ночь здесь, на вершине. Храм, наверное, мог бы защитить нас от холода, но он стоял открытый всем ветрам, и я боялся, как бы за ночь мы не окоченели. Оставив Кейру у каменной сферы, поглотившей все ее внимание, я набрался смелости и пошел обратно к соснам, росшим на гребне горы. Собрав упавшие с деревьев сухие ветки и несколько шишек, источавших густой смолистый запах, я кое-как добрался до двора и стал разводить костер.

– Наверное, я слишком устала, – сказала Кейра, подойдя ко мне. – К тому же мне холодно, – добавила она, протягивая озябшие руки к первым слабеньким язычкам пламени. – А если ты скажешь мне, что у тебя найдется что-нибудь поесть, я немедленно выйду за тебя замуж!

Я всю дорогу бережно хранил сухие лепешки, которые монах сунул мне в карман, когда мы прощались. Немного помедлив, я дал одну лепешку Кейре.

Мы устроились на ночлег, найдя помещение, лучше всего защищенное от ветра. Нас так утомило опасное путешествие, что мы мигом уснули на полу как убитые.

С первыми проблесками рассвета нас разбудил пронзительный орлиный крик. За ночь мы превратились в куски замороженного мяса. В карманах у меня было пусто, как и у нас в желудках, к тому же нас начала донимать жажда. Обратный путь сулил ничуть не меньше опасностей, чем дорога к вершине, – пусть даже на сей раз нам не мешала сила тяготения. Кейра хотела приподнять лапу льва и отобрать у него каменный шар, чтобы получше изучить его на досуге. Однако зверь не желал расставаться со своим сокровищем.

От вчерашнего костра мало что осталось, и у нас не было хвороста, чтобы снова развести огонь. Не желая портить здешнюю красоту, я не стал покушаться на живые ветки сосен. Кейра, пристально осмотрев остывающее кострище, вдруг опустилась на колени и стала отгребать в сторону горячие угли.

– Помоги мне вытащить угольки, которые уже остыли, мне нужно несколько штук.

Она ухватила уголек, формой и размером напоминавший угольный карандаш, бегом кинулась ко льву и принялась зачернять поверхность шара, ревностно охраняемого каменным зверем. Я в недоумении смотрел на нее. В ее привычки не входил вандализм, как раз наоборот, она относилась к старинным памятникам очень бережно. Какая муха ее укусила, что она накинулась на старый камень и принялась его марать?

– Ты что, никогда не делал шпаргалок в школе? – спросила она, на секунду обернувшись.

Я не имел ни малейшего желания признаваться в детских шалостях, особенно учитывая обстоятельства нашей первой встречи.

– Если я правильно тебя понял, ты намерена во всем сознаться, – произнес я, входя в роль строгого преподавателя.

– И не подумаю, и вообще я не о себе говорила.

– Я не припомню, чтобы когда-нибудь жульничал. А если такое со мной и случалось, не жди, что я тебе в этом признаюсь.

– Ладно, однажды мы с тобой совершим обмен: я тебе – признание, ты мне – список того, что тебе больше всего во мне нравится. А сейчас возьми-ка уголек и иди сюда, поможешь мне покрасить камень.

– Что за игру ты затеяла?

По мере того как Кейра аккуратно обмазывала сажей поверхность камня, на нем проявлялись ровные, хорошо различимые бороздки. Это напомнило мне одну нашу школьную игру. На бумаге при помощи стрелки от компаса один выдавливал слова, потом другой брал мягкий карандаш и аккуратно заштриховывал листок, чтобы прочитать, что на нем написано.

– Смотри! – велела мне Кейра, крайне взволнованная.

На черном фоне проступили значки, линии и точки. Этот круглый камень представлял собой старинный астрономический прибор – армиллярную сферу. Она свидетельствовала о невероятных познаниях в астрономии тех людей, которые создали ее за много веков до нашей эры.

– Что это, по-твоему?

– Нечто вроде карты полушарий, только на ней представлена не Земля, а небо – другими словами, она изображает две части неба у нас над головой: ту полусферу, которая видна из Северного полушария, и ту, которая видна из Южного.

Находка Кейры привела меня в восторг, и мне хотелось объяснить ей все до малейших подробностей.

– Видишь, вон там большой круг, он обозначает место пересечения экватора и небесной сферы, и называют его небесным экватором. Он делит сферу на две половины – северную и южную. Можно спроецировать любую точку земного шара на небесную сферу, на ней можно отметить и местоположение любых звезд, включая Солнце.

Я показал ей два полярных круга, тропики, эклиптику, траекторию движения Солнца с изображениями созвездий зодиака, а еще – колюры равноденствий и солнцестояний.

– Когда Солнце пересекает небесный экватор, то есть в моменты равноденствия, ночь имеет ту же продолжительность, что и день. Другой круг, который ты видишь вон там, – это проекция траектории движения Солнца. Здесь звезда альфа Ursae minoris – Малой

Медведицы, – всем известная как Полярная звезда. Она располагается так близко к северному полюсу небесной сферы, что кажется, будто она неподвижно висит в небе. И вот тебе другой большой круг – небесный меридиан.

Небесная сфера была удивительно полно представлена на этом каменном шаре, и я признался Кейре, что ни разу в жизни не видел ничего подобного. Первые армиллярные сферы появились у греков в третьем веке до Рождества Христова, однако изображения на этом круглом камне явно относились к гораздо более древним временам.

Кейра вновь развернула письмо и стала копировать на обороте надписи, обнаруженные нами на сфере. Надо сказать, она чертовски здорово рисовала.

– Что это ты делаешь? – спросила она, оторвавшись от работы.

Я показал ей маленький одноразовый фотоаппарат, который я спрятал во внутренний карман, когда мы приехали в Китай. Неизвестно почему я так и не осмелился признаться Кейре, что хотел бы запечатлеть некоторые эпизоды нашего путешествия.

– Это что такое? – поинтересовалась она, прекрасно зная, что за предмет я держу в руках.

– Это идея моей матери… одноразовый фотоаппарат.

– При чем тут твоя мать? И давно он у тебя?

– Я купил его еще в Лондоне, перед самым отъездом. Что-то вроде элемента маскировки: где это видано, чтобы турист путешествовал без фотоаппарата?

– Ты уже им пользовался?

Я совсем не умею врать и тут же во всем сознаюсь, однако все же решил попробовать:

– Я тебя сфотографировал раза два или три: когда ты спала, когда тебе стало плохо и мы остановились на обочине и еще когда ты совсем не обращала на меня внимания, а это еще несколько снимков. И не делай такое лицо, я просто хотел, чтобы у меня остались воспоминания после этой поездки.

– Сколько кадров еще есть на пленке?

– На самом деле в первом я уже всю отщелкал, а это уже второй, и все кадры целы.

– И сколько у тебя этой одноразовой дряни?

– Штуки четыре… или пять.

Меня уже стал тяготить этот разговор, хотелось поскорее его закончить. Я подошел к каменному шару и стал фотографировать, отдельно снимая крупным планом каждую деталь.

Мы собрали достаточно материала, чтобы позднее обобщить всю информацию, которую дали нам изображения на камне. Воспользовавшись своим ремнем, я тщательно обмерил шар, чтобы потом, когда мы вернемся, точно установить масштаб. Собрав воедино Кейрины рисунки, мои фотографии и замеры, мы получим довольно точную копию каменной сферы, раз уж у нас нет возможности забрать с собой оригинал. Настала пора покинуть священную гору. Сверившись с положением Солнца, я прикинул, что время близилось к десяти утра, и даже если нам удастся без лишних проблем спуститься вниз, в монастырь мы попадем ближе к вечеру.

***

Мы доплелись до обители в полном изнеможении. Ученики приготовили все, в чем мы нуждались: теплую воду, чтобы помыться, жидкий суп, чтобы побороть обезвоживание, большие порции риса, чтобы восстановить силы. Наш монах в тот вечер к нам не пришел, ученики дали нам понять, что он медитирует и беспокоить его нельзя.

Мы увиделись с ним на следующее утро. Выглядели мы уже вполне прилично, только руки и ноги были в ссадинах, а на ладонях и ступнях вздулись волдыри.

– Вы довольны своим путешествием к белой пирамиде? – спросил монах, подходя к нам. – Вы нашли то, что искали?

Кейра вопросительно взглянула на меня, сомневаясь, можно ли доверять этому человеку. Накануне нашего восхождения он сообщил мне, что интересуется астрономией. Так что я не мог утаить от него наше потрясающее открытие. Вероятно, он сумел бы нам кое-что объяснить. Я сообщил ему, что мы нашли нечто совершенно невероятное, о чем и мечтать не могли. Судя по всему, я разжег его любопытство, однако без фотографий я вряд ли сумел бы внятно рассказать о том, что мы обнаружили на вершине. Мне нужно было

напечатать снимки, и тогда, возможно, не потребовалось бы никаких комментариев.

– Вы меня заинтриговали, – признался он. – Но я наберусь терпения, пока вы напечатаете фотографии, которые хотите мне показать. Мои ученики проводят вас до вашей машины. Поезжайте на восток, в шестидесяти двух километрах отсюда находится город Линбао. Это один из современных городов, которые выросли в последние годы, словно сорная трава, там вы найдете все, что вам нужно.

Нас на двуколке довезли до нашей машины. Два часа спустя после беседы с монахом мы уже добрались до центра города Линбао. На большой торговой улице мы обнаружили множество магазинов электроники, куда заходили и китайцы и туристы. Мы наугад выбрали один из них. Я отдал свой одноразовый аппарат одному из продавцов отдела фототехники, и через четверть часа, заплатив сто юаней, получил распечатанные снимки – все двадцать четыре кадра, отщелканные на вершине горы Хуашань, а заодно и флеш-карту с оцифрованными фотографиями.

– Что же ты не распечатал заодно и те снимки, где я сплю и где меня тошнит на краю дороги… чтобы потом поместить в альбом?

– Представь себе, я как-то об этом не подумал, – ответил я ехидно.

Мое внимание привлек непривычного вида аппарат: он состоял из экрана и клавиатуры и был снабжен всевозможными входами и разъемами, предназначенными для разного рода носителей, в том числе таких, как моя флешка. Бросив в отверстие несколько монет, человек мог отослать по электронной почте свои фотографии в любой уголок планеты. Поистине Азия опередила остальные части света в техническом совершенстве.

Я подозвал Кейру и в несколько минут отправил электронные послания двум моим друзьям – Эруэну в Чили и Мартину в Англию. Я попросил обоих внимательно изучить мои снимки, подумать, что они им напоминают, и, возможно, сделать предварительные выводы. У Кейры не нашлось фотографий, чтобы отослать их Жанне, поэтому она ограничилась коротеньким посланием, написав, что по-прежнему работает в долине Омо, что у нее все хорошо, но она скучает по своей старшей сестре.

Мы воспользовались тем, что оказались в большом городе, и накупили предметов первой необходимости. Кейре срочно понадобился шампунь, и мы битый час искали марку, которая бы ей подошла. Я не удержался и заметил, что тратить целый час на один-единственный шампунь – это многовато. В ответ она возразила, что, не тащи она меня за руку, мы бы до сих пор торчали в магазине электроники.

Нам изрядно надоели рис и лепешки, коими нас потчевали в монастыре, поэтому, завидев витрину фастфуда, мы не сумели устоять перед настоящими гамбургерами с плавленым сыром и картошкой фри. Пятьсот калорий порция, вздохнула Кейра, зато это пятьсот калорий чистого удовольствия.

Пообедав, мы сразу поехали обратно в монастырь. На сей раз монах не предавался медитации. Нам даже показалось, что он с нетерпением поджидал нас.

– Так где же ваши фотографии? – встретил он нас вопросом.

Я показал ему снимки и объяснил, как нам удалось разглядеть изображение небесной сферы, выбитое на древнем камне.

– Действительно, вы сделали впечатляющее открытие. А вы потом привели камень в прежнее состояние?

– Конечно, мы обтерли его листьями, которые, как и мы, были мокрыми от росы, – сообщила Кейра.

– Вы поступили мудро. Как получилось, что вы стали искать этого льва? – с любопытством спросил монах.

– Это долгая история. Такая же долгая, как наше путешествие.

– И каков же следующий его этап?

– Мы отправимся туда, где спрятан близнец вот этого предмета, – произнесла Кейра, показав монаху кулон, который носила на шее. – И мы думаем, что каменная сфера, обнаруженная нами на вершине горы, подскажет нам, как его искать. Каким образом? Пока не знаем, но, думаю, совсем скоро мы в этом разберемся.

– И каково же предназначение этого чудесного предмета? – спросил монах, рассматривая украшение Кейры.

– Это фрагмент карты звездного неба, которая была составлена задолго до того, как появились каменный лев и сфера, которую мы нашли.

Монах посмотрел нам прямо в глаза.

– Пойдемте со мной, – сурово проговорил он, уводя нас подальше от стен монастыря.

Мы пришли к большой иве, где уже однажды беседовали втроем, и он предложил нам сесть. Не согласимся ли мы, спросил он, в обмен на его гостеприимство, поведать ему эту долгую историю – ему кажется, она очень увлекательна. Мы сочли, что многим ему обязаны, а потому охотно удовлетворили его просьбу.

– Если я вас понял, – заключил он, выслушав наш рассказ, – то предмет, что вы носите на шее, – это фрагмент карты звездного неба, каким оно было четыреста миллионов лет назад. Согласитесь, это представляется невероятным. Вы говорите, что могут существовать и другие фрагменты этой карты, на нынешний момент неполной, и соединив их все, вы сумеете доказать ее подлинность.

– Совершенно верно.

– А вы уверены, что докажете только подлинность карты – и ничего более? Вы подумали об истинной подоплеке вашего открытия? О том, что вы поставите под сомнение веками устоявшиеся знания об этом мире?

Я заверил его, что у нас было достаточно времени, чтобы дать себе полный отчет о последствиях наших находок, однако, если нам удастся собрать воедино все фрагменты, это позволит нам узнать много нового о происхождении человечества и – кто знает? – возможно, самой Вселенной. Таким образом, мы сделаем важнейшее научное открытие.

– Вы в этом уверены? – снова спросил монах. – Вы не задавали себе вопрос: почему природа позаботилась о том, чтобы стереть из нашей памяти все воспоминания о младенчестве и раннем детстве? Почему мы ничего не помним о наших первых мгновениях на Земле?

Ни Кейра, ни я не смогли ответить на его вопросы.

– Имеете ли вы хотя бы смутное представление о том, какие трудности преодолевает душа, чтобы соединиться с телом и положить начало той форме жизни, которая всем нам хорошо знакома? Вы астроном, представляю себе, как вас увлекает возникновение Вселенной, ее первые мгновения, знаменитый «Большой бум», этот феноменальный энергетический взрыв, породивший материю. Думаете, первые мгновения человеческой жизни сильно от этого отличаются? Вам не кажется, что дело здесь только в масштабе?

Вселенная бесконечно велика, а мы бесконечно малы. А вдруг наши рождения – людей и Вселенной – во многом схожи? Почему человек всегда ищет в такой дали то, что находится так близко?

Может, сама природа решила стереть из памяти наши первые мгновения и таким образом защитить нас, запретив вспоминать о страданиях, которые мы терпим, получая в подарок жизнь? Может, она делает это для того, чтобы мы никогда не смогли выдать тайну первых минут? Я часто пытаюсь представить себе, во что могло бы превратиться человечество, если бы мы поняли суть этого процесса? Может, тогда человек возомнил бы себя богом? Разве что-либо удержит его от разрушения, если он будет знать, что сумеет в любой момент создать все заново? Станем ли мы уважать человеческую жизнь, проникнув в тайну ее творения?

Я не вправе просить вас, чтобы вы остановились и не продолжали более ваше путешествие, как не вправе и судить ваши поступки. Возможно, наша встреча не случайна. Вселенная, которая вас так вдохновляет, обладает некими безусловными свойствами, и мы, разумеется, имеем весьма смутное представление о том, что такое случай. Я попрошу вас об одном: поразмыслите во время долгого пути о том, что вы делаете. Путешествие свело вас вместе, а что, если это и есть первая цель, которой вы уже достигли? Так подумайте: может, не стоит продолжать, вдруг самое мудрое решение – просто остановиться?

Монах вернул нам фотографии. Он поднялся, попрощался с нами и пошел к монастырю.

На следующее утро мы снова отправились в Линбао. Мы еще накануне приметили одно интернет-кафе, где могли войти в Сеть и прочитать ответы на наши вчерашние письма. Кейра получила весточку от сестры, а я – от своих коллег: и Эруэн и Мартин просили им позвонить, и как можно быстрее.

Сначала я набрал номер Эруэна.

– Не знаю, чем ты занят на сей раз, – заявил он, – но ты меня по-настоящему заинтриговал. И я совсем не понимаю, почему вкалываю на тебя, не разгибая спины, притом что ты мне ничего не говоришь. Предполагаю, это оттого, что я твой друг. Исходя из всего этого заявляю: я жду тебя здесь, тебя вместе с твоими объяснениями. Кстати,

еще одно: ты покормишь меня в приличном ресторане в благодарность за две бессонные ночи, которые я по твоей милости провел за работой!

– Что ты узнал, Эруэн?

– Твоя небесная сфера имеет четко определенную ось. Я произвел триангуляцию, наложив соответствующие координаты, чтобы определить прямое восхождение и отклонение. Старик, я провел не один час, стараясь определить, какая звезда отмечена, однако ничего не нашел, ничего. Я заметил, что ты попросил также твоего друга Мартина попотеть над этой задачкой. Узнай, может, он сумел что-нибудь раскопать, а что касается меня, я в пролете.

Закончив разговор с Эруэном, я тут же позвонил Мартину. Он еще толком не проснулся, и я извинился, что поднял его с постели.

– Ну и загадку ты мне подсунул, старик! Но напрасно ты вздумал меня морочить, я на твою уловку не поддался.

Я счел за благо его не перебивать. Сердце мое колотилось все сильнее с каждой минутой.

– Конечно, у меня не было небесных координат, чтобы измерить угловые величины, и я стал размышлять, какую игру ты затеял. Это совершенный образец армиллярной сферы. Самый полный из тех, что мне доводилось видеть, да к тому же самый точный. Невероятно точный. Ладно, перейдем к делу. Я поразмыслил над тем, какая звезда на ней отмечена, и постепенно понял, в чем тут загвоздка. Эта сфера указывает нам точку не на небе, а на земле. Одна маленькая проблема: я ввел нынешние небесные координаты, и у меня получилось, что эта точка находится невесть где – посреди Андаманского моря, к югу от Бирмы.

– А не мог бы ты еще раз сделать расчеты, изменив небесные координаты таким образом, чтобы им было примерно три с половиной тысячи лет?

– Откуда взялась эта дата? – озадаченно спросил Мартин.

– Это возраст камня, на котором я обнаружил эти координаты.

– Мне предстоит пересчитать кучу параметров, попробую освободить подходящий компьютер, но я ничего тебе не обещаю, потерпи хотя бы до завтра.

Я поблагодарил моего друга за то, что он проделал ради меня такую огромную работу, и тут же перезвонил Эруэну, чтобы ввести его в курс дела и сообщить новые условия задачи, над которой уже бился

Мартин. Эруэн немного поворчал – такая уж у него была привычка, – потом пообещал на следующий день сообщить мне, если появится новая информация.

Я рассказал Кейре о том, как быстро продвигаются наши поиски. До сих пор помню, как мы оба радовались тогда, какое испытывали воодушевление, опьяненные самыми смелыми надеждами. Мы не вняли ни единому предостережению нашего монаха. Для нас существовала только наука и жажда открытий, которую мы хотели утолить.

– У меня нет ни малейшего желания возвращаться в наш монастырский пансион, – заявила мне Кейра. – Не потому, что мне неприятен наш хозяин, как раз наоборот, но его лекции о морали меня здорово утомили. Поскольку нам все равно ждать до завтра, может, сыграем в настоящих туристов? Хуанхэ совсем рядом, давай съездим на нее посмотреть, ты будешь меня фотографировать, даже когда я буду уделять тебе внимание, потому что, если ты найдешь укромный уголок, где можно искупаться, я намерена уделить тебе столько внимания, сколько тебе и не снилось.

В тот день мы купались голыми в реке. Кейра была счастлива, я тоже. Я забыл плато Атакама, Лондон и мой тихий квартал и дождь, падающий на крыши Примроуз-Хилл, я забыл Гидру, маму, тетю Элену, Калибаноса и его двухскоростных ослов. Я совершенно забыл о том, что мне уже, наверное, не преподавать в этом учебном году в Академии, – мне на все стало наплевать. Я обнимал Кейру, мы занимались любовью в светлых водах Желтой реки, и больше ничто не имело значения.

***

Мы не стали возвращаться в монастырь, решив найти гостиницу в Линбао. Кейра мечтала о хорошей ванне, а я – о хорошем ужине.

Вечер двух влюбленных в Линбао – вспоминая о нем, я и теперь улыбаюсь. Мы гуляли по улицам этого невероятного города. Кейра постоянно фотографировала. На берегу реки мы отсняли почти целую пленку. Кейра купила еще один фотоаппарат, чтобы запечатлеть улицы города. Она не хотела сразу проявлять снимки, это испортит нам

удовольствие, сказала она, лучше отложить просмотр фотографий до нашего возвращения в Лондон и приберечь на потом наши приятные воспоминания.

Когда мы сидели на террасе ресторана, Кейра снова попросила меня перечислить то, что мне в ней нравится. Я, в свою очередь, осведомился, не хочет ли она сказать мне, жульничала она или нет на том экзамене, когда мы встретились с ней в первый раз. Она отказалась, и я заявил, что в таком случае сохраню мой список в секрете.

Мягкая постель в номере гостиницы заставила нас забыть о жестких монастырских циновках. Но той ночью мы мало спали.

До Чили мы могли долететь за двенадцать часов. В Линбао было десять утра, на плато Атакама – десять вечера. Я набрал номер Эруэна.

На телескопе снова обнаружились неисправности, и я понимал, что звоню в самый разгар ремонтных работ. Тем не менее он ответил, сердито сообщив мне, что, пока я прохлаждаюсь в Китае, он лежит на узких металлических мостках и сражается с упрямой гайкой, которая не желает поддаваться. Тут в трубке послышался крик и следом – залп отборной брани. Он сильно порезал палец и страшно разозлился.

– Да сделал я тебе расчеты! – прорычал он. – Даже не знаю, зачем я так напрягаюсь, а потому предупреждаю: это в последний раз. Твои координаты действительно находятся в Андаманском море, но, когда я сделал корректировку, они переместились из воды на сушу. Тебе есть чем записать?

Я взял бумагу и трясущейся рукой стал черкать ручкой по листку, проверяя, пишет ли она.

– Тринадцать градусов двадцать шесть минут пятьдесят секунд северной широты, девяносто четыре градуса пятнадцать минут пятьдесят две секунды восточной долготы. Я проверил, это остров Наркондам, четыре на три километра, ни единого жителя. Что касается местоположения точки с этими координатами, то это жерло вулкана, так что тебе туда! Напоследок одна хорошая новость – вулкан этот потухший. А теперь мне пора работать, оставляю тебя с твоим рисом и китайскими палочками.

И не успел я сказать ему спасибо, как в трубке послышались гудки. Я посмотрел на часы: Мартин всегда работал допоздна, но меня

охватило такое нетерпение, что я все же решился и позвонил, зная, что разбужу его.

Он продиктовал мне те же координаты.

Кейра ждала меня в машине. Я пересказал ей мои телефонные разговоры. И когда она спросила, куда мы направляемся, я шутки ради ввел в автомобильный навигатор цифры, которые продиктовали мне Эруэн и Мартин: 13°26′ 50" с. ш., 94°15′ 52" в. д. – а потом сообщил ей, что наша следующая остановка находится к югу от Бирмы, на острове, который европейцы окрестили Адским колодцем.

От самой южной точки Бирмы до острова Наркондам нам предстояло плыть около десяти часов. Разложив карту, мы стали прикидывать маршрут, и тут выяснилось, что не все дороги ведут в Рангун. Тогда мы, решив с кем-нибудь посоветоваться, зашли в туристическое агентство; один из сотрудников говорил на вполне приличном английском.

За два часа мы доедем до Сианя, оттуда отправимся вечерним рейсом в Ханой, а там еще через день сможем сесть на самолет, курсирующий дважды в неделю между Ханоем и Рангуном. Когда попадем на юг Бирмы, найдем подходящее судно. Таким образом, мы достигнем цели через три-четыре дня.

– Неужели нет другого, более быстрого способа туда добраться? Может, попытать счастья в Пекине?

Сотрудник агентства не пропустил ни одного слова из нашего разговора. Он перегнулся через стойку и шепотом спросил, есть ли у нас иностранная валюта. За годы странствий у меня сложилась привычка держать в кармане некоторое количество наличных долларов. В мире много стран, где зеленые бумажки с портретом Бенджамина Франклина решают все или почти все проблемы. Парень сообщил, что у него есть приятель, бывший летчик-истребитель китайских ВВС, выкупивший у своего работодателя старый самолет ЛИ-2.

Он оказывал услуги туристам, испытывающим недостаток в острых ощущениях, – предлагал покатать их на этом видавшем виды самолете, русском аналоге Дугласа DC-3. На самом деле это невинное занятие служило прикрытием его основной деятельности: он занимался контрабандой.

В Южной Азии существует много нелегальных фирм, нанимающих на работу бывших летчиков, ушедших в отставку и получающих, по их мнению, слишком скудную пенсию. Под носом у таможенной службы Таиланда, Китая, Малайзии и Бирмы они перевозят крупные партии наркотиков, алкоголя, оружия и валюты. Конечно, их самолеты не соответствуют никаким нормам безопасности, но кого это волнует? Парень из агентства путешествий предложил нам все устроить. Его друг-летчик мог нас доставить в Порт-Блэр, столицу Андаманского и Никобарского архипелагов, а это значительно удобнее, чем тащиться в Рангун, а оттуда плыть десять часов неведомо на чем. От Порт-Блэра до нашего островка было всего семьдесят морских миль. В офис вошел посетитель, так что у нас появилось несколько минут, чтобы все обдумать.

– Мы чуть было не сгинули в горах, а теперь тебе захотелось рискнуть жизнью, сев в это ржавое летающее корыто? – спросил я у Кейры.

– Будем оптимистами и взглянем на все с положительной стороны: если мы не сломали себе шею, хотя висели над пропастью на высоте две с половиной тысячи метров, чем мы рискуем на борту самолета, даже совсем убитого?

Слова Кейры звучали слишком оптимистично, однако они были не лишены смысла. Путешествовать таким способом – дело опасное, тем более что мы ничего не знали о том, какого рода груз полетит вместе с нами и какова вероятность того, что нас перехватит береговая охрана Индии. Но мы могли – разумеется, при благоприятном стечении обстоятельств – уже совсем скоро очутиться на острове Наркондам, и это перевешивало все сомнения.

Клиент ушел, и в агентстве снова остались только мы с Кейрой и наш оборотистый парень. Я протянул ему задаток – двести долларов. Он не отрываясь смотрел на мои часы, из чего я заключил, что он с удовольствием получил бы их в качестве комиссионных за посредничество. Сняв часы со своей руки, я надел их на его запястье. Он был вне себя от радости. Я пообещал, что отдам его другу-летчику всю наличность, припрятанную в моем кармане, – половину сразу, а вторую – когда он доставит нас назад в целости и сохранности.

Итак, мы ударили по рукам. Он запер свою контору и вывел нас на улицу через подсобку. Его мотоцикл стоял во дворе, он сел за руль, Кейре велел устроиться у него за спиной; мне же остался лишь крохотный кусочек сиденья сзади да еще багажник, чтобы было за что цепляться. Мотоцикл оглушительно затрещал, дворик наполнился дымом, мы помчались прочь из города и через четверть часа уже на всех парах катили по сельской дороге. Маленький аэродром состоял из единственной грунтовой полосы и ангара, где мы увидели две крылатые развалюхи – наша была та, что побольше.

Нас встретил пилот, больше похожий на флибустьера. Ему бы играть в фильме «Канонерка»[18]. Выразительное, с резкими чертами лицо, шрам на щеке – ни дать ни взять пират южных морей. Наш странный парень из турфирмы поговорил с ним. Мужчина выслушал его не моргнув глазом, подошел ко мне и протянул руку за деньгами. Я отдал ему первую половину, он удовлетворенно кивнул и указал мне на десяток ящиков, стоявших в глубине ангара, знаками дав понять, что я должен помочь ему с погрузкой, если хочу поскорее отправиться в путь. Всякий раз, подавая ему очередную коробку, которую он ставил в заднюю часть кабины, я старался не думать о том, что за груз полетит вместе с нами.

Кейра устроилась в кресле второго пилота, а я – на месте штурмана. Став немного любезнее, наш пилот-флибустьер наклонился к Кейре и сказал на весьма приблизительном английском, что его самолет изготовлен после войны. Ни я, ни Кейра не решились спросить, какую войну он имел в виду.

Он велел нам пристегнуться; я извинился, что не могу выполнить его приказ: на своем кресле ремней я не нашел. Приборная доска зажглась и ожила – вернее, только несколько шкал, на остальных стрелки даже не дрогнули. Пилот потянул за рычаги, нажал на какие-то кнопки – вид у него был очень уверенный, – и два мотора фирмы «Пратт и Уитни» (название я прочел на корпусе) зарычали, выплюнув струю густого дыма и изрыгнув огонь. Медленно завертелись лопасти пропеллера, хвост самолета развернуло, и, скользя, словно по льду, аппарат вырулил на взлетную полосу. В кабине стоял адский шум, все тряслось и дребезжало. Я глядел в иллюминатор на парня из турагентства, который радостно махал нам обеими руками, и понимал: ни к кому и никогда я еще не испытывал такой ненависти, как к этому

типу. Самолет, разгоняясь, тряс нас, как грушу. Полоса заканчивалась с пугающей быстротой. Вдруг я почувствовал, как хвост задрался кверху и мы поднялись в воздух. Я уверен, что, взлетая, мы задели верхушки деревьев, но тем не менее каким-то чудом сумели набрать высоту.

Пилот объяснил нам, что мы полетим довольно низко, чтобы нас не могли засечь радары. Сообщая это, он улыбался, из чего я сделал вывод, что нам не о чем беспокоиться.

Целый час мы летели над равниной, и пилот немного поднимал самолет, заметив малейшие изменения рельефа. Два часа спустя мы добрались до северо-восточной части Юннаня. Пилот сменил курс и повернул к югу. Лучше было покинуть пределы Китая таким, более длинным, путем, держась рядом с лаосской границей: там воздушное пространство почти не контролировалось. Не могу сказать, что до сих пор наш полет проходил в идеальных условиях, однако, когда мы вошли в зону турбулентности над Меконгом, начались настоящие мучения. Приближаясь к реке, летчик спикировал почти к самой воде. Кейра пришла в восхищение. Не знаю, что ей так понравилось – может, красивый пейзаж за бортом. Я же в это время не отрываясь смотрел на альтиметр. Зачем я это делал, неизвестно, потому что, даже когда пилот изредка постукивал по циферблату, стрелка, судорожно дернувшись, неизменно падала к нулю. Мы летели над территорией Лаоса минут пятнадцать, потом пересекли границу и оказались в Бирме. Мое внимание привлекли еще два циферблата – показатели уровня топлива. Судя по тому, что я видел, наши баки на три четверти опустели. Я спросил у летчика, сколько, по его мнению, нам осталось лететь. Он гордо поднял два пальца и наполовину разогнул третий. Я прикинул количество топлива, израсходованного с момента взлета, и понял, что нам не хватит керосина на эти два с половиной часа и мы неминуемо рухнем вниз, не добравшись до цели. Когда я поделился с Кейрой своими соображениями, она в ответ лишь пожала плечами. Вокруг были только горы – и ни единого места, где мы могли бы сесть и заправиться топливом. Я напрочь забыл слова парня из турагентства, что прежде наш пилот служил в ВВС Китая и летал на истребителе. Проходя через узкое ущелье между горами, пилот так резко накренил самолет, что нас замутило. Моторы ревели, кабину немилосердно трясло. Скоро самолет выровнялся, и мы увидели прямо перед собой дорогу, идущую вдоль рисового поля. Кейра зажмурилась; самолет

нежно коснулся земли, немного пробежал вперед и остановился. Пилот выключил зажигание, отстегнулся и знаком приказал мне следовать за ним. Мы с ним пролезли в заднюю часть кабины, он расстегнул ремни, державшие две большие бочки, и дал мне понять, что нам надо подкатить их под крылья самолета. Ничего не скажешь, наш пилот проявлял чудеса изобретательности! Толкая свою бочку к правому крылу, я заметил, как на дороге показалась туча пыли. К нам приближались два джипа. Подъехав к самолету, они остановились, и из них вышли четверо. Они перекинулись несколькими словами с нашим пилотом, передали ему пачку денег – в какой валюте, я не успел разглядеть – и мигом вытащили из кабины ящики – гораздо быстрее, чем мы с ним их погрузили. Они исчезли так же, как появились: даже не кивнув нам и не попытавшись помочь с заправкой.

Топливо в баки мы залили при помощи маленького электрического насоса, процедура заняла не меньше получаса. Кейра воспользовалась этим, чтобы размять затекшие ноги. Мы поставили пустые бочки на место, чтобы заполнить их керосином на обратном пути, и вернулись на свои места. И снова двигатели извергли струи черного дыма и языки пламени, снова завертелись лопасти винта; самолет поднялся в воздух и пролетел через то самое узкое ущелье, где мы недавно чуть не спикировали носом в землю.

Мы миновали Бирму без приключений, на малой высоте, чтобы нас не засекли радары. Пилот дал нам понять, что скоро мы доберемся до побережья и увидим синие просторы Андаманского моря. Самолет взял курс на юг. Мы летели, почти задевая гребни волн: индийская береговая охрана была куда бдительнее бирманской. Кейра показала мне точку на горизонте. Пилот взглянул на экран прикрепленного ремнем к приборной доске портативного GPS-навигатора – более мощной и совершенной модели, чем те, что обычно устанавливали на автомобили.

– Земля! – прокричал пилот на всю кабину.

Мы снова изменили курс, обогнули остров с востока и на бреющем полете стали заходить на посадку; с первой же попытки самолет послушно приземлился посреди поля.

До Порт-Блэра было десять минут пешего хода. Летчик взял свои вещи и отправился с нами. Он знал одну маленькую гостиницу, где мы могли поселиться. На морскую прогулку нам отводилось время до

конца дня, чтобы отправиться в обратный путь на следующий день утром. Пилот настаивал на том, что необходимо пересечь китайскую границу в полдень: операторы радиолокаторов в это время обедают и не очень внимательно смотрят на экран.

Порт-Блэр

Устроившись на террасе кафе-мороженого и пригласив нашего пилота составить нам компанию, мы приходили в себя после утомительного перелета.

В двадцатые годы девятнадцатого века в тех местах, где позднее появился Порт-Блэр, бросали якорь корабли британского Королевского военного флота, доставлявшие солдат к месту боевых действий первой англо-бирманской войны. На экипажи судов часто нападали островитяне, не желавшие мириться с захватчиками. Когда британская колониальная империя начала распадаться и в Индии запылали мятежи, правительству Ее Величества королевы Виктории стало некуда девать осужденных – темницы были переполнены. Тогда над тем самым портом, где мы сейчас сидели, соорудили тюрьму. Сколько несправедливостей вытерпели местные жители от моих соотечественников, как настрадались они в этих казематах, где их держали годами! Пытки, жестокое обращение, виселица – такой удел был уготован узникам этого исправительного учреждения, а держали в нем в основном политических заключенных. Провозглашение Индией независимости положило конец этим мерзостям. Порт-Блэр в самом сердце Андаманского моря стал центром курортной жизни для многочисленных туристов. Перед нами сидели два малыша и с удовольствием уплетали мороженое, пока их мамаши разгуливали по магазинам в поисках шляпы или пляжного полотенца. Бросив взгляд на стены тюрьмы, по-прежнему возвышавшейся над портом, я подумал, что теперь, наверное, уже почти никто не помнит о людях, погибших здесь во имя свободы.

Когда мы покончили с едой, наш пилот помог нам найти лодку, чтобы доплыть до острова Наркондам. Лодочник предоставил нам один из своих быстроходных катеров. К счастью, он принимал кредитные карты. Кейра заметила, что к концу путешествия я неминуемо разорюсь, и она была права.

Прежде чем отчалить, я попросил нашего пилота одолжить мне навигатор: я объяснил, что не знаю здешних мест и боюсь, что компас, установленный на борту катера, мне не поможет. Моя просьба не вызвала восторга у летчика. Он сказал, что, если я потеряю прибор, мы не сумеем вернуться в Китай. Я пообещал, что сберегу навигатор даже ценой собственной жизни.

Погода стояла тихая, море было спокойное. Два мотора общей мощностью триста лошадиных сил стремительно несли наш катер, так что прошло не больше двух часов, и мы очутились на острове Наркондам.

Поначалу Кейра уселась на носу катера. Свесив ноги за борт, она наслаждалась солнцем и теплым ветром. Когда мы отошли на несколько миль от берега, море посуровело, и Кейра переползла ко мне. Я управлял нашим суденышком, которое храбро мчалось вперед, подпрыгивая на гребнях волн. Было часов шесть вечера, когда мы заметили неподалеку берег острова Наркондам, обогнули его и нашли маленькую бухточку, где мы могли вытащить катер на песчаный берег.

Кейра первой начала восхождение. От вершины вулкана нас отделяли семьсот метров склона, густо поросшего кустарником. Преодолеть их оказалось непросто. Я включил навигатор и ввел координаты, которые сообщили мне Эруэн и Мартин.

Лондон

13°26′ 50" с. ш., 94°15′ 52" в. д.

Сэр Эштон сложил листок бумаги, который передал ему помощник.

– Что это значит?

– Не знаю, сэр, должен признаться, мне это совершенно непонятно. Их автомобиль стоит на улице города Линбао, расположенного на севере Китая, но он не трогался с места начиная со вчерашнего утра. Они просто ввели эти координаты в бортовой GPS-навигатор, но я очень сомневаюсь, что они смогут добраться до указанного пункта на машине.

– Тогда зачем они это сделали?

– Потому что таковы координаты маленького острова в Андаманском море. Впрочем, даже на мощном внедорожнике туда явно не доехать.

– Что такого особенного в этом острове?

– Абсолютно ничего, сэр, это крохотный островок вулканического происхождения. Кроме нескольких птиц, на нем никто не живет.

– А вулкан действующий?

– Нет, сэр, за последние четыре тысячи лет ни одного извержения не наблюдалось.

– Так зачем же они уехали из Китая и отправились на этот богом забытый остров?

– Это еще точно не известно, сэр, мы навели справки во всех авиакомпаниях – они там не появлялись. Кроме того, судя по положению жучка, установленного в часах астрофизика, наши подопечные все еще находятся в центре Линбао.

Сэр Эштон встал, резко оттолкнув кресло:

– Шутка затянулась! Закажите мне билет на первый же рейс до Пекина. Пусть меня там встречают два человека с машиной. Давно пора положить конец этой игре, пока не стало слишком поздно.

Сэр Эштон достал из ящика стола чековую книжку и вытащил ручку из кармана пиджака:

– Покупая билет, вы расплатитесь своей кредиткой, а я вам потом возмещу его стоимость, выписав чек на нужную сумму. Я не хотел бы, чтобы кто-то знал, куда я направляюсь. Если мне назначат встречу, запишите сообщение и ответьте, что я захворал и решил поправить здоровье в загородном доме у друзей.

Остров Наркондам

Я подсчитал, что стемнеет примерно через четыре часа. Мне бы не хотелось выходить в море в кромешной тьме, так что времени у нас осталось немного. Кейра первой добралась до вершины.

– Давай скорей! – торопила меня она. – Посмотри, как здесь красиво.

Я поспешил к ней. Она не преувеличивала: растительность в кратере поражала великолепием.

Потревоженный тукан тяжело поднялся в воздух. Погрешность нашего навигатора составляла пять метров. Я посмотрел на экран: светящаяся точка мигала почти в самом центре экрана – мы находились совсем недалеко от цели.

Оглядев с высоты окрестный пейзаж, я внезапно понял, что здесь я могу обойтись без навигатора, который одолжил мне наш пилот. В самом центре кратера был хорошо заметен небольшой участок, где почти не росла трава.

Кейра ринулась туда. А я остался на месте: мне запретили подходить ближе.

Встав на колени, Кейра поскребла землю. Потом взяла острый камень, начертила квадрат и принялась копать; ее пальцы отгребали почву слой за слоем.

Прошел час; Кейра копала не останавливаясь. Рядом с ней вырос холмик земли. Она устала, по лбу струился пот, я хотел подменить ее, но она жестом велела мне не приближаться. И вдруг громко выкрикнула мое имя.

У нее в руках блестел невероятно гладкий и твердый камень неведомой породы, похожий на кусок эбенового дерева. Почти треугольная форма еще больше подчеркивала его глубокий темный цвет. Кейра сняла с шеи кулон и поднесла его к черному камню. Внезапно их притянуло друг к другу, и они слились в одно целое.

Стоило им соединиться, как они поменяли цвет: из эбеново-черного они стали темно-синими, как вечернее небо. Вдруг на их единой поверхности замерцали миллионы микроскопических точек – миллионы светил, сверкавших на звездном небе четыреста миллионов лет назад.

Держа на ладони этот дивный предмет, я ощутил его тепло. Точки искрились все ярче, и среди них особенно четко выделялась одна. Была ли то звезда первого дня, которую я упорно искал с самого детства, за которой пошел на край света и поднялся на горные вершины Атакамы?

Кейра аккуратно положила предмет на землю. Она крепко обняла меня и поцеловала. Солнце еще только склонялось к закату, а у наших ног мерцало самое прекрасное ночное небо, какое я когда-либо видел.

Вновь разделить фрагменты нам удалось с большим трудом. Мы изо всех сил тянули две половинки в разные стороны, но ничего у нас не вышло.

Прошло несколько минут, мерцание постепенно стало тускнеть и наконец погасло. На сей раз мы без усилий разъединили два фрагмента. Кейра надела на шею свой кулон, а я убрал второй предмет в карман.

Мы переглянулись, думая об одном и том же: что произойдет, если однажды нам удастся соединить все пять загадочных фрагментов?

Китай, Линбао

ЛИ-2 приземлился, пробежал по полосе и остановился рядом с ангаром. Пилот помог Кейре выбраться из кабины. Я отдал ему остаток долларов и поблагодарил за то, что он доставил нас обратно живыми и здоровыми. Наш знакомый из турагентства ожидал нас со своим мотоциклом. Он довез нас до нашей машины и спросил, понравилось ли нам путешествие. Я пообещал ему, что непременно порекомендую его агентство своим друзьям. Обрадованный, он изящно поклонился нам и вернулся к себе в контору.

– Ты сможешь вести машину? – спросила меня Кейра, зевая.

Я постеснялся ей сказать, что заснул в самолете еще на лаосской границе.

Уверенно повернув ключ в замке зажигания, я завел мотор, и мы поехали.

Нам надо было забрать вещи, оставленные в монастыре. Воспользовавшись случаем, мы хотели поблагодарить монаха за гостеприимство и попросить разрешения переночевать в обители. Утром мы собирались отправиться в Пекин, а оттуда как можно скорее вылететь в Лондон: нам не терпелось рассмотреть картину звездного неба, которую нам покажет второй фрагмент, когда мы направим на него лазерный луч. Какие созвездия мы увидим?

Пока мы катили вдоль берега Хуанхэ, я размышлял о тех истинах, что готов открыть нам этот странный предмет. У меня в голове возникли кое-какие идеи, но, прежде чем изложить их Кейре, я хотел добраться до Лондона и сам все проверить.

– Прямо завтра позвоню Уолтеру, – сказал я Кейре. – Он всполошится еще больше, чем мы.

– А мне надо подумать о том, как бы позвонить Жанне, – задумчиво произнесла она.

– Какой был самый долгий срок, когда ты ей не звонила?

– Три месяца, – смутившись, призналась Кейра.

За нами пристроился здоровенный седан. Его водитель мигал фарами, чтобы я пропустил его, но извилистая дорога была слишком узкой, с одной стороны вздымался крутой склон горы, с другой несла свои воды Желтая река. Я опустил стекло и сделал знак рукой, что пропущу его, как только смогу.

– Даже если долго не звонишь кому-нибудь, это не значит, что ты о нем не думаешь, – продолжала Кейра.

– Так почему бы все-таки не позвонить? – спросил я.

– Иногда расстояние мешает подобрать нужные слова.

Париж

Айвори очень нравилось раз в неделю ходить на рынок на площади Алигр. Он знал там каждого продавца: булочницу Анни, торговца сырами Марселя, мясника Этьена, владельца скобяной лавки месье Жерара, уже двадцать лет удивлявшего покупателей интересными новинками. Айвори любил Париж, любил остров посреди Сены, где находилась его квартира, и рынок на площади Алигр, напоминавший по форме перевернутую лодку.

Вернувшись домой, он поставил хозяйственную сумку на кухонный стол, аккуратно убрал свои немногочисленные покупки и пошел в гостиную, хрустя морковкой. Зазвонил телефон.

– Я хотел бы поделиться с вами крайне неприятной для меня информацией, – произнес Вакерс.

Айвори положил морковку на низкий столик и стал внимательно слушать своего шахматного партнера.

– Сегодня утром мы устроили совещание, потому что действия нашей ученой парочки привели всех в замешательство. Они находятся в Линбао, небольшом китайском городке, и никуда оттуда не выезжают уже несколько дней. Никто не понимает, зачем они туда приехали и что там делают, но они ввели в свой навигатор по меньшей мере странные координаты.

– И какие же? – осведомился Айвори.

– Координаты крошечного островка, ничем не примечательного. Расположен он в самой середине Андаманского моря.

– Наверное, на этом острове есть вулкан, – стараясь скрыть волнение, заметил Айвори.

– Да, есть, а откуда вам это известно?

Айвори не ответил.

– Так что вас тревожит, Вакерс? – поинтересовался он, немного помолчав.

– Сэр Эштон сказался больным, он не участвовал в совещании. Не одного меня это беспокоит, ни для кого не секрет, как враждебно он воспринял наше общее решение, принятое на заседании совета.

– У вас есть основания полагать, что он знает больше, чем все мы?

– У сэра Эштона в Китае много друзей, – заметил Вакерс.

– Итак, вы сказали – Линбао?

Айвори поблагодарил Вакерса за звонок. Он вышел на балкон и несколько минут стоял, опершись на перила и размышляя. С едой, которую он хотел приготовить, теперь придется подождать. Он пошел в комнату и уселся перед экраном компьютера. Заказал один билет на рейс до Пекина, вылетавший в семь часов вечера, и оттуда – машину до Сианя. Потом собрал сумку и вызвал такси.

Дорога на Сиань

– Тебе придется его пропустить, – заметила Кейра.

Я тоже так думал, но машина позади мчалась слишком быстро, и я при всем желании не успел бы затормозить, а посторониться и пропустить ее на полном ходу я бы не смог: дорога была слишком узкая. Нетерпеливому водителю ничего не оставалось, как немного подождать, так что я решил не обращать внимания на его гудки.

Дорога шла на подъем; когда мы выходили из поворота, мой преследователь приблизился ко мне вплотную, и я увидел в зеркале заднего вида, что решетка радиатора седана почти касается моего заднего бампера.

– Пристегнись, – приказал я Кейре. – Кончится тем, что этот придурок отправит нас в кювет!

– Притормози, Эдриен, я тебя умоляю!

– Как я могу притормозить, он же висит у нас на хвосте!

Кейра повернулась и посмотрела назад.

– Разве нормальные люди так ездят?

Наш внедорожник занесло. Покрышки взвизгнули, я каким-то чудом ухитрился выровнять машину и до упора выжал педаль газа, стараясь оторваться от этих психов.

– Ничего не выйдет, они к нам словно прилипли! Кстати, тип, сидящий за рулем, только что сделал мне неприличный знак.

– Хватит на них смотреть, лучше сиди спокойно! Ты пристегнута?

– Да.

А вот я забыл пристегнуться, но теперь уже не мог бросить руль.

Мы почувствовали сильный удар, и нас швырнуло вперед. Наши преследователи решили устроить автородео. Задние колеса внедорожника забуксовали, и дверца со стороны Кейры чиркнула о скалу. Она так сильно вцепилась в ручку, что ее пальцы побелели. Мы с горем пополам восстановили сцепление с дорогой, на каждом вираже машина теряла устойчивость. Новый мощный удар отбросил нас в сторону, и преследовавшая нас машина на секунду исчезла из моего поля зрения, однако едва я успел выровнять наш автомобиль, как снова увидел ее в зеркале прямо за нами. Мерзавец на седане опять нас догонял. Мой спидометр показывал семьдесят миль в час – скорость, на которой мне было не удержать машину на этой извилистой горной дороге. Я понял: следующий поворот нам не преодолеть.

– Тормози, Эдриен, прошу тебя!

После третьего, еще более мощного, удара правое крыло задело за скалу, фара разлетелась вдребезги. Кейру буквально вдавило в кресло. Внедорожник развернуло поперек дороги. Я увидел, как ограждение разлетелось на куски, когда мы пробили его. В какой-то миг мне показалось, что мы оторвались от земли и замерли в воздухе, а потом колеса провалились в пустоту. Перевернувшись первый раз, мы упали на крышу, и машина заскользила по склону к реке. Мы наткнулись на огромный валун и еще раз перевернулись, приземлившись на колеса. Крыша была продавлена, машина неумолимо съезжала в пропасть, и я не мог этому помешать. Мы с бешеной скоростью летели прямо на сосну, но машина непостижимым образом пронеслась мимо нее, и теперь уже никакая сила не сумела бы ее остановить. Мы выскочили на край обрыва, радиатор задрался кверху, машина пролетела в

воздухе, я услышал оглушительный всплеск и ощутил сильный толчок: внедорожник рухнул в воды Хуанхэ.

Я повернулся к Кейре и увидел у нее на лбу глубокую, сильно кровоточившую рану. Кейра была в сознании. Машину несло по течению, однако она не могла долго удержаться на плаву: вода уже стала просачиваться под капот.

– Нужно отсюда выбираться! – крикнул я.

– Меня зажало, Эдриен.

От удара пассажирское сиденье вылетело из пазов, добраться до замка ремня безопасности мы уже не могли. Я дергал ремень изо всех сил, но ничего не получалось. Наверное, я сломал ребра, потому что при каждом вздохе мою грудь пронзала невыносимая боль, я с трудом двигал руками, но вода поднималась, и мне нужно было освободить Кейру из этих страшных тисков.

Вода поднималась все быстрее, она уже заливала наши ноги, а бампер автомобиля постепенно исчезал под волнами.

– Уходи, Эдриен, уходи, пока не поздно.

Я повернулся, ища, чем разрезать проклятый ремень. От боли у меня темнело в глазах, я старался почти не дышать, но не сдавался. Я склонился к коленям Кейры и потянулся к бардачку. Она положила руку мне на затылок и стала нежно гладить по голове.

– Я не чувствую ног, тебе не вытащить меня отсюда, – прошептала она. – Иди же, тебе надо выбираться.

Я обхватил ее голову, и мы поцеловались. Никогда мне не забыть вкус того поцелуя.

Кейра взглянула на свой кулон и улыбнулась.

– Возьми его. Не зря же мы столько мучились, – сказала она.

Я не разрешил ей снять кулон с шеи, потому что не собирался покидать ее, я хотел остаться с ней.

– Мне так хотелось бы в последний раз увидеть Гарри.

Вода продолжала заливать кабину, течение медленно уносило нас все дальше.

– Тогда, в экзаменационной аудитории, я не жульничала, – призналась она. – Я просто хотела привлечь твое внимание, ты мне уже тогда очень нравился. Потом, в Лондоне, я, едва дотащившись до конца улицы, уже собиралась идти назад, и, если бы не подъехало такси, я вернулась бы к тебе в постель. Но я испугалась, испугалась

своей любви, потому что, ты же знаешь, я уже тогда была в тебя слишком сильно влюблена.

Мы сидели, крепко обнявшись. Машина погружалась в реку. Вскоре волны заслонили от нас дневной свет. Вода доходила нам до плеч. Кейра дрожала, страх пересилил печаль.

– Ты обещал мне список, надо поторопиться, говори.

– Я люблю тебя.

– Замечательный, очень полный список, лучше и быть не может.

Я останусь с тобой, любовь моя, я останусь с тобой до конца, и потом тоже. Я никогда не расставался с тобой и теперь не покину. Я целовал тебя, когда воды Желтой реки поглотили нас, и отдал тебе мой последний вздох. Я в последний раз глотнул воздуха и наполнил им твои легкие. Ты зажмурилась, когда вода залила наши лица. А я так и смотрел на тебя, пока не настал последний миг. И тогда я отправился искать ответы на мои детские вопросы в глубинах Вселенной, у самых дальних звезд, и ты тоже была там, рядом со мной. Ты улыбнулась, любовь моя, и крепко обхватила меня за плечи, и вся моя боль разом ушла. Потом твои объятия ослабели – это были мои последние секунды с тобой, мои последние воспоминания, любовь моя, теряя сознание, я потерял тебя.

Гидра

Я исписал страницы этой тетради здесь, на Гидре, сидя на террасе, откуда я часто смотрел на море.

Я пришел в себя в больнице города Сиань спустя пять суток после автокатастрофы. Мне сообщили, что спасли меня рыбаки: они заметили тонущий в реке внедорожник и вытащили меня полумертвого из машины. Внедорожник извлекли из воды, но тела Кейры так и не обнаружили. С тех пор прошло три месяца. И каждый день я все время думал о ней. Каждую ночь я чувствовал ее рядом с собой. Никогда еще я не испытывал таких страданий. Теперь моя мать ни о чем не тревожится, словно понимая, что уже ничего в нашей жизни не изменится: боль утраты заполнила все пространство нашего дома. По вечерам мы с ней ужинаем на этой самой террасе, где я пишу. Я пишу, потому что это единственный способ вернуть к жизни Кейру. Я пишу, потому что всякий раз, как я говорю о ней, я чувствую, что она рядом, словно моя собственная тень. Я больше не почувствую, как

пахнет ее кожа, когда она спит, прижавшись ко мне, не увижу, как она роется в земле, ища свои сокровища, больше не услышу, как она заливисто смеется, когда я совершаю очередную оплошность, как мурлычет от удовольствия, поглощая лакомства так жадно, словно у нее хотят их отнять. Но у меня остались тысячи воспоминаний о ней и тысячи воспоминаний о нас двоих. Стоит мне закрыть глаза, и она снова рядом со мной.

Время от времени к нам в гости заходит тетя Элена. Дом наш кажется заброшенным, соседи ведут себя сдержанно, не навязывая нам свое присутствие. Порой Калибанос появляется на дороге, идущей вдоль нашего сада, и заглядывает к нам; он говорит, что ему надо проведать своего осла, но я знаю, это неправда. Мы вместе садимся на скамейку и смотрим на море. Он тоже когда-то любил, только это было давно. Правда, его любимую женщину унесла болезнь, а не река в Китае. И все же у нас с ним общее горе, и, слушая, как он молчит, сидя рядом со мной, я понимаю: он по-прежнему ее любит.

Завтра ко мне приедет из Лондона Уолтер, он звонит мне каждую неделю с тех пор, как я здесь. Я не смог вернуться в Лондон. Ходить по улице, где все еще слышатся шаги Кейры, открывать дверь дома, а потом дверь комнаты, где мы с ней спали, – это выше моих сил. Кейра была права: самая незначительная деталь вызывает острую боль.

Кейра была ослепительно прекрасной, решительной, порой упрямой женщиной с неутолимой жаждой жизни. Она любила свое дело и уважала тех, кто с ней работал. Она обладала удивительным профессиональным чутьем и великим терпением. Она была мне другом, любовницей, женщиной, которую я любил. Я попытался вспомнить, сколько дней мы провели вместе, – оказалось, что их совсем немного, однако я знаю, мне хватит их, чтобы заполнить остаток жизни, только пусть время бежит быстрее.

Когда наступает ночь, я поднимаю взгляд к небу, но смотрю на него теперь по-другому. Может, в каком-нибудь отдаленном созвездии появилась новая звезда? Однажды я снова уеду на плато Атакама и при помощи огромного телескопа обнаружу ее. Где бы она ни находилась, я найду ее в бездонном пространстве небес и дам ей имя моей любимой.

Я составлю тот самый список, любовь моя, но сделаю это позднее, потому что на это мне понадобится целая жизнь.

Уолтер прибыл на пароме, причалившем в полдень. Я встретил его в порту. Мы обнялись и расплакались, как малые дети. Тетя Элена следила за нами с порога своего магазина, и, когда хозяин соседней кофейни спросил у нее, что это с нами такое, она в резкой форме посоветовала ему заниматься своими клиентами, даже если в кафе нет ни одного человека.

Уолтер еще помнил, как садиться на осла. По дороге он свалился с него всего дважды, причем в первый раз не по своей вине; когда мы приехали к нам, мама встретила его как второго сына, наконец вернувшегося домой. Думая, что я ее не слышу, она шепнула ему на ухо, что ему давно следовало сказать ей все как есть. Уолтер спросил, что именно она имеет в виду. Она пожала плечами и чуть слышно произнесла имя Кейры.

Уолтер все-таки очень забавный парень. Тетя Элена пришла с нами поужинать, и он так смешил ее все время, что даже я не выдержал и улыбнулся. И эта улыбка словно вернула к жизни мою мать. Она встала, сказав, что ей надо убрать со стола, и, проходя мимо, ласково погладила меня по щеке.

На следующее утро, впервые после смерти отца, она поведала мне о том, как ей тяжело. Она тоже еще не закончила свой список. А потом она обронила одну фразу, которую я не забуду до самой смерти: потерять того, кого любил, – это страшно, но еще страшнее так никогда его и не встретить.

***

Ночь укрыла Гидру. Тетя Элена спала в комнате для гостей, мама тоже ушла к себе. Я постелил Уолтеру на диване в гостиной. Мы сидели на террасе, попивая узо.

Он спросил, как мои дела, а я ответил, что мне лучше, чем могло бы быть. Ведь я жив. Уолтер сказал, что очень рад меня видеть. И сообщил, что привез мне посылку, пришедшую на адрес Академии и на мое имя. Отправили ее из Китая.

Это была картонная коробка, присланная из Линбао. В ней лежали вещи, оставленные нами в монастыре. Кейрин пуловер, ее щетка для волос и два конверта фотографий.

– Эдриен, там лежали два одноразовых фотоаппарата, и я взял на себя смелость напечатать снимки. Только не знаю, отдавать ли вам их сейчас, может, пока слишком рано.

Я открыл первый конверт. Кейра предупреждала меня: самая незначительная деталь вызывает сильную боль. Уолтер тактично удалился, оставив меня одного. Он лег спать. Я почти всю ночь провел над фотографиями – мы с Кейрой собирались посмотреть их вдвоем, когда вернемся в Лондон. Среди других снимков были и те, что мы сделали на берегу реки, когда купались в укромном уголке.

На следующее утро мы с Уолтером отправились в порт, и я прихватил с собой фотографии. На террасе кафе я их ему показал, подробно прокомментировав каждую. Теперь он знал всю историю наших с Кейрой странствий, от Пекина до острова Наркондам.

– Таким образом, вам удалось найти второй фрагмент.

– Третий, – поправил я. – Первым владеют убийцы Кейры.

– А может, катастрофу устроили не они, а совсем другие люди?

Я вытащил из кармана третий фрагмент и протянул его Уолтеру.

– Невероятно! – прошептал он. – Когда вы найдете в себе силы вернуться в Лондон, надо будет его изучить.

– Нет, это не имеет никакого смысла, все равно одного будет не хватать: он лежит на дне Желтой реки.

Уолтер взял конверт с фотографиями и принялся их внимательно разглядывать, одну за другой. Потом выложил на стол два снимка и указал мне на некоторые странности.

На обеих фотографиях Кейра купалась. Я узнал это место. На одной, заметил Уолтер, тень от деревьев, растущих на берегу реки, находится справа, а на другой – слева. На первой лицо Кейры невредимо, на второй через лоб идет глубокий рубец. Сердце у меня замерло.

– Вы ведь мне говорили, что машину снесло течением реки и что тело не нашли, так? Я, конечно, не хочу пробуждать у вас несбыточные надежды, это было бы слишком жестоко, но мне почему-то кажется,

что вам следовало бы как можно скорее поехать в Китай, – мягко проговорил Уолтер.

Тем же утром я собрал чемодан. Паром на Афины отплывал в полдень, и мы как раз на него успели. Я нашел рейс, вылетающий в Пекин вечером того же дня. Я отправлялся в Пекин, Уолтер возвращался в Лондон, мы покинули Афины в один и тот же час.

В аэропорту он взял с меня обещание позвонить сразу, как только я что-нибудь узнаю.

Когда мы прощались в коридоре, ведущем на посадку, он стал искать посадочный талон. Он порылся в одном кармане, потом в другом и вдруг посмотрел на меня как-то загадочно.

– Ой, чуть не забыл! – воскликнул он. – Вот, курьер доставил это для вас в Академию. Я определенно поменял профессию и теперь работаю почтальоном. Держите, будет что почитать в полете.

Он протянул мне запечатанный конверт, на котором значилось мое имя, и посоветовал мне бежать на посадку, а то я опоздаю на самолет.

Тетрадь вторая

Командир экипажа объявил, что можно отстегнуть ремни. Стюардесса толкала тележку по проходу, угощая пассажиров прохладительными напитками.

Я вытащил из кармана письмо, которое передал мне Уолтер, и распечатал конверт.

Дорогой Эдриен!

Нам не представилось возможности познакомиться получше, и я сожалею об этом, как и о той трагедии, которую Вы пережили в Китае. Я имел счастье общаться с Кейрой. Это была потрясающая женщина, и я могу себе представить, как велико Ваше горе. Вас спасли не рыбаки, а монахи, совершавшие омовение в водах реки в тот момент, когда Ваша машина рухнула с обрыва вниз. Вы спросите, откуда я это знаю. Вы, конечно, не можете этого помнить, Вы еще лежали без сознания, но я заходил проведать Вас в больнице. Именно я, как только позволило состояние Вашего здоровья, организовал Ваш отъезд из Китая. Почему? Потому что чувствую себя в некоторой степени ответственным за все, что с Вами приключилось. Я старик, который когда-то давным-давно отправился на поиски, как и Вы с Кейрой много лет спустя. Мне случалось по мере сил помогать Кейре, убеждать ее, что не следует отступать, и я подозреваю, что без нее Вы давно бы уже все бросили. Я знаю, она хотела бы, чтобы Вы продолжали искать. Это необходимо, Эдриен. Было бы несправедливо, если бы она напрасно пожертвовала жизнью. То, что Вы откроете, касается далеко не Вас одного, и я уверен, в результате Вы сумеете ответить на вопросы, которые задавали себе еще в детстве.

Я много лет вел исследования и однажды обнаружил еще один текст, возможно имеющий отношение к Вашим поискам. Речь идет о рукописи, доступной лишь немногим.

Если мне не удалось Вас убедить и Вы решите оставить все как есть, прошу Вас, не читайте второй листок моего письма. Ознакомившись с этим текстом, Вы подвергнете опасности свою жизнь. Я рассчитываю на Вашу честность, зная, что она безупречна.

Если же Вы примете иное решение, тогда читайте, я уверен, однажды Вам откроется смысл этого документа.

Жизнь иногда придумывает такое, на что не способны все люди, вместе взятые, иногда она даже дарит нам чудеса, ведь все возможно, когда в это веришь всем сердцем.

В добрый путь, Эдриен.

Искренне Ваш

Айвори.

Я открыл конверт с фотографиями и нашел ту, которая внушала мне безумную надежду, что Кейра еще жива.

И развернул второй листок письма Айвори.

Есть легенда о том, что младенец в утробе матери знает тайну сотворения Вселенной, происхождения мира и конца времен. Когда он появляется на свет, некий посланец, проходя мимо его колыбели, касается пальцем его уст, чтобы никогда он не мог выдать доверенную ему тайну – тайну жизни. Этот палец, приложенный к устам, навсегда лишает младенца памяти и оставляет отметину. Все, кроме меня, имеют посреди верхней губы эту отметину.

В тот день, когда я родился, посланец забыл прийти ко мне, а потому я помню все.

Сложив письмо Айвори, я припомнил тот разговор, что мы вели с Кейрой под звездным небом, когда однажды собрались в Корнуолл, но так туда и не поехали.

– Эдриен, ты никогда не задавал себе вопрос, откуда мы взялись? Ты никогда не мечтал узнать, появилась ли жизнь случайно или ее сотворил Бог? И в чем смысл нашей эволюции? А может, мы сами – лишь ступень развития иной цивилизации?

– А ты, Кейра, никогда не мечтала узнать, где начинается рассвет?

***

Рейс Афины – Лондон опаздывал больше чем на час. Наконец подали трап. Зазвонил чей-то телефон. Стюардесса сделала замечание

ответившему на вызов человеку, сидевшему в салоне первого класса, он пообещал говорить недолго.

– Как он повел себя, увидев фотографии?

– А как вы вели бы себя на его месте?

– Вы отдали ему письмо?

– Да, когда пришло время. Наверное, он его как раз сейчас читает.

– Я так и понял, поскольку он уехал. Я очень признателен вам, Уолтер, вы проделали блестящую работу.

– Всегда к вашим услугам, Айвори, для меня счастье работать с вами.

****

Эгейское море исчезло из виду, оставшись позади, и спустя десять часов я приземлился в Китае…

---

notes

Примечания

1

Тумай – самка Sahelanthropus tchadensis, сахелантропа, или прачеловека из Чада. Ardipithecus kadabba – ардипитек. Сахелантропы и ардипитеки, древнейшие гоминиды, жили примерно 5–7 млн лет назад. Их останки найдены на Африканском континенте. (Здесь и далее, кроме отмеченных случаев, – *прим. перев.*)

2

Люси была найдена 30 ноября 1974 года в Хадаре, на берегах реки Аваш. В проекте участвовало около тридцати эфиопских, американских и французских исследователей под руководством Дональда Джохансона, Мориса Тайеба и Ива Коппенса. Найденные останки получили имя «Люси», поскольку ученые целыми днями напевали тогда песенку «Битлз» «Lucy in the Sky with Diamonds». (*Прим автора*.)

3

Палеоген – первый период кайнозойской эры, начался 65 млн лет назад, закончился 24,6 млн лет назад.

4

Имеются в виду работы французского скульптора-анималиста Огюста Николя Кена (1822–1894).

5

MG (Morris Garages) Car Company (ныне MG Rover) – английская компания, выпускающая автомобили с 1910 года. Машины этой марки всегда отличались элегантным дизайном и спортивным характером.

6

Разумно (*англ*.).

7

Марка автомобилей, выпускавшаяся одноименной британской компанией, которая закрылась в 1976 году.

8

Гравитационная линза – массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, скопление галактик), искривляющая своим гравитационным полем направление излучения, подобно тому, как искривляет световой луч обычная линза.

9

По-нидерландски Ниуве-Керк значит «Новая церковь».

10

Таково название большого зала Королевского дворца. (*Прим. автора*.)

11

Поровну (*лат*.).

12

Ротко Марк (1903–1970) – американский художник, один из создателей живописи цветового поля.

13

Амелия Эрхарт (1897–1937) – американская летчица, первая женщина, перелетевшая через Атлантический океан.

14

Парк Астерикс – парк аттракционов, построенных по сюжетам комиксов о галлах и римлянах; расположен в 30 км от Парижа.

15

См.: Быт. 5.

16

По имени английского писателя, историка и археолога Джона Обри (1626–1697), который первым произвел научное обследование Стоунхенджа во второй половине XVII века.

17

Человеку свойственно ошибаться (*лат*.).

18

«Канонерка» (1966) – фильм знаменитого американского режиссера и продюсера, четырехкратного обладателя премии «Оскар» Роберта Уайза (1914–2005).